ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

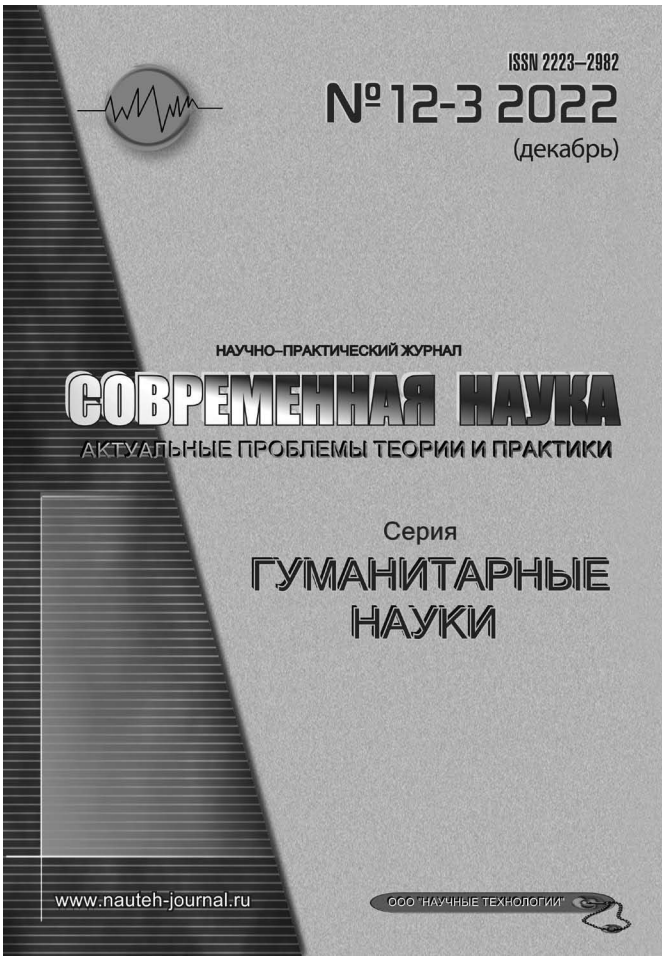
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№12–3 2022 (ДЕКАБРЬ)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.х, 5.8.х, 5.9.х)



Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 12-3 (декабрь) 2022 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 14.12.2022 г. Формат 84х108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982
9 7 7 2 2 2 3 2 9 8 2 3 6

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н.,, Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н.,, МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

История

Соловьёв С.Г. – О стандартизации ведомственного образования в МВД России в 2000-х гг.
Solovyov S. – On the standardization of departmental education in the Ministry of Internal Affairs of Russia in the 2000s. 7

Педагогика

Айдагулова А.Р., Тугузбаева О.В. – Формирование социально-личностной компетентности будущего специалиста в условиях информационного общества
Aidagulova A., Tuguzbayeva O. – Formation of social and personal competence of the future specialist in the conditions of the information society 14

Архипова С.В., Лазуткина О.Р. – Особенности связной речи старших дошкольников с общим недоразвитием речи
Arkhipova S., Lazutkina O. – Features of coherent speech of older preschoolers with general speech underdevelopment 17

Гамаюнова А.Н., Бобкова О.В. – Использование средств ИКТ при формировании звукового анализа и синтеза у дошкольников с фонетико-фонематическим недоразвитием речи
Gamajunova A., Bobkova O. – The use of ICT tools in the formation of sound analysis and synthesis in preschool children with phonetic-phonematic speech undevelopment 23

Золоткова Е.В., Борисова Я.А. – Актуальные практики преодоления дислексии у младших школьников
Zolotkova E., Borisova Ya. – Current practices for overcoming dyslexia in younger schoolchildren 28

Лаврентьева М.А., Золоткова Е.В., Гришина О.С. – Потенциал методического ресурса «карта визуализации» в повышении эффективности освоения теоретического материала обучающимися направления подготовки специальное (дефектологическое) образование
Lavrentieva M., Zolotkova E., Grishina O. – The potential of the methodological resource "visualization map" in improving the efficiency of mastering theoretical material by students of the training area of special (defectological) education 31

Мамиев М.Э. – История идентефикации нузальского храма
Mamiev M. – The history of the identification of the Nuzal Temple 37

Патов Н.А., Лельчицкий И.Д. – Давид Иосифович Фельдштейн (1929 – 2015) как личностный фактор в организации образования
Patov N., Lelchitsky I. – David Iosifovich Feldstein (1929 - 2015) as a personal factor in the organization of education 42

Скопа В.А. – Методические приемы разработки предметных компетенций учителя основ духовно-нравственной культуры народов России
Skopa V. – Methodological techniques for developing subject competencies of a teacher of the fundamentals of the spiritual and moral culture of the peoples of Russia 51

Сурков А.М., Суханова Е.Ю., Антипов О.В. – Специфика методики преподавания физической культуры в отечественных и зарубежных вузах: сравнительный аспект
Surkov A., Sukhanova E., Antipov O. – Specifics of the methodology of teaching physical culture in domestic and foreign universities: comparative aspect 55

Хайруллин Р.Р., Туманина Н.В. – Специфика физкультурно-оздоровительных практик, формирующих качество жизни студентов в формате современного вуза
Khairullin R., Tumanina N. – The specifics of physical culture and health practices that form the quality of life of students in the format a modern university 59

Филология

Абаева Ф.О. – О лексике войлочного ремесла осетин
Abaeva F. – On felting handicraft vocabulary of Ossetians. 64

Абдина Р.П. – К вопросу о номинации продуктов традиционных блюд в хакасском языке
Abdina R. – On the issue of the nomination of products of traditional dishes in the Khakass language 67

Асанова З.А. – Неоднословные лексические единицы с опорным компонентом къашлар 'брови'
Asanova Z. – Non-single-word lexical units with the support component khashlar 'eyebrows' 72

Беленов Н.В. – Флористическая лексика эрзянских говоров Самарского Заволжья: названия деревьев
Belenov N. – Floristic lexicon of Erzya-Mordovian dialects of the samara Trans-Volga region: names of trees 75

Беленов Н.В. – Топонимическое пространство эрзянского села Старый Маклауш Самарской области
Belenov N. – Toponymic area of the Erzya village "Stary Maklaush", Samara region 81

Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. – Особенности перевода слова «популярный» на китайский язык
Bogdanova N., Solntseva E. – Features of translation of the word "popular" into Chinese 86

Бритаева А.Б. – Витальность осетинской детской литературы в эпоху цифровизации
Britaeva A. – The Vitality of Ossetian children's literature in the era of digitalization. 90

Ван Жань – Контекстуальные особенности инаугурационного дискурса в РФ (на материале выступлений В.В. Путина)
Wang Ran – Contextual characteristics of the inaugural discourse in Russia (based on V.V. Putin's speeches). 95

Ван Синьюань – Перевод иностранных миссионеров в современном Китае
Wang Xinyuan – The translation of foreign missionaries in modern China 100

Волошинова Т.Ю. – Формирование образа «гуманитария» и «технаря» в русской классической литературе
Voloshinova T. – Formation of the image of a "humanitarian" and "technician" in Russian classical literature 103

Волошинова Т.Ю., Волошинова А.Д. – Форма и содержание художественного произведения в аппарате и оформлении изданий «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина
Voloshinova T., Voloshinova A. – The form and content of the artwork in the apparatus and design of the publications "Tales of tsar Saltan" by A.S. Pushkin. 106

Гуань Цзюньбо – Механизмы формирования идеологем
Guan Junbo – Formation mechanisms of ideologemes 111

Екимов М.А. – Аннотация как метатекст по отношению к основному тексту научной статьи
Ekimov M. – The abstract as the metatext regarding the body text of a research article 115

Закирова Е.С., Виноградова О.С., Медведева Е.П. – Историко-диахронный анализ развития терминосистемы международного воздушного права
Zakirova E., Vinogradova O., Medvedeva E. – Historical and diacronic analysis of international air law terminological system development. 124

Клюшина А.М. – Гипербола как средство выражения семантики крайности в художественном пространстве произведений Ф.М. Достоевского
Klyushina A. – Hyperbole as a means of expressing the semantics of extremes in the artistic space of F.M. Dostoevsky's works 130

Кобякова Н.Н. – Лингвокультурологический аспект изучения диалектной фразеологии (на примере фразеосемантической группы «речевое поведение человека»)
Kobyakova N. – Linguoculturological aspect of the study of dialect phraseology (on the example of the phraseosemantic group "human speech behavior") 135

Лаврищева Е.В., Львова А.Г., Аброськина Н.Б. – Урбанолекты немецкого языка: особенности функционирования и проблемы перевода
Lavristscheva E., Lvova A., Abroskina N. – Urbanolects of the German language: features of functioning and problems of translation 139

Лю Айхуа – Сравнительный анализ концептов «муж» и «жена» в русском и китайском языках
Liu Aihua – Comparative analysis of the concepts of "husband" and "wife" in Russian and Chinese . . .142

Лю Ичао – Лексика с семантикой вкусового восприятия и их роль в жанре путевой заметки (на материале журнала «путевые заметки»)
Liu Yichao – Vocabulary with the semantics of taste perception and their role in the genre of travel notes (on the material of the magazine "travel notes") . . .147

Ма Цзинян – К вопросу о снятии многозначности слов страшный / страшно, ужасный / ужасно в текстах художественной прозы Ф.М. Достоевского
Ma Jingyang – On the issue of removing the ambiguity of the words scary / scarily, terrible / terribly in the texts of artistic prose by F.M. Dostoevsky 153

Моргунова О.В. – О семантике слов общественный и социальный в публицистике конца 10-х гг. XXI в.
Morgunova O. – On the semantics of the words obshchestvennyy and sotsialnyy in the journalism of the late 10s of the XXI century 158

Пакус В.О. – Контрастная репрезентация экономической ситуации США в официальном и оппозиционном дискурсах в период экономического кризиса 2022 г.
Pakus V. – Contrasting representation of the USA economic situation in official and opposition discourses during the economic crisis of 2022. 167

Садовникова И.И. – Антонимы-прилагательные в эвенском языке
Sadovnikova I. – Antonyms are adjectives in the Even language 172

Самситова Л.Х. – Культурный концепт как общечеловеческая и культурно-национальная ценность
Samsitova L. – Cultural concept as a universal and cultural and national value 175

Самсонова Е.М. – Редуплицированные конструкции с деепричастием на -ан в якутском языке
Samsonova E. – Reduplicated constructions with the adverbial participles, ending with –an in the Yakut language 181

Сатцаев Э.Б. – Кавказский языковой союз: реальность или гипотеза?
Sattsaev E. – Caucasian language union: reality or hypothesis? 185

Файзуллина Н.И., Сюй Жун – Антропоморфная метафора в русской народной загадке
Fayzullina N., Xu Rong – Anthropomorphic metaphor in the Russian folk riddle 191

Хлебус М.А. – Экзистенциальная хронософия в современном романе: М.М. Голубков «Миусская площадь», А.М. Терехов «Каменный мост»
Khlebus M. – Existential chronosophy in the modern novel: M. Golubkov "Miusskaya square", A. Terekhov "Stone bridge" 195

Чжао Нань – Градуальное значение в русских паремиях с именами числительными
Zhao Nan – Gradual value in Russian paremia with numbers. 200

Чистякова Л.А. – История и современность в немецком историческом романе 30-40-х годов 20 века
Chistyakova L. – History and modernity in the German historical novel of the 1930s and 1940s 203

Информация

Наши авторы. Our Authors. 206
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 208

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.35

О СТАНДАРТИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МВД РОССИИ В 2000-Х ГГ.

Соловьёв Сергей Геннадьевич
Главное управление МВД России по Новосибирской области, г. Новосибирск
maestro30rus@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена историческому обоснованию стандартизации ведомственного образования в новейшей истории России. Автор задается вопросом: на чём основывались взгляды ведомственных ученых и практиков органов внутренних дел относительно применения федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования МВД России в 2000-х гг.: а) на противоречиях, связанных с целесообразностью их применения, или б) предметной формализации? Являлась ли государственная «образовательная планка» больше средством сближения теории и практики правоохранительной деятельности органов внутренних дел, консолидации общества внутри и вокруг образовательного пространства, чем инструментом «болонизации», нацеленной на евроинтеграцию российского рынка образовательных услуг? ***Цель*** статьи состоит в установлении закономерностей, процессов, явлений, связанных с феноменом стандартизации профессиональной подготовки кадров МВД в 2000-2011 гг. ***Материалы и методы.*** В исторических источниках, содержащих упоминания о практике внедрения стандартов в образовательный процесс МВД постсоветской России условно можно выделить: делопроизводственные документы Министерства образования и науки РФ, МВД России, официальную юридическую статистику, справочно-информационные материалы, научные статьи и монографии, переписку органов государственной власти, Интернет-ресурсы и др. Резонно отметить, что особенностью изучения исторических источников, характеризующих генезис государственной социальной планки в ведомственной образовательной среде, являлось то, что часть из них сравнительно недавно стала доступна исследовательским кругам ввиду существовавших ранее запретов и ограничений относительно их использования. В качестве методов исследования использованы: историческая хронология, типология, сравнительно-исторический метод и контент-анализ. За основу применения количественных методов в исторических исследованиях взят опыт исследовательской деятельности видных ученых-историков: И.Д. Ковальченко, Б.Н. Миронова, В.Н. Владимирова. ***Результаты исследования.*** Установлено, что значительная часть ученых и практиков в МВД России поддерживала взятый руководством страны курс на централизацию образования, при этом экспертные оценки феномена стандартизации образования разнились лишь в способах и методах ее практической реализации. ***Обсуждение и заключение.*** Исследование политики РФ в области стандартизации ведомственного образования, подкрепленное статистическими наблюдениями общественного мнения по результатам анализа публикаций ведомственных ученых и практиков, позволяет оценить влияние результатов централизаторских реформ в сфере образования на вопросы профессионализации кадров МВД России в начале XX в. В свою очередь, являясь дискуссионной, тема разработки и применения государственных образовательных стандартов и ее научное обсуждение способствуют выработке оптимальных инструментов государственной образовательной политики в современных исторических условиях. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейшего комплексного изучения вопросов стандартизации ведомственного образования с привлечением различных исследовательских групп, применением классической и современной методологии и источниковой базы.

ON THE STANDARDIZATION OF DEPARTMENTAL EDUCATION IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE 2000S.

S. Solovyov

Summary: The article is devoted to the historical justification of the standardization of departmental education in the modern history of Russia. The author asks the question: what were the views of departmental scientists and practitioners of internal affairs bodies based on regarding the application of federal state educational standards of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the 2000s: a) on the contradictions associated with the expediency of their application, or b) the subject formalization of standards? Was the state "educational bar" more a means of bringing together the theory and practice of law enforcement activities of internal affairs bodies, consolidating society inside and around the educational space, than an instrument of "bolonization" aimed at the European integration of the Russian educational services market? **The purpose** of the article is to establish patterns, processes, phenomena and trends related to the phenomenon of standardization of professional training of the Ministry of Internal Affairs in 2000-2011. **Materials and methods.** In historical sources containing references to the practice of introducing standards into the educational process of the Ministry of Internal Affairs of post-Soviet Russia, one can conditionally distinguish: office documents of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, official legal statistics, reference and information materials, scientific articles and monographs, correspondence of state authorities, Internet resources, etc. It is reasonable to note that the peculiarity of the study of historical sources characterizing the genesis of the state social bar in the departmental educational environment was that some of them relatively recently became available to research circles due to the previously existing prohibitions and restrictions on their use. The following research methods were used: historical chronology, typology, comparative historical method and content analysis. The use of quantitative methods in historical research is based on the experience of the research activities of prominent historical scientists: I.D. Kovalchenko, B.N. Mironova, V.N. Vladimirova. **The results of the study.** It is established that a significant part of scientists and practitioners in the Ministry of Internal Affairs of Russia supported the policy of centralization of education taken by the country's leadership, while expert assessments of the phenomenon of standardization of education differed only in the ways and methods of its practical implementation. **Discussion and conclusion.** The study of the policy of the Russian Federation in the field of standardization of departmental education, supported by statistical observations of public opinion based on the results of the analysis of publications of departmental scientists and practitioners, allows us to assess the impact of the results of centralizing reforms in the field of

education on the issues of professionalization of the personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the early XX century. In turn, being a debatable topic, the topic of the development and application of state educational standards and its scientific discussion contribute to the development of optimal instruments of state educational policy in modern historical conditions. The results of the conducted research can be used for further comprehensive study of the issues of standardization of departmental education with the involvement of various research groups, the use of classical and modern methodology and source base.

Keywords: standardization, state educational standards, Ministry of Internal Affairs, personnel policy, professional training, internal affairs bodies, police.

Gratitude: the author expresses gratitude for the help and participation in the preparation of this article to the Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police Colonel Suverov Evgeny Vasilyevich.

Ключевые слова: стандартизация, государственные образовательные стандарты, Министерство внутренних дел, кадровая политика, профессиональная подготовка, органы внутренних дел, милиция.

Благодарность: автор выражает благодарность за помощь и участие в подготовке данной статьи доктору исторических наук, профессору кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, полковнику полиции
Суверову Евгению Васильевичу.

Стандартизация образовательного процесса в МВД России имела разные отклики в профессиональной среде. В этой связи, исследовательский интерес представляет изучение предпосылок введения федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования МВД России в 2000-х гг. на основе анализа мнений ученых и практиков по данной научной проблеме.

В 2000-х гг. руководством страны принимались активные меры по стабилизации российской экономики, темпы развития которой, не в последнюю очередь, зависели от становления системы образования. Россия стояла у истоков формирования «национальной квалификационной рамки», которая должна была обеспечить эффективную занятость населения по востребованным профессиям. Последовавшая за этим стандартизация образования в МВД включала установление единых подходов к управлению структурой и содержанием обучения в 3-х поколениях образовательных стандартов, первое из которых вышло в свет в 2001 г. и представляло собой стандарт высшего профессионального образования по специальности 031001 «Правоохранительная деятельность» (с присвоением квалификации – юрист, специализация «Административная деятельность ОВД») [10].

По мнению доктора юридических наук, профессора В.Я. Кикотя, введение в 2001 г. стандарта являлось важным достижением в области профилизации содержания образования в МВД России. Предназначенный для под¬готовки оперативных работников криминальной милиции и сотрудников службы общественной безопасности стандарт получил положительные отзывы, в связи с небольшим периодом вхож¬дения выпускников в деятельность после учебы [Кикоть В.Я.; 5, с. 111].

К 2004 г. было сформировано второе поколение образовательных стандартов по учебным специальностям: 021100 «Юриспруденция», 023100 «Правоохранительная деятельность», 350600 «Судебная экспертиза», 200700 «Радиотехника», 075600 «Информационная безопасность телекоммуникационных систем», 061000 «Государственное и муниципальное управление» и др. [14].

Далее, по заданию Минобрнауки России, на базе Московского университета МВД России были разработаны – 7 государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового (третьего) поколения и 1 стандарта среднего профессионального образования по следующим специальностям: «Правоохранительная деятельность» – подготовка сотрудников оперативных подразделений полиции и сотрудников службы охраны общественного порядка; «Правовое обеспечение национальной безопасности» – обучение сотрудников службы предварительного следствия и дознания, юрисконсультов, специалистов в сфере международного взаимодействия органов внутренних дел; «Психология служебной деятельности» – обучение психологов ОВД; «Педагогика и психология девиантного поведения» – обучение будущих инспекторов по делам несовершеннолетних; «Экономическая безопасность» – обучение оперуполномоченных по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями, а также специалистов в сфере проведения судеб-

но-экономических экспертиз контрольно-ревизионных и финансово-экономических служб ОВД; «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере» – обучение оперуполномоченных по борьбе с киберпреступностью; «Судебная экспертиза» – обучение персонала экспертно-криминалистической службы [9; с. 18-19]. Разработка новых стандартов получила высокую оценку руководства МВД. За вклад в развитие ведомственной стандартизации Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя был удостоен премии МВД «За наиболее талантливые научные труды, получившие общественное признание и внесшие значительный вклад в решение задач, возложенных на МВД» [Брычев; 4].

Принимая во внимание полидисциплинарный характер темы стандартизации ведомственного образования, находящихся на стыке истории, педагогики, социологии, политологии и юриспруденции, наряду с историческими источниками автором были приняты во внимание мнения ученых и практиков различных сообществ. На основе анализа ведомственной периодики («Вестник кадровой политики МВД России», «Вестник МОСУ», «Вестник ВИПК», Вестник ВНИИ», «Вестник СПбУ», «Труды Академии МВД России», «Вестник КрУ» и Интернет-ресурсы) из 8513 публикаций профессорско-преподавательского состава вузов МВД России, а также руководителей и специалистов Центрального аппарата, сотрудников органов и подразделений МВД России, посвященных теме исследования и находившихся в открытом доступе, для репрезентативности выборки автором было использовано – 85 статей (1%). В качестве основного метода исследования был использован контент-анализ.

Поворотным моментом в отечественной ведомственной периодике, посвященной проблемам стандартизации образования в МВД России, является 2011 г., связанный с реформированием МВД, вступлением в силу Закона № 3-ФЗ «О полиции», сокращением штата милиции на 22%, оптимизацией вузов МВД, повышением зарплат сотрудникам. В этой связи, автором предложена периодизация, разделившая развитие мировоззрение ученых и практиков ведомственного образовательного сообщества относительно стандартизации подготовки кадров в МВД (2000-2011 гг.) на два этапа: до реформы милиции и после. Изучение обсуждаемых в материалах ведомственной публицистики тем позволил условно разделить ключевые проблемы, решаемые в процессе стандартизации образовательного процесса в МВД 2000-х гг. на четыре факторные группы: «абитуриенты», «выпускники», «педагоги» и «работодатели», ставшие смысловыми единицами последующего анализа. Далее, систематизация сведений о количестве и соотношении суждений авторов по ключевым вопросам, и их последующая интерпретация позволили сформулировать тенденции в коллективных взглядах ученых и практиков об объекте исследования.

Абитуриенты и выпускники

Мнения ведомственной вузовской интеллигенции в дореформенный период, в основном, имели сдержанные оценки, тем не менее, ученые и практики, не без основательно, выражали солидарность, характеризуя плохое здоровье, а также слабый общеобразовательный уровень кандидатов на поступление в вузы МВД РФ. Наличие недостатков по данному вопросу высказали 62,5% респондентов (авторов-практиков), и у данной позиции были свои причины. После распада СССР система ранней профориентации молодежи пришла в упадок. Детские, юношеские организации, спортивные клубы, осуществлявшие функции воспитания физически здорового полноценного подрастающего поколения в духе патриотизма, национальной идеи привития высоких нравственных ценностей, утратили былой потенциал. Прошли годы, прежде, чем возрождение традиций подготовки молодежи к труду и обороне пробрело необходимый уровень, как следствие, в исследуемый период к уровню подготовленности кандидатов на обучение в вузах МВД и мотивам их поступления в МВД России, не без обоснования, было много вопросов.

К указанному добавились проблемы низкой адаптации выпускников вузов к условиям правоохранительной деятельности по окончании обучения, о чем также высказались ученые-практики (50,0%). По мнению 5898 опрошенных руководителей ОВД из 81 субъекта РФ, теоретические знания выпускников, пополнивших ряды ОВД в 2006-2008 гг., оценивались по пятибалльной системе, как хорошие – 46% руководителями, на «отлично» – 12%; примерно также оценивалась и практическая подготовленность выпускников. Многие опрошенные подчеркивали, что молодые специалисты недостаточно подготовлены к решению конкретных служебных задач. В своих анкетах руководители отмечали, что основные личностные качества выпускников вузов системы МВД России не в полной мере отвечали требованиям современности. На «удовлетворительно» и ниже оценили стрессоустойчивость выпускников – 44%, целеустремленность – 37%, ответственность и работоспособность – 33%, добросовестность и дисциплинированность – 31% [Амельчаков; 1, с. 14].

В числе характерных недостатков выпускников руководством ОВД было отмечено: несоблюдение норм и правил профессионального взаимодействия (38%), неправильное представление о профессии (44%), отсутствие стремления совершенствовать профессиональный уровень (31%). Тревожным сигналом указывалось то, что почти половина опрошенных руководителей не рассматривали выпускников в качестве потенциальных кандидатов на выдвижение на вышестоящие должности.

Проблема	Отношение ученых и практиков в МВД России и к ключевым проблемам стандартизации отечественного ведомственного образования до реформирования милиции (2001-2011 гг.) и в последующий период (2011-2022 гг.) (в % к числу высказавшихся в каждой группе)							
	Профессорско-преподавательский состав вузов МВД России				Представители Центрального аппарата, структурных органов и подразделений, организаций МВД России			
	До реформы МВД России (2001-2011 гг.)		После реформы МВД России (2011-2022 гг.)		До реформы МВД России (2001-2011 гг.)		После реформы МВД России (2011-2022 гг.)	
	Положительное	Отрицательное	Положительное	Отрицательное	Положительное	Отрицательное	Положительное	Отрицательное
Абитуриенты	71,4	28,6	100	0	37,5	62,5	0	0
Выпускники	85,7	14,3	92,3	7,7	50	50	0	0
Педагоги	86,4	13,6	61,9	38,1	70,6	29,4	89,5	10,5
Работодатели	100	0	81,3	18,7	38,8	61,2	66,6	33,4

Особо отмечалась проблема закрепления выпускников вузов МВД России на службе. В 2005 г. ведомство потеряло – 13,5% принятых на службу выпускников, в 2006 г. – 14,5%, в 2007 г. – 14,9%. За три года из ОВД уволилось в общей сложности – 3835 молодых специалистов [Кикоть В.Я.; 6, с. 3].

В 2008 г. на должности начальствующего состава в МВД России было принято около – 40 тыс. чел. Из них более 7 тыс. – выпускники ведомственных образовательных учреждений. Из гражданских вузов было принято – 4 тыс. В том же 2008 г. было уволено со службы по собственному желанию или по различным иным основаниям, более – 1,5 тыс. молодых специалистов, проработавших в ОВД менее 3 лет. Выступая перед коллегией МВД В.Я. Кикоть назвал эту категорию обучаемых «балластом ведомственной образовательной системы». Еще одним негативным явлением были увольнения молодых специалистов по отрицательным основаниям (в 2008 г. данный показатель составил – 115 чел.) [Амельчаков; 1, с. 4]. Больше всего сотрудников данной категории уволилось в Республике Алтай (33%), Омской области (29%), Курганской области (27%), Ивановской области (25,5%), Хабаровском крае (24%) и Алтайском крае (23,5%). Указанное негативно сказывалось на результатах оперативно-служебной деятельности ОВД, имея экономические последствия. На подготовку одного вуза с пятилетним сроком обучения государство тратило более – 500 тыс. руб. [Амельчаков; 1, с. 4]. Спустя два-три года, каждый третий выпускник окончивший вуз МВД России не скрывал своего желания сменить профессию, либо перевестись в другой правоохранительный орган. Треть уволенных со службы устраивались в коммерческие структуры, или занимались адвокатской практикой. Причинами являлись: низкая заработная плата, невозможность решения жилищных проблем, отсутствие налаженной системы наставничества, неправильное представление о профессии [Кикоть В.Я.; 6, с. 3].

Преподаватели и работодатели

Другую факторную группу, затрагивающую оба периода исследования, собственно, объединяют проблемы отсутствия обратной связи между вузами и комплектующими организациями (61,2%). В подтверждение наличия указанной проблемы приведем данные, характеризующие официальную позицию федерального центра. Так, выступая перед участниками учебно-методического сбора руководителей учебных заведений, заместитель начальника ДКО МВД России – начальник Управления организации профессиональной подготовки генерал-майор И.Ф. Амельчаков в числе основных причин низкой отдачи ведомственного образования указал недостаточность взаимодействия профильных департаментов МВД (работодателей) с учебными заведениями, охарактеризовав его выражением «от случая к случаю» [Амельчаков; 1, с. 4]. На наш взгляд, приведенные данные делали очевидным предпосылки стандартизации ведомственного образования, призванные обеспечить единство реализации целей и задач в образовании и об этом далее пойдет речь [Беседина О.А., Верзунова Л.В., Кирий Н.В.; 3].

В послереформенный период критические оценки практических работников выражались в признании недостаточности участия потенциальных работодателей в организации подготовки кадров (33,4%). Вузовские ученые активно высказывались за развитие учебно-материальной базы, синхронизацию целей и задач науки и образования, систематизацию оценочной работы (38,1%), активное привлечение практических специалистов к участию в работе экзаменационных комиссий вузов, разработке программных модулей, совместной с вузами научной деятельности, непосредственному обучению слушателей (тьюторству).

Решению проблем сближения теории и практики правоохранительной деятельности ОВД были посвящены работы Бесединой О.А. и Кирий Н.В., считавших, что на этапе разработки стандартов эффективными сред-

ствами являются: а) мониторинг требований к уровню и направленности подготовки кадров; б) анализ профессиональных компетенций, качественное изменение которых требовалось достичь по итогам обучения. На этапе реализации образовательных программ: а) исследование потребностей обучаемых в процессе профессиональной подготовки; б) привлечение работодателей в качестве преподавателей и членов экзаменационных комиссий [14].

Подтверждением обоснованности мнений Бесединой О.А. и Кирий Н.В. являлись решения федерального центра об участии постоянного и переменного состава вузов МВД России в борьбе с безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних [Стрельников; 13, с. 12-13]. Представляет интерес исторический опыт влияния системы образования МВД на профилактику детской безнадзорности и подростковой преступности. Так, Нижегородская академия МВД осуществляла шефскую помощь над школой-интернатом для слабослышащих детей, детским домом № 6 и Центром временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУВД Нижегородской области. Курсантами и слушателями вузов регулярно проводились спортивные и культурно-массовые мероприятия с детьми воспитательного характера; организовывался сбор детских вещей, игрушек для передачи детям-сиротам; проводился конкурс рисунка среди воспитанников детских домов «Дядя Степа – милиционер» [Стрельников; 13, с. 12-13].

За личным составом Смоленского филиала Московского университета МВД России были закреплены: социальный приют для детей и подростков, средняя школа, санаторно-лесная школа, школа-комплекс эстетического воспитания, детский сад. Результатом профилактической работы среди несовершеннолетних правонарушителей из числа трудновоспитуемых подростков и детей из малообеспеченных, социально незащищенных семей на базе военно-трудового лагеря «Патриот» Смоленского филиала, стало снижение в период работы лагеря количества правонарушений среди несовершеннолетних в городе – на 37,0% от общего числа преступлений, совершенных ими за летний период (!) [Стрельников; 13, с. 12-13].

Организация оборонно-спортивных сборов «Надежда» для подростков, состоявших на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних ОВД, на базе загородного учебно-полевого центра Краснодарской академии МВД России способствовала снижению подростковой преступности в период их проведения. Так, по состоянию на 1 июля 2003 г. несовершеннолетними и при их участии было совершено на 3,5% меньше преступлений, чем за аналогичный период прошлого года. Количество тяжких преступлений, совершенных подростками, уменьшилось на 5%. Количество умышленных причинений тяжкого вреда здоровью сократилось – на 47,6%. (!) разбойных нападений – на 27,7%. (!) [Стрельников; 13, с. 12-13].

По инициативе УВД Камчатской области и командования войсковой части, дислоцированной в г. Петропавловск-Камчатский, функционировал военно-спортивный оздоровительный центр «Кадет», осуществлявший организацию досуга и отдыха подростков, наряду с подготовкой к службе в Вооруженных Силах и милиции. Результатом деятельности центра явилось снижение подростковой преступности в Камчатской области – на 15%; в период его работы не было выявлено ни одного подростка, совершившего повторное преступление. Аналогичная работа проводилась Омской и Волгоградской академиями МВД России, Санкт-Петербургским университетом МВД России и др. [Стрельников; 13, с. 12-13].

Работа по сближению работодателей и вузов находилась в начале пути. К определению содержания и направленности программ профессиональной подготовки будущих сотрудников службы по борьбе с экономическими преступлениями стали привлекать руководство главного управления по борьбе с экономическими преступлениями. Требования к уровню навыков и умений юрисконсультов разрабатывались при участии ведущих специалистов департамента юридической службы с опытом проведения антикоррупционных и правовых экспертиз издаваемых ведомством документов, а также участия в судебных заседаниях [Бавсун И.Г., Гусев В.А.; 4]. Положительно зарекомендовала себя практика проведения совместных совещаний руководства комплектующих органов и образовательных учреждений в Московском университете, Академии экономической безопасности, Омской академии, Восточно-Сибирском институте, Орловском, Уральском, Ростовском юридических институтах МВД России, где рассматривались вопросы совместной деятельности по набору кандидатов, сопровождения учебного процесса и адаптации выпускников вузов на службе в ОВД [14].

Изучение публикаций отечественных ведомственных изданий исследуемого периода показало, что значительная часть ученых и практиков МВД России поддерживала взятый руководством страны курс на централизацию образования, при этом экспертные оценки феномена стандартизации образования разнились лишь в способах и методах ее реализации. Несмотря на сложности и противоречия, сопровождавшие процесс стандартизации, ее предметная реализация способствовала налаживанию взаимодействия вузов и практических органов внутренних дел в области подготовки кадров на основе договоров между студентами и учебными заведениями, а также студентами и работодателями [Митрофанова; 8, с. 4].

Заключение

Подводя итог, отметим, что в 2000-х гг. в рамках реализации централизаторских реформ Президента Путина В.В., наряду с национальными проектами «Здоровье», «Развитие аграрно-промышленного комплекса», «Доступное и комфортное жилье», важное значение имел проект «Качественное образование», включавший меры социальной поддержки преподавателей, развитие вузовской науки, реализацию инновационных программ, информатизацию подготовки кадров, учреждение крупных образовательных корпораций – университетов. Становление образования постсоветской России, включая ведомственную подготовку в МВД России, было связано с приведением его к единым образовательным стандартам.

Несмотря на то, что в 2000 г. ведомственная система образования обеспечила подготовку – 30 тыс. выпускников (в 1985 г. – всего 10 тыс.), проблемы профессионализации кадров МВД решалась крайне медленно. Рост числа юристов в 2000 г. составил всего лишь доли процента, что было обусловлено оттоком кадров. Еще в 1999 г. из милиции уволились – 37 тыс. офицеров, а молодых лейтенантов пришло всего 34 тыс. чел. [14]. Важные шаги, предпринятые руководством для разрешения данной ситуации, были связаны с введением государственных образовательных стандартов на фоне усиления взаимодействия профильных департаментов и образовательных учреждений, обеспечение практической направленности обучения, отслеживания его качества, дифференциации профессиональной подготовки [Брычев В.; 4].

В Послании Федеральному Собранию РФ от 26.05.2004 Президент РФ В. Путин отметил, что в условиях конкурентной среды, в новых трудовых отношениях между работодателем и персоналом, главным требованием, предъявляемым к отечественному образованию, являлась практическая направленность подготовки, обеспечиваемая соответствием образования нуждам рынка труда. В целях адаптации образования к практической деятельности ОВД был взят курс на активизацию взаимодействия ведомственных департаментов с вузами МВД [Путин; 11, с. 4].

Внедрение образовательных стандартов в профессиональную подготовку кадров МВД стало важным государственным инструментом в совершенствовании ведомственного образования. Стандарты, утверждались органом власти в сфере выработки государственной политики и нормативно-правового регулирования образовательной деятельности, и представляли собой перечень обязательных требований к уровню подготовки персонала и к профессии, специальности, направлению обучения [12; 96]. Основные черты стандартизации образования МВД в 2000-2011 гг.:

1. превалирование ведомственного компонента подготовки сотрудников ОВД над общеобразовательным, характеризовавшее значительное расхождение между юридической теорией и практикой,
2. практикоориентированная подготовка юристов в МВД, характеризовавшая приоритетность формирования навыков над знаниями, что было обусловлено содержанием и направленностью работы милиции;
3. невысокий регулятивный потенциал ведомственных образовательных стандартов, обусловленный большим количеством нормативных актов, регламентировавших основные направления деятельности МВД [Макович; 7, с. 3].

В комплексе реализованных в 2000-х гг. руководством МВД инициатив меры, направленные на сближение профильных департаментов органов внутренних дел с образовательными учреждениями, были связаны с обоюдным привлечением персонала к совместной деятельности по широкому спектру вопросов. Ученые помогали раскрывать преступления, курсанты осуществляли профилактические мероприятия с поднадзорными, а опытные оперативники и руководители приглашались в качестве преподавателей. Стандартизация способствовала: унификации квалификационных требований к уровню и направленности подготовки кадров ОВД, совершенствованию контроля уровня профессиональных качеств персонала, модернизации основ оценочной работы в образовании [8, с. 4].

Результаты проведенного анализа могут быть использованы в рамках дальнейшего комплексного изучения вопросов стандартизации ведомственного образования с привлечением различных исследовательских групп, применением классической методологии и источниковой базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амельчаков И.Ф. Главное – существенно повысить качество вузовской подготовки / Вестник кадровой политики МВД РФ № 2 2009. с. 14.
2. Бавсун И.Г., В.А. Гусев. Проблемы стандартизации высшего образования в системе подготовки кадров для органов внутренних дел РФ / Труды Академии управления МВД России, 2019. № 3 (51).

3. Беседина О.А., Верзунова Л.В., Кирий Н.В. Взаимодействие вузов и работодателей Белгородской области в сфере дополнительного профессионального образования / научный журнал Молодой ученый № 1 (60), январь, 2014.
4. Брычев В. Принять нельзя уволить / Милиция // журнал Министерства внутренних дел России, выпуск 12, 2000, с. 32.
5. Кикоть В.Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: дис . . . док. юр. наук. – М.: 2002 – с. 111.
6. Кикоть В.Я. Система образования МВД России: вчера, сегодня, завтра / Профессионал, № 1 (81) 2008, с. 3.
7. Макович Г.В. Необходимость разработки ведомственных стандартов высшего профессионального образования для образовательных организаций МВД России // Современные проблемы науки и образования. – 2020 - № 3, с. 3.
8. Митрофанова О.И. Профессиональные стандарты: учебно-практическое пособие / отв. ред. Д.Л. Кузнецов. М.: КОНТРАКТ, 2017, с. 4.
9. Московский университет МВД России 2002-2012: история и современность. Монография. С. 18-19.
10. Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования / Приказ Минобразования РФ от 02.03.2000 № 686 // Бюллетень Минобразования РФ, № 5, 2000.
11. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 26.05.2004 / Российская газета, № 109. 27.05.2004, с 5.
12. Положение о Министерстве образования Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.03.2000 № 258 // Собрание законодательства РФ, 2000, № 14, с. 96.
13. Стрельников А. Роль образовательных учреждений МВД России в борьбе с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних / Профессионал, № 2 (58), 2004, с. 12.
14. Текущий архив ГУ МВД России по Новосибирской области.

© Соловьёв Сергей Геннадьевич (maestro30rus@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Новосибирск

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.03

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

FORMATION OF SOCIAL AND PERSONAL COMPETENCE OF THE FUTURE SPECIALIST IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

A. Aidagulova
O. Tuguzbayeva

Summary: The relevance of this article is due to the processes of informatization of society and education. The purpose of the article is to find effective methods and technologies for organizing social and cultural activities aimed at developing the social and personal competence of a future specialist. The types of activities that are necessary in the formation of social and personal competence in the conditions of the information society are determined. Research in the field of linguistics is being updated, revealing the problems of the interaction of language and culture. The necessity of searching for effective methods and technologies aimed at the development of information and media culture of the individual is indicated.

Keywords: culture, socio-cultural activities, personality components, social and personal competence, media education, media culture.

Айдагулова Алиса Расиховна
Кандидат педагогических наук, Уфимский юридический институт МВД России
alisaras@ya.ru
Тугузбаева Олеся Васильевна
Кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
o.ninerich@rambler.ru

Аннотация: Актуальность данной статьи обусловлена процессами информатизации общества и образования. Цель статьи заключается в поиске эффективных методов и технологий организации социально-культурной деятельности, направленной на развитие социально-личностной компетентности будущего специалиста. Определены виды деятельности, которые в условиях информационного общества необходимы в формировании социально-личностной компетентности. Актуализируются исследования в области лингвистики, раскрывающие проблемы взаимодействия языка и культуры. Обозначена необходимость поиска эффективных методов и технологий, направленных на развитие информационной и медиакультуры личности.

Ключевые слова: культура, социально-культурная деятельность, компоненты личности, социально-личностная компетентность, медиаобразование, медиакультура.

В условиях информатизации общества компьютерные технологии и средства массовой коммуникации оказывают воздействие на сферу социально-культурной деятельности человека. Повседневная современная жизнь молодого человека не обходится без социальных сетей, интернет-технологий, различных медиаресурсов и видеоблогов, систем мгновенного обмена сообщениями. Свойствами современной цифровой информации становятся фрагментарность, разрозненность и избыточность. Нужно отметить, что в условиях изобилия информации играет существенную роль способность личности к критическому мышлению, позволяющая осуществлять эффективный поиск, критическое восприятие и критический анализ информации.

В настоящее время становятся актуальными исследования, направленные на формирование и развитие социально-личностной компетентности будущего специалиста (И.А. Зимняя, Е.А. Прохорова, Е.М. Сартакова, А.В. Хуторской и др.). Е.А. Прохорова определяет социально-личностную компетентность как «интегративное личностное образование, являющееся составной частью социально-профессиональной компетентности обучаемого», которое включает «систему компетенций, актуализирующих ценности во всех аспектах жизнедеятельности студента, в частности, осознание себя конкурентоспособным специалистом-профессионалом и гражданином России, а также социально-профессиональное становление и возможности самореализации» [5]. Данные компетенции носят общекультурный, универсальный, многофункциональный характер и определяют продуктивность выполнения широкого круга профессиональных задач.

В основе классификации И.А. Зимней представлены: «компетентности, относящиеся к самому себе как личности»; «компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми»; «компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах» [2]. В соответствии с этим можно выделить компоненты личности будущего специалиста: социальный (культура восприятия информации, информационная культура); деятельностный (культура проектной, сетевой деятельности); коммуникативный (культура

общения, межкультурный диалог).

Социальный компонент, который определяет информационную культуру личности, формируется на протяжении всей творчески активной деятельности и реализуется в способности будущего специалиста решать профессиональные задачи с применением современных информационных технологий. Культура проектной деятельности требует учитывать индивидуальные запросы, интересы, идеи каждого участника проекта, при этом следует обсуждать этапы совместной деятельности для достижения общей цели проекта.

Обратимся к понятию «социально-культурная деятельность», под которой следует понимать «управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре и активного включения самого человека в этот процесс» [8, с. 39]. Раскрывая суть данного понятия, обратим внимание на исследование О.В. Тугузбаевой [7], изучающей проблемы взаимодействия языка и культуры. Родной язык отражает национально-культурные особенности народов, связь с духовной культурой народа, несет культурно-историческую информацию. В языке народа выражается картина мира, в которую входят: культура, нормы поведения, национальные особенности языка. Нужно отметить, что язык выступает компонентом культуры и неотъемлемой частью социально-культурной деятельности. С помощью языка можно изучить культуру отдельного народа, определить его менталитет и картину мировосприятия. В каждом языке есть уникальный способ восприятия мира. Как мы видим, язык и культура непосредственно связаны между собой, подобная зависимость составляет лингвокультурологическую компетенцию, благодаря которой носители языка одной культуры могут понимать друг друга и создавать коммуникативные акты. Формирование ценностного представления о родном языке происходит в ходе межкультурного диалога в образовательной среде.

Традиционно в лингвистике межкультурный диалог определяется как «совокупность способов репрезентации самых разных дискурсивных практик, включающих развернутые во времени прямые и опосредованные контексты коммуникативного взаимодействия людей, говорящих на разных языках и принадлежащих к разным культурам» [3, с. 275]. В условиях информационного общества речь и ценности культуры транслируются, в частности, посредством аудиовизуальных медиа (телевидение, кино, цифровое искусство), для которых характерна массовость и доступность. Как объясняют исследователи, «это происходит в силу того, что экран является сегодня преобладающей формой трансляции культурных продуктов, формирующих идентичность, ценности и смыслы, через различные виды коммуникации» [3, с. 124]. Н.Б. Кириллова характеризует медиа как среду, «в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [4].

Таким образом, можно выделить следующие виды социально-культурной деятельности:

— подготовка докладов, сообщений и тезисов для участия в научно-практических конференциях, дискуссиях и семинарах, в том числе в режиме видеоконференцсвязи;
— участие в исследовательских, информационных медиапроектах;
— самостоятельная работа с электронными образовательными ресурсами, педагогическими программными средствами;
— межкультурное взаимодействие в образовательной среде.

Современное информационное общество осознает влияние средств массовой информации и коммуникации на личность. В связи с этим особую актуальность приобретает социокультурная концепция медиаобразования (А.В. Шариков). Учитывая основные положения данной концепции, считаем необходимым добавить к основным видам социально-культурной деятельности некоторые виды медиаобразовательной деятельности. Полагаем, что стоит обратить внимание на такие виды деятельности, которые необходимы для понимания процессов массовой коммуникации, развития медиакультуры личности. К примеру, это «критический анализ и обсуждение медиатекстов разных видов и жанров»; «создание и распространение собственных медиатекстов» [9]; медиатворчество. В своем исследовании мы опирались на труды в области медиаобразования и развития медиакомпетентности личности (И.В. Жилавская, А.В. Федоров и др.).

Следует отметить зависимость социально-культурной деятельности от индивидуальных потребностей студентов. В этой связи считаем важным обозначить принципы формирования социально-личностной компетентности, выявленные Е.М. Сартаковой: «развитие личности студента с учетом его индивидуальных особенностей, самостоятельная деятельность студентов, социально-профессиональная ориентация и междисциплинарная интеграция, модульность программ, сотрудничество» [6, с. 35]. Мы считаем верным дополнить, что в результате сотрудничества происходит саморазвитие, самоопределение и самореализация личности студента, актуализируется личностная позиция будущего специалиста.

В качестве эффективных методов и технологий организации социально-культурной деятельности можно выделить следующие: технологии организации и про-

ведения дискуссии, круглого стола, педагогического салона в дистанционном формате; технология проектной деятельности с использованием мультимедиа; технология анализа и обсуждения медиатекстов и др. При этом используемые компьютерные технологии (мультимедиа, дистанционные технологии, интернет-технологии) включаются в процесс социально-культурной деятельности как вспомогательные инструменты, дополняя традиционные методы и формы взаимодействия мультимедийным интерактивным содержанием. Особый интерес для студентов представляют технологии, направленные на медиатворчество: создание мультимедийных компьютерных презентаций для сопровождения воспитательных, научно-представительских мероприятий, разработка элементов фирменного стиля (буклетов, листовок, афиш, визиток, сувенирной продукции и др.). На наш взгляд процесс создания собственных медиатекстов имеет образовательный потенциал, положительно влияет на уровень мотивации обучающихся, поскольку учитывает интересы студенческой аудитории.

Таким образом, формирование социально-личностной компетентности будущего специалиста осуществляется в процессе социально-культурной деятельности с применением компьютерных технологий. Практика показала, что использование ресурсов сети интернет, мультимедийных приложений, сервисов видеоконференцсвязи в образовательном процессе накладывает отпечаток на характер взаимодействия преподавателя и студента. Возникает необходимость развития информационной грамотности и медиакомпетентности. Становится важным найти эффективные педагогические приемы, методы и технологии, направленные на формирование и развитие медиакультуры, способности «читать» медиатекст, анализировать «продукцию» медиакультуры (фильмы, книги, журналы, сайты и др.), создавать собственные медиатексты, развивать критическое восприятие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдагулова А.Р. Формирование воспитательной медиасреды педагогического вуза: дисс… канд. пед. наук.: 13.00.08. Уфа, 2012. 217 с.
2. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4(4). С. 16-31.
3. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования / Н.Б. Кириллова, Л.Б. Зубанова, С.Б. Синецкий [и др.]. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. 292 с.
4. Кириллова Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика: учебное пособие. М.: Академический Проект; Культура, 2008. 496 с.
5. Прохорова Е.А. Формирование социально-личностной компетентности студентов в процессе культурно-досуговой деятельности: дисс… … канд. пед. наук: 13.00.05. Казань, 2016. 203 с.
6. Сартакова Е.М., Шахматова О.Н. Формирование и развитие социально-личностных компетенций студентов экономических специальностей: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. 79 с.
7. Тугузбаева О.В. Отражение национально-культурных особенностей народов Республики Башкортостан в гидронимах Бирского района // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 800-802.
8. Туев В.В. Социально-культурная деятельность как понятие (включение в дискуссию) // Ученые записки / Под науч. ред. Т.Г. Киселевой, В.И. Черниченко, Н.Н. Ярошенко. М.: МГУКИ, 2001. Вып. 23. С. 25-39.
9. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 616 с.

© Айдагулова Алиса Расиховна (alisaras@ya.ru), Тугузбаева Олеся Васильевна (o.ninerich@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.04

ОСОБЕННОСТИ СВЯЗНОЙ РЕЧИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ[1]

FEATURES OF COHERENT SPEECH OF OLDER PRESCHOOLERS WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

S. Arkhipova
O. Lazutkina

Summary: The article deals with the features of coherent speech of preschool children with general underdevelopment of speech, reveals the theoretical aspects of the study of the problem. The aim of the research is to make diagnostics and to find out the peculiarities of coherent speech of senior preschool children with the general underdevelopment of speech.

Keywords: senior preschool children with the general underdevelopment of speech, coherent speech, features of coherent speech.

Архипова Светлана Владимировна
К. п. н., доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
arhipova.swetlana2011@yandex.ru
Лазуткина Ольга Романовна
Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
o.lazutkina2017@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности связной речи дошкольников с общим недоразвитием речи, раскрываются теоретические аспекты изучения проблемы. Целью исследования является проведение диагностики и выявление особенностей связной речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: старшие дошкольники с общим недоразвитием речи, связная речь, особенности связной речи.

Введение

Дошкольный возраст является важнейшим периодом активного познания родного языка, усвоения всех сторон речевой системы, развитие которых не достигнет своей конечной цели без завершающего этапа – закрепления в связной речи. Именно поэтому в условиях стандартизации дошкольного образования вопросам развития связной речи у дошкольников придается особое значение.

Развитие связной речи берет свое начало в устном общении детей со взрослыми и ровесниками. Взрослые на ранних этапах должны поддерживать речевые инициативы детей, выступать в качестве примера для подражания, помогать организовывать и структурировать их высказывания. Таким образом, дети постепенно учатся выражать свои мысли живо, последовательно, не отвлекаясь на ненужные детали.

Высокий уровень овладения связной речью в период дошкольного детства во многом предопределяет качество дальнейшего школьного обучения. Ребенок, овладевший связной речью, без затруднений может взаимодействовать с окружающими людьми, понимать и соблюдать закрепленные нормы поведения в обществе, что определяется конечным звеном в его личностном развитии. Помимо социальной функции в связной речи находит реализацию и коммуникативная функция.

Развитие связной речи у дошкольников требует сформированности навыков, выходящих за рамки простого составления предложений. Высокий уровень ее развития характеризуется связностью высказывания, построенного на основе главной темы, которую можно проследить в каждом предложении, способностью выстраивать последовательно события, отраженные в речевой продукции детей, сформированностью причинно-следственных связей.

Однако дошкольники, имеющие общее недоразвитие речи (далее ОНР), не достигают достаточного уровня развития связной речи. Исследователи В.К. Воробьева, В.П. Глухов, О.С. Ушакова, Т.Б. Филичева отмечают в их связной речи отсутствие логики и последовательности в предложениях, пропуски основных и наиболее значимых частей рассказа, неразвернутые, малоинформативные высказывания, бедность и стереотипность используемых речевых средств, грубые нарушения грамматического строя, искаженное построение предложений, ошибки в использовании предлогов, бедный словарный запас.

1 Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности МГПУ имени М. Е. Евсевьева по теме «Научно-методические основы развития связной речи у дошкольников с речевыми нарушениями средствами наглядного моделирования».

Правильный выбор диагностических методик, адекватное построение процесса диагностики связной речи и интерпретации результатов позволит специалистам логопедам выявить ее особенности у данной категории детей. Знание особенностей связной речи у дошкольников с ОНР, позволит построить логопедическую работу по развитию связной речи наиболее эффективно. В связи с этим выявление особенностей развития связной речи у дошкольников с ОНР представляет особую актуальность.

Значимость представленной проблемы обусловила цель работы, которая заключается в диагностике и выявлении особенностей связной речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР.

Изложение основного материала

Проблема определения понятия связной речи раскрывается в исследованиях А.М. Бородич, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна; вопросы диагностики связной речи изучаются В.К. Воробьевой, В.П. Глуховым, О.С. Ушаковой, Т.Б. Филичевой; процесс развития связной речи рассматривается Т.В. Ахутиной, Т.В. Волосовец, А.А. Леонтьевым, Ф.А. Сохиным; особенности связной речи дошкольников с ОНР определяются В. В. Гербовой, Е.И. Тихеевой, Т.А. Ткаченко, Г.В. Чиркиной и др.

Анализ научно-методической литературы показал, что многие ученые рассматривают связную речь с различных сторон. С педагогической точки зрения, под связной речью понимают смысловое развернутое высказывание, обеспечивающее общение и взаимопонимание людей (А.М. Бородич, Е.И. Тихеева) [1].

В психологических исследованиях связность речи определяется как адекватность речевого оформления мысли говорящего или пишущего с точки зрения ее понятности для слушателя или читателя (С.Л. Рубинштейн), или как цепь логически сочетающихся предложений, содержащих законченную мысль (Л.С. Выготский) [3, 8].

Лингвисты связную речь определяют, как последовательность связанных друг с другом мыслей, выраженных точными словами в правильно построенных предложениях (А.А. Леонтьев, Ф.А. Сохин) [7, 9].

В логопедических исследованиях связную речь рассматривают как наиболее сложную форму речевой деятельности, которая носит характер последовательного смыслового целого развернутого изложения (В.П. Глухов, Г.В. Чиркина); вид речемыслительной деятельности, результатом которой является текстовое сообщение (В.К. Воробьева) [2, 4, 11].

Обобщая формулировки определения понятия связной речи, следует заключить, что связная речь – это единица речи, состоящая из языковых компонентов и представляющая развернутое высказывание, которое излагается логично, последовательно и тематически правильно.

Можно проследить общие закономерности развития связной речи. Процесс овладения связной речью состоит из перехода от ситуативного вида речи к контекстному, однако затем их развитие осуществляется параллельно.

Освоение связной речи дошкольниками осуществляется поэтапно. На первом довербальном этапе понимание речи отсутствует, однако, у ребенка возникают первые эмоциональные контакты со взрослыми, которые в дальнейшем окажут большое влияние на зарождение непосредственно речи. Следующий этап – возникновение речи. Постепенно происходит овладение пониманием речи, в основном, незамысловатых фраз. У ребенка появляются первые осмысленные слова, начинает пополнятся словарный запас, отмечаются двусоставные малораспространенные предложения, постепенно ребенок начинает вступать в диалогические формы речи. На третьем этапе развития связной речи происходит овладение разными способами взаимодействия с окружающими людьми. От диалога наблюдается плавный переход к монологу. Предложения имеют сложную структуру, распространены. Активно продолжает обогащаться и активизироваться словарный запас.

Проблема развития связной речи наиболее остро встает у дошкольников, имеющих речевые нарушения. Дети с речевой патологией – это дети с нормальным слухом и сохранным интеллектом, имеющие расстройства коммуникации, которые негативно влияют на их дальнейшую успеваемость. Данные расстройства выражаются в нарушениях звукопроизношения, слоговой структуры слова, недоразвитии фонематического слуха, грамматического строя речи, бедности словарного запаса.

Среди детей с речевой патологией доминирующую группу составляют дошкольники с ОНР, которое Р.Л. Левина характеризует как форму речевой аномалии, при которой нарушены все компоненты речевой системы, относящиеся как к смысловой, так и звуковой ее стороне [6].

Вопросы изучения связной речи у детей дошкольного возраста с ОНР рассматриваются в работах В.П. Глухова, Л.Н. Ефименковой, Т.А. Ткаченко и др. [4; 5]. Они отмечают, что дети, имеющие ОНР, испытывают трудности при составлении рассказов и отдельных фраз. Их связное высказывание характеризуется простым перечислением действий и событий. У данной категории детей

отмечается неполное понимание прочитанного текста, трудности пересказа коротких текстов, нарушения последовательности событий, пропуски важных деталей, многочисленные повторы и сложности подбора подходящих по семантике слов. При составлении самостоятельного рассказа они ограничиваются описанием только одного отдельного признака предмета, не соблюдают композиции, последовательность описания предметов или обстановки вокруг. Выявляются ошибки в лексико-грамматическом оформлении высказывания, отсутствие инициативы к активному ведению диалога, непонимание вербальных и невербальных средств языка [11].

Подобные трудности оказывают негативное влияние на процесс усвоения детьми письменной речи и подготовку к обучению в школе. Ранняя диагностика нарушений развития связной речи и своевременная коррекционная помощь обеспечит в дальнейшем детям возможность полноценного обучения и общения со сверстниками. Обследование связной речи у дошкольников осуществляется с помощью доступных для данного возраста методик В.К. Воробьевой, В.П. Глухова, О.С. Ушаковой, Т.Б. Филичевой и др. [2, 4, 10, 11].

Методика В.К. Воробьевой включает четыре серии диагностических заданий. Первая серия – направлена на выявление способности к пересказу, вторая – ориентирована на выявление возможности к самостоятельному программированию структуры высказывания и составлению связного, смыслового текста. Третья серия заданий подразумевает изучение особенностей построения связного высказывания в ситуации неполного отражения компонентов речевой системы, четвертая – направлена на выяснение состояния ориентировочной деятельности [2].

Методика диагностики связной речи, предложенная Т.Б. Филичевой, рекомендует использовать следующие задания: передать содержание рассказа от 1-го лица; подобрать к заданным словам красочные определения, позволяющие подробно и разносторонне описать объект; пересказать рассказ, изменяя время происходящих там событий; описать представленные предметы, образуя сравнительную степень прилагательных [11].

Методика О.С. Ушаковой включает задания для обследования детей среднего, старшего дошкольного возраста. Диагностика уровня связной речи осуществляется по следующим заданиям: составление рассказа-описания по игрушке; сочинение рассказа по вопросам, по серии сюжетных картинок с предварительным выкладыванием их в последовательности, сочинение рассказа на самостоятельно выбранную ребенком тему [10].

Наиболее популярной методикой обследования связной речи у дошкольников с ОНР является методика В.П. Глухова. Автор предлагает осуществлять наблюдение за связной речью дошкольников не только в процессе учебной деятельности, но и в игровой и бытовой сферах деятельности. Разработка В.П. Глухова позволяет разносторонне оценить уровень развития связной речи – от составления элементарной, нераспространенной фразы до составления рассказа с элементами творческого воображения [4].

В материалах представленной статьи мы обсуждаем результаты проведенной диагностики связной речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР.

Диагностическое исследование осуществлялось на базе МАДОУ «Детский сад № 36 комбинированного вида» г. о. Саранск Республики Мордовия, МБДОУ ДС № 29 города Кузнецка. В диагностике принимали участие 25 дошкольников старшей группы компенсирующей направленности с заключением ПМПК «ОНР. III уровень речевого развития».

Исследование состояния связной речи у дошкольников с ОНР выполнялось по методике В.П. Глухова в индивидуальной форме [4]. Обратимся к описанию диагностических заданий данной методики.

В рамках первого задания требовалось составить законченное высказывание на уровне фразы по действию, изображенному на отдельных картинках. В качестве стимульного материала предлагались ситуационные картинки (мальчик рубит дрова, девочка везет куклу на санках, мальчик ловит рыбу и т.д.). Ребенку предлагалось посмотреть внимательно на картинку и сказать, что на ней изображено. В случае отсутствия ответа или затруднении задавался наводящий вопрос: «Что делает мальчик\девочка?».

Второе задание было направлено на составление предложения по трем картинкам, связанным по смыслу. Ребенку предлагались три взаимосвязанных картинки (девочка, лейка, цветы; бабушка, грибы, лукошко). Необходимо было составить предложение, используя их. При неполном или некорректном ответе указывалось на пропущенную картинку с повторной инструкцией.

В рамках третьего задания требовалось пересказать текст хорошо знакомой короткой сказки. В качестве наглядного материала использовался цикл картинок по мотивам сказок «Репка», «Колобок». Ребенку читалась сказка, затем задавались вопросы по ее сюжету. После чего он должен был подробно и связно пересказать произведение.

Четвертое задание включало составление рассказа по картине или серии сюжетных картинок. Стимульный материал: «Бабушка готовит вкусные пироги; Мальчик

ранней весной потерял свой ботинок, а нашел его только тогда, когда солнце начало пригревать, и снег везде растаял; Общая горка, которую дети построили совместными усилиями, однако, мальчик Витя не пускал одного из ребят кататься, так как тот болел, когда горку строили». Ребенок должен расположить сюжетные картинки в правильной последовательности и составить подробный рассказ.

Пятое задание направлено на составление рассказа на основе личного опыта. Ребенок должен был рассказать, какое недавнее событие ему запомнилось, где это происходило, что он там делал, с кем туда ходил. На основе ответов на эти вопросы дошкольник составлял связный рассказ.

В рамках шестого задания требовалось составить описательный рассказ. Для описания ребенку предлагались предметы или муляжи с выраженными признаками, а также схема для составления описательного рассказа. В качестве отличительных признаков выделялись форма, размер, части предмета.

Оценивание выполненных дошкольниками заданий осуществлялось в баллах в соответствие с критериями, представленными в методике В.П. Глухова [4].

Рассмотрим результаты выполнения дошкольниками с ОНР диагностических заданий.

С выполнением первого задания справилось на 3 балла восемь (32,0%) дошкольников. Их ответы характеризовались грамматически правильно построенной фразой, передающей точное и полное содержание предметной картинки (*«Девочка везет на санках куклу»; «Мальчик Паша катается на роликах»; «Лиза поливает желтые цветы из лейки»*). Большая часть вариантов задания (5 из 6 картинок) была выполнена, но в более пролонгированные сроки. Двенадцать (48,0%) дошкольников выполнили данное задание на 2 балла. Некоторые их фразы были недостаточно информативны (*«Девочка везет санки»; «Мальчик пилит»; «Девочка моет»*), отмечались ошибки в выборе нужной грамматической формы (*«Мальчик ловила рыбу»; «Мальчик колотил дрова»*). Также можно отметить достаточно длительные паузы для поиска и припоминания подходящего слова. Пять (20,0%) детей составили предложение только после наводящего вопроса экспериментатора. Их ответы оценены в 1 балл.

С выполнением второго задания шесть (24,0%) детей справилось на 3 балла. Их фразы были адекватными по смыслу, достаточно информативными, с некоторыми недочетами в построении (*«Девочка Соня взяла лейку и поливает свои любимые цветы»; «Бабушка пошла в лес, там она собирала грибы в корзинку»*). Пятнадцать (60,0%) дошкольников выполнили задание на 2 балла. Высказывание было составлено только на основе содержания 2-х картинок (*«Девочка Аня вязла в руки лейку»; «Бабушка пошла за грибами в лес»; «Мальчик читает»*). Однако после обращения внимания детей на совершенную ими ошибку, сразу же исправлялись. У четырех (16,0%) дошкольников отмечались ошибки в грамматическом оформлении фразы, в игнорировании предъявленных картинок (*«Девочка положила цветы на окны»; «Бабушка чистиет обувку»*). Для них оказалось невозможно перестроение фразы даже после помощи экспериментатора.

По итогам выполнения третьего задания пять (20,0%) дошкольников смогли составить пересказ на 3 балла, передав смысл текста, соблюдая последовательность событий, связность высказывания, прибегнув к стимулирующим вопросам экспериментатора. В основном в предложениях употреблялись правильные грамматические формы слов (*«Бабушка с дедушкой испекли колобка. Положили его на окно. Он подсох и спрыгнул с окно. Покатился по дорожке до леса. Встретил Колобок Зайца. Он хотел его съесть. Колобок спел песенку и покатился дальше. Потом он встретил Волка. Опять спел песенку и покатился. Дальше Колобок встретил Медведя. Тот тоже захотел его съесть. Но Колобок спел песню и спасся. Катился, катился и встретил хитрую Лису. Она собиралась съесть Колобка. И он начал петь ей песню. Тогда Лисичка попросила сесть Колобка себе на нос, чтобы лучше слышать песенку. А Лиса его «ам» и съела»*). В пересказе четырнадцати (56,0 %) дошкольников отмечались пропуски фрагментов рассказа (*«Колобок упал с окошка и катился по лесу. Увидел там много разных животных. А лиса его съела». «Дедушка посадил репку. А когда она выросла большая-большая, не смог ее вырвать. Помогали ему бабушка, внучка и мышка»*). При попытке повторных наводящих вопросов некоторые из детей припоминали часть пропущенных событий. Их высказывания оценены на 2 балла. У шести (24,0%) дошкольников выявлено значительное нарушение связности рассказа. В их предложениях прослеживалась бедность употребления языковых средств, за что и был выставлен 1 балл (*«Это колобок. Он убежал в лес. А его встретила лиса и съела». «Дед не мог сорвать свеклу. Нет, репу. Помогали ему, помогали. А сильнее всех была мышка»*).

Для семи (28,0%) обучающихся оказалось невозможным восстановить последовательность событий. По наводящим вопросам экспериментатора был составлен краткий рассказ, в котором были упущены важные и значимые фрагменты. Составленный дошкольниками рассказ не соответствовал картине. Описание происходящих действий было минимальным (*«Дети катались на горке. Мальчик тоже хотел. Но еще один мальчик его не пускал»; «Мальчик бегал и потерял ботинок. Пришли мама с бабушкой. А когда стало тепло, они нашли ботинок»*). Не все объекты, представленные на серии сю-

жетных картинок, были отражены в рассказе детей, что нарушило его целостный смысл. Рассказ подменялся называнием действий с картинок. Одиннадцать (44,0%) дошкольников смогли восстановить последовательность отдельных событий, однако смысл рассказа был искажен. При помощи подсказки экспериментатора задача была выполнена на 2 балла. В составленном рассказе у семи (28,0%) дошкольников наблюдалось полное соответствие изображенной ситуации, рассказ был распространен, последователен и логичен (*«Дети построили горку. Коля болел. Когда он выздоровел, тоже захотел кататься. Ваня его не пускал. Ведь он не строил горку»; «Бабушка захотела испечь вкусные пирожки. Сначала она замесила тесто. Потом бабушка выкладывала начинку. Когда плита нагрелась, она поставила их туда. Как только пирожки были готовы, бабушка позвала внука и налила чай»*). Задание выполнено на 3 балла.

Самым трудным заданием для дошкольников с ОНР оказалось составление рассказа с опорой на личный опыт. Всем детям потребовалась помощь. Десять (40,0 %) дошкольников затруднялись самостоятельно отвечать на вопросы по плану. Экспериментатору приходилось задавать вопросы повторно. Если дети затруднялись дать ответ, то им предлагалась знакомая ситуация, которая помогала дошкольникам сформулировать несколько предложений рассказа *(«Мы недавно были в зоопарке. Там много животных. Они все в клетках. Мне понравилась обезьяна»; «Я летом был на море. Там очень жарко. Мы каждый день купались. А еще я играл в бассейне»)*. Их ответы оценивались в 2 балла. Пятнадцать (60,0 %) обучающихся выполнили задание на 1 балл. Они допускали грубые смысловые ошибки, соскальзывая с одного события на другое *(«Мы пошли в парк на карусель. Там у меня еще был самокат»; «Я ездила в деревню. Там бабушка моя. Я съела много ягод»*). Речевые средства использовались крайне бедно, дети чаще пользовались мимикой и жестами. Кроме этого, наблюдалось аграмматичное употребление словоформ, затрудняющее восприятие рассказа (*«Было три ребят»*).

В процессе составления рассказа-описания шесть (24,0%) дошкольников крайне редко прибегали к помощи экспериментатора. Они составили связное описание предмета с опорой на предложенную схему, отобразив в рассказе все существенные признаки в простых предложениях. Дети справились с заданием на 3 балла *(«Это помидор. Он круглый, большой, по цвету красный. На вкус он сочный. На ощупь гладкий»)*. Опираясь на схему составления рассказа-описания, восемь (32,0%) дошкольников не смогли точно и полно отразить основные признаки описываемого предмета. Их высказывание представляло перечисление наиболее ярких и приметных деталей и было оценено в 2 балла *(«Чашка. Она маленькая. У нее есть ручка»)*. Дошкольники смогли составить рассказ только после обращения к побуждающим вопросам экспериментатора, однако, все равно испытывали трудности в подборе слов к незнакомым частям предметов (*«У ней ухи, хвост, волосы на голове»*). В рассказе одиннадцати (44,0%) детей отмечалось искажение последовательности изложения, незавершенность предложений, отсутствие связи между фразами. Описание содержало перечисление внешних признаков объекта. Детям не удалось составить связный рассказ даже после предъявленного экспериментатором образца описания. Выполнение задания оценено в 1 балл.

По количеству набранных баллов всех дошкольников с ОНР мы условно разделили на три группы по уровням развития связной речи.

В первую группу вошло 20,0% детей с высоким уровнем развития связной речи. Их предложения носили правильное лексико-грамматическое оформление, имели распространенный характер. При построении фразы соблюдалась четкая последовательность, обучающиеся подбирали слова, подходящие под контекст ситуации, развернуто отвечали на вопросы. Дошкольники, отнесенные к данной группе, владели всеми служебными частями речи, их высказывания насыщены прилагательными, местоимениями, наречиями. Все задания выполнялись без дополнительных инструкций, с минимальной помощью экспериментатора.

Вторую группу составили 48,0% дошкольников со средним уровнем развития связной речи. Навыки пересказа у них сформированы, однако, отмечались пропуски некоторых структурных единиц текста, нарушалась полнота и содержательность речи, наблюдалось аграмматичное употребление форм слов. При составлении рассказа детям необходимо большее количество времени для подбора подходящего по смыслу слова. В речи преимущественно использовались двусоставные, нераспространенные предложения с включением только существительных, глаголов и прилагательных. При сочинении рассказов по серии картин нарушалась логическая связь между фразами. Описывая предмет, дошкольники указывали на существенные признаки предмета, характерные черты и отличия. В процессе выполнения большинства заданий испытуемым требовалась помощь со стороны экспериментатора, повторы инструкций.

Группу с низким уровнем развития связной речи составили 32,0% детей. Они с трудом составляли фразы. На большинство задаваемых вопросов не отвечали. Предложения носили нераспространенный характер, чаще всего односоставные, нарушена правильная последовательность слов. Навык пересказа находился на начальном этапе формирования. При составлении рассказов или описания предмета пропускали отличительные признаки, важные детали, при наводящих вопросах со стороны экспериментатора использовали указательные

жесты. Помощь для выполнения задания не принимали, дополнительную инструкцию не брали даже в упрощенной формулировке.

Выводы

Проанализировав результаты диагностики, мы выделили ряд особенностей связной речи у дошкольников с ОНР: сложности в построении связного высказывания, ограниченный словарный запас, неправильное использование в речи лексических единиц, преобладание в высказывании существительных и глаголов, неточное употребление форм прилагательных и глаголов, однотипные нераспространенные, малоинформативные предложения, ограниченность средств речи, используемых в построении фразы, нарушения смысловой организации высказывания, отсутствие четкости, последовательности построения фразы.

Наличие обозначенных выше особенностей связной речи у данной категории детей объясняется, на наш взгляд, с одной стороны системным нарушением у них всех компонентов речевой системы, а с другой стороны – несовершенством существующей традиционной методики ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородич, А.М. Методика развития речи детей дошкольного возраста. – М.: Просвещение. – 2014 – 189 с.
2. Воробьева, В.К. Методика развития связной речи у детей с системным недоразвитием речи: учебное пособие / В.К. Воробьева. – М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2016 – 233 с.
3. Выготский, Л.С. Психология развития человека: учебное пособие / Л.С. Выготский. – М.: Эксмо, 2012 – 1136 с. – ISBN 5-699-13728-9.
4. Глухов, В.П. Методика формирования навыков связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи: учебное пособие для вузов / В.П. Глухов. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 231 с. – URL: https://urait.ru/bcode/474562 (дата обращения: 22.05.2022).
5. Ефименкова, Л.Н. Формирование речи у дошкольников: учебное пособие / Л.Н. Ефименкова. – М.: Просвещение, 2015 – 221 с.
6. Левина, Р.Е. Общее недоразвитие речи. Основы теории и практики логопедии: учебное пособие / Р.Е. Левина, Н.А. Никашина. – М.: Альянс, 2013. – 366 с.
7. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность: учебное пособие / А.А. Леонтьев. – М.: Красанд, 2010. – 216 с.
8. Рубинштейн, А.Г. Основы общей психологии: учебное пособие / А.Г. Рубинштейн. – М.: Просвещение, 1989. – 487 с.
9. Сохин, Ф.А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников: учебно-методическое пособие / Ф.А. Сохин. – Воронеж: МОДЭК. – 2005. – 223 с.
10. Ушакова О.С. Методика развития речи детей дошкольного возраста: учебно-методическое пособие / О.С. Ушакова, Е.М. Струнина. – М.: Владос, 2004. – 288 с.
11. Филичева, Т.Б. Дети с общим недоразвитием речи. Воспитание и обучение: учебно-методическое пособие / Т.Б. Филичева, Т.В. Туманова. – М.: Гном и Д, 2000 – 128 с.
12. Arkhipova, S.V. The formation of the coherent speech of junior schoolchildren with intellectual disabilities by means of animation-based therapy / S.V. Arkhipova, O.S. Grishina, N.G. Minaeva, T.A. Mikheikina, N.V. Ryabova // Revista inclusions. – Vol. 6 – Numero Especial – Octubre – Diciembre, 2019 – pp. 47–62.

© Архипова Светлана Владимировна (arhipova.swetlana2011@yandex.ru), Лазуткина Ольга Романовна (o.lazutkina2017@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИКТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЗВУКОВОГО АНАЛИЗА И СИНТЕЗА У ДОШКОЛЬНИКОВ С ФОНЕТИКО-ФОНЕМАТИЧЕСКИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ[1]

THE USE OF ICT TOOLS IN THE FORMATION OF SOUND ANALYSIS AND SYNTHESIS IN PRESCHOOL CHILDREN WITH PHONETIC-PHONEMATIC SPEECH UNDEVELOPMENT

A. Gamajunova
O. Bobkova

Summary: The article is devoted to the organization of speech therapy work with children with phonetic-phonemic underdevelopment of speech (PPU). The results of an experimental study devoted to the development and testing of the methodology for the formation of sound analysis and synthesis in preschoolers of this category by means of information and communication technologies (ICT) are presented.

Keywords: phonetic and phonemic underdevelopment of speech, preschoolers, sound analysis and synthesis, information and communication technologies, interactive speech therapy simulator.

Гамаюнова Антонина Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
Gamaenova@yandex.ru
Бобкова Ольга Валерьевна
кандидат педагогических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск)
bobkova7@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена организации логопедической работы с детьми, имеющими фонетико-фонематическое недоразвитие речи (ФФН). Приведены результаты экспериментального исследования, посвященного разработке и апробации методики формирования звукового анализа и синтеза у дошкольников данной категории средствами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Ключевые слова: фонетико-фонематическое недоразвитие речи, дошкольники, звуковой анализ и синтез, информационно-коммуникационные технологии, интерактивный логопедический тренажер.

Сформированность фонематических процессов имеет огромное значение для речевого развития дошкольника. Так, фонематическое восприятие обеспечивает правильное формирование звукопроизносительных умений у ребенка и оказывает большое влияние на становление грамматического строя речи. А в старшем дошкольном возрасте сформированность таких процессов как звуковой анализ и звуковой синтез определяют успешность овладения грамотой. В дальнейшем недостаточная сформированность фонематических процессов негативно сказывается и на письменной речи ребенка, приводя к возникновению специфических ошибок при чтении и письме.

Анализ исследований в области педагогики и логопедии выявил тенденцию к увеличению детей с несформированностью фонематических процессов. В логопедии данный недостаток встречается в структуре такого нарушения как фонетико-фонематическое недоразвитие речи.

Теоретические и практические аспекты организации логопедической работы по профилактике, диагностике и коррекции ФФН традиционными средствами обучения раскрыты в трудах Н.С. Жуковой, Е.В. Колесниковой, Р.И. Лалаевой, Р.Е. Левиной, Г.А. Каше, Т.А. Ткаченко, Т.Б. Филичевой, М.Ф. Фомичевой и др. Вместе с тем, у логопеда возникает необходимость в применении современных средств обучения, таких, как информационно-коммуникационные технологии. Недостаточная разработанность практических аспектов применения средств ИКТ в логопедической работе по формированию звукового анализа и синтеза у дошкольников с ФФН обусловливает актуальность темы исследования.

Впервые термин «фонетико-фонематическое недоразвитие речи» был введен группой ученых под руководством Р.Е. Левиной. Они определили его как нару-

1 Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме: «Научно-методические основы применения информационно-коммуникационных технологий в коррекционной работе учителя-логопеда».

шение процессов формирования произносительной системы родного языка у детей с речевыми расстройствами вследствие дефектов восприятия, дифференциации и произношения фонем, близких по акустико-артикуляционными характеристикам [8].

Из определения следует, что в структуру речевого дефекта при ФФН входят нарушения звукопроизносительных умений и несформированность фонематических процессов.

Согласно Р.Е. Левиной, состояние звукопроизношения детей с ФФН характеризуется следующими особенностями: во-первых, замена трудно произносимых звуков более простыми по артикуляции: [л] – [й], [ш] – [ф]; во-вторых, смешение звуков, близких артикуляционно или акустически: в данном случае мягкие согласные могут заменяться твердыми ([с] – [с`]), глухие звуки – звонкими ([п] – [б] и наоборот; в-третьих, замены группы звуков диффузной артикуляцией: артикуляционно близкие звуки заменяет неотчётливый звук, например: [ш] и [с] заменяются на мягкий звук [ш], вместо [ч] и [т] произносится смягчённый [ч]; в-четвертых, отсутствие некоторых звуков из группы, вызванное несформированностью фонематических процессов. Автором подчеркивается, что недостатки произношения у данной группы детей связаны преимущественно с недоразвитием фонематических процессов [8].

Восприятие и дифференциация фонем родного языка осуществляются благодаря фонематическим процессам, таким как: фонематический слух, фонематическое восприятие, фонематические анализ и синтез и фонематические представления.

В раннем возрасте фонематический слух выступает как сенсорная основа общеречевого развития детей в целом. Т.Б. Филичева фонематический слух определяет как тонкий, систематизированный слух, позволяющий различать и узнавать фонемы языка. Согласно автору, фонематический слух представляет собой непроизвольный процесс [10]. М.Е. Хватцев, фонематический слух считает не только непроизвольной дифференциацией фонем языка, но и осмыслением услышанных речевых единиц [11].

С точки зрения Т. Б. Филичевой, фонематическое восприятие – это целенаправленное действие, направленное на дифференциацию фонем с последующим определением звуковой оболочки слова [10]. Исследования Н.С. Варенцовой, Е.В. Колесниковой показали, что фонематическое восприятие у детей с нормой речевого развития и с сохранным слухом характеризуется непроизвольностью формирования, в то время как у детей с дизонтогенезом речевого развития оно бывает часто нарушенным [2].

Как пишут Т.Б. Филичева, Т.В. Туманова, А.В. Соболева, с возрастом фонематическое восприятие становится более совершенным и дифференцированным, тогда у дошкольников начинают развиваться навыки звукового анализа и синтеза. Звуковой синтез – это процесс соединения отельных звуков и звукосочетаний в целое слово. Под звуковым анализом авторами понимается способность раскладывать слова на составные элементы (звуки, слоги) [10].

Согласно Е.В. Колесниковой, первоначальные навыки звукового анализа появляются спонтанно в среднем дошкольном возрасте и продолжают свое становление все дошкольное детство. Наивысшей формой сформированности звукового анализа выступает фонематическое представление. Автор под фонематическими представлениями понимает аналитическую способность к дифференциации звуков, сопоставлению и обобщению фонем на основе уже имеющихся эталонов [4].

В фонетико-фонематическом недоразвитии речи Т.Б. Филичевой, Т.В. Тумановой, А.В. Соболевой выявляется несколько состояний: 1) недостаточное различение и затруднение в анализе только нарушенных в произношении звуков; 2) недостаточное различение большого количества звуков из нескольких фонетических групп при достаточно сформированной их артикуляции в устной речи; 3) неспособность слышать звуки в слове и как следствие – отсутствие навыков фонематического анализа и синтеза [10].

Таким образом, фонематическое восприятие осуществляется благодаря работе слухового анализатора. В то время как звуковой анализ и синтез представляют более сложную умственную деятельность, основанную на пространственно-временных представлениях. Его навыки не формируются самостоятельно или значительно отстают от онтогенеза. Поэтому особенно важно проводить коррекционно-развивающую работу, направленную на формирование этих навыков у данной категории детей.

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась на базе МБДОУ «Кочкуровский детский сад «Улыбка»» Кочкуровского муниципального района Республики Мордовия. В исследовании принимали участие 9 дошкольников в возрасте 4–5 лет с фонетико-фонематическим недоразвитием речи. Экспериментальная часть исследования выполнена при участии магистранта К.И. Арюткиной.

На первом этапе исследовательской работы нами был организован и проведен констатирующий эксперимент. Целью данного этапа выступало выявление актуального уровня сформированности звукового анализа и синтеза у дошкольников с ФФН. Методика констатирую-

щего эксперимента была составлена с учетом методических рекомендаций Л.В. Венедиктовой, Р.И. Лалаевой, Л.Г. Парамоновой и др. Содержание диагностических заданий позволило исследовать следующие компоненты речевой системы: особенности фонематического восприятия; сформированность звукового анализа и звукового синтеза; состояние звукопроизношения; сформированность звуко-слоговой структуры слов.

Анализ результатов констатирующего исследования позволил определить, что у дошкольников с ФФН присутствовали все виды нарушений звукопроизношения: искажение, замены и смешение. Чаще всего отмечались нарушения произношения сонорных, свистящих и шипящих звуков. У многих испытуемых отмечались недостаточная сформированность слоговой структуры слова, проявляющаяся в сокращении или увеличении, перестановке слогов местами, затруднения при воспроизведении слоговой структуры слов в предложениях.

Исследование особенностей фонематических процессов у испытуемых показало, что для дошкольников с ФФН характерно: 1) нечеткое различение на слух фонем в собственной и чужой речи (глухих – звонких, свистящих – шипящих, твердых – мягких, шипящих – свистящих – аффрикат); 2) низкий уровень сформированности звукового анализа и синтеза; 3) затруднения при анализе звукового состава речи.

Результаты констатирующего исследования позволили распределить дошкольников с ФФН на четыре группы, в соответствии с выявленными уровнями сформированности фонетико-фонематических процессов: дошкольники с достаточным уровнем – 0%; со средним – 22,2 %; с уровнем ниже среднего – 44,5%; с низким уровнем – 33,3%.

Полученные данные показали необходимость проведения коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с ФФН. Целью второго этапа нашего исследования выступили разработка и апробация методики формирования звукового анализа и синтеза у дошкольников с ФФН посредством применения логопедического тренажера как средства ИКТ.

Мы согласны с мнением Ю.Ф. Гаркуши, Н.А. Черлиной, Е.А. Маниной, которые под средствами ИКТ понимают совокупность программно-методического материала и технические средства, необходимые для его воспроизведения, применяемые в образовательном процессе [3].

А.Ю. Лагунов, К.К. Ожогова подчеркивают, что наиболее популярным в логопедической работе электронным средством обучения выступают авторские презентации. Согласно авторам, презентации, созданные в программе PowerPoint, показывают свою эффективность как при индивидуальной форме работы, так и при фронтальной [6].

Работы С.В. Архиповой, О.С. Сергеевой показали, что дидактический материал, представленный в форме интерактивного компьютерного тренажера положительно влияет не только на психоречевые процессы, но и на мотивацию детей с ограниченными возможностями здоровья. По мнению авторов, сочетание вербальных и визуальных компонентов в интерактивном тренажере позволяет задействовать несколько анализаторных систем: речеслуховую, речедвигательную, зрительную и кинестетическую. Это обеспечивает реализацию принципа полисенсорного подхода к обучению [1].

Исходя из вышесказанного, нами была выдвинута гипотеза, что использование логопедических тренажеров, выполненных в программе Microsoft PowerPoint, позволит значительно повысить эффективность коррекционно-развивающей работы. Поэтому в рамках формирующего эксперимента с дошкольниками были проведены индивидуальные занятия с использованием интерактивного логопедического тренажера. Частота проведения занятий составила 3 раза в неделю. Содержание занятий разрабатывалось индивидуально для каждого испытуемого, в зависимости от этапа логопедической работы и выявленных особенностей фонетико-фонематической стороны речи.

Содержание логопедической работы с дошкольниками, имеющими ФФН, включало следующие ключевые направления: 1) коррекция нарушений звукопроизношения; 2) формирование фонематических процессов; 3) коррекция нарушений слоговой структуры слова; 4) совершенствование лексико-грамматического строя речи; 5) расширение представлений об окружающем мире; 6) развитие высших психических функций.

Организация экспериментального обучения происходила поэтапно. Под задачи каждого этапа в программе Microsoft PowerPoint, был разработан интерактивный логопедический тренажер «Незнайка и его друзья», содержащий дидактические игры и упражнения для дошкольников с ФФН. Разработанный тренажер имел общий сказочный сюжет, что позволило представить весь дидактический материал в качестве квестовых заданий, решая которые, дошкольники помогали одному из жителей Цветочного города. Такая подача коррекционно-развивающего материала позволила не только увлечь детей сказочным путешествием, но и многократно отработать необходимые навыки. Отметим, что общая продолжительность использования интерактивного тренажера не противоречила нормам СанПиН и составляла не более 10 минут.

Как отмечалось выше, опытно-экспериментальное обучение осуществлялось поэтапно. Каждому этапу со-

ответствовал определенный модуль логопедического тренажера.

Первый этап работы был посвящен совершенствованию фонематического восприятия и формированию первоначальных навыков анализа и синтеза. Для этого нами был разработан модуль «Слушаем звуки». В содержание данного модуля были включены задания, позволяющие сформировать: способность дифференцировать неречевые звуки (игра «Помоги Незнайке и Мушке угадать, чей это звук» и др.); речевые звуки на материале звукоподражаний животных (игра «Угадай, кто где спрятался» и др.); первоначальные навыки звукового анализа и синтеза (игры «Чем похожи слова?», «Угадай первый звук в слове», «Посчитай, сколько слогов» и др.).

Второй этап работы предполагал работу над звукопроизносительной стороной речи. Содержание данного этапа было направлено на: совершенствование работы артикуляционного аппарата; исправление недостатков звукопроизношения; коррекцию нарушений слоговой структуры слова; дифференциацию смешиваемых звуков. Также осуществлялась отработка навыков звукового анализа и синтеза слов, состоящих из правильно произносимых звуков. Для этого этапа был разработан модуль «Произносим звуки». В содержание данного модуля были включены артикуляционные профили звуков, используемые нами при постановке звуков и во время работы над дифференциаций смешиваемых звуков. Показ правильной артикуляции сопровождался звуковым эффектом, содержащим нормативный образец произношения отрабатываемого звука. Также дошкольникам предлагались интерактивные игры, направленные на автоматизацию поставленного звука и дифференциацию смешиваемых звуков во всех позициях (изолированно, в слогах, в словах и фразах). Например: в игре «Незнайка убирает листья» дошкольнику было необходимо произносить изолированно звук [щ], имитирующий звук метлы; с помощью игры «Делим между Пулькой и Булькой» дошкольники отрабатывали навык дифференциации согласных звуков [ж] и [ш]; игра «Помоги художнику Тюбику подписать рисунки» была направлена на дифференциацию артикуляционных укладов звуков [с] и [ш].

Третий этап опытно-экспериментальной работы был посвящен формированию звукового анализа и синтеза у дошкольников с ФФН. Для реализации данной задачи был разработан модуль «Звуки в нашей речи». В содержание данного модуля вошли следующие задания: выделение из слов правильно произносимых звуков; определение позиции звука в слове; определение звуко-слогового состава слова; анализ и синтез односложных, двух-трехсложных слов. Например, упражнение «Составь слово» было направлено на совершенствование умения выделять формируемые звуки в двух-трехсложных словах с их наличием; в игре «Помоги Пончику» отрабатывалось умение осуществлять звуко-слоговой анализ слова: дошкольникам необходимо было соотнести слово с его звуковой схемой. Следует отметить, что данные упражнения также способствовали подготовке дошкольников с ФФН к обучению грамоте.

Для определения эффективности применения логопедического тренажера при формировании навыков звукового анализа и синтеза у дошкольников с ФФН, нами был проведен контрольный эксперимент. Методика контрольной диагностики была идентична методике констатирующего исследования, что позволило определить динамику в формировании фонетико-фонематической стороны речи.

Качественный анализ полученных результатов показал значительные улучшения в состоянии звукопроизносительных умений у дошкольников, в частности скоррегировались смешения и замены звуков простыми по артикуляции и диффузной артикуляции звуков; состояние сформированности слоговой структуры слова стало соответствовать возрастным показателям нормы; в значительной степени были устранены выявленные несовершенства в сформированности фонематических процессов. Так, большинство детей научились правильно воспринимать и дифференцировать звуки в соответствии с их акустическими характеристиками и овладели навыками звукового анализа и синтеза. Количественный анализ результатов исследования показал, что после проведения опытно-экспериментальной работы число детей с достаточным уровнем сформированности фонетико-фонематических процессов увеличилось до 22,2%, в то время как детей с низким уровнем выявлено не было.

Таким образом, проведенное исследование доказало эффективность использования средств ИКТ в логопедической работе по формированию звукового анализа и синтеза у дошкольников с ФФН. Анализ психолого-педагогической литературы и результаты исследовательской работы показали, что авторские интерактивные тренажеры: во-первых, повышают результативность коррекционной работы; во-вторых, позволяют поддерживать внимание и мотивацию дошкольника на протяжении всего коррекционного воздействия; в-третьих, задействуют несколько анализаторных систем, что позволяет реализовать принципы полисенсорного коррекционного воздействия и опоры на сохранные анализаторы, что особенно важно в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова, С.В. Интерактивный тренажер как инструмент совершенствования процесса обучения математике учащихся с нарушением интеллекта / С.В. Архипова, О.С. Сергеева. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 3 (15). – С. 77–81.
2. Варенцова, Н.С. Развитие фонематического слуха у дошкольников / Н.С. Варенцова, Е.В. Колесникова. – Москва: Академия, 1997. – 221 с. – Текст: непосредственный.
3. Гаркуша, Ю.Ф. Новые информационные технологии в логопедической работе / Ю.Ф. Гаркуша, Н. А. Черлина, Е.А. Манина. – Текст: непосредственный // Логопед. – 2004. – № 2. – С. 22–25.
4. Колесникова, Е.В. Развитие звуковой культуры речи у детей 3–4 лет / Е.В. Колесникова. – Москва: ГНОМ-Пресс, 2014. – 80 с. – Текст: непосредственный.
5. Кукушкина, О.И. Информационные технологии в обучении произношению / О.И. Кукушкина, Т.К. Королевская, Ю.Б. Зеленская. – Москва: Полиграф-Сервис, 2004. – 158 с. – Текст: непосредственный.
6. Лагунов, А.Ю. Особенности применения компьютера в логопедической практике в детском саду / А.Ю. Лагунов, К.К. Ожогова. – Текст: непосредственный // Научные труды SWorld. – 2016. – Т. 5. – № 45. – С. 24–28.
7. Лапп Е.А. Современный логопедический урок. Технологии, методы, приемы обучения и коррекции речи. ФГОС / Е.А. Лапп, Н.Г. Фролова. – Волгоград: Учитель, 2019. – 231 с. – Текст: непосредственный.
8. Основы теории и практики логопедии / под ред. Р.Е. Левиной. – Москва: АльянС, 2017. – 368 с. – Текст : непосредственный.
9. Ткаченко, Т.А. Развитие фонематического восприятия. Альбом дошкольника: пособие для логопедов, воспитателей и родителей / Т.А. Ткаченко. – Москва: Гном и Д, 2005. – 32 с. – Текст: непосредственный.
10. Филичева, Т.Б. Подготовка к школе детей с ФФН / Т.Б. Филичева, Т.В. Туманова, А.В. Соболева. – Москва: Национальный книжный центр, 2019. – 120 с. – Текст: непосредственный.
11. Хватцев, М.Е. Логопедия / М.Е. Хватцев; под научной редакцией Р.И. Лалаевой, С.Н. Шаховской. – Москва: Владос, 2009. – 272 с. – Текст: непосредственный.

© Гамаюнова Антонина Николаевна (Gamaenova@yandex.ru), Бобкова Ольга Валерьевна (bobkova7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.18

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСЛЕКСИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ[1]

CURRENT PRACTICES FOR OVERCOMING DYSLEXIA IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN

E. Zolotkova
Ya. Borisova

Summary: The article discusses current practices for overcoming dyslexia in children with severe speech disorders. The presented techniques, games and exercises are a methodological complex of effective corrective action designed to correct existing reading disorders and improve the reading skill of a younger student.

Keywords: dyslexia, reading, younger schoolchildren, correction, severe speech disorders.

Золоткова Евгения Вячеславовна
Кандидат педагогических наук, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
zzolotkova@yandex.ru
Борисова Яна Александровна
Магистрант, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
borisovaya.13@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные практики преодоления дислексии у детей с тяжелыми нарушениями речи. Представленные приёмы, игры и упражнения представляют собой методический комплекс эффективного коррекционного воздействия, предназначенный для исправления имеющихся нарушений чтения и совершенствования навыка чтения у младшего школьника.

Ключевые слова: дислексия, чтение, младшие школьники, коррекция, тяжёлые нарушения речи.

Процесс чтения играет значительную роль в развитии психики человека. Этот навык влияет на обучение. Если у ребёнка есть нарушения чтения, он хуже воспринимает учебный материал, что сказывается на его успеваемости. На это указывают ряд авторов: Б.Г. Ананьев, В.Г. Горецкий, Т.Г. Егоров, Г.А. Каше, Р.И. Лалаева, Р.Е. Левина, Л.И. Тикунова и др.

Нарушения чтения у детей (дислексии) являются одной из самых актуальных проблем логопедии. Дислексии оказывают отрицательное влияние на весь процесс обучения, на психическое и речевое развитие ребенка. Своевременное выявление и определение патогенеза нарушений чтения каждого ребенка, отграничение дислексии от ошибок чтения другого характера очень важно для работы по коррекции нарушений чтения [1, с. 55].

Развитие навыка чтения является важнейшей задачей логопедической работы со школьниками, имеющими общее недоразвитие речи. С.Н. Каштанова, Ю.А. Курылева указывают, что дислексия негативно влияет на развитие психического и личностного развития ребенка, осложняет процесс его социальной адаптации в среде сверстников, формирование готовности к школьному обучению. Следствием несвоевременного преодоления речевых нарушений является неуспеваемость обучающихся по основным школьным предметам. В образовательных организациях основную деятельность по преодолению недостатков речевого развития выполняет учитель-логопед [3, с. 105]. От систематичности и целенаправленности логопедической работы зависит не только речевое, но и психическое и личностное развитие детей, успешность их дальнейшего школьного обучения.

Лишь в процессе коррекционно-развивающих занятий возможно постепенное формирование процесса чтения у младших школьников с общим недоразвитием речи и преодоление дислексических процессов.

М.В. Пыленок, А.М. Шорагян, А.А. Яковлева подчеркивают, что в последние годы отмечается активный рост числа детей, испытывающих трудности в овладении навыком чтения, предпосылками к развитию дислексии. Если ребёнок плохо читает, это сказывается на его успеваемости по школьной программе [4, с. 38]. В связи с этим необходима своевременная и комплексная работа над «западающими» сторонами речи ребёнка.

Крайне важно при выполнении заданий учитывать

1 Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева») по теме: «Научно-методические аспекты логопедической работы по преодолению дислексии у младших школьников»

следующие условия: ребёнок должен быть замотивирован на работу; занятия должны проводиться систематично; необходимо постепенно усложнять условия заданий с учётом возрастных и индивидуальных особенностей ребёнка; на заключительном этапе работы ребёнок должен выполнять задания самостоятельно.

Реализация поставленных задач, по мнению С. Голубович, А.А. Дмитриева, В.Г. Колягина, возможна лишь в случае взаимосвязанной работы в нескольких направлениях: развитие психических процессов; развитие связной речи; восполнение пробелов в развитии лексического запаса с овладением синтаксическими конструкциями разной сложности; коррекция дефектов звукопроизношения у детей с нарушением чтения, а также развитие звуковой стороны речи [2, с. 57].

По вышеперечисленным направлениям мы подобрали наиболее интересные игры и упражнения, которые можно использовать в коррекционной работе по преодолению дислексии у младших школьников.

Игра «Весёлые человечки» направлена на развитие зрительного восприятия и закрепление целостного образа буквы. Для проведения игры необходимо подготовить карточки с изображениями, составленных из цифр или букв. Младшему школьнику необходимо найти все цифры или буквы, спрятанные на рисунке. Если ребёнок быстро выполнил это задание, можно дать ему дополнительное: составить слова из найденных на картинке букв. Крайне важно, чтобы ребёнок еще и показал букву на рисунке. Больше всего внимания нужно обратить на написание букв и цифр в зеркальном отображении.

Позднее для формирования и укрепления целостного образа буквы, можно предложить младшему школьнику карточки с зеркальным и правильным написанием печатных и письменных букв. В первую очередь буквы даются по парам (правильная-неправильная), а затем уже выборочно [4, с. 40].

С помощью игры «Буквоед» закрепляем целостное восприятие букв и их сочетаний; развиваем аналитико-синтетическую деятельность, а также совершенствуем навык чтения. Для данной игры нам понадобится карточка с недописанными буквами. Перед ребёнком нужно положить карточку и сообщить, что Буквоед откусил кусок от каждой буквы, и теперь никто с ними не играет, слов не составляет. Ребёнку нужно восстановить буквы.

В более старшем классе можно дать ребёнку попробовать восстановить текст, а также ответить на вопросы по нему.

Зрительное внимание и навык чтения можно развивать, используя приём чтения наложенных друг на друга букв, слогов, слов. Младшему школьнику даётся карточка. Он должен найти буквы, слоги и слова, которые он на этой карточке заметил. Можно предложить записать эти слова в тетрадь.

Игра «Перечёркнутые строки» способствует закреплению целостного образ букв; развитию навыка чтения и аналитико-синтетической деятельности. Для данной игры нужно подготовить карточку со словами или текстом с закрашенной верхней или нижней половиной. Взрослый даёт ребёнку карточку, а он должен прочитать слова или текст, написанный на ней. После того, как ребёнок прочитал, можно предложить ему задания: назови одним словом; назови лишнее слово; распредели слова на две группы и т.п.

Для развития простых форм фонематических процессов, фонематического слуха, а также умения проводить звуковой анализ слов предлагаем ребёнку игру «Найди друзей». Изначально ребёнку предлагается отобрать те картинки, в начале которых стояли твёрдые или мягкие согласные. Позднее можно усложнить задание, дав ребёнку те картинки, которые начинаются с одной буквы: либо с мягким звуком, либо с твёрдым.

Игра «Сосчитай звуки» способствует формированию умения определять количество звуков в слове, развитию фонематического слуха, а также умения проводить звуковой анализ и синтез. Внимательно посмотрев на картинки, младший школьник должен произнести слово, а затем перечислить звуки этого слова. В конце задания ребёнок должен подсчитать количество звуков и соотнеси картинку с предложенными схемами.

Интересна детям и игра «Собери слово», в ходе которой ребёнку даётся листок, на котором необходимо найти одинаковые картинки. Если из найденных букв можно составить слово, то картинку нужно раскрасить. Игра направлена на развитие навыков зрительного восприятия, навыка звукового синтеза слов, совершенствование навыка чтения и на обогащение словарного запаса.

Логопедическое воздействие на ребёнка с дислексией проводится с использованием различных методов, которые являются совместной деятельностью педагогов, детей и родителей, направленной на овладение младшими школьниками знаниями, умениями и навыками по формированию умственных способностей, положительного поведения и личностных качеств. Внедрение того или иного метода задаётся речевым нарушением, содержанием, педагогическим замыслом коррекционно-логопедического воздействия, фазой работы, а также индивидуальными особенностями ребёнка. Только при выполнении всех условий сопровождения ребёнка с дислексией можно добиться благоприятного результата, который скажется положительно не только на речи младшего школьника, но и на его высших психических функциях и психологическом здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, Л.С. Логопедия. Методическое наследие: учебное пособие / Л.С. Волкова. – Москва: Владос, 2006 – 432 с. – Текст: непосредственный.
2. Дислексия, нарушения сенсорной интеграции и синдром скотопической чувствительности (часть 2) / С. Голубович, А.А. Дмитриев, В.Г. Колягина [и др.] // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2021. – № 3. – С. 55–61. – Текст: непосредственный.
3. Каштанова, С.Н. Исследование предпосылок дислексии у детей дошкольного и младшего школьного возраста / С.Н. Каштанова, Ю.А. Курылева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72–2. – С. 104–107. – Текст: непосредственный.
4. Пыленок, М.В. Проблема коррекции дислексии у младших школьников в науке и педагогической практике / М.В. Пыленок, А.М. Шорагян, А.А. Яковлева // Мир университетской науки: культура, образование. – 2022. – № 6. – С. 36–42. – Текст: непосредственный.

© Золоткова Евгения Вячеславовна (zzolotkova@yandex.ru), Борисова Яна Александровна (borisovaya.13@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.21

ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДИЧЕСКОГО РЕСУРСА «КАРТА ВИЗУАЛИЗАЦИИ» В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСВОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ОБУЧАЮЩИМИСЯ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛЬНОЕ (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ) ОБРАЗОВАНИЕ[1]

THE POTENTIAL OF THE METHODOLOGICAL RESOURCE "VISUALIZATION MAP" IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF MASTERING THEORETICAL MATERIAL BY STUDENTS OF THE TRAINING AREA OF SPECIAL (DEFECTOLOGICAL) EDUCATION

M. Lavrentieva
E. Zolotkova
O. Grishina

Summary: The article is devoted to the disclosure of one of the aspects of the problem of the quality of mastering the theoretical material by students in the special (defectological) education, the profile of Speech Therapy. The relevance of the transformation of teachers' approaches to the presentation of theoretical material in lectures and the choice of methodological resources for its development by students of generation Z is argued. The requirements of generation Z to professional education are characterized. A methodical resource «visualization map» with the presentation of theoretical and methodological support for its application is proposed, which is effective for resolving the identified pedagogical problems. The pedagogical potential of using the «visualization map» in establishing the achievements of students and teachers in the named process is proved.

Keywords: mastering theory, methodological resource, visualization map.

Лаврентьева Марина Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск
lavrentyeva1866@yandex.ru
Золоткова Евгения Вячеславовна
кандидат педагогических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск
zzolotkova@yandex.ru
Гришина Ольга Сергеевна
Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск
grishina0609@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена раскрытию одного из аспектов проблемы качества освоения теоретического материала обучающимися направления подготовки Специальное (дефектологическое) образование профиль Логопедия. Аргументируется актуальность трансформации подходов преподавателей к представлению теоретического материала на лекционных занятиях и выбору методических ресурсов для его освоения обучающимися поколения Z. Характеризуются требования поколения Z к профессиональному образованию. Предлагается результативный для разрешения обозначенной педагогической проблематики методический ресурс «карта визуализации» с представлением теоретико-методического обеспечения его применения. Доказывается педагогический потенциал применения «карты визуализации» при установлении достижений обучающихся и преподавателей в названном процессе.

Ключевые слова: освоение теории, методический ресурс, карта визуализации.

Методические ресурсы – существенный и неотъемлемый компонент образования, реализующий его инструментальное сопровождение. Это все то, что транслируется преподавателем обучающемуся – знания, умения и навыки, а также способы трансляции. Данные ресурсы имманентны целевой миссии образования, предполагающей развитие личности и ее подготовку к успешной жизни и деятельности в высокотехнологичной социокультурной среде в условиях нарастающей сложности и непрерывных изменений. Методические ресурсы подготовки педагога, в том числе и по направлению Специальное (дефектологическое) образование,

1 Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева») по теме: «Методическое сопровождение образовательного процесса по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование профиль Логопедия».

должны соответствовать идеологии современного практико-ориентированной профессионального образования, базирующегося на принципах перспективности, полноты деятельности, цикличности, технологической диверсификации, креативной ценности продукта, интерактивности в рамках дидактической системы [7].

Выбор перспективных методических ресурсов детерминируется множеством факторов. Одним из них, который нельзя игнорировать, является менталитет и образ жизни «цифрового поколения» – поколения Z. Глобальная цифровизация предопределила формирование как позитивных характеристик поколения (цифровая компетентность, высокая переключаемость, адаптация к трансформациям информационно-коммуникационного пространства, многозадачность, выраженное стремление к самовыражению и творчеству и т. д.), так и негативных феноменов (цифровая зависимость, изменение гностических и мнестических процессов, клиповое мышление, фрагментарность «картины мира», обесценивание духовно-нравственной жизни человека, стремление обладать инклюзивным продуктом и т. д.) [4].

Собственный многолетний опыт преподавательской деятельности позволяет констатировать типичные феномены современного студенчества: приоритет при работе с информацией принадлежит Всемирной паутине; предпочтение отдается лаконичным форматам представления информации, с том числе и в теоретическом обучении – ориентация на конспекты лекций и их краткие презентации; доминанта визуального способа восприятия информации, быстрое принятие инноваций в сфере цифровых технологий; параллельность реализации видов деятельности (например, выполнения учебных видов работ и разнопланового социального взаимодействия средствами цифровых ресурсов). Но, к сожалению, для большинства обучающихся доступность ресурсов цифровой среды и реализация «многозадачности» – это значительная психологическая нагрузка, определяющая снижение работоспособности, дефициты аналитических и критических умений при работе с информацией, «поверхностность» предметного изучения и отсутствие стремления получения «глубинного» знания.

Требования поколения Z к профессиональному образованию следует определить такими критериями, как доступность, мгновенность, лаконичность, актуальность и прагматичность. Следовательно, задача вуза, заключается в том, чтобы обучение было максимально структурированным, практико-ориентированным, вдохновляющим и мотивирующим одновременно. Общепризнанной является рекомендация учета в процессе преподавания позитивных характеристик современного «цифрового» студента и выбора адекватных методических ресурсов для нивелирования негативных феноменов.

Реализуемая в Мордовском государственном педагогическом университете имени М.Е. Евсевьева практико-ориентированная модель профессиональной подготовки обучающихся по направлению Специальное (дефектологическое) образование профиль Логопедия предполагает формирование у обучающихся способности самообразования на основе осознаваемой ими цели обучения и умения управлять своими действиями в достижении цели получения профессиональной квалификации. Основным механизмом такой подготовки является максимально раннее погружение студента в профессию, обосновывающееся постулатами системно-ориентационного подхода к образованию: развитие понимается как выбор и освоение субъектом развития тех или иных инноваций. Для повышения качества методического обеспечения образования преподавателями вуза было реализовано: совершенствование традиционно применяемых форм и способов обучения; актуализация в образовательном процессе связи теоретического обучения с практической деятельностью; внедрение новых образовательных технологий и ресурсов; усовершенствование технологического обеспечения процесса проведения различных видов аудиторных и внеаудиторных занятий; совершенствование процесса организации самостоятельной работы студентов; оптимизация процессов управления учебным процессом и организации педагогического труда. Интерактивные образовательные ресурсы, применяемые в проведении занятий, организационно изначально имеющих практическую направленность (лабораторно-практические, практикумы, собственно практики), проектируются с акцентуацией на решение педагогических задач, направленных на нахождение общего способа профессионального действия, из которого можно получить многообразие уникальных и специфичных для разных условий профессиональных действий. Они учитывают и плюсы, и минусы современного «цифрового» студента [5].

Однако поиски перспективных образовательных ресурсов для повышения качества освоения теоретического материала студентами направления подготовки Специальное (дефектологическое) образование по-прежнему актуальны. Для поколения Z академический формат вузовской лекции не эффективен. В качестве оптимизации процесса раскрытия теории рекомендуется «убеждать, объяснять, показывать яркие презентации, обсуждать и приводить аргументы, не перегружая большими объемами информации (информация должна быть сразу понятной и «цепляющей»), подавать информацию в доступном виде (предпочтительно визуальном), вовлекать в активное взаимодействие» [2].

В настоящее время преподаватели стремятся применять интерактивные форматы лекций, которые предполагают не получение «готового знания», а его выработку в рамках равноправного сотворчества субъектов об-

разовательного процесса. Привлечение средств мультимедиа – это тоже типичный путь взаимодействия при рассмотрении теоретического материала. В настоящее время лекция-визуализация с опорой на презентацию, воспроизводящую структурированную информацию в виде разноплановых наглядных и графических объектов, наиболее распространенный вариант представления теории учебных предметов. Визуальное представление сложной учебной информации ясно, содержательно, эстетически привлекательно. Теоретико-методическое обоснование названного процесса в контекстах развития психики и образования осуществлено еще Б.Г. Ананьевым, В.В. Давыдовым, А.Н. Леонтьевым, Д.Б. Элькониным и др. В методическом плане – наиболее известна методика опорных конспектов В.Ф. Шаталова, активно включаемая в реновационный контекст современного образования. Тренд двухтысячных – применение инфографики в различных областях и сферах деятельности – переопределил помимо «классических» логических (структурно-семантических) блок-схем появление в презентациях лекторов визуальных образов (разномодальных знаков, символов, рисунков), способствующих восприятию за счет включения механизмов ассоциативного мышления.

Личный опыт последних лет – опыт применения визуальных образов при раскрытии теоретического материала учебных предметов и анализ его результатов – стали основанием для констатации определенного факта. Эффективность инфографики как средства транслирования теоретического материала лектором детерминирована потенциалом априори свойственных ей характеристик: структурирования, генерализации и архивации вербальной информации с целью повышения качества процессов ее восприятия, осмысления и запоминания слушателями. Но установлен и, казалось бы, парадоксальный феномен: предлагаемые преподавателем визуальные образы в общем контексте графики оптимизируют осмысление материала, но не являются основой для запоминания. Ответ, на наш взгляд, достаточно прост – это ассоциации поколения преподавателей, а не «цифрового» поколения. Данное «расхождение» обусловило поиск методического ресурса, который мог бы его нивелировать и одновременно повысить эффективность освоения теоретического материала обучающимися направления подготовки Специальное (дефектологическое) образование.

Одним из методических ресурсов, имеющим потенциал в решении обозначенных выше задач, является «карта визуализации». Не вступая в «терминологические» дискуссии о данном ресурсе, в том числе и о его дифференциации или отождествлении с Mind Map – ментальными картами, охарактеризуем специфику его применения в рассматриваемом контексте профессионального образования логопедов.

Идея. Карта визуализации, самостоятельно разрабатываемая «цифровым» студентом, нивелирует расхождения в «картинах мира» поколений и, тем самым, корригирует и оптимизирует процесс освоения теоретического материала обучающимися.

Обоснование. Эффективность освоения теоретического материала обучающимся зависит не только от профессионализма лектора в его представлении, но и от качества процесса его интериоризации, в значительной степени детерминируемым внутренней мотивированностью и активностью студента. Основным условием проявления названных детерминантов является соответствующая организация учебной работы студента. Изменить мотивацию и повысить активность обучающегося невозможно только при решении задач репродуктивного характера по закреплению объясненного материала. Студент должен стать активным субъектом процессов поиска, аккумулирования и преобразования цивилизационных знаний. Самостоятельная «добыча» знания и ощущение при этом победы как результата своего труда возможна в условиях творческой, продуктивной деятельности.

Методический контекст

В условиях цифровой трансформации образования преобразуется и методическая система обучения со всеми ее компонентами. Поколение Z – драйвер изменений трендов образования. Одним из трендов является микрообучение. Его педагогическая дефиниция пока не устоялась: микрообучение характеризуется как форма обучения, как образовательная технология, как формат образования. Существует и такое определение: «С одной стороны, микрообучение это самостоятельные учебные элементы, которые включены в общую стратегию обучения, а с другой – это совокупность образовательных технологий, которые позволяют сфокусировать обучающихся на конкретный образовательный результат» [3]. Однако вне зависимости от педагогической трактовки в представлении его характеристик отечественные исследователи имеют практически единое мнение и выделяют: концентрированность (фрейм обучения должен быть максимально кратким с фокусировкой на конкретной теме, но с соответствием единой цели обучения); интерактивность (организация ситуаций разнопланового взаимодействия для вовлечения обучающихся в процесс обучения); продуктивность (создание некого продукта как образовательного результата); разнообразие (применение разномодальных ресурсов); мобильность (возможность работы на всех типах и видах устройств класса персональных компьютеров). В качестве ключевых постулатов организации фрейма обучения можно сформулировать следующее: максимальная структурированность микроконтета, отвечающего таким требованиям, как самодостаточность, автономность, мульти-

форматность; соответствие временных рамок фрейма длительности процесса раскрытия сути изучаемого с исключением избыточной информации; достижение образовательных результатов в рамках «короткой» учебной деятельности со спецификой «пошаговости»; функционал самостоятельного элемента обучения и потенциал включения в общую стратегию обучения и, следовательно, в комплекс образовательных форматов по достижению предполагаемых образовательных результатов. Представленные характеристики микрообучения позволяют в рассматриваемом контексте профессионального образования логопедов отождествить его именно с методическим контекстом.

Средства

С целью разрешения существующей педагогической задачи оптимизации учебного процесса – «минимум времени – максимум информации» – ресурсы визуализации применяются на всех этапах и во всех форматах образования. В настоящее время визуальному образу как популярному формату представления разномодального материала придается значение полноценной информационной единицы. Исследователи, работающие в сфере педагогической проблематики, утверждают, что при широком использовании визуализации учебной информации ее педагогическая теория остается неразработанной [6]. Отмечают несформированность понятийного аппарата, отсутствие методических рекомендаций по работе с визуализированной информацией и требований к ее результатам [1].

В прагматическом контексте средства визуализации учебной информации характеризуются, как правило, в рамках известных техник визуализации, применяемых в образовании: тайм-лайн (представление событий в темпоральной логике); хронолайнер (анализ и создание иллюстративно-хронологических материалов); графическая фасилитация (применение определенной конфигурации графических знаков с целью организации той или иной деятельности); мнемоника (аналог пиктограммы – способ визуализации некоего объекта, субъекта, феномена в виде изображения, набора символов либо предметов); интеллект-карты (способ визуализирования мыслительного процесса в формате нелинейных схем, как правило, отражение появления идей, концепций, стратегий и т.п.); скрайбинг (синхронность изложения материала и представления визуального ряда – иллюстрирование узловых моментов и иерархии их взаимосвязи); скетчноутинг (способ фиксирования информации – иллюстрированные заметки – запись содержания с применением комбинации текста и графических знаков); инфографика (графический способ информирования о какой-либо феномене, о ряде фактов, проблеме; основное отличие от иных способов визуализации – метафоричность).

Алгоритм деятельности преподавателя и студента по разработке карты визуализации учебной темы

Подготовительная фаза. Поиск рациональных решений упорядочения и управления процессом визуализации учебной информации в образовательном процессе сегодня остается актуальной педагогической проблемой. Общепризнанного сценария проектирования учебных ситуаций с применением визуальных ресурсов, в том числе и по работе с картами визуализации, конечно, нет. Тем не менее, попробуем предложить некоторые рекомендации в формате тезисов.

Во-первых, применение карт визуализации – это не вещь в себе, это тот образовательный ресурс, который должен органично включиться в общую систему формирования универсальных и профессиональных компетенций. Данную интеграцию невозможно результативно осуществить без учета «визуалоцентричности» современного поколения и формирования у обучающихся особой культуры визуализации с обеспечением таких функций, как: информационно-кумулятивная (накопление и транслирование опыта применения графической информации); гносеологическая (развитие интеллекта в графической деятельности); коммуникативно-социальная (освоение норм коммуникация с применением визуальных ресурсов); семиотическая (конкретизация содержания обучения); аксиологическая (установление норм, смыслов и ценности визуальных единиц учебной информации); креативно-преобразующая (развитие творчества) [1].

Во-вторых, проектирование подобных учебных ситуаций достаточно трудоемкий процесс для преподавателя, предполагающий значительные интеллектуальные затраты при создании нового качества учебного материала с учетом того, что академический формат учебного занятия – лекционное занятие, по-прежнему актуален. Преподаватель должен определить не только совокупность знаний, какую должны освоить студенты в рамках учебной темы предметной области, но и спрогнозировать успешность обучающихся в процессе «восприятие – осмысление – запоминание». Современная лекция-визуализация – это не столько раскрытие теоретического материала с опорой на видеоконтент (а, иногда, только комментирование предъявляемого визуального ряда), сколько это «срежиссированный» процесс познания в интерактивном взаимодействии преподавателя со студентами. Педагогическая режиссура предполагает реализацию работы в двух планах. Первый план – трансформация самого содержания лекции: максимально четкая структурация теоретического материала в логике микрообучения с выделением не более 5 ключевых вопросов-пунктов или микроконтентов; привлечение визуальных образов, представляющих и иллюстрацию, и

самостоятельный источник информации (для дисциплин предметного блока особо значимо включение видеофрагментов логопедических ситуаций); обеспечение гармонии аудиализации и визуализации, где доминанта каждого из процессов будет определяться учебной задачей. Второй план – проектирование процесса взаимодействия во время лекции на основе учета механизмов визуализации и интериоризации информации. Отметим, что лекция-визуализация с ее презентационным материалом, как правило, не предполагает конспектирование обучающимися, акцент смещается на реализацию активного диалога – обсуждения и формулирования суждений-выводов. В целом, предлагаемый презентационный материал должен явиться прообразом карты визуализации учебной темы, пока базирующимся на ассоциациях преподавателя.

В-третьих, студенты должны иметь представление о процессе деятельности и прогнозируемом результате – разработке карты визуализации. Предварительно обсуждается суть процесса создания карты визуализации и ее значение, рассматриваются техники визуализации. Рациональна коллективная работа по определению критериев оценки созданного продукта, и, по большему счету, характеристик образовательного результата. Понимание критериев оптимизирует самостоятельную деятельность обучающихся.

Основная фаза – самостоятельная деятельность студента по разработке карты визуализации учебной темы. Начинается она уже в процессе лекции. На вводном этапе обучающимся рекомендуется найти свой зримый образ темы лекции. Затем в рамках каждого из микроконтентов лекции в процессе контроля преподавателем осмысления основных дидактических единиц делается пауза – следует предложение визуализировать основной вывод. На заключительном этапе студенты на основе своих визуализаций формулируют итоговые умозаключения. К практическому занятию в качестве доказательства проработки теоретического материала предлагается представить карту визуализации учебной темы.

В процессе разработки карты визуализации по учебной теме обучающийся реализуется и как субъект, воспринимающий информацию, и как транслятор информации. Он погружается в активную знаково-символическую деятельность – деятельность структурирования и преобразования информации, применения различных семиотических средств выражения и передачи смысла с ориентацией на создание конкретного продукта. Визуальная фиксация мыслей – «внешний план мыслеобразов» создается путем выбора графических выразительных средств для наиболее успешного отражения установленных ключевых смыслов учебной темы и их логических и иерархических связей. Формируется целостная композиция и, только после этого «проявляется» картина, представляющая конечный результат – собственно карту визуализации. На наш взгляд, карту визуализации учебной темы рационально определить как синтетическую форму организации информационного материала, содержащую и визуальные элементы, и текстовые фрагменты, поясняющие визуальные элементы (в первую очередь, это ключевые слова, определения, суждения и выводы).

В качестве основных постулатов, регулирующих процесс разработки карт обучающимися (и, в последующем, проявляющихся в критериях оценки образовательного продукта), определены: 1) лаконичность, но при этом полнота отражения смыслов микроконтента; 2) выразительность и ассоциативность представленных средств – адекватность передачи смыслов и их «запоминаемость»; 3) структурность – представление достаточно автономных логических модулей и выделение смысловых акцентов; 4) рациональность и эффективность привлеченных средств визуализации.

Самостоятельная деятельность обучающихся по созданию карты и выбор техник / ресурсов ничем не ограничиваются – творчество поощряется. Спектр ресурсов может быть значительно расширен при применении программных средств цифровых технологий, в которых современное поколение обучающихся разбирается гораздо лучше поколения преподавателей и предлагает весьма результативные варианты. Параллельно решается задача формирования значимой для будущих логопедов информационной компетенции и приобретения ими собственного цифрового контента в представлении информации. Такой подход к визуализации учебной информации стимулирует творчество обучающихся, обеспечивает их переход на качественно новый уровень когнитивной деятельности.

Заключительная фаза. Разработанную карту обучающиеся представляют на соответствующую вкладку модуля учебной дисциплины платформы Moodle до практического занятия, что дает преподавателю возможность заранее оценить качество освоения теоретического материала каждым обучающимся и, если необходимо, реализовать персонально ориентированные корректирующие мероприятия. Практическое занятие в этом случае возможно полностью посвятить его ключевой цели – формированию у будущих логопедов прикладных профессиональных умений и навыков. Собственно оценка разработанных карт визуализации осуществляется посредством отметки, суммирующей результаты самооценки студента и перекрестной оценки в группе.

Резюме

Работа будущих логопедов над картами визуализации является основой для формирования представления об

образно-знаковых системах и феномене визуального образа; для развития умений анализа, структурации, генерализации учебного материала и трансформации вербальной формы в визуальную. Эта работа позволяет обучающимся осваивать алгоритмы познания объективной реальности графическими знаковыми средствами и в результате самостоятельно получать новую учебную информацию, что, в свою очередь, интенсифицирует развитие критического, абстрактного, пространственного мышления. В дальнейшем карты визуализации помогают анализировать сложные учебные темы и целостно усваивать материал, облегчают подготовку к представлению творческих работ – рефератов, докладов, эссе, проектов, отчетов по результатам исследований и т.п. Осознанное применение цифровых технологий в рамках рассматриваемого методического ресурса формирует творческое владение цифровыми ресурсами, готовность создавать собственный цифровой контент; способность применять данный инструментарий для решения профессиональных и личностных задач.

Педагогический потенциал методического ресурса «карта визуализации» определяется повышением эффективности освоения теоретического материала обучающимися направления подготовки Специальное (дефектологическое) образование, что обусловлено достижениями обучающихся и преподавателей в освоении инновационного когнитивного опыта. Будущие логопеды получили результативный инструмент смыслообразования, основу для формирования индивидуального стиля и культуры работы с информацией. Преподаватели – приобрели инструменты стимуляции и поддержания активности обучающихся в образовательном процессе, оптимизации процесса корректировки их индивидуальных образовательных траекторий, освоения альтернативных образовательных техник, в том числе и техники взаимообучения. Достигнутые результаты доказывают, что предлагаемый методический ресурс является перспективным и отвечает целям высшего образования. Однако внедрение данного методического ресурса – это не законченный процесс, а процесс, требующий от преподавателей постоянного совершенствования с учетом появляющихся образовательных трендов и запросов поколения Z.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аранова, С.В. Педагогическая сущность феномена визуализации учебной информации в контексте культуры / С.В. Аранова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 8(151). – С. 30–36. – EDN HOGZVY. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44130747.
2. Бухарбаева, А.Р. Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов / А.Р. Бухарбаева, Л.В. Сергеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25. – № 4. – С. 787–796. – URL: http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796.
3. Власова, Е.З. Микрообучение – эффективный формат электронного обучения / Е.З. Власова // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2021. – № 1(55). – С. 11–13. – DOI 10.46845/2071-5331-2021-1-55-11-13. – EDN USRNVR. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44907332.
4. Дутко, Ю.А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования / Ю.А. Дутко // Проблемы современного образования. – 2020. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-osnovnye-ponyatiya-harakteristiki-i-sovremennye-issledovaniya (дата обращения: 10.09.2022).
5. Золоткова, Е.В. Педагогические кейсы в профессиональной подготовке логопедов / Е.В. Золоткова, М.А. Лаврентьева, О.С. Гришина // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66 –2. – С. 139–142. – EDN KDQBVB. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42782109.
6. Катханова, Ю.Ф. Визуализация учебной информации как педагогическая проблема / Ю.Ф. Катханова, Е.И. Корзинова, С.Е. Игнатьев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2018. – № 4(228). – С. 51–59. – EDN VRQGHU. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36794709.
7. Лаврентьева, М.А. Методические ресурсы формирования диагностической компетенции у студентов-логопедов / М.А. Лаврентьева, О.С. Гришина // Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Саранск, 18 марта 2022 года. – САРАНСК: Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, 2022. – С. 98. – EDN JLLKOU. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48510424

© Лаврентьева Марина Анатольевна (lavrentyeva1866@yandex.ru), Золоткова Евгения Вячеславовна (zzolotkova@yandex.ru), Гришина Ольга Сергеевна (grishina0609@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.26

ИСТОРИЯ ИДЕНТЕФИКАЦИИ НУЗАЛЬСКОГО ХРАМА

THE HISTORY OF THE IDENTIFICATION OF THE NUZAL TEMPLE

M. Mamiev

Summary: The article is devoted to a general overview of the history of the identification of the Nuzal Temple – an outstanding religious and cultural-historical monument of medieval Alanya. Based on the review of literature XVIII–XXI century the historiographical periods of its study are highlighted. The dynamics of determining the nature and original purpose of the temple is traced.

Keywords: Alanya, church architecture, crypt architecture, identification.

Мамиев Михаил Эрнестович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии РСО-Алания (Владикавказ)
mikhailmamiev@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена общему обзору истории идентификации Нузальского храма – выдающегося религиозного и культурно-исторического памятника средневековой Алании. На основе рассмотрения литературы сер. XVIII – нач. XXI в. выделены историографические периоды его изучения. Прослежена динамика определения характера и изначального назначения храма.

Ключевые слова: Алания, церковное зодчество, склеповая архитектура, идентификация.

Нузальский храм (*Нузалы аргъуан*) – один из важнейших памятников аланской истории, связанный с именем последнего известного царя Алании Багатара. В сер. XIX в. храм получил мировую известность благодаря великолепной фресковой росписи и не дошедшей до нас эпитафии, носившей фольклорно-исторический характер [43, с.159–162].

Храм расположен на территории исторической области Уалладжир, на левом берегу р. Ардон, в центральной части поселка Нузал (Алагирский район РСО-Алания) – сравнительно недавнего отселка средневекового Нузала, находившегося на противоположном берегу реки. В золотоордынскую эпоху в Нузал, составлявшем часть доменной территории царского дома Алании, была перенесена столица государства из захваченной монголами равнинной территории страны [6, с.88, 91; 43, с.159].

Церковь возведена на территории могильника эпохи средневековья – нового времени, большей частью застроенного в XIX–XX вв. [6, с.89–91]. Представляет собой небольшой ложно-сводчатый двускатный безапсидный погребальный храм, построенный в традициях средневекового аланского церковного зодчества. В наосе было исследовано одиночное захоронение, совершенное по христианскому обряду. Подробное архитектурное описание памятника и его фресковых росписей содержится в ряде современных работ [21, с.62–64; 3, с.22–26; 43, с.159–162].

Изучение Нузальского храма имеет двухвековую историю. Наиболее полная библиография дореволюционных работ приведена в специальной работе Е.Г. Пчелиной [39, с.25–27], работ советского времени – в исследовании В.А. Кузнецова [21, с.50–58].

Научная и популярная литература, в которой идет речь об этом интереснейшем памятнике обширна и требует значительного объема для подробного рассмотрения. Поэтому задача предлагаемой статьи более проста – используя основные работы проследить динамику идентификации рассматриваемого памятника на всем протяжении его изучения – с сер. XVIII в. до современности.

Первые упоминания Нузальского храма содержатся в завершенном в 1745 г. историко-географическом сочинении царевича Вахушти Багратиони [17: с.20, 43] и отчете протопопа Иоанна Болгарского, составленном в 1780 г. [40, с.385]. Оба источника интерпретируют рассматриваемый памятник как церковь [17, с.20, 43; 40, с.385].

На протяжении пер. пол. – сер. XIX в. нузальский памятник фигурирует в качестве церкви в официальных документах [30, с.134, 208, 228, 231–238], статистических описаниях [10, с.373, 375], а также в научных публикациях М.-Ф. Броссе [52, с.310; 53, с.158, прим. 3] и анонимного автора Журнал министерства народного просвещения [14, с.489–490] в связи с описанием эпитафии нузальского храма.

В 60-х – 80-х гг. XIX в. Нузал посетили исследователи, внесшие неоценимый вклад в становление и развитие аланистики. В 1869 г. храм осмотрел и впервые зарисовал В.Б. Пфаф. Идентифицировав его как церковь, он впервые отметил схожесть здания с «надгробным памятником» [32, с.137; 33, с.69]. Посетившая Нузал в 1879 г. П.С. Уварова также сравнила Нузальский храм с располагавшимися поблизости склепами («колумбариями»): «Несколько шагов дальше от кладбища и ближе к аулу стоит среди завалившегося дворика каменная церковь,

скорее часовня по своей незатейливой величине, а по форме совершенно схожая с описанными колумбариями. <…> Вообще, очень вероятно, что церковь эта по своей тесноте служила или часовней или назначалась первоначально в усыпальницы [50, с.40, 42]». Высказанное вскользь предположение о первоначальном предназначении здания вытекает исключительно из его небольших размеров и носит умозрительный характер, что подтверждается тем, что на протяжении всего довольно пространного описании памятника П.С. Уварова называет его *церковью* или *храмом* [50, с.40–43].

Еще один выдающийся исследователь-аланист В.Ф. Миллер осмотрел и зарисовал Нузальский храм в 1886 г. Используя в своей публикации описание П.С. Уваровой, В.Ф. Миллер определяет его как средневековую церковь [27, с.66–68]. Та же идентификация присутствует в кратких описаниях и упоминаниях практически у всех авторов дореволюционного периода, которые не являлись специалистами в области истории и этнологии – Д.З. Бакрадзе [2, с.1068], Д.Ф. Бэддли [51, с.229], К.Ф. Гана [8, с.43], А. Гатуева [9, с.29]. С.Ф. Мельникова-Разведенкова [26, с.169–171] и др. В упоминаниях В.В. Марковича, А.М. Дирра нузальский храм называется часовней [25, с.66; 18, с.266].

Таким образом, в документах, научной и популярной литературе дореволюционного времени нет никаких разночтений в определении изначальной функциональной и конфессиональной принадлежности нузальского памятника, который почти во всех случаях идентифицируется как церковь и только иногда называется часовней.

Переход от описаний к изучению Нузальского храма произошел в советское время, в специальной работе первого крупного исследователя архитектуры наземных и полуподземных склепов Северной Осетии Г.А. Кокиева. Аргументируя ошибочность термина *часовня*, предложенного П.С. Уваровой, ссылавшейся на небольшие размеры памятника, Г.А. Кокиев писал: «Но необходимо оговориться, что в нагорной полосе нередко можно встретить церкви и значительно меньших размеров, чем нузальская, так что малые размеры этого сооружения еще не дают достаточных оснований не считать его церковью» [19, с.6]. Следует отметить, что именно Г.А. Кокиев первым обоснованно предположил происхождение наземных склепов от раннесредневековой церковной архитектуры [19, с.67].

Значительная активизация интереса к Нузальскому храму относится к послевоенному времени и связана с именем Е.Г. Пчелиной. Выступая 5 мая 1946 г. [36, л.1] со специальным докладом в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте Е.Г. Пчелина сформулировала несколько ошибочных тезисов о Нузальском храме, которые затем воспроизводила в текстах и интервью без каких-либо принципиальных изменений. Во-первых, Нузальский храм был определен ей как усыпальница Сослана-Давида; во-вторых, термин *церковь* был заменен на *часовню*; и в-третьих, утверждалась перестройка «часовни» из склепа [34].

Проведенные в начале июня того же года раскопки в наосе храма выявили одиночное мужское захоронение в каменном ящике, совершенное по христианскому обряду [38, с.14–15]. Вполне ожидаемое отождествление погребенного со знаменитым монархом – царем Грузии и мужем царицы Тамары – сразу же было заявлено исследовательницей в отчетном докладе в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте [36] и на страницах республиканской, а затем и союзной прессы [35; 21, с.54]. Столь широкое освящение результатов археологических работ получило характер сенсационности и, при всей важности нузальских исследований Е.Г. Пчелиной, не лучшим образом сказалось на дальнейшем изучении памятника. Поспешные выводы и интерпретации попали в средства массовой информации и стали тиражироваться, приобретая аксиоматический характер.

При жизни Е.Г. Пчелиной ее научные тексты по Нузальскому храму не издавались, но все их основные положения были отражены в многочисленных газетных и журнальных публикациях. Помимо отчетных материалов по результатам археологических работ 1946 г. сохранились два упоминавшихся выше научных доклада [34; 36] и рукопись не опубликованной статьи «Нузальская часовня в Северной Осетии», датированная декабрем 1946 г. [37]. Наиболее полные результаты изучения храма были опубликованы сравнительно недавно, в статье «Нузальская часовня "*Нузалы аргъуан*"» [39], которая хранилась в архиве В.А. Кузнецова [39, с.7]. Не смотря на различный объем указанных текстов все они написаны в одном ключе и не имеют принципиальных различий по содержанию – в первую очередь выводам и их обоснованиям.

Не останавливаясь на версии Е.Г. Пчелиной об идентификации личности погребенного, укажем, что хотя она и была поддержана некоторыми исследователями [7, с.243; 12, с.289], в целом не была принята [5, с.321–325; 23, л.115; 21, с.56–57] и больше не рассматривается в научной литературе.

Изменение вопреки двухвековой письменной традиции именования памятника с *церкви* на *часовню*, никак не объясняется автором. Само название докладов и названия статьи – «Нузальская часовня "*Нузалы аргъуан*"», основывается на неправильном переводе. *Аргъуан* на осетинском языке означает 'церковь'. Терминологическая подгонка присутствует и в самом тексте статьи: «*Ну-*

залы аргъуан по-осетински означает "Нузальская часовня, церковь"». [39, с.14–15].

Следует указать, что в ходе изучения Нузальского храма Е.Г. Пчелина нередко прибегала к некоторым допущениям, которые становились искусственными обоснованиями делавшихся выводов. К примеру, утверждение, что Нузальский храм возводился как склеп, переделанный впоследствии в часовню, строится на схожести здания погребального храма с более поздними надземными ложносводчатыми двускатными склепами. Для объяснения этого визуального сходства Е.Г. Пчелина предложила следующую последовательность действий: «При перестройке был замазан погребальный лаз в восточной стене и прорублено входное отверстие в западной, где и подвесили на деревянном косяке дверь. Не лишено вероятности, что останки Давида Сослана при перестройке зæппадза в часовню могли быть положены по христианскому грузинскому обычаю под ее полом. До этого же, вероятно, если этот зæппадз принадлежал Давиду Сослану, тело его должно было покоится по осетинскому древнему обычаю непокрытым землей. После перестройки, тогда же, грузинскими живописцами, привезенными для этой цели из Грузии, были расписаны фресковой живописью внутренние стены часовни» [39, с.21; см. также: 37, л.40]. В более ранних текстах сообщается что таким же образом были устроены и оконные проемы: «…в трех стенах были пробиты окна…» [37, л.42; 35, л.9].

Заклад в экстерьере не может быть лазом, входной и оконные проемы были устроены изначально, при возведении здания [20, с.133–134; 21, с.60–61; 3, с.30–32]. Кроме того, Е.Г. Пчелина, не упоминает голосник, вмонтированный в кладку свода для усиления звука во время богослужения. Приводя примеры превращения склепов в часовни Е.Г. Пчелина ошибочно указывает на позднесредневековые храмы т. н. дигорской группы (Галиат, Фараскатта, Лезгор), уходя, таким образом, от обоснованных предположений Г.А. Кокиева [19, с.17–18, 65, 67], подтвердившихся в современных исследованиях.

К сожалению, не обоснованные Е.Г. Пчелиной тезисы о личности погребенного и идентификации храма как часовни перестроенной из склепа, были быстро популяризированы. Попав в широкое информационное поле они стали аксиоматичными, причем не только для обывателей, но и для некоторых исследователей. Забегая вперед следует сказать, что с развитием туризма сформированная таким образом информация попала в путеводители [13, с.83; 46, с.12–14; 31, с.107; 4, с.70 и др.] и разнообразную популярную литературу, укоренившись в общественном сознании. В советскую эпоху подобная профанация уникального религиозного памятника была идеологически оправдана и поддерживалась государством.

В 1947 г. В.Б. Скитский в своей фундаментальной работе по истории Осетии останавливается на нузальском памятнике. Используя описание П.С. Уваровой он, следуя дореволюционной и довоенной традиции, относит его к числу христианских храмов [45, с.117–119]. Но уже в следующем, 1948 г., Л.П. Семенов под влиянием Е.Г. Пчелиной употребляет только термин часовня [44, с.105, 107–108]. З.Н. Ванеев в работе 1956 г., посвященной преданию об Ос-Багатаре и происхождении осетин, приводит дореволюционное название памятника – Нузальская церковь, и идентифицирует ее как часовню-гробницу Ос-Багатара. Описав нузальские исследования Е.Г. Пчелиной он также переходит на термин *часовня* [5, с.320–325], который использовал и антрополог Т.Б. Мамукаев в специальной работе «Тайна Нузальской часовни», стремясь подтвердить теорию Е.Г. Пчелиной о личности погребенного на основании исследования костного материала [24].

В 1971 г. в Тбилиси на грузинском языке вышла работа И. Лолашвили «Тайна гробницы Давида Сослана» [23, л.57а], в которой автор высказывается по поводу болезненного для грузинской историографии вопроса о происхождении Сослана-Давида и опровергает возможность его захоронения в Нузале. «Взамен» И. Лолашвили, вслед за З.Н. Ванеевым, предлагает версию погребения здесь Ос-Багатара. Идентифицируя сам памятник автор безальтернативно определяет его как церковь или часовню, перестроенную из «языческого» склепа [23, л.57а]. Исследования Т.Б. Мамукаева и И. Лолашвили – первые опубликованные специальные работы о Нузальском храме.

А.Ф. Гольдштейн, занимавшийся изучением традиционной архитектуры Северного Кавказа, считал Нузальский храм не христианским памятником, а мавзолеем, представляющим собой каменную копию жилища не сохранившегося типа, которому только в XIX в. было придано значение церкви. Мавзолей был возведен над христианским погребением «лихого рубаки» Сослана-Давида. Все эти противоречивые тезисы не содержат обоснований [11, с.63–65; 12, с.288–290].

Наибольшее внимание специальному изучению нузальского памятника уделил В.А. Кузнецов. Исключив Нузальский храм из круга памятников грузинской архитектуры, В.А. Кузнецов вначале рассматривал его как церковь [20, с.129–151], а затем предложил более сложное объяснение: «<…> весьма вероятно, что Нузальская церковь с самого начала была задумана и строилась и как надгробный мавзолей, и как поминальная часовня с соответствующими атрибутами церкви. Полусклеп-полуцерковь – таково подлинное лицо этого сложного, необычного и синкретичного памятника <…>» [21, с.61–62]. Ниже автор дает краткую и содержательную формулировку: «<…> церковь является меморием Ос-Багатара <…>» [21, с.99], подтверждая свой вывод в более позд-

ней работе [22, с.107].

Следует упомянуть и две работы М.Б. Мужухоева, посвященные религиозным памятникам Северного Кавказа [28; 29]. Несколько озадачивают авторские выводы и аргументация о не христианской принадлежности ряда храмов Северной Осетии, включая и Нузальскую церковь [29, с.78–80], которую он называет исключительно: «Постройка "Нузал"» или «Нузальская постройка» [28, с.91–92; 29, с.78–80].

В.Х. Тменов поддержал точку зрения В.А. Кузнецова по датировке памятника, называя его часовней [48, с.170–171] и, одновременно, склепообразным святилищем [48, с.162]. Играя роль «своеобразного мартириума», Нузальский храм, по мнению автора, превращался то в святилище, то в часовню, в зависимости от складывающейся конфессиональной ситуации [49, с.163].

Помимо специальных работ советского и постсоветского времени существуют и довольно многочисленные упоминания нузальского памятника связанные со знаменитой стихоэпитафией и некоторыми сюжетами позднесредневековой истории Алании. З.М. Салагаева и Ф.Х. Гутнов называют его часовней, хотя в приводимых ими же дореволюционных документах и материалах фигурирует «Нузальская церковь» [41, с.104–107; 15, с.59; 16, с.70–79], Г.Д. Тогошвили также называет часовней [21, с.20–21], З.Х.-М. Албегова – часовней-усыпальницей [1, с.238] и т. д.

Как мы видим, к началу XXI в. исследователи подошли к необходимости совместить две функции Нузальского храма – богослужебную и погребальную, признав местный, аланский характер его архитектуры. Эта задача была успешно решена в вышедшей в 2004 г. специальной статье Д.В. Белецкого, который вписал рассматриваемый памятник в круг церковных древностей восточно-христианского мира и идентифицировав его как погребальный храм, расписанный в рамках средневекового византийского канона [3]. Спустя несколько лет Т.К. Салбиев провел культурологический анализ храмовой росписи с точки зрения взаимодействия христианской и древней аланской традиций [42].

Таким образом, историю изучения Нузальского храма можно разделить на четыре периода, каждый из которых отражает исследовательские подходы своего времени. Для первого, дореволюционного периода, характерна описательность с выраженным стремлением определить связь храма с традиционным прошлым. При этом вопросов о конфессиональной принадлежности памятника для авторов этого времени, находившихся в живом религиозном пространстве, не возникало – во всех случаях он идентифицируется как церковь и только иногда называется часовней.

Второй период укладывается в советскую эпоху, с переходом от описаний к исследованиям, которые носили преимущественно этнографический характер с хорошо различимым отпечатком идеологических установок своего времени. Среди исследователей этого периода не было специалистов в области церковной архитектуры, а христианство было для них внешней и не вполне понятной религиозной системой. Этим и определяется общий дилетантский подход в интерпретации памятника.

Третий, переходный период, начался в 90-х гг. XX в., сопровождаясь инерцией подходов, сформировавшихся в советское время. И, наконец, четвертый период оформился в начале XXI в., введя Нузальский храм в поле современных научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегова З.Х.-М. Склеп Софии нартовского эпоса (к постановке вопроса) // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Сборник статей. Владикавказ, 2000. С. 231–244.
2. Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства // Акты Кавказской археологической комиссии. Т. V. Тифлис, 1873. С. 993–1107.
3. Белецкий Д.В. Заметки о нузальском храме // ИФА. 2. Владикавказ, 2004. С. 22–57.
4. Бероев Б.М. По Северной Осетии. М., 1984. 144 с.
5. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Том I. Цхинвал, 1989 // Народное предание о происхождении осетин (К проблеме общественного строя Овского царства). С. 315–332.
6. Габоева Л.Р. Нузальский грунтовый могильник // Аланское православие: история и культура: сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2017. С. 88–102.
7. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. I. Цхинвал, 2010 // Средневековые летописи о Давиде Сослане. С. 236–243.
8. Ган К.Ф. По долинам Чорока, Уруха и Ардона // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 25. Тифлис, 1898. С. 1–48.
9. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 2007. 176 с.
10. Головин А. Топографические и статистические заметки об Осетии // Православное христианство в Алании-Осетии XVIII – начала XX в.: сборник документов. Составитель Р.С. Бзаров. Владикавказ: Ир, 2021. С. 348–394.
11. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: «Наука», 1975. 157 с.

12. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977. 334 с.
13. Григорович С.Ф. По горам и равнинам Северной Осетии. Спутник туриста, краеведа и экскурсанта. Орджоникидзе, 1960. 128 с.
14. Грузинские древности, надписи и монеты // Журнал министерства народного просвещения. Часть шестнадцатая. СПб., 1837.
15. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: ИР, 1989. 176 с.
16. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: ИР, 1993. 229 с.
17. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897. 206 с.
18. Дирр А.В. В Тагаурской и Куртатинской Осетии // Известия Кавказского отделения императорского Русского Географического общества. Т. XXI. Тифлис, 1911. С. 257-276.
19. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Горной Осетии. (Историко-этнологический очерк). Владикавказ, 1928. 94 с.
20. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: ИР, 1977. 176 с.
21. Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: ИР, 1990. 200 с.
22. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: ИР, 2002. 159 с.
23. Лолашвили И. Тайна гробницы Давида Сослана. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18.
24. Мамукаев Т.Б. 1969. Тайна Нузальской часовни. Орджоникидзе, 1969.
25. Маркович В. В. В верховьях Ардона и Риона // ЗИРГО. Т. 38. № 3. СПб, 1906. 222 с.
26. Мельников-Разведенков С.Ф. Экскурсия на Цейский ледник // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 155–183.
27. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Т. I. М., 1888. 134 с.
28. Мужухоев М.Б. а. Средневековые святилища Центрального Кавказа. 1985 // Советская археология. № 3. 1985. С. 81–96.
29. Мужухоев М.Б. б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи средневековья // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе (Сборник научных трудов). Орджоникидзе, 1985. С. 72–82.
30. Православное христианство в Алании-Осетии XVIII – начала XX в.: сборник документов / составитель: Р.С. Бзаров. Владикавказ: Ир, 2021. 408 с.
31. Путеводитель. Северо-Осетинский республиканский музей краеведения. Орджоникидзе, 1970. 124 с.
32. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1. 1871. С. 127–176.
33. Пфаф В.Б. Материалы по древней истории Осетии // ССКГ. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. 1871. С. 1–100.
34. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня «Нузалы аргуан». 1 доклад до нузальской экспедиции 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16.
35. Пчелина Е.Г. Раскопки в Северной Осетии. Копия из газ. «Заря востока». № 138. 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18.
36. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня «Нузалы аргуан». 3-й доклад после нузальской экспедиции 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19.
37. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня в Северной Осетии. 1946 г. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 20.
38. Пчелина Е.Г. Отчет по экспедиционной поездке Е.Г. Пчелиной с 5 по 26 августа 1965 г. в Алагирское и Мамисонское ущелья Северной Осетии. Архив Института археологии РАН. Р–1. № 3097.
39. Пчелина Е.Г. Нузальская часовня «Нузалы аргъуан» // Пчелина Е.Г. Ossetica. Владикавказ, 2013. 328 с.
40. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Т. 2. Орджоникидзе, 1984. 439 с.
41. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе: ИР, 1984. 312 с.
42. Салбиев Т.К. Фрески Нузальского храма как памятник взаимодействия двух духовных традиций // Изв. СОИГССИ № 28. 2018. С. 5–18.
43. Свод памятников истории и культуры Осетии-Алании: т. 2: Районы Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 2021. – 544 с.
44. Семенов Л.П. Археологические разыскания в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. XII. Дзауджикау, 1948. С. 44–136.
45. Скитский Б.В. 1947. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Известия СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау, 1947. 198 с.
46. Теплицкий И.З., Цагаев Н.Д. Памятники материальной культуры Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963. 124 с.
47. Тогошвили Г.Д. Сослан-Давид. Владикавказ, 1990. 144 с.
48. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: ИР, 1984. 344 с.
49. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева 1995. 437 с.
50. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. 326 с.
51. Baddeley J.F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. – Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1940. – Vol. I. – xiv, 272 pp.
52. Brosset M. Pièces diverses relatives à la Géorgie, traduites par Brosset // Nouv Journal Asiatique. Octobre, 1830. T. VI.
53. Brosset M. Histoire de la Géorgie depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle: 1ère partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. St.-Petersburg, 1849.

© Мамиев Михаил Эрнестович (mikhailmamiev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.29

ДАВИД ИОСИФОВИЧ ФЕЛЬДШТЕЙН (1929 – 2015) КАК ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

DAVID IOSIFOVICH FELDSTEIN (1929 - 2015) AS A PERSONAL FACTOR IN THE ORGANIZATION OF EDUCATION

N. Patov
I. Lelchitsky

Summary: The article describes and analyzes the most important stages of pedagogical and scientific activity of David Iosifovich Feldshtein (1929 – 2015), Academician and Vice-President of the Russian Academy of Education, Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission on Psychology and Pedagogy. The emphasis is on his pedagogical and organizational skills, as well as his studies of developmental psychology, considered in a cultural and historical context.

Keywords: D.I. Felshtein, education, upbringing, developmental psychology, organization of complex educational institutions, pedagogical skills.

Патов Николай Александрович
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Профессиональное образование»
patovnabryansk@mail.ru
Лельчицкий Игорь Давыдович
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор, Институт педагогического образования и социальных технологий, Тверской государственный университет
Lelchitskiy.ID@tversu.ru

Аннотация: В статье описаны и проанализированы важнейшие этапы педагогической и научной деятельности академика и вице-президента Российской Академии образования председателя экспертного совета ВАК по психологии и педагогике Давида Иосифовича Фельдштейна (1929 – 2015). Акцент сделан на его педагогическом и организаторском мастерстве, а также проведенных им исследованиях возрастной психологии, рассматриваемых в культурно-историческом контексте.

Ключевые слова: Д.И. Фельштейн, образование, воспитание, возрастная психология, организация комплексных учебных заведений, педагогическое мастерство.

С середины 1990-х и до своей кончины в 2015 г. доктор психологических наук, профессор, академик и вице-президент Российской академии образования Давид Иосифович Фельдштейн был одной из самых значительных фигур в области отечественной педагогической науки и возрастной психологии. Его роль замечательно охарактеризовала в 2015 г. сотрудница «Учительской газеты» В.Молодцова: «То, что говорил Давид Иосифович, было интересно для всех, кто занимался обучением и воспитанием детей. <…> С 2001 года Фельдштейн был вице-президентом государственной академии наук РАО. Менялись президенты академии, но долгие годы Давид Иосифович неизменно был вторым человеком в ее руководстве, а по сути, во многом идеологом в деятельности РАО. <…> Для всех он был своеобразным гуру, который всегда находил верный ответ на все возникающие вопросы, мог подсказать точный выход из любого сложного положения» [4].

В силу указанных причин личность Д.И. Фельдштейна и его научное наследие не были обделены вниманием исследователей и мемуаристов. К тому же и сам Давид Иосифович издал в 2009 г. книгу воспоминаний «События. Люди. Жизнь» [13]. Одной из первых попыток осмыслить вклад Д.И. Фельдштейна в отечественную психологическую науку можно считать опубликованную в 2000 г. в «Психологическом словаре» статью И.М. Кондакова о нем [2]. Напечатанные в 2016 г. очерки Т.Д. Марцинковской и В.В. Рубцова, а также Ф.В. Повшедной строго научный анализ творческого наследия Давида Иосифовича прекрасно дополняют личными воспоминаниями [3; 5]. И, конечно же, необходимо вспомнить прошедшую 30 ноября 2015 г. в стенах Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета и подготовленную при участии Министерства образования и науки Российской Федерации и Нижегородского отделения Российского Психологического общества международную научно-практическую конференцию, посвященную памяти Д.И. Фельдштейна «Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития». Работа одной из трех секций данной конференции была целиком посвящена осмыслению научного наследия Д.И. Фельдштейна («Интеграция психолого-педагогической науки в свете идей Д.И. Фельдштейна о социокультурном аспекте взаимодействия поколений») [15, с. 234-281].

Своеобразным рефреном посвященных Д.И. Фельштейну работ стало подчеркивание того факта, что Давид Иосифович пришел в науку из области практической педагогики, обобщая и анализируя тем самым в значительной степени свой собственный разнообразный и непростой трудовой и жизненный опыт: «Его богатый практический опыт в области психолого-педагогических

проблем школьного образования впоследствии стал основой его теоретических и эмпирических исследований, обогатив теорию практикой и наполнив обобщенные концепции живой жизнью» [3, с. 571; 1, с. 3; 4; 5, с. 41]. В силу этого трудовая биография Д.И. Фельдштейна может считаться неотъемлемой частью его педагогического наследия.

Давид Иосифович Фельдштейн родился в 1929 г. в Воронеже, в семье советских номенклатурных работников (отец - директор фабрики, мать - работник обкома ВКП(б)). С началом Великой Отечественной войны семья 12-летнего Давида, а также его дедушка и бабушка были эвакуированы в Сталинабад (с 1961 г. Душанбе). Вскоре отец и мать Д.И. Фельдштейна погибли, и подростку пришлось заботиться не только о себе, но и о престарелых родственниках [13, с. 4, 5, 6, 12]. Тем не менее, именно в это тяжелое время молодой человек нашел свое жизненное призвание в педагогической деятельности. С 8-го класса, с 14 лет Д.И. Фельдштейн вполне официально, «с трудовой книжкой», работал старшим пионервожатым своей же школы. Причем работа искренне увлекла подростка, «подтянувшего» в связи с должностью даже собственное поведение. Успешность Д.И. Фельдштейна в качестве вожатого подтверждает тот факт, что 16-летнего Давида избрали в члены Центрального комитета комсомола Таджикской ССР, а также в секретари общешкольного комитета комсомола [13, с. 6, 7].

Во время учебы на историческом факультете Сталинабадского педагогического института Д.И. Фельдштейн подрабатывал лектором Комитета культпросветучреждений, позже заведовал лекторской группой ЦК комсомола Таджикской ССР. В качестве лектора молодой человек не только объездил весь Таджикистан, но и приобрел серьезный опыт оратора и полемиста. Сам Д.И. Фельдштейн признавался: «По сути, лекторская работа меня во многом выпестовала как педагога…» [13, с. 12] По окончании института Д.И.Фельдштейн к весне 1952 г. работал одновременно в трех местах: учителем средней мужской школы, старшим инспектором школ Сталинабадского гороно, а также диктором республиканского радио Таджикистана [13, с. 14, 21]. В июле 1952 г. 22-летнего Давида Иосифовича назначили директором 11-й Сталинабадской средней школы, объединившей под своей крышей три школы: 11-ю мужскую, 12-ю женскую (позже эти две школы слили в одну) и 1-ю школу рабочей молодежи [13, с. 22, 28].

Вот как интересно и поучительно описал Д.И. Фельдштейн процедуру своего вхождения в преподавательский коллектив: «В школе работали учителя, значительно старше меня по возрасту, включая и группу моих бывших школьных учителей... Ни в одном учебнике не написано, что тут можно и нужно предпринять... Я объявил все свои уроки "открытыми", пригласив всех педагогов, когда они смогут и захотят, приходить на мои уроки, оценивать их, обсуждать... Эффект был поразительным: я сразу же из администратора-выскочки (а как можно было иначе, за глаза разумеется, оценить назначение 22-летнего молодого человека директором многотысячной школы?) превратился в заслуживающего уважения учителя (педагогическому мастерству способствовала и 4-летняя работа старшим пионервожатым, и лекторская деятельность, и навыки диктора радио – я не говорю "о высоком": любви к детям, к профессии, о которой мечтал с детства)» [13, с. 22]. Единению с сотрудниками и учениками способствовала и «среднеазиатская специфика»: ежегодно весь коллектив школы выезжал на один-два месяца за город, собирать хлопок [13, с. 22-23].

На то семилетие, которое Д.И. Фельдштейн возглавлял школу, пришлась существенная перестройка командно-административной системы СССР. Как следствие стала приветствоваться большая инициативность и самостоятельность на разных уровнях общества. Среди локомотивов инициативного, самостоятельного, творческого подхода к своей деятельности в Таджикской ССР стал и коллектив возглавлявшейся Д.И. Фельдштейном школы. Сам Давид Иосифович рассказывал еще в 1964 г.: «Самым удручающим для нас, педагогов, было то, что упорная работа педколлектива, при широком развертывании самодеятельности детских организаций по внедрению единых требований, с одной стороны, как будто и давала неплохие результаты: ребята подтягивались внешне, уважительно здоровались с уборщицами, но с другой стороны, не считались с их трудом, по-прежнему загрязняли здание, территорию» [11, с. 41]. Рутинные субботники делу не помогали. И тогда, чтобы переломить ситуацию, педагогический коллектив во главе с Д.И. Фельдштейном детально разработал мероприятия по организации системного труда школьников по самообслуживанию, выстроил четкий алгоритм действий в этом направлении на разных уровнях [11, с. 44-46] , определил ряд мер по воспитанию у школьников на основе совместного труда чувства взаимовыручки, солидарности, любви старших к младшим, корпоративного сотрудничества учащих и учащихся. Можно не сомневаться, что подсказку для таких действий Д.И. Фельдштейн получил, изучая труды А.С. Макаренко, искренним и глубоким почитателем педагогического таланта которого оставался на протяжении всей жизни [10, с. 395-411].

Все началось с проведенного в 1955 г. общешкольного собрания, на котором сами школьники неоднократно высказывались в пользу собственного участия в труде по поддержанию порядка в школе и по самообслуживанию. Таким образом, была выстроена ситуация, при которой труд по уборке учебных помещений, благоустройству школьной территории, ремонту книг школьной библиотеки, содержанию в порядке школьной формы и учебных принадлежностей стал инициативой самих учащихся,

реализацией их подросткового стремления к самостоятельности. Сам Д.И. Фельдштейн видел в такой работе еще и элемент эстетического воспитания школьников. Он писал в 1964 г.: «Важным, неоспоримым принципом школы является не только привитие вкуса к красивому, легкому, изящному, не только умение пользоваться этим красивым, но и привитие навыков по сохранению красивого, по созданию красивого. Это выражается, прежде всего, в дисциплине, аккуратности воспитанников, бережном отношении к вещам, в широком привлечении школьников к участию в созидании уютного и красивого через собственный общественно-направленный труд. Именно через общественно-полезный труд, ибо школа растит не эстета, наслаждающегося красотой и желающего этой красоты для себя, а высокоморального человека, добивающегося красивой жизни не для одного себя» [11, с. 69-70].

Интересно, что местные партийные власти поначалу вынесли Д.И. Фельдштейну выговор «за эксплуатацию детского труда». Но молодого директора поддержала Москва, сектор школ ЦК КПСС, главная партийная газета СССР «Правда», а вскоре вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повсеместном введении самообслуживания в школах [13, с. 18-19]. Только не нужно думать, что вся педагогическая деятельность Д.И. Фельдштейна сводилась к организации физического труда школьников. Уже ко времени перехода Сталинабадской средней школы №11 на самообслуживание она была в числе передовых образовательных учреждений Таджикской ССР, чему способствовали победы учащихся школы в математических и спортивных олимпиадах, первое место в различных соревнованиях и т.п. [13, с. 19] Здесь нужно отдать должное также и хозяйственно-административным способностям молодого директора школы, сумевшего за сравнительно короткий срок выстроить для своего учебного заведения новые корпуса, обустроить учебные кабинеты и производственные мастерские. Через несколько лет усилий в выбранном направлении, как говорил сам Д.И. Фельдштейн: «Самообслуживание учащихся стало в средней школе №11 Душанбе, как и во многих других школах, самым обычным, само собой разумеющимся делом всего коллектива, где каждый несет определенные трудовые обязанности. Неузнаваемо изменилась сама 11-я школа. И дело не только в новых учебных и производственных корпусах, дело в той большой заботливости самих учеников – от малыша-первоклассника до старшеклассника – о школе, ее чистоте, ее красоте!» [11, с. 43]

Довольно рано у Д.И. Фельдштейна проявилась склонность к научной работе, стремление зафиксировать и обобщить свой педагогический опыт, сопоставить его с данными современной науки, а также потребность использовать эти современные научные данные в повседневной практической деятельности. Ко времени директорства в 11-й средней Сталинабадской школе относятся первые научные публикации Д.И. Фельдштейна: статья «Политехническое образование как важнейший путь формирования личности школьника» (Методический бюллетень РИУУ. Сталинабад. 1957. №2) и книга «Борьба за осуществление политехнического образования как средства формирования всесторонне развитой личности» (Сталинабад, 1959). К 1961 г. в активе Д.И. Фельдштейна были уже две опубликованные книги и девять статей.

Труды Д.И. Фельдштейна получили, в конце концов, признание местного профессионального сообщества: 12 февраля 1960 г. президиум республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений Таджикской ССР обсудил опыт работы школы №11 г. Сталинабада по переходу на самообслуживание и отметил: «Опыт средней школы №11 показал, что привлечение детей школьного возраста к участию в общественно-полезном труде, даже в простейших формах самообслуживания, способствует выработке положительного отношения к простому, необходимому общественному труду» [13, с. 44]. Работа Д.И. Фельдштейна в качестве директора 11-й средней школы Сталинабада была отмечена званиями отличника народного образования и заслуженного учителя Таджикской ССР [13, с. 28].

В 1959 г. в ходе очередной кампании по борьбе с привилегиями у группы таджикских партийно-советских работников был отобран элитный жилой поселок, располагавшийся на возвышенности, в междуречье Лучоба и Душанбинки, на огромной территории площадью в 169 гектаров, в окружении фруктовых садов, виноградников, гранатовых рощ. Было решено переоборудовать этот поселок в «городок счастливого детства», организовав там 1-ю республиканскую комплексную школу-интернат для детей от рождения до окончания 10-го класса средней школы. Проект финансировался из Москвы, из союзного бюджета. «Генеральным директором этого уникального по замыслу, масштабу работы, невиданно шикарной материальной базе, больше чем тысячного коллектива педагогов и сотрудников» был назначен Д.И. Фельдштейн, которому первый секретарь ЦК компартии Таджикистана вручил в конце сентября 1960 г. знамя интерната [13, с. 211, 22, 46-47, 20, 29].

Специфика Лучобского интерната требовала от директора компетентности не только в школьных и хозяйственных делах, но и знаний из области дошкольного воспитания, а также ориентирования в деле ухода за грудными детьми. Д.И. Фельдштейну в удивительно короткий срок удалось сформировать уникальный многопрофильный коллектив и вдохновить его сознанием общего дела. В интернате доминировал столь дорогой Д.И. Фельдштейну принцип эстетического воспитания,

в котором видели хороший стимул для «эмоционального подъема» детей. Помимо музыки, танцев, живописи, экскурсий в музеи и т.п., своеобразным «коньком» Лучобского интерната стали постановки опер на сказочные сюжеты. Музыку для «лучобских опер» писали профессиональные композиторы, а труппа составлялась из воспитанников дошкольного и младшего школьного возраста. Более того, для спектаклей воспитанникам интерната предоставлялись сцены лучших театров Душанбе. Сбор от спектаклей перечислялся в Советский фонд мира, что порождало у воспитанников чувство причастности к большому гражданскому делу. На второй год существования Лучобский интернат стал включаться союзным министерством иностранных дел в обязательную программу для приезжавших в СССР правительственных делегаций иностранных государств [13, с. 34, 37-39, 41].

«За создание и организацию разноплановой работы комплексной школы-интерната» Д.И. Фельдштейн был награжден орденом Трудового Красного Знамени [13, с. 49]. Партийно-советская карьера Давида Иосифовича также развивалась: он много лет был членом Душанбинского горкома компартии, а в начале 1960-х стал депутатом Верховного Совета Таджикской ССР [13, с. 20]. В 1963 г. в Москве, в Институте общего политехнического образования Академии педагогических наук РСФСР Давид Иосифович защитил кандидатскую диссертацию по педагогике на тему: «Система общественного полезного труда воспитанников восьмилетней школы-интерната как средство нравственного воспитания детей и подростков» [12]. По точному выражению биографов Д.И. Фельдштейна: «Так проблема нравственного развития и, шире, проблема морали, личностного саморазвития и самосовершенствования входит в сферу научных интересов Д.И. Фельдштейна, становясь одним из основных направлений его творчества» [3, с. 572]. В период подготовки диссертации Д.И. Фельдштейн начал все глубже и глубже интересоваться проблемами возрастной психологии. Этот интерес привел к личному знакомству с такими корифеями советской психологической науки, как А.Н. Леонтьев, Д.Б. Элькоин, В.В. Давыдов, М.Г. Ярошевский, Л.И. Божович, А.В. Петровский. Надо сказать, что Д.И. Фельдштейн обладал замечательным талантом – умением дружить, и это дарование довольно быстро и прочно связывало его с самыми разнообразными людьми, позволяло выстроить творческую и в известной мере защищенную от бытовых и служебных неурядиц жизненную среду.

Награждение орденом и защита диссертации повлекли за собой переход на административную должность начальника управления школ Министерства народного образования Таджикистана. Кроме того, с 1963 г. Д.И. Фельдштейн заведовал сектором в НИИ педагогических наук [13, с. 50; 14]. Была в переводе Давида Иосифовича на административно-научную работу и своя интрига: республиканское начальство хотело видеть во главе Лучобского интерната женщину-таджичку. Смена директора пользы не принесла и через полтора года после ухода Д.И. Фельдштейна «Лучоб» расформировали: детей перевели в дома ребенка, дошкольные детские дома и обычные школы-интернаты, здания передали Институту физкультуры [13, с. 50].

Административная работа не приносила удовлетворения такому увлеченному педагогу-практику, как Д.И. Фельдштейн. Он сам признавался: «"Промучившись"… больше года на административной работе, я запросился на дорогую мне педагогическую ниву…» [13, с. 51] Новый участок «педагогической нивы», который предстояло обрабатывать Д.И. Фельдштейну, был необыкновенно сложен. В 1965 г. было принято решение об открытии в Душанбе Республиканской школы для трудных подростков [11, с. 397]. Формировать педагогический коллектив новой школы, готовить помещения, разрабатывать учебно-методическую базу, воспитательный и дисциплинарный инструментарий предстояло вновь назначенному директору этого учебного заведения Д.И. Фельдштейну. Показательно, что на работу к своему прежнему директору пришли многие преподаватели и сотрудники расформированного Лучобского комплексного интерната [13, с. 55].

О том, насколько качественно был с самого начала поставлен воспитательный процесс в новой школе свидетельствует один факт: школа располагалась в центре Душанбе и жители близлежащих кварталов были очень взволнованы соседством с «малолетними преступниками» [11, с. 397]. Но уже через полтора года функционирования школы встал вопрос о сносе забора, отгораживавшего ее от соседних домов, а жители этих домов стали часто и с охотой посещать школьные праздники [13, с. 82]. Однако, такая метаморфоза стала итогом интенсивного труда педагогического коллектива во главе с Д.И. Фельштейном.

Общий психологический тип «трудного подростка» характеризовался, по наблюдениям Д.И. Фельштейна, с одной стороны, отсутствием «позитивного интереса не только к такой форме познавательной деятельности, как учеба», но и общим ослаблением социально-позитивного познавательного интереса. Вместе с тем, для подростка-правонарушителя были характерны, по Д.И. Фельштейну, крайний индивидуализм, стремление исполнять свои желания вопреки требованиям окружающих, общества, а интересы его сосредотачивались на зрелищах, кино, телевидении, спортивных играх: «Эта гипертрофия интереса к зрелищам, к их развлекательной стороне происходит за счет ослабления эстетических интересов к чтению книг, к музыке, театру. Низкая культура досуга, интерес к бесцельному времяпрепровождению, частые переходы от одного занятия к другому при общей безде-

ятельности и отсутствии трудолюбия - являются типичными для подростка-правонарушителя» [10, с. 275-276].

Со временем Д.И. Фельштейн выделил в среде подростков-правонарушителей пять психологических типов: от тех, кого «характеризует устойчивый комплекс общественно-отрицательных, аномальных, аморальных, примитивных потребностей, система откровенно антиобщественных взглядов, деформация отношений, оценок» – и до тех, кто стал на путь правонарушений случайно [10, с. 287-288]. В соответствии с выведенными таким образом особенностями были путем практики определены и «ключи к перевоспитанию подростков» каждой из пяти групп. Например, перевоспитание представителей первой группы требовало опоры «на такие качества их личности, как энергичность, упорство в достижении поставленной цели, стремление к престижу, первенству, в сочетании с полусознательным чувством их собственной социальной неполноценности». «Вхождению в систему общественно полезной трудовой деятельности» подростков из четвертой и пятой группы активно способствовали «пробуждение интереса к жизни, положительных переживаний, нахождение жизненных перспектив», «организация скользящего графика постоянных работ, систематический контроль и регулярное подведение итогов труда, темпы коллективной деятельности, личная ответственность перед коллективом, включенным в соревнование» [10, с. 303-304].

На практике Д.И. Фельдштейну и его сподвижникам пришлось иметь дело «с крайне педагогически запущенными подростками», агрессивность и злоба которых «носила какой-то незатухающий характер», лишенными всякого навыка дисциплинированности, элементарного чувства коллективизма, склонными к доносительству, сквернословию, абсолютно не доверявшими взрослым. В таких условиях главнейшими задачами педагогического коллектива стали, во-первых, завоевание доверия у воспитанников и, во-вторых, «очеловечивание» этих самых воспитанников. Для решения первой задачи среди сотрудников школы за правило было принято «не лгать воспитанникам, не обходить "острых" вопросов и "не бросать слов на ветер"». Главным педагогическим приемом стал «личный пример во всем - в труде, в правдивости, доброжелательности. Воспитатели и учителя школы - не надзиратели, а старшие товарищи и советчики». В спецшколе не было «строгого разделения на педагогов и просто сотрудников», все сотрудники считались воспитателями. «А быть воспитателем - значит прежде всего быть предельно честным с воспитанниками», – писал в 1968 г. Д.И. Фельдштейн. – «Лишь убедившись, что взрослые не лгут, подростки стали сближаться со своими наставниками, постепенно поверили им, поверили в них» [10, с. 258-259, 264].

Первое мероприятие по «очеловечиванию» воспитанников в руководимой Д.И. Фельдштейном школе напоминало сцену из знаменитой советской кинокомедии «Джентльмены удачи»: «Многие ребята, встречавшиеся "на воле", как выяснилось, не знали даже подлинных имен друг друга и обращались друг к другу по кличкам и прозвищам. В группах было организовано "разучивание" имен, а затем и экзамены на знание имен своих товарищей» [10, с. 259]. Самих групп воспитанников сначала сформировали восемь, командиров назначили по принципу личного авторитета и физической силы. Но постепенно в систему общественных поручений вовлекли всех учащихся, а потом раз в два месяца стали устраивать перевыборы командиров и перераспределение поручений, чтобы научить воспитанников и командовать, и подчиняться.

Уже через 3-4 месяца после начала занятий воспитатели поняли слабость принятого тогда в системе спецшкол принципа коллективной ответственности за проступки. Взамен была установлена «система перспективных линий», представлявшая из себя разбитое на этапы соревнование воспитанников за культуру быта, успеваемость в учебе, дисциплину и т.п. Группа, победившая в первый месяц работы, была премирована экскурсией в пограничный город Термез. Победители трехмесячного этапа отправились в Самарканд. Двое победителей годового этапа самолетом были отправлены на Тихий океан, где посетили ракетный крейсер «Варяг». По признанию Д.И. Фельдштейна: «Вернулись назад ребята полные новых впечатлений и гораздо более сплоченными. А уж за первое место по итогам года подростки боролись так рьяно, что вникали во все мелочи» [10, с. 261-262]. Первый опыт так вдохновил воспитанников, что летом 1968 г. «уже десять подростков на средства, заработанные самими воспитанниками спецшколы (в мастерских, на сборе хлопка, на сборе металлолома и пр.), вновь поехали к морякам, и некоторые из них остались служить на вспомогательных кораблях (затем это стало традицией - отправлять выпускников на службу в Тихоокеанский флот» [13, с. 64]. Еще одним стимулирующим средством поощрения стало удостоверение «на доверие», предоставлявшее воспитаннику, заслужившему «уважение и доверие коллектива сотрудников и воспитанников школы», право свободного выхода за пределы спецшколы в свободное от уроков и от обязательных занятий время [10, с. 262].

Учитывая, что у подростков-правонарушителей весьма развит интерес «по отношению к обычаям и традициям той микросреды, в которой общается подросток. Иными словами, позитивные интересы несовершеннолетнего правонарушителя замещаются квазиинтересами, обусловленными отношениями микросреды» [10, с. 275-276] , Д.И. Фельштейн принял решение «смоделировать» особую «микросреду» во вверенной ему спецшколе и наполнить эту «микросреду» социально-

позитивным содержанием. В том, как это было сделано, чувствовался богатый опыт пионервожатого, которым обладал Давид Иосифович. Поставленная задача была осуществлена, во-первых, через введение целой системы школьных традиций: праздников, знаков отличия, выставок с портретами школьных передовиков учебы и труда, сигналов трубы и т.п. Во-вторых, той же цели служила введенная с 1966 г. система ученического самоуправления: командиры отделений составляли штаб группы, командиры групп - штаб школы и комиссии этого штаба (ученическую, санитарную, хозяйственную, библиотечную, борьбы за режим экономии и совет физкультуры). «Штаб командиров руководит многими сторонами школьной жизни. Причем это не показное, а реальное руководство», – писал в 1968 г. Д.И. Фельдштейн [10, с. 263-264].

Перечисленные мероприятия сочетались, как и в Лучобском интернате, с многогранным эстетическим воспитанием [13, с. 78]. Вместе с тем, как писала газета «Правда» 13 мая 1968 г., когда в Душанбинской спецшколе была уже давно налажена эффективная работа производственных мастерских: «Воспитанники по желанию овладевают специальностями столяра-краснодеревщика, токаря, автослесаря, радиомеханика, киномеханика, повара. В июне прошлого года подавляющее большинство ребят, успешно выдержав квалификационные испытания, получили второй и третий производственные разряды» [11, с. 398].

Подлинным апофеозом трудового и духовного единения воспитателей и учеников Республиканской школы для трудных подростков стало строительство летнего лагеря школы. После полугода работы спецшколы перед коллективом воспитателей стал вопрос, чем занять непростой контингент воспитанников в летнее время («184 правонарушителя в замкнутом пространстве, учебные занятия прекратятся, спортивные и производственные помещения не готовы»). Партийно-советские власти Таджикистана предложили переоборудовать под летний лагерь силами коллектива спецшколы заброшенный кишлак в 71 км от Душанбе, на горном плато в Калайдаштской долине [13, с. 83]. Вот что вспоминал об этом проекте Д.И. Фельдштейн: «Сами инженеры, сами архитекторы, сами прорабы, мальчишки строили свой Дом, свой город. Воздвигали его на пустынном забытом месте. Они считали себя первооткрывателями. Было интересно работать для себя (но ведь при этом и для товарищей, что было психологически важно). Подростки увлеклись этим трудом, в который мы вносили элементы игры, соревнования, победы. За несколько месяцев работы ребята буквально преобразили местность. Тенистые дорожки, фруктовые деревья, цветники встречали вас на месте заброшенного кишлака. И все это было сделано своими руками» [13, с. 72]. Более того, чтобы электрифицировать лагерь, воспитанники самостоятельно построили гидроэлектростанцию, для подвода к которой воды проложили в горной местности канал: «Подростки своими руками построили теневые навесы для спален, кухню, столовую, выстроили туалеты, провели водопровод, …проложили аллеи, построили лестницы, спортивный городок, бассейн для плавания, провели арыки – и вода вернула к жизни высыхавшие фруктовые деревья» [13, с. 73-74].

Д.И. Фельдштейн отмечал в 1968 г.: «За годы работы Душанбинская специальная школа смогла добиться многого… Не случайно подростки, мечтавшие в первые месяцы пребывания в спецшколе о "воле", теперь, возвращаясь из походов, экскурсий, с радостью и волнением восклицают: "Домой! Ура! Домой!", понимая под словом "дом" свою школу, ставшую им действительно настоящим домом. Домом, где живут, учатся, трудятся, отдыхают, растут» [10, с. 257-258]. И, как добавил Давид Иосифович в своих позднейших мемуарах, по данным прокуратуры «к началу 1970 г. рецидив среди выпускников спецшколы был равен нулю (такого результата не знало ни одно спецучреждение страны)» [13, с. 86].

Опыт работы в Душанбинской спецшколе принес и научные плоды. Тем более что одновременно Д.И. Фельдштейн с 1965 г. по 1970 г. заведовал проблемной лабораторией экспериментальной психологии и программированного обучения Таджикского госуниверситета [3, с. 571-572]. Давид Иосифович вспоминал: «Пять лет работы в этом учреждении, результаты трудных психолого-педагогических поисков нашли отражение в моей книге "Трудный подросток" [Душанбе, 1972], других книгах, брошюрах, статьях, став темой диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук» [13, с. 52]. Докторскую диссертацию на тему «Психологические основы формирования нравственных качеств личности в подростковом возрасте» Д.И.Фельдштейн защитил в 1969 г. на факультете психологии МГУ [9; 3, с. 572]. Тем самым он стал первым доктором психологических наук в Таджикистане [5, с. 41]. В 1970 г. Д.И. Фельдштейн возглавил кафедру психологии и педагогики Таджикского университета [3, с. 572].

Уникальный опыт Д.И. Фельштейна по организации комплексных воспитательно-образовательных центров не был, тем не менее, забыт в Москве. В 1974 г. в недрах министерства просвещения СССР и союзной Академии педагогических наук созрел проект «организации экспериментального Детского центра». «Положение о Детском центре» было утверждено на заседании коллегии минпроса СССР, Совет министров СССР издал распоряжение об организации центра. Директором нового масштабного проекта должен был стать Д.И. Фельдштейн, которого не без сопротивления таджикских властей перевели ради этого в Москву [13, с. 92-93]. Давид Иосифович разработал подробнейшую концепцию «Детско-

го центра», опубликованную в 1976 г. [7; 10, с. 320-344]. Однако в итоге средств на организацию центра у правительства не оказалось и последний суперпроект выдающегося педагога-практика не был реализован. Вместо этого Д.И. Фельдштейн возглавил в Москве лабораторию психологического развития и воспитания в подростковом и юношеском возрастах Научно-исследовательского института общей и педагогической психологии АПН СССР (с 1992 г. - Психологический институт Российской академии образования), которой руководил почти четверть века [13, с. 93; 3, с. 573].

В качестве академического ученого Д.И. Фельдштейн, по мнению коллег, «был и останется ярким представителем отечественной школы культурно-исторической психологии, теории деятельности и социализации. Его глубоко интересовали проблемы развертывания научного поиска, имеющего целью построение фундаментальных теоретических и экспериментальных психологических исследований современного человека, его психологических феноменов и процессов, новых норм его психического, психофизиологического, личностного развития» [15, с. 3]. Сам Д.И. Фельдштейн так охарактеризовал сферу своих научных интересов: «В своих многолетних исследованиях психического, личностного развития детей, прежде всего детей подросткового возраста, автор в качестве основных целенаправленно вычленил следующие направления: а) детализированный, дифференцированный анализ состояния подросткового периода во всей сложности его содержания; б) изучение этого особого этапа в процессе развития. Последнее рассматривается на двух уровнях: 1) развитие в границах данного возраста и 2) осмысление его в онтогенетическом развитии как момента развития, проявления этого развития. Такой анализ позволяет не только раскрывать функциональную нагрузку подросткового этапа, но и рассматривать его как соответствующую несущую часть общего процесса развития - определенного состояния растущего человека в общей структуре онтогенеза, в его связях с другими периодам, прослеживая важные закономерности, характеристики взросления на длительном временном отрезке от 0 до 18 лет» [10, с. 7].

Коллеги и ученики существенно дополняют намеченный Давидом Иосифовичем перечень его академических заслуг: «Д.И. Фельдштейн доказал, что развитие личности есть процесс, который характеризуется степенью формирования и насыщения именно того системного качества индивида, в котором выражен уровень его социальной зрелости, интеграции и развертывания общественной сущности человека. Это положение стало основой для дальнейшего исследования специфики ведущей деятельности в подростково-юношеском возрасте и разработки новой периодизации психического развития. <…> …Им была теоретически обоснована и эмпирически подтверждена концепция социально признаваемой и социально одобряемой деятельности как особого по своему психологическому содержанию типу деятельности, сензитивного подростковому возрасту. <…> Еще одном важным вкладом Д.И. Фельдштейна в психологию развития стала методологическая и содержательная разработка концепции двух типов социальной позиции: "я в обществе" и "я и общество". <…> Таким образом, им была разработана концепция поуровневого социального развития личности в онтогенезе, раскрывающая закономерности становления социальной зрелости детей, подростков, юношества. По сути, им создана принципиально новая социально-нормативная периодизация психического развития личности, раскрывающая закономерности и механизмы социализации-индивидуализации» [3, с. 573].

Д.И. Фельдштейн опубликовал более 300 научных работ, в том числе 43 монографии (19 из которых переведены на иностранные языки и напечатаны за рубежом), подготовил 73 кандидата и 12 докторов наук. С 1988 г. он являлся почетным членом Американской психологической ассоциации, членом координационного совета Международного общества исследования поведенческого развития. 9 апреля 1996 г. Давид Иосифович возглавил в качестве ректора вновь созданное негосударственное образовательное учреждение «Московский психолого-социальный институт». В том же году Д.И. Фельдштейн был избран членом-корреспондентом, а в 1999 г. - действительным членом Российской академии образования. В 1999-2008 гг. он был академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии, с 27 апреля 2001 г. - вице-президентом Российской академии образования. Более 15 лет возглавлял экспертный совет ВАК РФ по педагогике и психологии. Отдельного рассказа заслуживает его деятельность в качестве главного редактора журнала «Мир психологии» [3, с. 574; 14].

Надо сказать, что этот, последний по времени, творческий период Давида Иосифовича совсем не был «мемориальным». Высокопрофессиональный психолог и педагог пристально следил за изменениями в социально-психологической сфере. Коллеги подчеркивают, что работы Д.И. Фельдштейна «отличает обостренное понимание, скорее даже предчувствие социально-психологического состояния общества и тех проблем, которые являются насущными не только "здесь и теперь", но и в ближайшей перспективе» [3, с. 574]. Приведем один пример. В 1990 г. на страницах журнала «Вопросы философии» (№5) Давид Иосифович предупреждал: «Наиболее существенным, социально-психологически опасным представляется имеющееся нарушение глубинных связей всего нашего взрослого сообщества и детей, отчуждение детства от мира взрослых. Сегодня дети находятся рядом, но не внутри нашего мира. Ребенок стал чужим…» [10, с. 317] Подчеркнем, что слова эти были

написаны еще до появления социальных сетей в Интернете, мобильных телефонов и т.п. Через 30 лет обозначивший таким образом проблему Д.И. Фельдштейн на лекции «Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования», прочитанной им в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, показал, к чему привели обозначенные им некогда тенденции: «По данным американских психологов, к началу школьного возраста время просмотра телевизора достигает 10–12 тыс. часов, а по данным Института социологии РАН, более 60% родителей проводят досуг с ребенком перед телевизором, у каждого десятого ребенка-дошкольника все свободное время проходит у телевизора. В результате возникает особая потребность в экранной стимуляции, которая дает сбои в восприятии, блокируя собственную деятельность ребенка. Экранная зависимость приводит к неспособности ребенка концентрироваться на каком-либо занятии, к отсутствию интересов, гиперактивности, повышенной рассеянности. Таким детям необходима постоянная внешняя стимуляция, которую они привыкли получать с экрана, им трудно воспринимать слышимую информацию и читать: понимая отдельные слова и короткие предложения, они не могут связывать их, в результате не понимают текста в целом. Дети теряют способность и желание чем-либо занять себя. Им уже не интересно общаться друг с другом. Они предпочитают нажать кнопку и ждать новых готовых развлечений» [6, с. 15-16].

В той памятной лекции вообще прозвучало много пугающих вещей, как-то не согласующихся с образом маститого, признанного и обласканного вниманием ученого: «Отмечаются серьезные изменения ценностных ориентаций детей, подростков, юношества не только по сравнению с серединой 1990-х годов, но и даже с началом XXI столетия. Так, за последние три года (начиная с 2007 г.) на первый план выдвигаются интеллектуальные (1-е место), волевые (2-е место) и соматические (3-е место) ценностные ориентации. Образованность, настойчивость, решительность, ориентация на высокий уровень достижений, а также хорошее здоровье, презентабельная внешность становятся особенно значимыми качествами для подростков и юношества. Но при этом весьма тревожно, что эмоциональные и нравственные ценности - чуткость, терпимость, умение сопереживать - занимают последние места в иерархии ценностей. Наблюдается негативная динамика культурных и общественных ценностей у современных старших школьников» [6, с. 18]. Жутковато, как эти характеристики из положительной части лекции напоминают характеристики психологических особенностей трудных подростков 1960-х…

В своей монографии «Мир Детства в современном мире» (2013) раздел, посвященный научному наследию своих учителей и друзей, Д.И. Фельдштейн озаглавил «Личностный фактор в организации образования» [8, с. 312]. Стоит ли сомневаться, что личность самого Давида Иосифовича многие годы также являла собой весомый фактор в организации отечественного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запесоцкий А.С. Выдающийся российский педагог и психолог Д.И.Фельдштейн в СПбГУП // Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. СПб., 2011. С. 3-5.
2. Кондаков И. Фельдштейн Давид Иосифович // Психологический словарь. М., 2000 // http://vocabulary.ru/dictionary/478/word/feldshtein-david-iosifovich
3. Марцинковская Т.Д., Рубцов В.В. Давид Иосифович Фельдштейн. Учитель и ученый (1929-2015) // Выдающиеся психологи Москвы. М., 2016. С. 569-575 // https://psyjoumals.ru/moscow_psychologists/issue/intro_fun.shtml
4. Молодцова В. Давид Фельдштейн был из тех ученых, что пришли в науку из практики// Учительская газета. 2015. 3 сентября // https://ug.ru/author/molodtsovaviktorija/
5. Повшедная Ф.В. Мир детства в психолого-педагогическом наследии Д.И.Фельдштейна (в память об учителе и близком друге) // Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика российской академии образования Давида Иосифовича Фельдштейна. Сборник трудов. Н. Новгород, 2016. С. 41-44.
6. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. СПб., 2011.
7. Фельдштейн Д.И. Исходные данные проектирования экспериментального комплекса «Детский центр». М., 1976.
8. Фельдштейн Д.И. Мир Детства в современном мире (проблемы и задачи исследования). М.;Воронеж, 2013.
9. Фельдштейн Д.И. Психологические основы формирования нравственных качеств личности в подростковом возрасте. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Душанбе, 1969
10. Фельдштейн Д.И. Психология развивающейся личности. М.; Воронеж, 1996.
11. Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности. Избранные труды в 2 т. Т. 2. М.; Воронеж, 2005.
12. Фельдштейн Д.И. Система общественного полезного труда воспитанников восьмилетней школы-интерната как средство нравственного воспитания детей и подростков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1963.
13. Фельдштейн Д.И. События. Люди. Жизнь. М.; Воронеж, 2009.
14. Фельдштейн, Давид Иосифович // https://ru.wikipedia.org/

15. Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика российской академии образования Давида Иосифовича Фельдштейна. Сборник трудов. Н. Новгород, 2016.

© Патов Николай Александрович (patovnabryansk@mail.ru), Лельчицкий Игорь Давыдович (Lelchitskiy.ID@tversu.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия образования

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.34

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗРАБОТКИ ПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЯ ОСНОВ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: Стандарты нового поколения основного общего образования определяют обязательной дисциплину «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Педагогическое ядро высшего образования определяет предметно-методический модуль ОДНКНР, закладывая профессиональные компетенции педагога. В то же время, основываясь на содержание курса, особенности его «подачи» и идеологическую важность тематических разделов, представляется необходимым рассмотреть методические приемы разработки предметных компетенций педагога, которые позволят на более качественной основе подходить к реализации предмета, донося до учащихся ключевые аспекты разделов в контексте реально происходящих событий, формируя гражданскую позицию личности. Развитие предметной компетентности во многом будет определять качество работы педагога.

Ключевые слова: обучающиеся, компетенция, методика преподавания, учитель, культура России.

METHODOLOGICAL TECHNIQUES FOR DEVELOPING SUBJECT COMPETENCIES OF A TEACHER OF THE FUNDAMENTALS OF THE SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

V. Skopa

Summary: The standards of the new generation of basic general education determine the compulsory discipline "Fundamentals of the Spiritual and Moral Culture of the Peoples of Russia". The pedagogical core of higher education determines the subject-methodological module of the ODNKNR, laying the professional competencies of the teacher. At the same time, based on the content of the course, the features of its "presentation" and the ideological importance of the thematic sections, it seems necessary to consider the methodological methods for developing the subject competencies of the teacher, which will allow a better approach to the implementation of the subject, conveying to students the key aspects of the sections in the context real events, forming the civic position of the individual. The development of subject competence will largely determine the quality of the teacher's work.

Keywords: students, competence, teaching methods, teacher, Russian culture.

Доминантой развития российского общества в современных условиях выступает возрождение духовных традиций и забота о сохранении нравственности подрастающего поколения. Решению этих задач может способствовать формирование системы ценностей, основанной на уважении к отечественной истории и культуре. Ориентироваться в истории культуры и государственности России невозможно без осмысления религиозных ценностей, этических норм, представлений о предназначении человека [13]. Обращение к этим ценностям и нормам несет в себе потенциал воспитания духовно зрелой и нравственно развитой личности, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению социальной стабильности и гражданского согласия в российском обществе. Основы духовно-нравственного развития и воспитания подрастающего поколения как субъектов социальных отношений заложены в ФГОС и трактуются как важнейшая задача в системе обучения [2].

Стандарты нового поколения основного общего образования определяют обязательной дисциплиной «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР). Во многом данная тенденциозность объясняется рядом факторов. Во-первых, предметная основа модуля целостно направлена на формирование и актуализацию ценностных категорий личности: доброта, порядочность, честность. Во-вторых, дисциплина аккумулирует в себе идейную основу формирования духовно-патриотических начал человека, т.е., то, что крайне необходимо в современной действительности. В-третьих, предмет позволит расширить комплексное понимание культуры народов России как многонациональной страны и заложить потребности в развитии культурных ценностей и понимания данных категорий. В целом, все это направлено на развитие целостной и гармонично развитой личности, способной к саморазвитию и саморефлексии [4].

Дисциплина «Основы духовно-нравственного развития культуры народов России» является уникальной, так как интегрирует в себе комплекс историко-обще-

ствоведческих знаний и опирается на ранее изученный курс «Основы религиозных культур и светской этики» ОРКиСЭ. Во многом данная преемственность позволяет учащимся легче воспринимать материал, осознавая и понимая его сущность.

Педагогическое ядро высшего образования определяет предметно-методический модуль «Основы духовно-нравственного развития народов России», закладывая профессиональные компетенции педагога: способность осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач (ПК-1); осуществлять целенаправленную воспитательную деятельность (ПК-2); формировать развивающую образовательную среду для достижения личностных, предметных и метапредметных результатов обучения средствами преподаваемых учебных предметов (ПК-3), что раскрывается индикаторами достижения компетенций. В то же время, основываясь на содержание курса, особенности его «подачи» и идеологическую важность тематических разделов, представляется необходимым разработать предметные компетенции педагога, которые позволят на более качественной основе подходить к реализации определенного предмета, донося до учащихся ключевые проблемы разделов в контексте объективно-действительных происходящих событий, формируя гражданскую позицию личности.

Заявленная тема имеет научно-методическую основу и практико-ориентированную направленность. Разработка модели профессиональных предметных компетенций для учителей, реализующих предметно-методический модуль «Основы духовно-нравственной культуры народов России» позволит на основе накопленных знаний и эмпирической базы системно представить и структурированно реализовывать содержание данного предмета в контексте культурологичности и культуросообразности. Именно культурообразующая составляющая позволит целостно раскрыть и представить все черты культурного, религиозного и этического содержания общества. Это будет способствовать формированию у обучающихся базовых категорий и понимании роли религии в становлении культуры общества, а также раскрытии важности конфессиональной основы в процессе воспитания, где базисом будут выступать нравственные ценности и идеалы.

На сегодняшний день процесс формирования компетентного специалиста является одной из проблем не только педагогики, но и психологии, методики. Научная проблема разработки компетенций имеет свою историю изучения как с научного ракурса, так и учебно-методического. Так, проблемы теории и методологии формирования и разработки компетенций рассматривали И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, уделяя внимание ключевым компетенция как компоненту личностно-ориентированной парадигмы [5, 13]. Отдельные аспекты формирования компетенций педагога представлены в исследованиях Г.У. Карпыковой, Е.А. Боярского, И.Г. Липатниковой [1, 3, 7, 8]. Основной акцент авторы делали на процесс подготовки будущего учителя в профессиональной образовательной организации, где, собственно, и шел процесс формирования профессиональных компетенций. В то же время вне сферы научного интереса осталась проблема, касающаяся разработки предметных компетенций для учителя предметно-методического модуля «Основы духовно-нравственной культуры народов России». В этой связи можно предложить приемы разработки предметных компетенций педагога, с учетом научно-методической проработки проблемы и ее практической направленностью.

Разработка перечня когнитивных компетенций учителя предметного модуля ОДНКНР. Именно когнитивная компетентность позволит достичь эффекта и успеха на протяжении всей жизни человека. Она ведет к личностному и профессиональному росту [10]. Исходя из данного утверждения, можно определить когнитивную компетентность как совокупность навыков критического, системного, стратегического, креативного мышления, а также умения проектировать индивидуальные образовательные траектории в предметной области [4].

Разработка перечня функциональных компетенций учителя предметного модуля ОДНКНР. К данной категории мы относим это способность субъекта вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней. Данное положение весьма логично согласуется с высказыванием А.А. Леонтьева «Функционально грамотный человек – это человек, который способен использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [6].

Разработка перечня личностных компетенций учителя предметного модуля ОДНКНР. В данном случае за основу были взяты ключевые идеальные черты. Педагог, как транслятор знания должен быть самостоятельным, свободным творцом в развитии. Ключевыми категориями качества личности выступают объективность, внимательность, адекватность самооценки, настойчивость, трудолюбие и т.п. [11].

В целом, основными ориентирами разработки перечня компетенций в данном случае будут являться образовательные стандарты общего среднего образования и профессиональный стандарт педагога.

Формулирование содержательных характеристик

для перечня компетенций учителя предметного модуля ОДНКНР. Сюда мы относим детализацию и характеристику предметных компетенций учителя предметного модуля.

Проведение экспертизы модели профессиональных предметных компетенций учителя ОДНКНР. Включенные в модель компетенции должны соответствовать требованиям ФГОС ВО и профессиональному стандарту педагога, локальной нормативной документации, регламентирующей содержание образовательного процесса в системе высшего образования.

Апробация модели профессиональных предметных компетенций учителя предметного модуля ОДНКНР. Данный этап должен соответствовать локальной нормативной документации, регламентирующей содержание образовательного процесса в системе высшего образования.

Исходя из выше определенного, реализация модели профессиональных предметных компетенций для учителей предметно-методического модуля «Основы духовно-нравственной культуры народов России» позволит комплексно и всесторонне, в соответствии с реальной действительностью, формировать у учащихся образ будущего нашей страны с учётом национальных и стратегических приоритетов российского общества [1].

Сформированность профессиональных предметных компетенций учителя позволит на основе культурологического подхода сформировать у учащихся нравственный идеал, гражданскую идентичность личности и воспитать патриотические чувства к Родине, сформировать историческую память [12]. Это будет в свою очередь способствовать развитию ценностного отношения к духовно-нравственным категориям, государственной символике Российского государства и осознанию важности этого.

Разработанная модель профессиональных предметных компетенций послужит основой для проектирования содержания образовательного процесса, технологий обучения и оценки образовательных результатов подготовки учителя предметного модуля «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Направленность разработанных компетенций будет способствовать учителям адекватно и объективно воспринимать происходящие события в России в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей, а, следовательно, их и доносить до учащихся, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, пункт 91).

Важной составляющей заявленного предмета является формирование у обучающихся мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России [9]. Первостепенной задачей при этом выступает целостное восприятие детьми отечественной культуры и истории [5].

Разработанная модель профессиональных компетенций будет иметь практикоориентированную направленность, что будет заключаться в разработке и реализация курсов повышения квалификации для учителей, реализующих предметно-методический модуль «Основы духовно-нравственной культуры народов России» с целью совершенствования их профессионального мастерства и формирования профессиональных компетенций; учебно-методического сопровождения учителей в реализации модели профессиональных предметных компетенций; подготовке и проведении семинаров, конкурсов, круглых столов, связанных с разработкой и использованием профессиональных предметных компетенций для педагогов, реализующих предметно-методический модуль ОДНКНР.

Таким образом, можно отметить, что разработанная и реализованная модель профессиональных предметных компетенций учителя позволит на качественно новой основе подходить к изложению и подаче учебно-методического модуля «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Развитие предметной компетентности во многом будет определять качество работы педагога, а сформированные знания у учащихся будут иметь практикоориентированную направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпыкова Г.У. Интенсификация процесса подготовки будущего учителя в профессиональной образовательной организации // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 4 (24). – С. 53-59.
2. Безрукова В.С. Введение в профессиональную педагогику. Екатеринбург, 1996. – 154 с.
3. Боярский Е.А. Компетенции: от дифференциации к интеграции // Высшее образование сегодня. 2007. № 1. – С. 8-11.
4. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сьшанюк Э. Э. Модернизация профессионального образования: Компетентностный подход. М.: МПСИ, 2005. – 251 с.
5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. – С. 34-42.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. М., Смысл, 1997. - 365 с.

7. Липатникова И.Г. Формирование когнитивной компетентности в процессе обучения студентов педагогических вузов элементарной математике // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1.
8. Лукьянова, М.И. Развитие психолого-педагогической компетентности учителя: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. – 18 с.
9. Розов Н.Х. Ценности гуманитарного образования // Высшее образование в России. 1996. № 1. – С. 85-89.
10. Сергеев А.Н. Основа формирования у будущих учителей предметных компетенций – овладение системой технологических понятий // Высшее образование сегодня. 2007. № 12. – С. 32-34.
11. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование // Педагогика. 1994. № 5. – С. 16-21.
12. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // URL: https:// www.garant .ru/products/ipo/prime/doc/71837200 (дата обращения: 14 .09 .2022).
13. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. 2003 № 2. – С. 58-64.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.36

СПЕЦИФИКА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сурков Александр Михайлович
к.п.н., Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
surkov.1954@bk.ru
Суханова Елена Юрьевна
к.б.н., Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
lena.suxanova@yandex.ru
Антипов Олег Владимирович
к.б.н., Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru

Аннотация: Глобализационные процессы, затрагивающие абсолютно все сферы деятельности людей, также коснулись физкультурно-спортивных занятий. Историография интеграции различных методик преподавания физической культуры в высшие школы развитых стан, за основу которых взята английская спортивная игровая система, насчитывает несколько столетий. Несмотря на вариативные отличия в концепциях физической подготовки, в России, Европе и Америке произошла консолидация западных практик в единую традиционную структуру обучения, ядро которой легло в основу современных общеобразовательных программ.

Сегодня мировые тенденции сконцентрированы на методах студенческой работы, которая должна быть, прежде всего, природосообразной, а основными видами спортивной деятельности являются зимние и летние подвижные игры. Организационные и методические аспекты преподавания физической культуры в высших общеобразовательных учреждениях всего мира ориентированы на гармоничное развитие человека, заключающееся во взаимокорреляции освоения теоретических знаний и физической активности. Тем не менее, конгруэнтности в отношении принятия универсальной методики преподавания спортивных дисциплин до сих пор нет. Причины разнообразия связаны с культурными, традиционными, религиозными и ментальными аспектами отношения к спорту и его роли в жизни обучающихся, а также с функциями и структурой физического воспитания в системе образования того или иного государства.

Ключевые слова: физическая культура, физическое воспитание, методика обучения, здоровье студентов, высшее учебное заведение, спорт, зарубежный опыт.

SPECIFICS OF THE METHODOLOGY OF TEACHING PHYSICAL CULTURE IN DOMESTIC AND FOREIGN UNIVERSITIES: COMPARATIVE ASPECT

A. Surkov
E. Sukhanova
O. Antipov

Summary: Globalization processes affecting absolutely all spheres of human activity have also affected physical culture and sports activities. The historiography of the integration of various methods of teaching physical culture in higher schools of developed countries, based on the English sports game system, dates back several centuries. Despite the variable differences in the concepts of physical training, in Russia, Europe and America, Western practices have been consolidated into a single traditional training structure, the core of which formed the basis of modern general education programs.

Today, global trends are focused on the methods of student work, which should be, first of all, natural, and the main types of sports activities are winter and summer outdoor games. Organizational and methodological aspects of teaching physical culture in higher educational institutions around the world are focused on the harmonious development of a person, which consists in the mutual correlation of the development of theoretical knowledge and physical activity. Nevertheless, there is still no congruence regarding the adoption of a universal methodology for teaching sports disciplines. The reasons for diversity are related to cultural, traditional, religious and mental aspects of the attitude to sports and its role in the life of students, as well as with the functions and structure of physical education in the education system of a particular state.

Keywords: physical culture, physical education, teaching methods, students' health, higher education institution, sports, foreign experience.

Дисциплина «физическая культура» в высшем образовании рассматривается не только с позиции прикладного аспекта формирования и развития двигательных умений и навыков, обеспечивающих спортивную подготовку обучающихся и повышение качества их здоровья, но и как коррелят, способствующий гармоничному становлению личности студентов [6, p. 158], который, в синтезе с осваиваемыми теоретическими знаниями по остальным дисциплинам (в нефизкультурных вузах), способствует психоэмоциональной стабильности, минимизации валеологических рисков, а также снижению потенциальной возможности возникновения

Таблица 1.

Сравнительная таблица основных концепций преподавания физической культуры в российских и зарубежных высших школах*

Страна	Специфика	Виды спорта	Методы
Англия, в т.ч. Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс; США	Английская спортивная игровая система вошла в основу физического воспитания во всём мире. Приветствуется жёсткая конкуренция; предусмотрены спортивные стипендии. Студенты, получающие данные пособия, также имеют доступ к специальным вспомогательным услугам: бесплатному членству в спортивном центре, физиотерапии, консультациям по силовой, физической или специальной подготовкам [10].	– баскетбол; – хоккей; – теннис; – плавание; – волейбол; – водное поло; – гольф; – европейский футбол; – фехтование; – борьба; – легкая атлетика; – верховая езда; – крикет; – гребля и т.д.	– метод обучения, способствующий тесному и личностному контакту преподавателя с обучающимися; – дихотомия элитного / массового участия [9, p. 10]; – игровой и соревновательный методы.
Россия	– общеобразовательная направленность; – наличие методико-практических занятий; – один из механизмов слияния общественного и личного интересов; – способствует обеспечению спортивной тренированности и оптимизации психоэмоционального состояния; – повышенная стипендия за достижения в спортивной деятельности при выполнении нормативов и требований золотого знака отличия «Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).	– бег, – плавание, – волейбол; – баскетбол; – футбол; – лыжи; – лёгкая атлетика; – гимнастика; – самбо и т.д.	Специфические: – строгое регламентирование упражнений; – игровой; – соревновательный. Общепедагогические: – словесный; – наглядный.
Германия	«Минимальная физическая подготовка была введена в школьную программу в период войны с Наполеоном, что играло огромную роль для военных сражений» [3, с. 106]. Занятия по физической культуре являются обязательными и по возможности всегда проводятся на свежем воздухе; большую популярность имеет членство в спортивных клубах. «Физические упражнения и соревнования расцениваются как средство укрепления национального единства» [4, с. 5].	– плавание; – гольф; – футбол; – гимнастика; – сноуборд; – боевые искусства; – пешие прогулки и походы; – горнолыжный спорт и т.д. [3, с. 105-106].	– наглядный; – практический: такой общепедагогический метод, как словесный (преподавание теоретических аспектов) отсутствует [3, с. 106]; – игровой; – соревновательный.
Франция	«В 1896 г. … Пьер де Кубертен стал основателем современного олимпийского движения» [1, с. 135]. В студенческой среде занятия физкультурой и спортом ориентированы на приведение обучающегося к созданию положительного образа его тела.	– легкая атлетика; – спорт на свежем воздухе (каноэ, альпинизм, спортивное ориентирование); – гимнастика; – танцы и др. виды художественной деятельности; – баскетбол, футбол, регби и др. виды командных спортивных игр; – борьба; – бадминтон, настольный теннис и пр.; Формирование компетенции №5: умения поддерживать собственную физическую активность, преимущественно, посредством плавания и бодибилдинга [1, с. 138].	Метод 1: Совокупность регулированных движений и упражнений на гимнастических снарядах. Метод 2: Игры на свежем воздухе и упражнения, развивающие силу и ловкость: гимнастические упражнения и прикладная гимнастика; школьные рекреативные и гимнастические игры. Метод 3: Сочетание гимнастических игр и упражнений, способствующих развитию силы и ловкости (базируется на синтезе первых двух методов и является самым распространённым во Франции).

* Таблица автора.

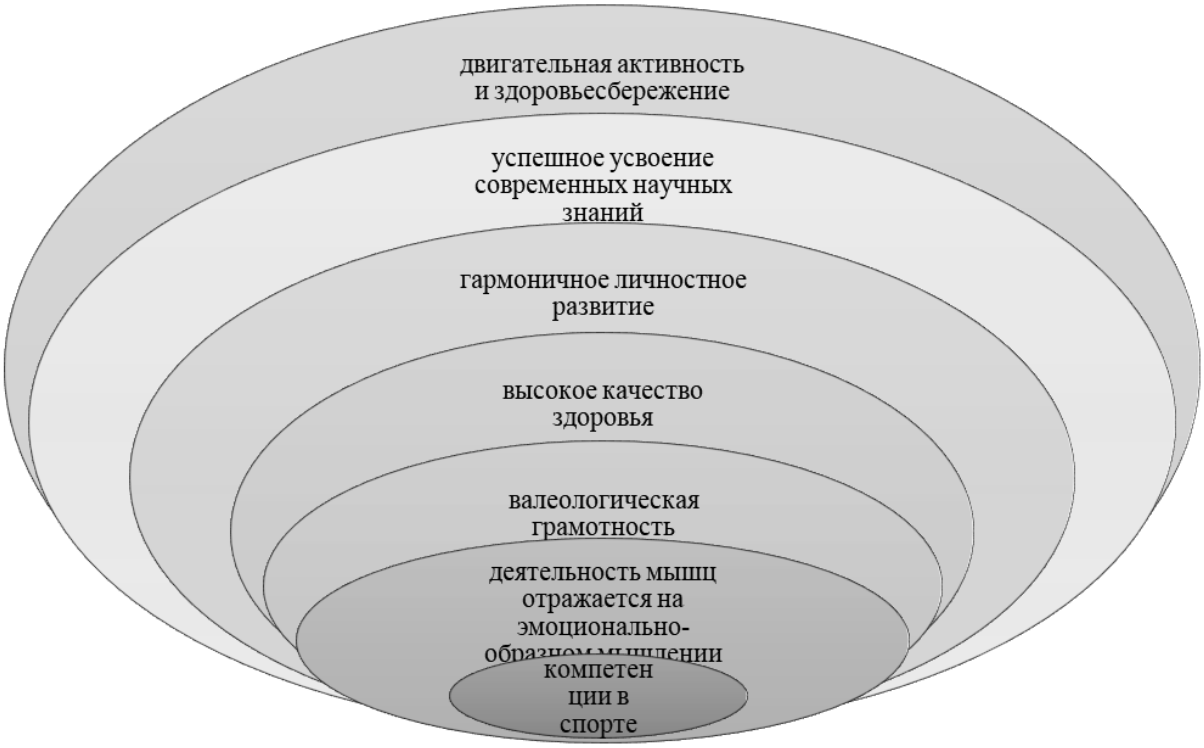


Рис. 1. Актуальность дисциплины «физическая культура» в высшем образовании*
* Рисунок автора.

различных патологий здоровья. Вышеобозначенные факторы детерминируют систематическое проведение модернизации методик преподавания физической культуры не только в дошкольных и школьных учреждениях, но и в высших школах.

Первым мотивационным компонентом к внедрению в высшие учебные заведения спортивных дисциплин стали войны, которые требовали от армий Европы не только вооружения, но и хорошей физической подготовки. С этой целью, со времен войны с Наполеоном, Германия интегрировала в образовательную систему многие виды спорта, а милитаристические круги Франции и большинство других европейских государств приняли «Естественный метод» или «Натуральную гимнастику» Жоржа Эбера (1875 – 1957) [4, с. 8].

Примерно с 1890-х гг., по всей Европе в общеобразовательные организации было внедрено «Английское спортивно-игровое движение» (The English games and Sport movement). Однако в таких странах, как Германия, Франция, Дания и Швеция на государственном уровне оно было принято гораздо позже, а именно: национальные виды школьной гимнастики в данных странах представляли собой препятствие для включения традиционных британских видов тренировок в регулярные программы физического воспитания. Во Франции альтернативные гимнастические концепции из Швеции на правительственном уровне были интегрированы с 1890 г., в Германии – с 1900 г. Концепция английских спортивных игр в данных странах была принята с 1920 г., в Италии, Германии и Испании – с 1930 г. В Советском Союзе и странах Восточной Европы европейские методы преподавания физической культуры были включены после Второй Мировой Войны и реализовывались посредством внедрения в учебную программу спортивных подвижных игр [8, p. 38]. В 1986 г. благодаря французскому общественному деятелю Пьеру де Кубертену возродились Олимпийские игры.

Таким образом, развитию современных методик физического воспитания в высших общеобразовательных учреждениях, активно используемых в настоящий момент в США, Европе и России, способствовала английская спортивно-игровая система [4, с. 7]. Однако, в отличие от Англии и США, где сегодня физическая культура ориентирована на формирование между ее участниками жёсткой конкуренции, в России, помимо воспитания «высоких моральных, волевых и физических качеств» [5, с. 256], одним из главных приоритетов стало слияние общественного и личного интересов – воспитание командного духа.

Сегодня общеобразовательная ценность данной дисциплины заключается в создании сбалансированного и гармонизированного учебного процесса, а также спорт выступает в роли компенсационного или дополнительного предмета в объективном становлении «физическо-

го начала» личности [8, p. 39]. Помимо этого, физическое воспитание включает в себя целостное образование, направленное на развитие личности в полной мере и совершенствование тела, разума и духа посредством регулярных физических нагрузок [7, p. 32].

Одним из современных концептов методики преподавания исследуемой дисциплины является «спортизированная физкультура», подразумевающая под собой использование спортивных технологий, соревнований и элементов высшего спорта, а также опыта спортсменов высокого класса в образовательном процессе вузов (т.е. осуществляется их подготовка с целью обучения физической культуре детей и подростков).

Сегодня физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях является обязательной частью учебной программы и представляет из себя синтез самых разнообразных европейских методологий и методик, «компилирующих» в себе элементы экзистенциалистских, компенсационных и технократических или манипуляционных концепций.

Выводы

несмотря на вариативные отличия в концепциях физического воспитания, принятые в России, Европе и Америке, произошла консолидация западных практик в единую традиционную европейскую структуру, ядро которой сформировалось ближе к 1960-м гг., а концептосферой выступил статус дисциплины «Физическая культура» как обязательный общеобразовательный предмет в дошкольных, средних и высших учебных заведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головинова, И.Ю. Обзор системы физического образования во Франции / И.Ю. Головина, И.Д. Федулова // Наука-2020. – 2019. – №6 (31). – С. 135 – 139.
2. Естехин, Д.И. Проблема спортизации физического воспитания в общеобразовательной школе / Д.И. Естехин // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: https://scienceforum.ru/2016/article/2016029328. Дата обращения: 16.12.2022.
3. Жолобова, Е.П. Обзор системы физического образования в Германии / Е.П. Жалобова, Т.А. Андреенко // Наука-2020. – 2019. – №10 (35). – С. 104 – 107.
4. Кузнецова, З.М. О зарубежной истории физического воспитания / З.М. Кузнецова, Ю.П. Симаков // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2008. – №1 (6). – С. 1 – 14.
5. Яковлева, В.Н. Физическое воспитание и физическая подготовленность студенческой молодежи / В.Н. Яковлева // Science Time. – 2014. – №9 (9). – С. 254 – 261.
6. Kaznacheyev, S.V., Strakhova, I.B., Lopatina, O.V. (2015) Physical Culture and its Role in Training the Students of Non-Sports Higher Educational Institutions. The Education and science journal 1(3):156.
7. Mikheeva, A.I. (2022) Physical Education and Physical Activity in Modern Lifestyle // Nazariy va amaliy tadqiqotlar xalqaro jurnali: 2, pp. 31 – 39.
8. Naul, R. (2003) Concepts of Physical Education in Europe. In book: Physical Education: Deconstruction and Reconstruction – Issues and Directions (pp.35-52).
9. Nauright, J. (2016) The Organisation of Sport in the United Kingdom. In book: Development of the Sport Industry in Leading Economies.Edition: 1Chapter: The Organisation of Sport in the United KingdomPublisher: Shanghai University of Sport PressEditors: James Zhang, John Nauright, Roger Huang.
10. TOP-10 sports scholarships in England: admission to UK schools, universities. Smapse Education. Article: 23.04.2020. URL: https://smapse.com/top-10-sports-scholarships-in-england-admission-to-uk-schools-universities/. Date: 16.12.2022.

© Сурков Александр Михайлович (surkov.1954@bk.ru), Суханова Елена Юрьевна (lena.suxanova@yandex.ru),
Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.38

СПЕЦИФИКА ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК, ФОРМИРУЮЩИХ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ В ФОРМАТЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

THE SPECIFICS OF PHYSICAL CULTURE AND HEALTH PRACTICES THAT FORM THE QUALITY OF LIFE OF STUDENTS IN THE FORMAT A MODERN UNIVERSITY

R. Khairullin
N. Tumanina

Summary: The study of the state of health of students, showed that the significant potential for improved quality of life enclosed in the use of physical culture and health practices in physical education.
The importance of the topic we have taken is justified by the new conditions of the new society for the quality of life of student youth; not a sufficient indicator of the health of today's students of Russian universities; the real need to improve the content of the discipline "Physical Culture", which does not give significant development of organizational adatational data, resistance to negative influences, the highest academic and non-academic load of modern student youth; low justification in science of methods and means of effective development of adaptive capabilities of young people studying at universities.

Keywords: the quality of life of a student, physical culture and wellness practices, health-saving technologies.

Хайруллин Рафаэль Равилевич
кандидат педагогических наук, доцент, Казанский государственный архитектурно-строительный университет
89053146495@mail.ru
Туманина Наталья Викторовна
педагог дополнительного образования, Казанское суворовское военное училище Министерства обороны Российской федерации
9050227175@mail.ru

Аннотация: При исследовании ситуации с состоянием здоровья исследуемой группы студентов, указало, что имеется существенный потенциал корректировки в лучшую сторону качества жизни, который характеризуется в применении физкультурно-оздоровительных практик в процессе занятий на дисциплине «Физическая культура».
Важность взятой нами темы обосновывается новыми условиями нового общества к качеству жизни студенческой молодежи; не достаточным показателем здоровья сегодняшних студентов российских ВУЗов; реальной потребностью улучшения содержания дисциплины "Физическая культура", которая не дает значимого развития адаптационных данных организма, стойкости к отрицательным влияниям, высочайшей учебной и вне учебной нагрузкой современной студенческой молодежи; низким обоснованием в науке методов и средств действенного развития адаптационных возможностей молодых людей обучающихся в ВУЗах.

Ключевые слова: качество жизни студента, физкультурно-оздоровительные практики, здоровьесберегающие технологии.

Говоря о такой форме работы со студентами как физкультурно-оздоровительные практики, мы опирались на концептуальные основания таких ученых как: Горелов Александр Александрович, который всестороннее широко осветил педагогическую тему «О дефиците двигательной активности, его последствиях и путях восполнения у студенческой молодежи России»; Драндров Герольд Леонидович, рассматривающий вопросы «Формирования физической культуры студенток специальной медицинских групп на основе личностно ориентированной модульной программы физического воспитания»; Хазова Снежана Александровна, дающая концептуальные осмысления в поле вопросов касающихся «Физическому воспитанию как основе здоровьесбережения студентов в процессе развития конкурентноспособности»; Гревцева Гульсина Якуповна широко освещающая вопросы «Значения здоровьесберегающих технологий в процессе профессиональной подготовки студентов».

При исследовании ситуации с состоянием здоровья исследуемой группы студентов, указало, что имеется существенный потенциал корректировки в лучшую сторону качества жизни, который характеризуется в применении физкультурно-оздоровительных практик в процессе занятий на занятиях по дисциплине «Физическая культура».

Важность взятой нами темы обосновывается новыми условиями нового общества к качеству жизни студенческой молодежи; не достаточным показателем здоровья сегодняшних студентов российских ВУЗов; реальной потребностью улучшения содержания дисциплины "Физическая культура", которая не дает значимого развития адаптационных данных организма, стойкости к отрицательным влияниям, высочайшей учебной и вне учебной нагрузкой современной студенческой молодежи; низким обоснованием в науке методов и средств действенного развития адаптационных возможностей молодых людей обучающихся в ВУЗах[1].

В процессе изучения проблемы, которую мы поднимаем, было выполнено изучение понятия «качество жизни» молодежи. Нами были рассмотрены научные труды философов, социологов, медиков, педагогов , психологов, рассматривающих категорию « Качество жизни». Среди них как известные ученые-классики, так и начинающие ученые, делающие инновационные выводы, подтверждающие необходимость использования физических упражнений с целью формирования общих и специальных профессиональных физических качеств человека [1]. На основе анализа мы пришли к убеждению, что категория «качество жизни», безусловно, категория междисциплинарная. В связи с вышесказанным нами была сделана попытка выведения авторского определения понятия «качество жизни», под которым мы понимаем: Качество жизни в нашем понимании это[1] – «полипарадигмальное, междисциплинарное понятие, основной определяющей которого является уровень здоровья человека, влияющий на оценку степени удовлетворенности всеми сторонами своего социально-культурного и физического существования, осознания себя в абсолютном материальном, физическом, социальном, духовно-нравственном комфорте» [1].

Изучая выявленную нами проблему повышения качества жизни студенческой молодежи мы можем сделать вывод об ее своевременности и практической важности. Среди многообещающих для изучения вызывающей интерес нас темы большое значение могут представлять вопросы, связанные с комплексным анализом состояния и совместного воздействия наиболее важных уровней качества жизни, прежде всего таких как: здоровье, гигиенические условия обучения и быт студентов [1].

На основе педагогических исследований, создания модели и внедрения проектов в формат современного вуза, мы смогли вывести особенности обстоятельной трактовки термина «физкультурно-оздоровительные практики» с учетом рассмотрения в контексте специфики задач и цели современных вузов, и дано авторское определение «физкультурно-оздоровительных практик» [1].

Одной из важных характеристик физкультурно-оздоровительных практик, улучшающих качество жизни молодёжи, на наш взгляд, является способность в том, что все желающие, без исключения, не зависимо от физической подготовленности и физических данных могут использовать данные практики для улучшения качества жизни и здоровья.

Физкультурно-оздоровительные практики включают в себе также такие способности расширения и расширения психофизиологического способности студенческой молодежи, которые порой очень трудно ему осуществить на занятиях по физической культуре проводимых в традиционной форме [1]. В процессе использования физкультурно-оздоровительных практик на занятиях по физической культуре проявляется какое-то самоутверждение студента, улучшение его физических качеств [1].

Это объясняет необходимость и важность предлагаемых нами практик. Поэтому, опираясь на собственный опыт, проведённые исследования и концептуальные основы вышеперечисленных учёных можно сказать, что физкультурно-оздоровительные практики – представляют собой научно-практическую основу для разработки педагогических условий в работе по постоянной стимулирования студентов для повышения своего здоровья средствами данных практик; они осуществляют личностный интерес на определенный итог студента, в предложенных им задачах по повышению здоровья, а именно того основания, на котором основывается качество жизни молодого человека; этот вид практик, как занятий - не только индивидуальных, но и коллективных, формируют у студентов опыт социализации, помогая снять ряд комплексов, часто имеющихся у современных студентов[1].

Основной задачей по нашему мнению является: «введения в практику работы кафедры физической культуры вузов России такой инновационной формы работы со студентами как физкультурно-оздоровительные практики нам видится:

— введение личности студента в непринужденную творческую атмосферу свободного выбора вида физкультурно-оздоровительных практик, как определённой социальной активности;
— развитие в нем желания к самостоятельному решению и поиску форм по осознанному улучшению своего психофизического состояния;
— участие в его выборе и мотивировании со стороны научно-преподавательского состава ВУЗа» [1].

Таким образом, со всем вышеуказанным нами выдвинуто авторское определение понятия «Физкультурно-оздоровительные практики» под которым мы понимаем[2]: «разнообразные формы, средства и методы, направленные на повышение физического и психологического благополучия, связанного с сохранением и укреплением здоровья, повышением сопротивляемости организма, повышением психологической регуляции, формированием индивидуального стиля поведения с учетом возраста и профессиональной деятельности, необходимых для оптимального фона жизнедеятельности и активной жизненной позиции» [3].

Для подтверждения нашей гипотезы об эффективности физкультурно-оздоровительных практик при осуществлении улучшения качества жизни. Нами были подобраны методики по выявлению изменений вышеперечисленных параметров. В нашем эксперименте мы использовали для оценки изменения в сердечно-сосудистой системе – пробу Мартине, для оценки изменения в дыхательной системе – пробу Генче, которые мы обра-

Таблица 1.

Оценка пробы Генчи у студентов контрольной и экспериментальной групп на контрольном этапе

оценка пробы Генчи контрольной группы на контрольном этапе		
показатель пробы Генчи	количество студентов	%
отлично	11	9,17
хорошо	24	20,00
удовлетворительно	59	49,17
плохо	19	15,83
очень плохо	7	5,83
оценка пробы Генчи экспериментальной группы на контрольном этапе		
показатель пробы Генчи	количество студентов	%
отлично	10	8,34
хорошо	25	20,83
удовлетворительно	61	50,83
плохо	18	15,00
очень плохо	6	5,00

Таблица 2.

Оценка пробы Мартине у студентов контрольной и экспериментальной групп на контрольном этапе

оценка пробы Мартине контрольной группы на контрольном этапе		
показатель пробы Мартине	количество студентов	%
отлично	12	10,00
хорошо	25	20,84
удовлетворительно	62	51,66
плохо	21	17,50
оценка пробы Мартине экспериментальной группы на контрольном этапе		
показатель пробы Мартине	количество студентов	%
отлично	11	9,17
хорошо	28	23,33
удовлетворительно	62	51,66
плохо	19	15,84

ботали при помощи t-критерия Стьюдента.

В эксперименте участвовали студенты института архитектуры и дизайна, Казанского государственного архитектурно-строительного университета, в количестве 120 студентов, которые учились в шести учебных группах. Студенты были разделены на две группы: контрольная и экспериментальная, по три учебных группы в каждой.

На констатирующем этапе мы определили, что различий между контрольной и экспериментальной группами по пробам Мартине и Генче нет. В Таблицах 1 и 2 нами представлены данные, которые нами были получены в ходе оценки проб Мартине и проб Генче на констатирующем этапе эксперимента у контрольной и экспериментальной групп.

Данные, которые мы получили на констатирующем этапе попадают в зону «незначимости». Это говорит о том, что значительных отличий в деятельности сердечно-сосудистой и дыхательной системы студентов контрольной и экспериментальной группах в начале эксперимента этапе не было.

В течении года мы проводили занятия со студентами экспериментальной группы физкультурно-оздоровительными практиками, а со студентами контрольной группы классической физической культурой. После формирующего этапа (года занятий) мы также проверили состояние сердечно-сосудистой и дыхательной систем по пробам Мартине и Генче и также обработали данные

Таблица 3.

Оценка пробы Генчи на констатирующем этапе у студентов контрольной и экспериментальной групп

оценка пробы Генчи контрольной группы на констатирующем этапе		
показатель пробы Генчи	количество студентов	%
отлично	12	10,00
хорошо	24	20,00
удовлетворительно	62	51,67
плохо	17	14,17
очень плохо	5	4,16
оценка пробы Генчи экспериментальной группы на констатирующем этапе		
показатель пробы Генчи	количество студентов	%
отлично	16	13,33
хорошо	33	27,50
удовлетворительно	53	44,17
плохо	15	12,50
очень плохо	3	2,50

Таблица 4.

Оценка пробы Мартине на констатирующем этапе

оценка пробы Мартине контрольной группы на констатирующем этапе		
показатель пробы Мартине	количество студентов	%
отлично	12	10,00
хорошо	27	22,50
удовлетворительно	61	50,83
плохо	20	16,67
оценка пробы Мартине экспериментальной группы на констатирующем этапе		
показатель пробы Мартине	количество студентов	%
отлично	17	14,17
хорошо	33	27,50
удовлетворительно	57	47,50
плохо	13	10,83

при помощи t-критерия Стьюдента. Полученные данные на контрольном этапе эксперимента представленные в Таблице 3 и Таблице 4, говорят о том, что состояние сердечно-сосудистой и дыхательной систем по пробам Мартине и Генче намного улучшилось, об этом нам говорят полученные нами значения.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать выводы:

— по результаты анализа данных по пробам Мартине и Генче, после проведения формирующего эксперимента состояние сердечно-сосудистой и дыхательной систем улучшилось у студентов экспериментальной группы, которые применяли на занятиях физкультурно-оздоровительные практики.

Подтверждая эффективность физкультурно-оздоровительных практик при осуществлении улучшения качества жизни нами был исследован и доказан критериально-оценочный инструментарий для раскрытия результативности организационно-педагогических условий повышения качества жизни студенческой молодежи современных вузов средствами физкультурно-оздоровительных практик [4].

Экспериментальная работа по выявлению уникальности такой формы работы со студентами, как физкультурно-оздоровительные практики, нами была проведена со студентами Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Таким образом, проведенное исследование позволи-

ло сформулировать следующие выводы:

Результаты исследования указывают об переменах количественных и качественных уровнях экспериментальной и контрольной групп. У обследуемых участников экспериментальной группы возроса потребность в занятиях физическими упражнениями. Результаты указывают, что студенты экспериментальной группы имеют высокую, выше средней и среднюю потребность к занятиям физической нагрузкой [5].

При применении организационно-педагогических условий улучшения качества жизни стдента средствами физкультурно-оздоровительных практик замечено значительное изменение по функциональным, психоэмоциональным, специфическим показателям в пользу экспериментальной группы [6].

Как видим, применение физкультурно-оздоровительных практик в занятиях по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту», которые содержат в себе такие напрвления как: йога, пилатес, port de bras, дыхательные практики позволяют улучшить физиологические показатели, что приводит к положительным изменениям функционального и психоэмоционального состояния студенчества экспериментальной группы, по сравнению с контрольной [7].

Делая выводы можно сказать, что физкультурно-оздоровительныен практики, как уникальная форма активности студентов в фломате современного вуза обладают большим педагогическим потенциалом и напрямую формируют качество жизни студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайруллин Р.Р. Повышение качества жизни студентов вузов культуры средствами физкультурно-оздоровительных практик: диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 Казань 2020.
2. Битшева, И.Г. Формирование методики психотипологического анализа студентов с учетом их творческих специальностей / И.Г. Битшева, В.Л. Калманович, Р.Р. Хайруллин // Адаптация учащихся всех ступеней образования в условиях современного образовательного процесса: Сборник статей участников XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Арзамас, 14–15 декабря 2018 года / Под общей редакцией Ю.Г. Кузмичева. – Арзамас: Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 171-175. – EDN ZYSNXA.
3. Хайруллин Р.Р., Сироткина О.В., Калимуллина О.А. Формирование адаптации студентов к жизни вуза средствами физической культуры. - Казань: Сборник материалов Международного саммита по культуре и образованию, посвященного 50-летию Казанского государственного института культуры. Материалы научно-практических конференций. Под научной редакцией Р.Ш. Ахмадиевой, З.М. Явгильдиной. 2019. С. 79-82.
4. Калимуллина О.А. Педагогические основы процесса достижения студентами результатов в области физической культуры и спорта: синергетический подход. - Казанский педагогический журнал. 2019. № 5 (136). С. 151-155.
5. Хайруллин Р.Р., Калманович В.Л., Болотников А.А., Мугаттарова Э.Р. Влияние физической культуры на здоровый образ жизни учащейся молодежи. - Чебоксары: Актуальные проблемы физической культуры и спорта. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. -781 с.
6. Калманович, В.Л. Взаимосвязь стрессоустойчивости и физического развития студентов творческих вузов / В.Л. Калманович, Р.Р. Хайруллин, Р.Ш. Имангулов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 138-140. – EDN YTNQHP.
7. Гарифуллин, Р.Ш. Формирования мотивации студентов к занятиям по физической культуре посредством применения перспективной физкультурно-оздоровительной программы / Р.Ш. Гарифуллин, В.Л. Калманович, Р.Р. Хайруллин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 12-3. – С. 34-36. – DOI 10.37882/2223-2982.2020.12-3.09. – EDN OJUAVW.

© Хайруллин Рафаэль Равилевич (89053146495@mail.ru), Туманина Наталья Викторовна (9050227175@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.01

О ЛЕКСИКЕ ВОЙЛОЧНОГО РЕМЕСЛА ОСЕТИН

ON FELTING HANDICRAFT VOCABULARY OF OSSETIANS

F. Abaeva

Summary: The purpose of this article is to fix the lexical material, to analyze the part of the terminological system associated with the traditional economy of the Ossetians, in particular, with the felting handcraft. Namely, the author analyzes the terminological group united by the meaning of «products made of felt» in the Ossetian language. The etymological features of the analyzed material are determined. The article used both descriptive, structural and semantic, component research methods, as well as the method of continuous sampling from dictionaries of the Ossetian language. The results of the study showed that the terminological group related to the felt craft of the Ossetians, naming felt products, consists of both single-component and compound terms. Conclusions are drawn about the origin of the vocabulary of felt products in the Ossetian language, which mainly belongs to the original fund.

Keywords: Ossetian language, Iranian languages, vocabulary of housekeeping, lexical and semantic group, semantics, felting, felt.

Абаева Фатима Олеговна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
fatimabaeva@hotmail.com

Аннотация: Целью данной статьи является фиксация лексического материала, проведение анализа части терминосистемы, связанной с традиционным хозяйствования осетин, в частности, с войлочным ремеслом. А именно, автор анализирует терминологическую группу, объединенную значением «изделия из войлока» в осетинском языке. Определяются этимологические особенности анализируемого материала. В статье использовались как описательный, структурно-семантический, компонентный методы исследования, а также метод сплошной выборки из словарей осетинского языка. Результаты исследования показали, что терминологическая группа, относящаяся к войлоковальному ремеслу осетин, называющая изделия из войлока, состоит как из односоставных, так и сложносоставных терминов. Сделаны выводы о происхождении лексики войлочных изделий в осетинском языке, которая в основном принадлежит исконному фонду.

Ключевые слова: осетинский язык, иранские языки, лексика материального хозяйствования, лексико-семантическая группа, семантика, войлоковаляние, войлок.

Введение

Рассматриваемый в данной статье материал неразрывно связан со скотоводческим ремеслом осетин, которое являлось одним из наиболее древних и перешедших к ним от их предшественников. Непосредственно же овцеводство сыграло значительную роль в развитии шерстеобрабатывающего ремесла, к которому относятся войлоковаляние, бурочное производство и изготовление шляп. Соответственно, лексический пласт, относящийся к данным занятиям материального хозяйствования осетин, составлял значительную часть словарного фонда осетинского языка. Терминология данной отрасли, представляет огромный интерес как для осетиноведов, так и для иранистов и индоевропеистов. Отметим, что «вся терминология, связанная с обработкой шерсти, отличается в осетинском глубокой древностью и оригинальностью» [1, с. 65 т. 4]. Древность слова определяется древностью реалии, которую оно называет. Известно, что изготовление войлока у осетин идет из глубокого прошлого, восходит к скифо-сарматоаланскому миру.

Распределение войлочной лексики на группы в частности определилось согласно сведениям, описываемым О.В. Маркграфом, который делил валяльно-войлочный промысел на «бурочный, полстяно-ковровый, шерсто-битный или производство мелких войлочных изделий» [2, с. 19].

Вопросы лексикологии осетинского языка вызывают интерес у многих исследователей. В осетинском языковедении изучением отраслевого фонда языка занимаются Е.Б. Бесолова, И.Н. Цаллагова Л.Б. Моргоева, Л.Б. Гацалова, Л.К. Парсиева и т.д.

Ввиду своей актуальности и многоаспектности данная проблематика представляет интерес и для ирановедческих изысканий в этой области.

В данной статье подробно рассматривается терминология, связанная с изделиями из валяной шерсти.

Лексико-семантическая группа, объединенная значением «изделия из войлока» в осетинском языке, характеризуется тем, что в ней большая часть терминов образована качественно-характеризующим мотивировочным признаком. В большинстве присутствует терминообразующий формант *нымæт* в форме прилагательного *нымæтын*. Компонент *нымæтын* в таких терминах является определяющим:

нымæтын дзабыртæ чувяки из войлока;
нымæтын цинел войлочная шинель;
нымæтын уæлфаддчын дзабыртæ войлочные полусапожки;
нымæтын зæнгбæттæн войлочная ноговичная завязка;

нымæтын цырыхъхъытæ войлочные сапоги;
нымæтын уæрагдарæнтæ войлочные набедренные повязки;
нымæтын басылыхъ башлык из войлока;
нымæтын гопхуд войлочная шапка;
нымæтын къахыдарæс войлочная обувь;
нымæтын зæнгæйттæ войлочные ноговицы;
нымæтын уæлфады базтæ войлочные стельки;
нымæтын ехс войлочная плеть;
нымæтын æфтаугæ войлочный подседельник;
нымæтын хуыссæн войлочная постель;
нымæтын хуыссæнгарз войлочные постельные принадлежности;
нымæтын хъæццул войлочное одеяло;
нымæтын дедатæ войлочные игрушки;
нымæтын чындз войлочная кукла;
нымæтын куклæ войлочная кукла;
нымæтын цæсгом войлочная маска ряженого.

К той же тематической группе примыкают односоставные термины:
нымæт бурка;
нымæт войлок, использовавшийся для просушки зерна;
лыстæн подстилка для животных покрываемая войлоком;
гебенек пальто из войлока пастушья накидка;
буйнаг войлок, бурка;
уæлæфтау пастушья войлочная накидка;
бинаг войлочный ковер;
галгеу, гæлгеу бурка (охотничий язык);
нымæтхуд войлочная шляпа;
уæзæггæрц кусок войлока на ярмо для защиты шеи быка от натирания.

Также в состав лексико-семантической парадигмы терминов, связанных с названиями войлочных изделий, входят сложносоставные термины, в которых лексема *нымæт* является определяемым формантом:
уæйлаг нымæт верхняя бурка;
уæлæдарæн нымæт верхняя бурка;
бинаг нымæт подкладной войлок;
къулыл дарæн нымæт войлок настенный;
хъуынджын нымæт мохнатая бурка;
чындзы нымæт невестина кошма (приданое);
тæнæгæууæрст тинтычъи нымæтхуд тонко валяная из козьего пуха шляпа;
хъæддых æууæрст нымæтхуд плотно валяная шляпа;
фийауы худ шляпа пастуха;
хуыссæн нымæт войлочный лежник.

Сведения о том, что «предки осетин вели кочевой образ жизни; жили они в войлочных шатрах и кибитках, расположенных в форме замкнутого круга или квадрата, куда загоняли на ночь скот и вокруг которых пасли скот днём» [3, с. 325] подкрепляются и наличием соответствующих терминов, обозначающий палатку из войлока, например, *нымæтын усонг, нымæтын мусонг, нымæтын халагъуд*.

Отдельным названием, относящимся к войлочным вещам, является термин, зафиксированный «в эпосе довольно часто встречается *андиаг нымæт*, ‘легкая бурка из андийского длинноворсового войлока’, [4, с. 148].

Известно, что «для бурочных изделий предпочитается черная шерсть местной горской породы овец, снятая в августе и сентябре (так как ходовые цвета бурки – черный или совершенно белый) [2, с. 24]. Типичная лексическая сочетаемость слова *нымæт – цъæх нымæт* серая бурка; *сау нымæт* черная бурка; *урс нымæт* белая бурка. «Способность цвета выступать в качестве символа связана с сознанием и ощущениями человека. У истоков культуры цвет был равноценен слову, т.е. служил символом различных вещей и понятий. Наиболее устойчивыми цветовыми символами оказались самые простые, т.е. основные, цвета» [5, с.157].

«В мифолого-религиозной системе представлений осетин и фольклоре осетин, потомков скифо-сарматоаланских племен, войлок и бурка представлены как в качестве сакральной атрибутики, так и в качестве фигуранта обрядовых трудовых песен» [6, с. 244].

«Нымæттухæг расстилал обыкновенный войлок, куда бросали свои свадебные подарки присутствующие. Затем все это укладывалось «сворачивалось». Таким образом нымæт «войлок», в результате его назначения в данном случае, приобретает и дополнительный семантический оттенок, обозначая уже не просто «войлок», но приданое невесты» [7, с. 41].

Касательно этимологии войлочной лексики осетинского языка, необходимо указать, что «основные скотоводческие термины относятся к древнейшему слою осетинского языка» [8, с. 501].

Этимология лексемы *нымæт*.

Происхождение слова *нымæт*, согласно Дж. Чёнгу, «< (заимствование ?) **namata-*, авест. п. *nəmata-*, *nimata-*, хот. *namta-*, (тумш.) *nimata-*, *namade*, согд. *nmt*, хорезм, *nmd*, ср.-перс. *namad* ‘войлок’. Широко заимствовано, например, в санскр. *namata-*, араб. *namaṭ-* (< перс.), манси (вогул.) *nēmėnt*, ханты (ост.) *näməl*, венг. *nemez* (< алан.). Глухое конечное *-t* незакономерно. Гласный *-y-* / *i-* в первом слоге из старого **a* в силу близости носового *n*» [9, с. 294].

Этимология осетинского глагола *уæрдын*, основного, связанного с процессом и техникой производства войлока.

В.Ф. Миллер сравнил «диг. *æууæрдун* ‘мять’ с санскр.

vart- 'вертеть'. Сближение было бы в действительности удачно, если бы форма была приведена правильно. Но факты его «Словаря» приводят к необходимости отвергнуть (имея в виду значение слова) его анализ. Глагол этот звучит *уæрдын* 'катать', 'валять (войлок, сукно)'; употребляется с превербами – *æууæрдын* 'валять', 'мять (белье)', 'смягчать', 'тренировать (лошадь)', а также – *аууæрдын*, *баууæрдын* и пр. Значение *уæрд* отнюдь не выражается в 'вертеть', но обороты 'сделать мягким, гибким (путем повторяемых надавливаний)', удаляют этот глагол от санскр. *vart-*. Скорее мы здесь имеем корень **vard* 'размягчать', через которое осет. *уæрд-ын* связывается с авест. *varədu-* 'мягкий', *varədu-sma-* 'мягкая земля', *varədva-* 'мягкое (дерево)' и пр. Согласно осет. *уæрдын*, древнеиранская форма должна быть **vard-*» [10, с. 58-59].

Э. Бенвенист оспаривает этимологию В.Ф. Миллера: «осет. *уæрдын* 'катать (войлок, сукно)', *æууæрдын* 'мять' др.-иран. **vart-* 'вращать'. Э. Бенвенист связывает осетинские слова с авест. *varədu-* 'мягкий'. Однако процесс катания войлока имеет целью не смягчение его, а уплотнение. Производимые при этом катательные (вращательные) движения отлично вяжутся с семантикой **vart-*» [10, с. 7].

В.И. Абаев считал такую этимологию неточной. Его мнение по этому вопросу следующее: «в процессе валяния шерсть не размягчается, а уплотняется. Правильнее исходить из характерных для процесса катательных движений. Соответствующий по значению германский глагол, англос. *wealcan*, нем. *walken*. А это при разъяснении ос. *wærdyn* без натяжки приводит нас к хорошо известной базе иран. **wart-*, и.е. **wert-* 'вертеть', 'вращать', 'катать'» [1, с. 93].

Подробный способ исполнения осетинской бурки описан О.В. Маркграфом [2, с. 24-28]. Техника изготовления войлока и сукна имеет скифские истоки [11, с. 75].

«Интересно назначение войлочных шапок нымæтхуд – в экипировке воинов: они одевались под шлемы. При этом широкополые войлочные шляпы – фийауы худ («пастушья шапка») отличали от тех, что предназначались под шлем. Последние называются бинаг худ (диг. буйнаг ходæ) – «нижняя шапка», т.е. шапка под шлем. По форме это войлочные колпачки без полы, назначение их теперь забыто» [12, с. 138].

«Индоевропейский праязык имел богатую лексику. Он составил значительную часть своего словарного запаса большинству индоевропейских языков. Много индоевропейских слов вошло из общеиранского языка в скифский, а затем в осетинский язык. Немалое число осетинских терминов родства, названий частей тела, животных, названия продуктов труда и явления природы сохраняются с древнейшей эпохи, и они схожи с соответствующими словами в других индоевропейских языках» [13, с. 72].

Заключение

В заключение данного исследования, перспектива лексика, связанная с основными этапами бурочного производства, названия производители изделий, терминология применяемых в ремесле орудий труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989. 325 с.
2. Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства // Составлен по материалам, собранным А.В. Золотарёвым и др. М., 1882. 332 с.
3. Бесолова Е.Б. О смысловых единицах традиционной духовной культуры осетин в сборнике Коста Хетагурова «Ирон Фæндыр» (Осетинская Лира») // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 316-329.
4. Бесолова Е.Б. О лингвистическом аспекте эпической формулы в Нартиаде // Известия СОИГСИ. 2022. № 45(84). С. 140-153.
5. Бесолова Е.Б., Балова И.М. Цветообозначения в традиционной культуре адыгов и осетин // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 157–170.
6. Сокаева Д.В. Войлок (нымæт): вещь в истории и фольклоре // Алания от А до Я. Владикавказ, 2021. С. 242-247.
7. Битарти З.А. Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке. Цхинвал, Дом печати, 2011. - 96 с.Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка . Т. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 655 с.
8. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка . Т. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 655 с.
9. Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева. 2009. 496 с.
10. Э. Бенвенист Очерки по осетинскому языку. Москва, 1965.
11. Кузьмина Е.Е. Традиции материальной культуры индоиранцев в нартовских сказаниях и этнографии осетин // Первая международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». 1991.
12. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали 1985.
13. Сатцаев Э.Б. К вопросу словарного состава осетинского языка // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2021. № 28. С. 70–80.

© Абаева Фатима Олеговна (fatimabaeva@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.02

К ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ ПРОДУКТОВ ТРАДИЦИОННЫХ БЛЮД В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

ON THE ISSUE OF THE NOMINATION OF PRODUCTS OF TRADITIONAL DISHES IN THE KHAKASS LANGUAGE

R. Abdina

Summary: The article presents the differentiation of the names of products and traditional dishes by motivational aspects from the position of the nomination principles. This layer of vocabulary can be structured according to the following motivational features: names related to the purpose for a certain process or action, names related to the shape and color of products and dishes, names related to the method of preparation. Metaphor occupies a considerable place in the formation of names of dishes. It is concluded that in the nomination of various types of dishes, a motivational sign is widely used, which is based on the purpose for a certain process or action.

Keywords: Khakass language, food, motivation of the word, principles of nomination, vocabulary.

Абдина Раиса Петровна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно- исследовательский институт языка, литературы и истории
rabdina@mail.ru

Аннотация: В статье представлена дифференциация наименований продуктов и традиционных блюд по мотивационным аспектам с позиции принципов номинации. Данный пласт лексики можно структурировать по следующим мотивировочным признакам: наименования, связанные предназначенностью для определенного процесса или действия, наименования, связанные с формой и цветом продуктов и блюд, наименования, связанные со способом приготовления. В образовании наименований блюд немалое место занимает метонимия. Сделан вывод о том, что в номинации различных видов блюд широко используются мотивационный признак, в основе которого лежит предназначенность для определенного процесса или действия.

Ключевые слова: хакасский язык, пища, мотивированность слова, принципы номинации, лексика.

Основной функцией любого слова является его способность называть предметы и явления действительности. В слове как носителе значения и репрезентанте мысли о предмете (явлении) действительности в разной степени сохранены следы его формирования и развития. Под воздействием различных факторов слово находится в постоянном развитии и соответственно – в изменении. Подвергается изменениям звуковая система, являющаяся его внешней формой, со временем меняется семантика слова, представляющая внутреннюю форму. Подавляющее большинство новообразований создаётся посредством тех словообразовательных способов и средств, которыми располагает тот или иной язык. Образование производных слов – один из самых продуктивных, экономных и емких способов реализации репрезентативно-номинативной деятельности языка. Словообразование как элемент системы языка – это, прежде всего, область моделирования особых единиц номинации – производных слов. Для создания новых слов используются различные способы. В современной теории номинации выделяют первичную (прямую) и вторичную (косвенную) типы номинации. По мнению ряда исследователей (А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия и др.) первичная прямая номинация возможна тогда, когда появляется возможность с помощью какого-то элемента языка представить в сознании предмет или явление, при этом для обозначения данного предмета или явления действительности языковая форма используется в своей первичной функции.

Рис. 1. Тöс хара

Лексическое содержание слова, образованного прямым способом соответствует содержанию признака, положенного в основу его номинации, например: тöс хара (букв.: черная грудинка)– 'хакасское блюдо, представляющее собой подпаленную и жареную на вертеле грудинку барана'. Ее отрезали вместе со шкурой во время колки

1 Исследование выполнено при грантовой поддержке Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

барана, подсаливали и зажаривали на огне, из-за чего она приобретала черный цвет (рис.1). В данной номинации, образованной прямым способом, мотивировочный признак выражается словом с прямым значением, т. е. непосредственно.

Что же касается вторичной номинации, то подразумевается переосмысление готовых языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции. В процессе косвенной номинации устанавливаются сходства и различия на основе признаков, присущих новым именам. Исследование вторичной номинации позволяет понять то, с обозначением каких именно предметов и явлений действительности связана производная лексика и как она представляет окружающую действительность в мышлении человека. Косвенная номинация осуществляется через переносные значения слова. К данному типу номинации можно отнести метонимию. Метонимические переносные значения наименований мясных хакасских блюд зачастую образуются по типу переноса наименования внутренностей животного на наименование блюда. Например: *харта* I) анат. прямая кишка лошади; 2) *харта* – национальное блюдо, представляющее собой тщательно промытые вывернутые жиром вовнутрь кишки коня, начинённые мелко рубленым мясом; *чочых* 1) анат. прямая кишка коровы 2) *чочых* – национальное блюдо, приготовленное из кишок коровы; *хан* 1) кровь (рис 2 а) 2) национальное хакасское блюдо – кровяная колбаса, приготовленная из свежей крови скота, за исключением свиней (рис 2 б); *ізіг ханға килерге* – приходить на праздник но случаю закола скота; *ханға хығырарға* приглашать гостей на свеженину (букв. на кровяную колбасу приглашать).

В процессе номинации можно выделить два этапа: выбор мотивировочного признака из ряда возможных и выбор на основе этого мотивировочного признака языковой формы. На ранних ступенях развития мышления человек при наименовании того или иного предмета брал такой признак, который более всего бросался в глаза или имел наиболее важное значение. Внутренняя форма слова и есть тот признак, который преобладает над всеми остальными признаками предмета или явления действительности. Сохранение во внутренней семантической структуре слова связи звучания со значением называют мотивированностью слова, т.е. это своеобразное «обоснование» звукового облика слова, репрезентант мысли носителя языка. Благодаря внутренней форме слова раскрывается движение человеческой мысли в момент наименования предмета, причина, по которой определённый признак оказался связанным с определенным комплексом звуков. «Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определённые признаки предмета», иначе говоря, номинация – свойство словесного знака называть что- либо, опираясь на признаки [5, с. 133]. Под принципом номинации понимаются пути осуществления связи слова (означающего) с называемым предметом (означаемым) [7, с. 57].

Принципы номинации традиционных блюд основаны, прежде всего, на образе жизни и системе питания народа. Система питания хакасов, как и система питания многих тюркских народов, основана преимущественно на молочно-мясных продуктах. В местах, где развито рыболовство и земледелие, широко используются рыбные и растительные блюда. В этнографической литературе, описывающей жизнь и быт хакасов, отмечается, что хакасы занимались скотоводством, земледелием, охотничьим промыслом, собирательством, в некоторых местах рыболовством и позднее огородничеством. Все это отражалось в их материальной культуре, в том числе, в традиционной кухне. Соответственно, в меню хакасов

Рис.2 (а) Процесс заливки крови в кишки

(б) Хан – кровяная колбаса

входили мясные и молочные блюда, мучные и крупяные изделия, рыба, дикорастущие растения и ягоды, блюда из овощей. Блюда из дикорастущих растений и ягод называются в хакасском языке по принципу метонимии – переноса основного значения на второстепенное значение. Например, *халба* бот. 'черемша', *тузаан халба* 'соленая черемша', *нир* 'брусника' и т.д. По такому же принципу называются блюда из рыбы. Названия овощей и блюда из них заимствованы из русского языка. Как отмечает хакасский ученый Патачаков К.М. «Русские крестьяне-земледельцы, основавшие здесь селения, осваивали земли под пашни, сеяли зерновые культуры, выращивали овощи, разводили скот (на основе стойлового содержания с заготовкой сена), занимались звероловством и ремеслом и вступали в тесные экономические и культурные связи с хакасам….Хакасы через русских научились выращивать овощи, что явилось новшеством для местного края» [4, с.25]. Относительно злаковых растений хочется отметить, что хакасы помимо кочевого образа жизни, занимались выращиванием зерновых культур, мололи зерновые злаки для питания. Этому свидетельствует как лингвистические, так и этнографические данные. Сохранились древние оросительные каналы для пашен, инструменты земледелия, предметы для изготовления блюд из муки и зерен. У хакасов было распространено выращивание таких злаков, как *арба, ас, кӧче* – ячмень; *арыс* – рожь, *пуғдай* – пшеница, *сула* – овёс. Их этих злаков делали крупы и муку, из которых впоследствии изготавливали различные блюда. Из злаковых культур готовят *талған* – обжаренный и мелко смолотый ячмень или пшеница, употребляемый с молоком, черемухой, маслом. Мучные изделия изготавливали как из пресного теста, так и с использованием закваски. Косвенное подтверждение наличия земледелия мы можем привести и в следующих загадках: *хызыл пуғдайым пуска чайыл партыр (чылтыстар)* – красная (золотая) пшеница на льду рассыпана (звёзды); *чар алтында чарымдых іпек* – под обрывом полкаравая (ухо) [2, с. 395]. Такие слова как *«хызыл пуғдай»* – золотая пшеница, *«чарымдых іпек»* – полкаравая свидетельствуют о распространении и употребление злаковых в рацион питания хакасов. Более прямое подтверждение этому мы обнаруживаем в следующих загадках*: ікі пуға ахсыларынаң кипсеніп, азырып тоос полбинчалар, тосханнарын даа пілбинчелер, астааннарын даа пілбинчелер (теербен тастары)* два быка непрерывно жуют и глотают, но при этом ни сыты и ни голодны (мельничные жернова); *хырых тістіг инейек (хол теербені)* старушка, имеющая сорок зубов (ручная мельница) [2, с. 901]. Как известно, в орудиях труда (чем является хак. *теербен* 'мельница') в их форме и функциях закреплены идеальные, исторически выработанные, обобщенные способы трудовой деятельности этноса.

Авторы коллективной монографии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири отмечают: «Культура ячменя и проса, с древности известные в тюркском мире, занимали важное место в традиционном питании народов Южной Сибири. Похлебка из цельных зерен ячменя, брага из проросших ячменных зерен, мучная каша относились к кругу обрядовых блюд. Их готовили для церемоний, ориентированных на производство жизни» [3, с. 46]. Образ зерна/семени в мифопоэтической традиции связан с комплексом представлений о смерти – возрождении – плодородии – жизни. В своих построениях люди, вероятно, отталкивались от таких характеристик зерна, как количественная множественность, сыпучесть/аморфность, понимаемых как метафора хаоса, исходного состояния в цепи превращений, ведущих к жизни. Кроме того, сконцентрированная в зерне/семени потенция новой жизни, пребывающей до поры в неявленном виде, определила повышенное внимание к зерну во многих обрядах и ритуалах.

Учитывая это, и, исходя из конкретных данных анализируемого материала, лексику питания в хакасском языке мы дифференцируем по следующим группам:

1. Наименования мясных продуктов и блюд;
2. Наименования молочных продуктов и блюд;
3. Наименования продуктов и блюд из зерна и муки. [1, с.113].

Внутри данных групп лексика питания дифференцируется по следующим мотивировочным признакам, которые легли в основу номинации хакасских традиционных блюд и продуктов питания: наименования, связанные предназначенностью для определенного процесса или действия, наименования, связанные с формой и цветом продуктов и блюд, наименования, связанные со способом приготовления.

При исследовании номинаций продуктов и блюд в хакасском языке нами применяются понятия «термин», «лексема», «номинация». Данные понятия подробно изучены во многих лингвистических работах. Между этими понятиями в лингвистических работах при исследовании тематических групп лексики не всегда проводятся четкие границы. А.А. Уфимцева считает, что между номинацией и термином существуют отношения общего и частного: всякий термин – это номинация, но не всякая номинация – термин [6]. Особенностью термина является его направленность на специальное понятие и закрепленность за определенной терминологией, то есть объединение в терминологические группы. Терминологические группы, где объединение слов производится по принадлежности к одной и той же профессиональной сфере, то есть терминируемой области, довольно широко изучены в работах тюркологов (Отаров, 1987; Надергулов, 2000 и др.) Исследования этих групп слов делятся на собственно терминологические, при которых изучение той или иной другой группы проводятся в целях ознакомления с самой терминологией, и на так

называемую лексику или язык определенной сферы, профессии, ремесла исследования которых проводятся в целях восстановления соответствующих реалий и социально-исторических условий носителей языка. Так как в сфере «наименования блюд и продуктов» объективно присутствует как специальная (терминологическая) лексика, так и общеупотребительная, проблема их разграничения может быть также поставлена при рассмотрении анализируемого в работе языкового материала. Однако, во-первых, существует взаимопроникновение групп специальной и общеупотребительной лексики, во-вторых, разграничение «термин – нетермин» не является для нас принципиальным, поскольку не влияет на результаты исследования. Поэтому в работе допускается синонимическое использование таких слов, как термин, номинация, лексема и слово.

Наименования, связанные с процессом, в основе которых лежат указания на предназначенность для определенного процесса или действия, по своей грамматической структуре являются отглагольными существительными. В хакасском языке в лексике питания выявлены следующие термины, относящиеся к этой группе:

хурунду/хурунды – сушеное мясо. Слово образовано от глагольной основы хуру- 'сохнуть, высыхать'. Раньше такое мясо готовили в больших количествах. «В прок на зиму, а также для запаса на охоту и на покос мясо заготавливается следующим образом. – Баранина, конина или скотское мясо разрезается на длинные полосы в ½ арш. длины и подвешивается на солнце или же в юрте, амбаре и под крышей. Когда высохнет (недели через 2), то складывается в мешки и сохраняется в юрте, подвешенным к жердям. Такое мясо приготовляется без соли…Солят мясо редко, а в прежнее время и совсем не солили» [Кузнецова 1898, 193]. Такое мясо клали в супы во время варки, употребляли в сухом виде;

сысханды – шкварки. Слово образовано от сысхар- 'растапливать, вытапливать'. Этот продукт получался после растапливания жира. Шкварки употребляли как отдельный продукт, так и добавляли в супы и каши;

ибірінді – жировой слой вокруг тонких кишок. Слово образовано от глагольной основы ибір- 'окружать'. Этот продукт использовался в приготовлении таких блюд как хан, сохачы 'шашлык из печени', орамыс и др.

сүрткі – жир для смазки. От *сүрт*- 'мазать, смазывать';

іріткі Саг– творог. Термин произошел от глагольной основы ірі- 'прокисать, свёртываться (о молоке)';

ачытхы – закваска, дрожжи. Данное слово в хакасском языке образовано от глагольной основы ачыг- 'ставить киснуть';

хыйма – колбаса из мяса, сала, ливера. Слово образовано от глагольной основы хый- 'резать, подрезать'. Это блюдо готовили время забоя крупного скота. Мясной начинкой служила накрошенная сечкой жирная мякоть лошади или коровы с салом. Затем добавляли лук, перец и готовый фарш заправляли в кишки. Хыйма перевязывалась в нескольких местах и варилась в казане с супом. Ее также могли замораживали и готовили для почетных гостей;

чарба – крупа. Термин образован от глагольной основы чар- 'колоть, расщеплять'. Этим словом обозначается вид любой крупы, подвергшейся процессу измельчения;

ыста/ысты – гостинец для родственников из мяса и внутренностей животных. Этот набор у хакасов готовился в обязательном порядке после забоя животных обычно поздней осенью. Для него отбирались самые лучшие части мяса и внутренностей. Все эти куски замораживались в один ком. Для собственного потребления ыста/ысты не готовилась, а отправлялась родственникам. Это наблюдается и в способе наименования слова ысты, произошедшего от глагольной основы ыс- посылать, отправлять, направлять и аффикса -ты, образующего существительные со значением результата;

хурут – сушёные сырки в форме шарика или лепешки. Слово произошло от глагольной основы хуру- 'сохнуть высыхать'. Готовили его из аарчы, представляющего собой кисловатый, творожистый осадок, остающийся после перегонки вина из айрана'. Аарчы помещали в холщовый мешок для того, чтобы сбежала сыворотка. Из получившейся массы скатывали шарики или делали лепешки. Иногда добавляют топленое масло, молотую черемуху. Сушат хурут на солнце или в русской печи до затвердевания. Хурут является непортящимся продуктом. Ранее его употребляли вместо хлеба;

тоғырамчы – блюдо, представляющее собой мелко нарезанные куски мяса и внутренностей, подаваемое с бульоном. Данное слово образовано от глагольной основы тоғыра- 'размельчать'. Тоғырамчы готовиться во время колки животных (баран, лошадь, корова). После варки мяса и субпродуктов их размельчают сечкой в корытце. Покрошенный продукт подают с бульоном;

кööреče/кööреči - закваска айрана. Слово образовано от кööре- 'бродить, подниматься'. Эта закваска делалась из прошлогоднего айрана или по особой речептуре с использованием сыра пічірö;

орамыс/ орамчых – блюдо, приготовленное из хорошо промытого рубца, переплетенного тонкими кишками и внутренним бараньим салом. Слово образовано от глагольной основы оор(а)- 'вертеть, заворачивать'; Хорошо промытый рубец разрезают на части. Фаршируют внутренним салом барана, затем, аккуратно придерживая рубец, обернуть тонкими кишками. Приготовление этого блюда считается искусством. Раньше женщины соревновались между собой в мастерстве его приготовления;

пүүреен Кыз – простокваша. Лексема образован от глагольной основы пүүре- 'киснуть, кваситься';

кöдіртпек – булочка. Эта лексема является производным от глагольной основы кöдір- 'увеличивать что-л, поднимать';

наспах – блюдо из талкана, смешанного с жиром или маслом. Данный термин образован от глагольной осно-

вы назарға /нас-/ 'толочь что-л';

талған – обжаренное и перемолотое зерно ячменя или пшеницы. Данная лексема является производной от глагольной основы тала- 'разбиваться, разрушаться'. Это блюдо широко употребляется в пище хакасов. Раньше в каждом подворье был специальный инвентарь для его изготовления. После обжарки зерна его рушили в специальной ступе, пока не отделится мякина. Рушенное зерно провеивали на ручной веялке и затем мололи на ручной мельнице;

көптірген – коржик, лепёшка, испеченная в золе. Лексема производна от көпте- 'увеличиваться, прибавляться'

Лексемы, указывающие на цвет продукта или блюда или его качество:

ах хан 'кровяная колбаса, приготовленная из светлой крови';

төс хара 'подпаленная и жареная на вертеле грудинка барана';

ах сүт – цельное молоко;

көк сүт жидкое молоко, обрат;

ах хайах – сливочное масло;

хара хурут (букв.: черный хурут) – хурут, смешанный с молотой черемухой, либо хурут, копченный над очагом;

ах хурут (букв.: белый хурут)– мягкий хурут, сушенный на солнце;

ах ипек – белый хлеб;

хара ипек – черный хлеб;

Термины, указывающие на способ приготовления:

хайнатхан ит – вареное мясо;

хойғалаан ит – печеное на углях мясо, шашлык;

хаарған ит – жареное мясо, жаркое;

салығлаан ит 'валеное мясо';

хайылдырған хайах (букв.: растопленное масло) – топлёное масло.

Лексемы, указывающие на форму изделия:

үттіг халас 'калач' (букв.: дырявый хлеб);

том халаш Кыз – пышные булочки из пшеничной муки (букв.: комочек хлеб);

теертпек/теерпек – калач, кружки из теста; (букв.: колесо).

Изложенный выше материал свидетельствует о богатстве и обширности лексики, обозначающей наименования продуктов и блюд в хакасском языке. В номинации различных видов блюд широко используются мотивационный признак, в основе которого лежит предназначенность для определенного процесса. Некоторые хакасские названия блюд удачно отражают их свойства цвет, форму. В образовании наименований блюд немалое место занимает метафора. Таким образом, многоаспектное изучение названий продуктов и блюд хакасского языка углубляет и дополняет научные знания о его лексической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдина Р.П. Названия мясных блюд и продуктов в хакасском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки, 2020 №03, С. 113-118.
2. Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И., Инкижекова-Грекул И.А., Патачакова Д.Ф., Субракова, О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско – русский словарь. Хакас-орыс сөстік. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
3. Львова Э.Л. Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 200 с.
4. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVII – XIX в.в.). Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1982. 120 с.
5. Солнцев А.В. Виды номинативных единиц// Вопросы языкознания. 1987 №2, С. 133- 140.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / под ред Н.А. Слюсаревой, В.Н. Телии. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 240 с.
7. Шайхулов А.Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики). Уфа: БГУ, 1988. 87 с.

© Абдина Раиса Петровна (rabdina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.05

НЕОДНОСЛОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ КЪАШЛАР ‘БРОВИ’

NON-SINGLE-WORD LEXICAL UNITS WITH THE SUPPORT COMPONENT KHASHLAR ‘EYEBROWS’

Z. Asanova

Summary: Based on the material of the Crimean Tatar language, the article presents an analysis of non-single-word lexical units with the basic component *khashlar* ‘eyebrow’. Non-verbal means of communication, transmitted by the movement of the eyebrows, accompany speech, complementing it, and at the same time perform the function of clarifying information. It was revealed that seven non-single-word lexical units with a reference component *khashlar* ‘eyebrows’ convey more than 20 meanings. The novelty of this work lies in the analysis of non-verbal human behavior on the basis of the literary works of the Crimean Tatar writers.

Keywords: Crimean Tatar language, lexical units, non-single-word lexical units, non-verbal means of communication, facial expressions.

Асанова Зера Ариповна
Кандидат филологических наук, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь
zera_asan@mail.ru

Аннотация: В статье на материале крымскотатарского языка представлен анализ неоднословных лексических единиц с опорным компонентом *къашлар* ‘брови’. Невербальные средства общения, передаваемые движением бровей, сопутствуют речи, дополняя её, и при этом выполняют функцию уточнения информации. Выявлено, что семь неоднословных лексических единиц с опорным компонентом *къашлар* ‘брови’ передают более 20 значений.
Новизна данной работы заключается в проведении анализа невербального поведения человека на материале художественных произведений крымскотатарских писателей.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, лексические единицы, неоднословные лексические единицы, невербальные средства общения, мимика.

В крымскотатарском языке не имеется специальных исследований, посвященных анализу лексических единиц, которые отражают невербальные действия. Художественные произведения являются важным источником для изучения невербальной коммуникации.

Формы вербального языка, отражающие мимику человека, позволяют продемонстрировать национально-культурную специфику, отобрав основные неоднословные лексические единицы для их выражения.

Цель – выявить всевозможные неоднословные лексические единицы с опорным компонентом *къашлар* ‘брови’, отображающие невербальное поведение человека и проанализировать, какое они могут передавать значение в зависимости от контекста.

Невербальное общение в произведениях выражается писателями с помощью слов, которые помогают описать эмоциональное состояние героев. *Мимика* – одна из важных составляющих образа. Согласно исследованиям, если человек не видит лица собеседника, то теряется примерно 10–15% информации. В произведениях очень важна точность в подборе лексических единиц для воссоздания мимики, т.к. это помогает читателю дорисовать в воображении, понять задумку автора. Так, брови помогают дифференцировать взгляд, т.е. определить, является он дружественным, удивленным либо наоборот. Брови человека выполняют две основные функции. Первая функция – физиологическая, предотвращение попадания пота, воды в глазницу. Вторая функция – коммуникативная. Брови у людей развились как средство общения и, согласно исследованиям, это их основная функция. Брови способны к обширному диапазону движений и могут выражать широкий спектр тонких эмоций.

Нами выявлено семь неоднословных лексических единиц с опорным компонентом *къашлар* ‘брови’: *къашларны котермек* ‘брови поднимать’, *къашларны чатмакъ* ‘брови сдвигать / сводить’, *къашларны тююмлештирмек* ‘брови нахмурить’, *къашларны сытмакъ* ‘брови хмурить’, *къашларны якъынлаштырмакъ* ‘брови насупить’, *къашларны ойнатмакъ* ‘брови приподнимать’, *къашларны тёпеге тиклемек* ‘брови устремить в верх’. Далее рассмотрим, какое значение могут передавать данные единицы.

Къашларны котермек ‘брови поднимать’ может передавать несколько значений:

— интерес: *Шакъылды чыкъкъан сайын кишилер, къашларыны юксекке котерип, кошеге бакъалар* (Как только появляется хохот, поднимая вверх брови, сморят в сторону) (Ш.А.);
— удовольствие: *Кемал хошнут алда къашларыны котерди* (Кемал от удовольствия поднял брови) (У.Э.);

— удивление: *Керим къашларыны котерди. Инсаннынъ элинден кельмеген иш олмаса керек* (Керим приподнял брови. Есть ли работа, которую человек не может сделать (У.Э.);
— восторг: *О заман къызны пек бегенген къаравулнынъ* ***къашлары*** *тар манълайынынъ ортасынадже* ***котерильди****. Юреги дюкюльдеп урды* (В это время брови охранника, которому очень нравилась девушка, поднялись до середины узкого лба. Сердце сильно стучало) (У.Э.);
— недовольство: *Айдавджынынъ сары* ***къашлары*** *бирден манълайынынъ ортасынадже* ***котерильди*** (Русые брови водителя поднялись до середины лба) (У.Э.);
— растерянность: *Огълунынъ агъызындан сёз чыкъмады. Онынъ* ***къашлары бир тёпеге котерильди****, бир* ***де ашагъы эндилер****. Тамшанды, юткъунды. Сюкюнетнинъ себебини иза этмек ичюн озюнде кучь тапып оламай, чекишип тургъан вакъытта, оны бу мушкюль вазиеттен меджуль мусафир къуртарды* (Он не проронил ни слова. Его брови поднялись и опустились. Он замер, сглотнув слюну. В тот момент, не находя в себе сил объяснить причину молчания, стоял и мучился, его из этой тяжелой ситуации спас неизвестный гость) (Ш.А.);
— гнев, обида: *Ондан недир гизлегенлерини анълап, джаны агъырса да, агъызыны ачмады. Курсюге отурды. Кимсе лаф этмей эди. Темет къалпагъыны энъсесине итеп,* ***къашларыны котерди*** (Поняв, что от него что-то скрывают, обидевшись, не раскрыл и рта. Сел на стул. Никто ничего не говорил. Темет, переместив шапку на затылок, поднял брови) (И.П.);
— серьёзность: *Сонъра сусты. Кунеш булутлар ичине кирген киби, чырайы бирден денъишти, чаларып башлагъан къалын* ***къашлары*** *манълайына* ***котерильдилер*** (Как будто солнце зашло за облака, изменился в лице, густые с проседью брови поднялись на лоб) (У.Э.);
— задумчивость: *Лейлянынъ къашлары тегиз манълайына котерильдилер. Джеваирге тюшюнджели алда бакъты* (Брови Лейли поднялись на прямой лоб. Смотрела на Джеваир призадумавшись) (У.Э.).

Поднятием одной брови описывают взгляд, который «может влюбить в себя»: *Кимерде* ***къашларынынъ бирисини тёпеге котерип****, дигерини ашагъы эндире, кишиге ойле арареткли ве эеджанлы назарлар аталар ки, энъ сувукъ къальпнинъ озю алевленип кете* (Иногда, подняв одну из бровей, при этом опуская вторую, кидают на человека такие жаркие и волнующие взгляды, что самое холодное сердце само по себе воспламеняется) (Ш.А.).

<u>Къашларны чатмакъ</u> ‘брови сдвигать / сводить’ тоже может передавать несколько значений:
— ужас, тревога, страх: *Къызнынъ* ***къашлары чатылдылар****. Козьлеринде къоркъу сезильди* (Брови девушки сдвинулись. В глазах прочитывался страх) (Ш.А.);
— угроза: *Иван Константиновичнинъ даа деми рушенликнен балкъылдагъан чересі бирден джиддийлешип, сия козьлери устюндеки къара* ***къашлары чатылды*** (Ещё недавно сверкающее лицо Ивана Константиновича сразу стало серьёзным, над черными глазами брови сдвинулись) (И.П.);
— серьёзность: *Атай Ширинский мырзаларгъа бакъып, гонъюль шадлыгъынен къуванса да, бенъизининъ джиддийлигини бозмады, юзюндеки яшын булутлы сытыкълыкъны сакълап,* ***къашларыны чатып****, фараон эйкеллери киби, къадалып турды* (Несмотря на то, что душа наполнялась радостью, Атай Ширинский, смотря на дворян, не нарушил серьёзность лица, сберегая хмурое выражение, сдвинув брови, как статуя фараона, стоял выпрямившись) (Ю.Б.);
— гнев: *Къарт артыкъ сёйленмеди. Айретленди ве бираз ачувнен, ынджынувнен аркъадашына бакъты. Серт* ***къашлары чатылдылар****, синъирлери къозгъалгъанындан, аст дудагъы къалтырады* (Старик больше ни слова не сказал. Изумился и немного со злобой, огорчением посмотрел на товарища. Суровые брови сдвинулись, от нервного перенапряжения нижняя губа дрожала) (И.П.);
— беспомощность: *Сонъра къара юзюмни анъдыргъан козьлеринде умют ерине бираз къоркъу пейда олды. Къалын* ***къашлары чатылдылар****. Чересини аджизлик алямети къаплап алды* (После в глазах, напоминающих черный виноград, вместо надежды появился испуг. Густые брови сдвинулись. Лицо охватила безысходность) (У.Э.);
— удивление: *Кемалнынъ узун* ***къашлары чатылдылар****. – Анамнынъ айткъанларыны унуттынъмы, ёкъса?* (Длинные брови Кемала сдвинулись. – Слова мамы забыла что-ли?) (У.Э.);
— радость: «*Йигитнинъ узун* ***къашлары чатылгъан****. Лякин козьлери самимий ве къуванчнен бакъалар. Гуя бу дюньяда ондан бахытлы адам ёкъ* (Длинные брови парня сдвинулись. Но глаза смотрят с искренностью и радостью. Как будто нет счастливее человека в этом мире) (У.Э.).

Лексическая единица **<u>къашларны тююмлештирмек</u>** ‘брови нахмурить’ тоже может в зависимости от контекста передавать несколько значений:
— преодоление волнения: *Янакълары алланды. Козьлери яшлангъан киби олды.* ***Къашлары тююмленди*** (Щёки покраснели. Глаза будто прослезились. Брови нахмурились) (У.Э.);
— сосредоточенность: ***Къашлары тююмлендилер****. Кимсеге къулакъ асмай, озь ишини девам эте берди* (Брови нахмурились. Ни на кого не обращая внимания, продолжал заниматься своим делом) (У.Э.);

— гнев: *Окъудыкъча, чырайы сытылды,* ***къашлары тююмлешти****, ягъып ташаджакъ къуббе кокдай, бети морарды* (Читая, выражение лица помрачнело, брови сдвинулись, лицо стало фиолетовым, как будто вот-вот разверзнется небосвод) (Ю.Б.);
— недовольство: *Бригадирнинъ токъал, къалын* ***къашлары тююмлендилер****. – Эр бир хораз озь чёплюгинде падишадыр* (Округлые, густые брови сдвинулись: – Каждый петух в своем мусоре падишах) (У.Э.);
— серьёзность: *Онынъ юзю кульмей эди.* ***Къашлары тююмчикленген****, андан титислик, сувукълыкъ келе эди. О, насылдыр кягъытларны окъумагьа башлады, узун пармакъларынен оларны девамлы суретте къарыштырды* (Он не радовался. Брови нахмурил, оттуда веяло холодом. Он начал читать какие-то бумаги, длинными пальцами долгое время их перебирал) (И.П.);
— задумчивость*: Садыкъ* ***къашларыны тюйиб****, тюшюнджеге далды. Онынъ козю огюне къавехане янында тургъан атлар кельди...* (Садыкъ задумался нахмурив брови. Он вспомнил лошадей, стоявших возле кофейни...) (Ш.А.).

Къашларны якъынлаштырмакъ ‘брови насупить’ используется в значении задуматься, сосредоточиться**:** *Феми эфендининъ* ***къашлары*** *бир-бирине* ***якъынлаштылар****. О, ненидир эске тюшюрмек истеген киби олды* (Брови Феми эфенди приблизились друг к другу. Он как будто что-то пытался вспомнить) (Ш.А.).

Къашларны сытмакъ ‘брови хмурить’ неоднословная лексическая единица передаёт одно значение – недовольство: *Малинин, элиндеки къарындашыны тарс этип стол устюне урды,* ***къашларыны сытты****, киббар ве къатий чере иле деди*… (Малинин, кинув на стол карандаш, нахмурил брови, высокомерным и решительным видом сказал) (Ш.А.).

Къашларны ойнатмакъ ‘играть бровями’ в основном используется для выражения вопроса: *О, сынавджы бакъышнен манъа тикильди ве* ***къашларыны ойнатып****: – Не айтайым, эбет, сен о кунни корерсинъ, мен корип оламам* (Он впился в меня испытующим взглядом и играя бровями: – Что сказать, конечно, ты увидишь тот день, я не смогу увидеть) (И.П.). Но если нужно показать, что человек злится, эту неоднословную лексическую единицу тоже используют: *Сырыкъ бойлу майор сары* ***къашларыны ойнатып****, къаба сеснен: – Кетинъиз, кет, ёкъса... О тутулды, не сёйлейджегини бильмей сусты, пельтекленгенинден къызарды* (Долговязый майор, играя русыми бровями, грубым голосом: – Уходите, уходи, не то... Он запнулся, не зная, что сказать, замолчал, от запинания покраснел) (И.П.).

Къашларны тёпеге тиклемек ‘брови устремить наверх’ в художественных произведениях используется для того, чтобы подчеркнуть удивление персонажа: *Шемснурнынъ айткъанына коре, олар къач йыллар эвельси бир-бирине сёз беришкенлер. Чаушнынъ* ***къашлары*** *тёпеге* ***тиклендилер****. – Шемснур... о не биле? Къызымнынъ ишлерине къарышмасын* (По словам Шемснур, они несколько годами ранее друг с другом договорились. Брови Чауша устремились вверх. – Шемснур… что она знает? Пусть не вмешивается в дела моей дочери) (Ш.А.).

Выводы

Мимика отражает невербальное поведение человека и является неотъемлемой частью восприятия образа в художественных произведениях, поэтому активно применяется писателями. Неоднословные лексические единицы с опорным компонентом къашлар ‘брови’ являются вспомогательным средством для передачи эмоций, выражения чувств, состояния персонажа и др. В крымскотатарском языке удалось обнаружить 7 таких единиц, которые в зависимости от контекста могут передавать более 20 оттенков эмоций (радость, гнев, страх, удивление и т.д.) переживаемых персонажами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алядин, Ш. Чауш огълу [Электрон ресурсы] / Ш. Алядин. https://leylaemir.org/literary-gallery/shamil-aladin/shamil-aladin-chaush-oglu.php
2. Алядин, Ш. Чорачыкълар: Сайлама эсерлер / Ш. Алядин. – Ташкент: Эдебият ве санаат нешрияты, 1987. – 560 с.
3. Болат, Ю. Алим / Ю. Болат. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санат нешрияты, 1982. – 421 с.
4. Паши, И. Джанлы нишан: роман, повесть / И. Паши. – Симферополь, 1998. – 208 с.
5. Пиз, А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам / А. Пиз. – Москва: Эксмо, 2007. – 448 с.
6. Эдемова, У. Айдын геджеде: роман / У. Эдемова. – Акъмесджит: Таврия, 2005. – 340 с.

© Асанова Зера Ариповна (zera_asan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.06

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЭРЗЯНСКИХ ГОВОРОВ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ: НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЬЕВ

FLORISTIC LEXICON OF ERZYA-MORDOVIAN DIALECTS OF THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION: NAMES OF TREES

N. Belenov

Summary: The article introduces into scientific circulation and analyzes part of the floristic lexicon of the Erzya-Mordovian dialects of the Samara Trans-Volga region: the names of wild and garden trees. Variations of the elements of this lexical cluster in the Erzya-Mordovian dialects of the region are presented, and their comparative analysis is carried out with the corresponding material of the Erzya-Mordovian and Moksha-Mordovian dialects of other territories. The most stable floronyms for the Erzya-Mordovian dialects of the region are identified, these are the names of birch, oak, willow and aspen, which is probably due to the significance of these tree species for the Mordovian traditional worldview and Mordovian culture. The issues of semantic evolution of floristic terms in the studied dialects, the causes of semantic transitions are considered. The article is based on the author's field materials obtained during the 2017-2020 seasons.

Keywords: floral lexicon, the Mordovian languages, Erzya-Mordovian language, Samara Trans-Volga region.

Беленов Николай Валерьевич
Кандидат педагогических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет
belenov82@gmail.com

Аннотация: В статье вводится в научный оборот и анализируется часть флористической лексики эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья, а именно – названия дикорастущих и садовых деревьев. Приводятся вариации элементов данного лексического кластера в эрзянских говорах региона, проводится их сравнительно-сопоставительный анализ с соответствующим материалом эрзянских и мокшанских говоров других территорий. Выявляются наиболее устойчивые для эрзянских говоров региона флоронимы, это названия берёзы, дуба, ивы и осины, что обусловлено, вероятно, значимостью данных древесных пород для традиционного мировосприятия и культуры мордвы. Рассматриваются вопросы семантической эволюции флористических терминов в исследуемых говорах, причины семантических переходов. Работа базируется на полевых материалах автора, полученных в ходе сезонов 2017- 2020 гг.

Ключевые слова: флористическая лексика, мордовские языки, эрзя-мордовский язык, Самарское Заволжье.

Введение (обзор литературы)

В данной статье в научный оборот вводится один из лексических кластеров эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья – названия деревьев. Тема флоронимов, относящихся к дикорастущим и садовым деревьям, и их вариаций в мордовских диалектах и говорах представляет значительный интерес не только для специалистов по мордовским языкам, но и для исследователей смежных дисциплин: историков, археологов, этнологов. В частности, в качестве аналогии можно привести широкое применение данных по флористической лексике в работе над определением территории расселения носителей того или иного языка на этапе его формирования. Так, в индоевропеистике широкую известность имеет «аргумент бука», некоторое время считавшийся одним из ведущих в полемике по вопросу поиска территории расселения носителей праиндоевропейского языка. Имеются также гипотезы, базирующиеся на отсутствии того или иного флоронима в общеиндоевропейской лексике при поисках прародины индоевропейцев [13]. Известны подобные гипотезы и в финно-угроведении: так, к поиску прародины носителей мордовских языков с привлечением данных флористической лексики обращался ещё Ф.П. Кеппен.

Исследования лексического состава эрзянских говоров Самарского Заволжья имеют сравнительно богатую историю. Так, на рубеже XIX – XX веков здесь работал Х. Паасонен [14], собиравший материалы, в основном, в следующих населённых пунктах интересующей нас территории, которые по современному административно-территориальному делению относятся к Самарской области: Старое Вечканово (абсолютное большинство материала) ныне Исаклинского района, Алёшкино, ныне Похвистневского района, Грачёвка, ныне Красноярского района, Старая Шентала, ныне Шенталинского района, а также в ряде других неоднозначно идентифицируемых и/или ныне исчезнувших эрзянских населённых пунктах.

Во втором десятилетии XX века исследования эрзянских говоров сёл, относящихся по современным административным границам к территориям Самарской, Ульяновской областей и Татарстана проводил М.Е. Евсевьев [4]. Многие, отмеченные им, особенности эрзя-мордовских говоров означенных территорий

(в ряде случаев, значительное количество мокшанизмов, в других случаях – характерный для чукальских говоров заднеязычный согласный [ŋ] вместо [й] в окончаниях некоторых лексем) к настоящему времени нивелированы.

История изучения названий деревьев в мордовских языках, диалектах и говорах также насчитывает не один десяток лет. В числе первых, здесь надо отметить специальную работу М.В. Мосина [9]. В последнее и настоящее время специально данной темой занимается А.М. Гребнева [3]. Если же говорить о первой фиксации названий деревьев в мордовских языках, то они появляются уже в наиболее раннем из известных лексикографических памятников мордовских языков – в списке мордовских слов, приведённом Н. Витсеном в работе «Северная и Восточная Тартария», где отмечено несколько названий плодовых деревьев [15]. Кроме того, надо отметить, что названиями деревьев в других финно-угорских языках давно и плодотворно занимались и занимаются А.С. Ефремов [5], Ю.Э. Коппалева [6], А.Н. Ракин [10], Е.И. Ромбандеева [11] .

Формирование эрзянских говоров Самарского Заволжья

Под Заволжьем в Среднем и Нижнем Поволжье традиционно понимаются территории, расположенные за левым, низменным берегом Волги, вплоть до Урала. Под Самарским Заволжьем в настоящем исследовании мы понимаем все районы Самарской области, находящиеся на Волжском Левобережье.

Эрзяне данного региона неоднородны в этноязыковом отношении, исторически здесь фиксируются носители различных эрзя-мордовских диалектов и этнических групп внутри эрзянского этноса (шокша, терюхане). Терюхане в настоящее время в среде эрзянского населения региона полностью ассимилированы, мордва-шокша оставила некоторое влияние в говорах похвистневской этнотерриториальной группы эрзян Самарского Заволжья и в окрестной топонимии (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Малый Толкай, 2019).

Помимо этого, диалектная пестрота заволжской мордвы-эрзи объясняется как различными исходными территориями расселения, откуда эрзянские переселенцы прибыли в регион в XVII – XIX веках, так и этноязыковыми процессами непосредственно на территории Заволжья, среди которых: длительное проживание в иноэтничном окружении (русские, чуваши, татары, украинцы, башкиры); внутренние процессы языковой конвергенции внутри сформировавшихся, в основном, по ареальному принципу этнотерриториальных групп; изменившиеся, по сравнению с исходными местами расселения, природно-географические и социально-хозяйственные условия проживания мордвы в Заволжье.

Наиболее существенные различия между эрзянскими говорами Самарского Заволжья лежат, в основном, в области лексики. Помимо этого, имеются незначительные фонетические отличия между говорами и группами говоров – большей частью, связанные с различной степенью их русификации.

Основными этнотерриториальными группами мордвы-эрзи в Самарском Поволжье являются: клявлинская (объединяющая эрзянские сёла Клявлинского района, наиболее однородная в языковом отношении, также характеризуется общей самоидентификацией носителей клявлинского говора), похвистневская (объединяющая эрзянские сёла Похвистневского района, в которую также входит ерзовский говор эрзя-мордовского языка, носители которого проживают в Кинель-Черкасском районе), шенталинская (представленная старошенталинским говором в Шенталинском районе и двумя близкородственными говорами в Кошкинском районе), сокско-сургутская (сформировавшаяся в Заволжье по ареальному признаку, в бассейнах рек Сок и Сургут, большинство данных говоров близки литературно-письменному эрзя-мордовскому языку).

Большинство из перечисленных выше этнотерриториальных групп эрзян также неоднородны: внутри них выделяются отдельные говоры (а в ряде случаев – группы говоров), имеющих существенные различия между собой – в том числе, в интересующем нас лексическом кластере. Кроме того, имеется большая группа эрзя-мордовских говоров, не относящихся к той или иной этнотерриториальной группе: коноваловский, большекаменский, шиланский, новоерёмкинский.

Наблюдаются между рассматриваемыми говорами различия и в области акцентологии. В эрзянских говорах Самарского Заволжья ударение разноместное, что характерно для эрзя-мордовского языка в целом, но в говорах различных этнотерриториальных групп оно может тяготеть к первому или, напротив, последнему слогу. Здесь же отметим, что разноместное ударение отмечено нами для всех без исключения мордовских говоров Самарского Поволжья, как эрзянских, так и мокшанских, а в мокша-мордовских говорах Самарской Луки оно, чаще всего, приходится на второй и/или последний слог. Так или иначе, все указанные особенности нашли отражение во флористической лексике рассматриваемых говоров.

Материалы исследования

Материалы исследования были получены автором

от информантов-носителей соответствующих говоров в течение полевых сезонов 2015 – 2021 годов, в процессе сбора мордовской топонимии и топонимной лексики, составной частью которой является флоронимная лексика. Ценным материалом для сравнительно-сопоставительного анализа представленных в статье названий деревьев явились соответствующие сведения по эрзянским говорам Самарского Заволжья, зафиксированные в работах Х. Паасонена [14].

Ниже мы приводим материалы исследования названий деревьев в эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья. В интересах стройности представления материала, флоронимы расположены в порядке очерёдности в соответствии с русским алфавитом, с указанием конкретного говора при последующем перечислении вариаций. Если флороним в том или ином говоре представлен неадаптированным заимствованием из русского языка – он в нижеследующем списке не указывается. Поскольку исследуемые говоры подверглись различной степени русификации, что коснулось и кластера флористической лексики, количество материала по соответствующим лексемам разных говоров, представленное в исследовании, неравномерно. Ударение в лексемах выделяется жирным шрифтом – поскольку акцентологические различия во многих случаях показательны. В заглавие каждого подраздела вынесен русский флороним и его литературно-письменный эрзя-мордовский эквивалент.

Берёза Килей
Килей СтепШ, килей 3,килей МА, килей МС, килей СтарШ, килей СС, килей С, килей Кон, килей Кл, килей Ш, килей КК, килей МТ, килей БТ, килей НЕ, килей БЕ, ашо килей Е, килей СВ

Вяз Селей
Селей СтепШ, селей СтарШ, уксо СС, селей КК, селей МТ

Дуб Тумо
Тумо СтепШ, тумо 3, тумо МА, тумо МС, тумо СтарШ, тумо СС, тумо С, тумо Кон, тумо Кл, тумо Ш, тума КК, тумо МТ, тумо БТ, тумо НЕ, тумо БЕ, тумо Е

Ель Куз
Ёлка 3, пиче МА, пиче Ш, ёлка МТ, ёлка НЕ,

Ива Каль
Каль СтепШ, каль 3, каль МА, каль МС, каль СтарШ, каль СС (как и ветла), каль Кл (а также вообще разные породы деревьев), каль Ш, каль КК, каль МТ, каль (как и верба) НЕ, каль БЕ, каль Е, каль СВ

Клён Укштор
Укштор СтепШ, укшторо 3, укштор МА, укшторо СтарШ, укшторо СС, укштор Кл, укштор Ш, укштор КК, укштор МТ, рошття БТ

Липа Пекше
Пекше СтепШ, пекше МА, пекше СтарШ, пекше Кл, пекше Ш, пекше КК, пекше МТ, пикше БТ, пекше Е

Орешник Пешкс
Пеште СтепШ, пекшкс 3, пешчел МА, пешксь СтарШ, пекшкс СС, пештэгерь Ш, пеште БТ

Осина Пой
Пой СтепШ, пой 3, пой СтарШ, пой СС, пой Кл, пой КК, пой МТ, пой (укштор – высохшая осина) НЕ, пой БЕ, пой СВ

Рябина Пизёл
Пизёл СтепШ, пизёлкс 3, пизёл СтарШ, пизёл СС, пизёл Кл, пизёл Ш, пизёл МТ, пизёлкс БТ, пизёл БЕ

Сосна Пиче
Пиче СтепШ, пича 3, пиче МА, пиче СтарШ, пиче С, пиче Кл, пиче Ш, пиче КК, пиче БТ, пиче НЕ, пиче БЕ

Черёмуха Лемзёр
Лёмзёр СтепШ, лёмзёр 3, лёмзёркс МА, лёмзёр СтарШ, чевгель Кон, лёмзёр Кл, лёмзёрына Ш, лёмзё МТ, лёмзеркс БТ, лайме БЕ

Яблоня Умарина
Умарь СтепШ, умарь 3, умарина МА, умарь СС, умарина Ш, умарь МТ, яблук МТ, умарина Кл, умарь БЕ

Анализ (обсуждение результатов)

Наиболее устойчивым в эрзянских говорах Самарского Заволжья, согласно нашим материалам, является флороним *килей* – ‘берёза’. Данное дерево имеет в культуре мордвы особое значение: фигурирует во многих фольклорных произведениях, является центральным в ряде религиозных обрядов, берёзовые ветви и целые молодые деревья часто выступают в роли украшений на праздники – например, на Троицу (в этот день в настоящее время отмечается праздник *Акшо келу – Белая берёза*). Кроме того, берёза играет важную роль и в ряде местных, оригинальных праздников – например, на празднике *Ватази чи* в селе Коноваловка (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). По-видимому, именно этим обусловлена устойчивость флоронима в различных говорах. Исключение здесь составляет ерзовский говор, в котором флороним *килей* стал применяться не только к берёзе, но и к ветле, в связи с чем возникла необходимость разграничения этих двух понятий. В настоящее время в ерзовском говоре лексема *килей* имеет значение ‘ветла’, а *ашо килей* – дословно: ‘белая ветла’ – ‘берёза’ (ПМА, Самарская область, Кинель-Черкасский район, Ерзовка, 2019). Также устойчивым в исследуемых говорах является флороним *тумо* со зна-

чением 'дуб' – основные различия здесь акцентологические, в красноключевском говоре зафиксирована форма *тума* (возможно, под влиянием шокшинского диалекта, носители которого проживали в среде похвистневской мордвы длительное время).

Флоронимы для обозначения вяза различаются в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья также, в основном, акцентологически. Единственное исключение составляет старосуркинский говор, в котором вяз обозначается лексемой *уксо*. В данном случае интересно отметить, что Х. Паасонен отмечает вариации данной лексемы в различных говорах: *ukso, uks, uksa*, для которых приводит значения 'ильм (вяз)', 'ива', а в кажлодском говоре – 'ясень' [14]. Здесь следует сказать, что кажлодский говор относится к шокшинскому диалекту эрзя-мордовского языка.

Для липы в исследуемых эрзянских говорах названия также однотипны – различия и здесь лишь акцентологические. Зафиксированный нами вариант *пикше* в большетолкайском говоре может быть объяснён особенностями эрзянского вокализма. Сравните, например, для старовечкановского говора Х. Паасонен указывает два варианта названия рябины – *pizel* и *pizil* [14].

Из достаточно однотипной линии по клёну выделяется пример из большетолкайского говора – притом, что клён является одной из преобладающих древесных пород в окрестностях села. Информанты объясняли нам данную особенность следующим образом: в Большом Толкае существует устойчивая традиция – на новогодние праздники (а до революции – на Рождество) украшать дома сухими листьями клёна, отсюда и название дерева – *рештя*, от русского названия праздника – Рождество. Флороним *укштор* в большетолкайском говоре перешёл на другую древесную породу – *неклён* (также известен как *черноклён* или *клён полевой*). Здесь надо отметить, что А.М. Гребнева полагает в схожем случае, что *рештя* – адаптированное заимствование из русское языка – *роща* [3]. Также интересно отметить семантический переход для данной лексемы в новоерёмкинском говоре, где *укштор* – 'засохшая осина'.

Следует также обратить внимание на факт отсутствия в исследуемых говорах лексемы *куз* со значением 'ель', которая является одной из наиболее устойчивых в мордовских говорах. В говорах исследуемого региона она либо вытеснена русским заимствованием, либо же все хвойные деревья здесь обозначаются флоронимом *пиче*, изначально относящимся только к сосне. Вероятно, причина данного явления в том, что в естественных лесах Самарского Заволжья ели практически не встречаются, и лексема, без соответствия в окружающей среде, была утрачена. В рассматриваемых эрзя-мордовских говорах подобное явление было отмечено нами для ряда географических терминов: так, ввиду отсутствия на территории расселения носителей исследуемых говоров настоящих болот, эрзя-мордовские лексемы с данным значением были в них утрачены, заменившись русизмами и близкими по значению словами [1]. Также следует отметить, что Х. Паасоненом в старовечкановском говоре лексема *kuz* в значении 'ель' ещё фиксируется, согласно же нашим полевым исследованиям 2017 года, в настоящее время она в данном говоре утрачена.

Вариации названия рябины в рассматриваемых говорах сводятся к двум формам: *пизёл* и *пизёлкс*, где вторая происходит от первой при участии аффикса превратительного падежа мордовских языков *кс*. По-видимому, правы авторы [2], которые полагают, что в подобных случаях первая форма означает плоды растения, а вторая – само дерево (куст), признавая данное разделение позднейшим.

Лексема *каль* в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья, чаще всего, имеет широкий спектр значений. Как правило, так обозначаются ива, верба и ветла, к этому списку Х. Паасонен добавляет значения 'тальник', 'ракитник' [14]. Кроме того, в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка лексема *каль* является синонимом лексемы *чувто* со значением 'дерево'. Так, информанты сообщали нам дословно следующее: «каль – это не только ива, каль – это вообще все породы» (ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старые Сосны, 2019). На более широкий спектр значений лексемы в прошлом указывает также её присутствие в качестве форманта в ряде флоронимов и флористических терминов мордовских языков. Сравните, в эрзянском: *чевгель* – 'калина', *каль илей* – 'ива прутовидная', *каль пеште* – 'водяной орех', *umar' kal'* – 'яблоня' (в говоре села Лобаски Ичалковского района Республики Мордовия [3]); в мокшанском: *каляк* – 'высокое тонкое дерево' [2, *100*], а также лексема *Kal* в списке мордовских слов Н. Витсена, где для неё указано значение 'куст' [15]. Кроме того, интересен формант *каль* в мордовских терминах, обозначающих орудия труда, которые сделаны из молодых деревьев или их ветвей. Так, например, в бахиловском говоре мокша-мордовского языка на Самарской Луке *питькаль* – 'палочка для пахтания (мутовка)' (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018).

Названия плодовых деревьев в исследуемых эрзянских говорах, за редким исключением, представлены заимствованиями из русского языка. главным из исключений являются варианты названий яблони, которая, впрочем, также нередко обозначается идентичным, либо адаптированным заимствованием из русского, однако, в большинстве говоров всё же до настоящего времени сохраняется эрзянское название. Разнообразие здесь, по сути, сводится к двум вариациям – *умарина* и *умарь* (что резко контрастирует с мокша-мордовскими

говорами региона [1]). Здесь же надо отметить, что в эрзя-мордовском языке *умарь* также 'ягода' – и именно в этом значении данная лексема сохраняется в большинстве исследуемых говоров, в которых для обозначения яблони и её плодов используются идентичные русские заимствования. *Умарина* – вероятно, уменьшительно-ласкательное от *умарь*: *умарь* + *не* = 'яблонька'.

Орешник – одна из наиболее распространённых дикорастущих древесных пород в Самарском Заволжье, поэтому существенное распространение в говорах региона лексемы, обозначающей данный вид растений, и её сохранность в них объяснимы. Выделяется форма флоронима, бытующая в шиланском говоре – *пештэгерь*, где *герь*, очевидно, формант. Полагаем, в данном случае рассматриваемый элемент является показателем множественности, совокупности однотипных объектов [7, 103] – здесь можно привести для сравнения пример из памятников эрзянской письменности XVIII века – *кевгерь* со значением 'гора', буквально: 'скопление камней'.

Семантические переходы в данном лексическом кластере являются одной из характерных особенностей мордовской флоронимии. В исследованных нами говорах отмечены следующие семантические переходы: *килей* Е – 'ветла', при этом 'берёза' – *ашо килей* Е; *чевгель* Кон. – 'черёмуха', тогда как в литературно-письменном эрзянском *чевгель* – 'калина'; *укштор* НЕ – 'высохшая осина'; *укштор* БТ – 'неклён', 'клён' – *рештя* БТ.

Интересно отметить отсутствие в исследованных эрзянских говорах ряда эрзя-мордовских названий деревьев, встречающихся в Самарском Поволжье практически повсеместно. Одним из таких деревьев является осокорь (чёрный тополь), произрастающий в Самарском Заволжье по берегам рек и озёр (в особенности – старичных). Во всех исследованных говорах данное дерево обозначалось заимствованием из русского языка – тополь. В ряде случаев информанты отмечали, что раньше, вероятно, эти деревья называли так же, как и осину – *пой* (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019). Отметим также, что подобная ситуация сложилась и в мокша-мордовских говорах региона, лишь в торновском говоре на Самарской Луке тополь обозначается адаптированным заимствованием из русского языка – *осок**о**рь* (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018).

Заключение

Как показало проведённое исследование, практически во всех эрзя-мордовских говорах имеются утраченные, либо замещённые русскими заимствованиями флоронимы. Подавляющее большинство таких примеров объясняется тем фактом, что та древесная порода, которую обозначал флороним, не произрастает в ареале распространения соответствующего говора. В этой связи показательным является отсутствие в эрзянских говорах региона лексемы *куз* со значением 'ель'. Семантические сдвиги также чаще всего происходят именно в таких случаях, например, в ерзовском говоре лексема *килей* означает не берёзу, которая в окрестностях села является редкой породой, а ветлу, которая здесь, в силу особенностей прилегающей местности, имеет значительное распространение. Указанные явления характерны также для других лексических кластеров эрзянских говоров Самарского Заволжья.

Вместе с тем, надо констатировать, что, в целом, флористическая лексика эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья устойчивее и однороднее, чем ряд других лексических кластеров – географическая лексика, фаунистическая лексика, хозяйственно-бытовая лексика.

К наиболее устойчивым в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья флоронимам можно отнести следующие: *килей* – 'берёза', *тумо* – 'дуб', *пой* – 'осина' и *каль* – 'ива'. Данная устойчивая группа флоронимов является общей для эрзя-мордовских говоров различных территорий. Представляется, что выявленная тенденция во многом может быть связана с языческой традицией мордвы, в которой почитание деревьев занимает одно из центральных мест [12]. Также нам представляется неслучайным, что самыми устойчивыми в мордовских говорах оказываются флоронимы, относящиеся к наиболее почитаемым мордвой деревьям – дубу и берёзе [8]. Отметим также, что локальные этнотерриториальные группы мордвы могут на первое место в таком почитании выдвигать иную породу деревьев – так, на Самарской Луке у мордвы-мокши наиболее почитаемым деревом являлся вяз.

Что касается лексемы *каль*, то спектр её значений, учитывая материалы различных мордовских говоров, в прошлом был значительно шире, что, видимо, и послужило основанием для высокой степени её сохранности в них.

Принятые сокращения:

БЕ – большеегинский говор;
БК – большекаменский говор;
БТ – большетолкайский говор;
Е – ерзовский говор;
З – захаркинский говор;
КК – красноключевский говор ;
Кл – клявлинский говор;
Кон – коноваловский говор;
НЕ – новоерёмкинский говор;
ПМА – полевые материалы автора;
МА – мордовоаделяковский говор;
МС – мордовоселитьбинский говор;
МТ – малотолкайский говор;
С – сенькинский говор;
СВ – старовечкановский говор;
СС – старосуркинский говор;
СтарШ – старошенталинский говор;
СтепШ – степношенталинский говор;
Ш – шиланский говор;

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленов Н.В. Географическая топонимная лексика эрзян Самарского Заволжья // Ономастика Поволжья. Кострома, 2020. С. 14 – 20.
2. Вершинин 2004 – Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004.
3. Гребнева А.М. Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017, 2. С. 7 – 17.
4. Евсевьев М.Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914.
5. Ефремов А.С. Этимология некоторых марийских названий растений // Советское финно-угроведение, 1984. №2. С. 99 – 103.
6. Коппалева Ю.Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск, 2007.
7. Лыткин В.И., Гуляев В.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
8. Михалкович И.Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Инженерные технологии и системы. 2000, 1/2. С. 72 – 77.
9. Мосин М.В. Словообразовательный анализ ботанической терминологии эрзянского языка // Вопросы языкознания. Вып.2., Ч.1. – Саранск, 1975. С. 57 – 64.
10. Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар, 1989.
11. Ромбандеева Е.И. Этимология названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых географических терминов в мансийском языке // Финно-угроведение, 2000, 2. С. 86 – 89.
12. Сычёв А.А. Культ леса в системе экологических верований мордвы//Финно-угорский мир. 2015, 4. С. 76 – 83.
13. Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1989.
14. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1995.
15. Witsen N. Noord en oost Tartarie. Amsterdam, 1692.

© Беленов Николай Валерьевич (belenov82@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный социально-педагогический университет

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.07

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭРЗЯНСКОГО СЕЛА СТАРЫЙ МАКЛАУШ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

TOPONYMIC AREA OF THE ERZYA VILLAGE "STARY MAKLAUSH", SAMARA REGION

N. Belenov

Summary: The article introduces into scientific circulation and analyzes the system of geographical names of the toponymic area of the Erzya village "Stary Maklaush", Klyavlinsky district, Samara region. The main characteristics of this toponymic area, its specific features, as well as common features with the toponymy of other Erzya villages of the Samara Volga region are revealed. The work is based on the materials obtained by the author during field research in the village of Stary Maklaush in October 2019. For comparative analysis, data on the toponymy of various Erzya villages of the Samara Volga region and other areas of settlement of the Mordovians obtained during the expeditions of 2015-2022 seasons.

Keywords: toponymy, toponymic area, Erzya-Mordovian language, Samara Trans-Volga region.

Беленов Николай Валерьевич
Кандидат педагогических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет
belenov82@gmail.com

Аннотация: В статье вводится в научный оборот и анализируется система географических названий топонимического пространства эрзянского села Старый Маклауш Клявлинского района Самарской области. Выявляются основные характеристики данного топонимического пространства, его специфические особенности, а также общие черты с топонимией других эрзянских сёл Самарского Поволжья. В основе работы лежат материалы, полученные автором в ходе полевых исследований в селе Старый Маклауш в октябре 2019 года. Для сравнительно-сопоставительного анализа привлекаются данные по топонимии различных эрзянских сёл Самарского Поволжья и других территорий расселения мордвы, полученные в ходе экспедиций 2015 – 2022 гг.

Ключевые слова: топонимика, топонимическое пространство, эрзя-мордовский язык, Самарское Заволжье.

Введение

Село Старый Маклауш является одним из старейших эрзя-мордовских населённых пунктов Клявлинского района. По данным переписи населения 2002 года, в селе Старый Маклауш насчитывалось 763 жителя, 80% из которых – мордва-эрзя. Местное мордовское население в быту общается на клявлинском говоре эрзя-мордовского языка.

Можно считать установленным фактом, что село Старый Маклауш Клявлинского района Самарской области основали выходцы из деревни Маклауши Симбирской губернии (ныне село Старые Маклауши Майнского района Ульяновской области). Точную дату основания села в Заволжье источники не фиксируют, согласно же историческим преданиям мордвы Старого Маклауша и местных краеведов, которые ссылаются на выписки из Симбирских архивов [6], село основано в 1663 году. Столь ранняя дата, однако, сомнительна. Дело в том, что в «Книге строельной города Синбирска» указывается точная дата основания населённого пункта Маклауши Ульяновской области – 1649 год [8], когда в междуречье Большой и Малой Маклаушек была основана татарская деревня. Уже при её основании среди татар источник отмечает три мордовские семьи. В 1667 году в Маклауше фиксируется уже 17 мордовских дворов, а татары покидают данную деревню и основывают Новые Маклауши ниже по течению одноимённой реки [10]. Таким образом, надо отметить, что в период 1649 – 1667 гг. мордовское население деревни неуклонно росло, а переселение татар привело к появлению в его окрестностях свободных земель, то есть причин для переселения в Заволжье у маклаушской мордвы в этот период не было. Однако, они появились в 1670 году, когда местные крестьяне, активно поддержавшие восстание под предводительством Степана Разина, были разбиты вместе с другими ополченцами из русских и татар вблизи Маклауша войсками князя Ю.Н. Барятинского. Поражение и последовавшие за ним репрессии против поддерживавших мятежного атамана крестьян привели к оттоку мордовского населения в Заволжье. По всей видимости, приняли в этом процессе участие и предки клявлинской мордвы, в том числе и основатели Старого Маклауша в Заволжье. Итак, на основании косвенных данных, можно примерно датировать возникновение села Маклауш последней четвертью XVII века.

Также надо отметить, что повторяющиеся в ряде источников (в том числе и на ресурсе Википедия) сведения о наличии в Старом Маклауше 124 дворов при 960 жителях ошибочно относятся ими к началу XVIII века, в действительности же это численность населения села по результатам переписи населения 1859 года [12]. Имеются сведения о постройке в Старом Маклауше деревянной церкви Рождества Христова в 1777 году. В 1867 году обветшавшую церковь снесли, а в 1880 году в Старом

Маклауше была построена новая каменная церковь, сохранившаяся до настоящего времени.

На раннем этапе истории села в нём, совместно с мордвой, проживало некоторое количество чувашей, которые затем выселились в село Ерилкино.

В советское время жители Старого Маклауша основали в его окрестностях несколько посёлков-спутников, все они, однако, ныне прекратили своё существование.

Особенности клявлинского говора эрзя-мордовского языка, на котором разговаривает эрзянское население Старого Маклауша, и бытующая в нём географическая лексика подробно рассмотрены нами в специальной работе [3].

Обзор литературы

Топонимия мордвы Самарского Поволжья специальной темой монографического исследования до последнего времени не становилась, однако отдельные этимологии географических названий из топонимических пространств ряда мордовских сёл региона можно найти уже в трудах участников академических экспедиций второй половины XVIII века [9; 11].

На рубеже XIX – XX столетий в мордовских сёлах различных губерний Российской империи работала экспедиция финского учёного Х. Паасонена, результатом деятельности которой явился обширный корпус мордовской лексики, обрабатывавшийся и издававшийся на всём протяжении XX века [16]. Немалую долю среди этих материалов занимают и сведения, полученные на территории Самарского Поволжья, более всего – в селе Вечканово (ныне Старое Вечканово Исаклинского района Самарской области).

Из специальных исследований по интересующему нас вопросу необходимо особо выделить статью Д.В. Цыганкина по ойконимии мордвы Заволжья [14].

Лексико-семантический анализ топонимии села Старый Маклауш

Ало пе ˈAlo ˈpʻe Название части села в Старом Маклауше. Название происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* – ‘низменный’ + *пе* – ‘конец’ = ‘нижний конец’. До конца XX века в селе не было улиц в классическом понимании, оно делилось на так называемые *куринки* – согласно родовой застройке. *Ало пе* и *Вере пе*, как и в большинстве мордовских сёл Клявлинского района (и вообще в эрзянских сёлах), являются здесь элементами урбонимной макросистемы.

Баба лисьма ˈBaba ˈlʻisʻma Название родника и, одновременно, района Старого Маклауша, в пределах которого он расположен. Название является двусоставным: *бабань* – ‘баба’ – ‘старуха’ с аффиксом принадлежности в мордовских языках *нь* + *лисьма* – ‘родник’ = ‘бабий/старушечий родник’. Подобного рода названия являются часто встречающимся элементом топонимических пространств эрзя-мордовских сёл. Как верно отмечает Д.В. Цыганкин, географические названия, содержащие лексему *баба* относятся у мордвы к объектам сакрально-культового значения [13]. Данное наблюдение подтверждается и в рассматриваемом случае, со слов информантов: «На родник бабы наши раньше ходили, о дожде молиться» (ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старый Маклауш, 2019, далее - ПМА).

Вере пе ˈVʻerʻe ˈpʻe Название возвышенной части села Старый Маклауш, является часто встречаемой в топонимии эрзя-мордовских сёл частью дуальной системы «Ало пе – Вере пе». Название происходит от эрзя-мордовских лексем: *вере* – ‘вверху; сверху’ + *пе* – ‘конец’ = ‘верхний конец’.

Вишка латко ˈVʻiška ˈlatko Название одного из оврагов в окрестностях села Старый Маклауш. Со слов информантов, название переводится на русский язык как «короткий овраг» (ПМА). В большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья характеристика «короткий» для географических объектов обозначается именно термином *вишка*, а не литературно-письменным эрзя-мордовским термином *нурькине*. Термин «вишка/вишкине» употребляется в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка в значениях ‘маленький’ (совпадает с семантикой лексемы в литературно-письменном эрзя-мордовском языке – Н.Б.), ‘короткий’ и ‘низкий’, что также находит отражение в топонимии. Таким образом, перевод топонима на русский язык имеет вид: вишка – ‘короткий’ + латко – ‘овраг’ = ‘короткий овраг’. Топоним составляет дуальную систему с названием «Кувака латко».

Казбулат Kazbuˈlat Основа названий двух эрзя-мордовских сёл Клявлинского района Самарской области: Старый Казбулат и Новый Казбулат, Старый Казбулат ныне не существует. По мнению старожилов Старого Маклауша, в основе этих ойконимов лежит тюркский антропоним: «Это был какой-то феодал татарский, а другие говорят – булгарский. Его звали Казбулат, точнее, по-татарски он Хазбулат был, а это уже наши в Казбулат переделали – ну, там разберётесь» (ПМА). По нашему мнению, информанты абсолютно правы. В основе ойконимов лежит тюркский антропоним Хазбулат, который, в силу особенностей эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья, принял форму Казбулат, с закономерным переходом инициального [х] в [к]. Тюркские антропонимы в основе мордовских ойконимов нередки на исследуемой территории. Интересно, что у чувашей села Ерилкино Клявлинского района Самарской области

записана легенда о том, что некий Камбулат, действовавший на данной территории во времена восстания С.Т. Разина, был мордвином, разинским атаманом [13]. По-видимому, на определение национальной принадлежности Камбулата в данной легенде повлиял тот факт, что население села Казбулат составляла, преимущественно, мордва-эрзя. Что же касается упоминания в предании имени Степана Разина, то, как мы уже отмечали, на территории Клявлинского района Самарской области данная историческая фигура является наиболее популярным фольклорным персонажем. Вероятно, это – наследие эпохи, предшествовавшей переселению предков большей части современного населения Клявлинского района с приволжских территорий, где Степан Разин – непременный герой исторических преданий.

Каша пандо пря ˈKaša ˈpando ˈprʿä Название урочища на вершине одной из возвышенностей в окрестностях Старого Маклауша. Названия с лексическим элементом *каша* у мордвы Самарского Заволжья имеют религиозно-культовую семантику: сравните, например, урочище (поле) *Бабань-каша* у эрзя-мордовского села Ерзовка (ПМА, Самарская область, Кинель-Черкасский район, Ерзовка, 2019). Каша в данном случае представляет собой ритуальное блюдо, которое, как правило, готовилось из круп различных видов, а затем употреблялось в пищу и оставлялось в дар богам/духам плодородия на полях, межах, в местах молений. Подобный обычай распространён не только у мордвы, но и у других поволжских народов – у татар-кряшен и чувашей [5]. В данном случае мы также имеем дело с топонимом культового характера, относящемуся к месту совершения ритуальных действий. Со слов информантов: «Это место, где перед севом молились. Кашу сеяли (смеются). Чтобы урожай хороший был» (ПМА). Топоним состоит из трёх лексем: *каша* – понимается сейчас в том же смысле, что и русское «каша», ранее, однако, означало ритуальную пищу вообще + *пандо* – ‘гора’ + *пря* – ‘голова, вершина’ = ‘место приготовления ритуальной пищи на вершине горы’, поскольку устойчивое словосочетание «пандо пря» имеет значение в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка ‘горная вершина’. Это было важно отметить, поскольку то же сочетание в ряде мордовских говоров региона имеет значение ‘гора’, а лексема *пандо* отдельно не употребляется, либо имеет другое значение.

Кордон латко Korʿdon ˈlatko Название одного из оврагов в окрестностях села Старый Маклауш. Со слов информантов: «Дом там хороший поставили, поэтому кордоном назвали, а потом, в тридцатых годах, разобрали его и куда-то за Камышлу увезли» (ПМА). Таким образом, топоним является двусоставным: *кордон* – от русского кордон – ‘застава; караул’ + латко – ‘овраг’ = ‘караульный овраг’.

Косырь пандо Koˈsyrʿˈpando Название одной из гор в окрестностях села Старый Маклауш. Со слов информантов: «Эта гора выдвинута к речке остриём, как клином таким. Потому и назвали Косырь пандо» (ПМА). Таким образом, название горе дано по характерной форме. Также надо отметить, что выступ горы в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка обозначается фонетически адаптированным заимствованием из русского языка, а не собственно мордовским термином *нерь*, как то наблюдается на Самарской Луке (ПМА, Самарская область, Волжский район, Шелехметь, 2015), а также в ряде говоров шенталинской мордвы [2].

Кувака латко Kuˈvaka ˈlatko Один из оврагов в окрестностях села Старый Маклауш. Название двусоставное, в переводе с эрзя-мордовского языка на русский имеет вид: *кувака* – ‘длинный’ + *латко* – ‘овраг’ = ‘длинный овраг’. Достаточно распространённый элемент топонимических пространств мордовских сёл [7], в Самарском Поволжье, однако, встречается не так часто, что, возможно, обусловлено характером рельефа. В топонимическом пространстве Старого Маклауша название «Кувака латко» составляет дуальную систему с топонимом «Вишка латко».

Кутур Kuˈtur Название одного из районов Старого Маклауша. Является искажённой формой русского термина «хутор». Подобного рода топонимы в формах «кутор», в укающих говорах – «кутур», достаточно часто встречаются в топонимических пространствах мордовских сёл Самарского Поволжья; как мокшанских (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018), так и эрзянских (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019).

Луга ˈLuga Термин для обозначения участков степных пространств, травяной растительности, заливных лугов в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка. Данный термин встречается во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья и имеет схожую семантику. В данном случае, в топонимическом пространстве Старого Маклауша рассматриваемый термин выступает в качестве имени собственного, наименования бывших сенокосных угодий (ПМА).

Маклауш Makˈlauš Основа названий двух эрзя-мордовских сёл в Клявлинском районе Самарской области: Старый Маклауш и Новый Маклауш. В данном случае мнение специалистов [14] и оттопонимические предания местных жителей (ПМА) совпадают: ойконим перенесён в Самарское Поволжье с мест прежнего расселения клявлинской мордвы. В Ульяновской области известно село Старые Маклауши в Старомайнском районе, откуда предание и выводит первых мордовских поселенцев Клявлинского района. П.Л. Мартынов, специально занимавшийся историей населённых пунктов Симбирской губернии [10], полагает, что чувашская деревня Маклауша является старейшим населённым пунктом на данной

территории. В связи с этим убедительно выглядит этимологическое решение для данного ойконима с привлечением чувашского *мăкла* – 'моховой, покрытый мхом', предложенное В.Ф. Барашковым [1]. Вместе с тем, объяснение тем же исследователем форманта «уш», как появившегося позднее в русской среде, не так убедительно. Возможно, здесь следует видеть чувашский термин «ошень» (в низовом укающем говоре – «ушень») в значении 'улица; район села'. В прошлом для чувашских сёл была характерна гнездовая застройка, единица которой и носила наименование 'ушень'. Данный термин в указанном значении зафиксирован нами в ряде чувашских сёл Борского района Самарской области [4]. Таким образом, полностью название Маклауша можно этимологизировать как «Моховая улица» или «Моховой посёлок». Если верна гипотеза о первичности гидронима Макла («река Моховая» с чувашского языка – Н.Б.), а это вероятно, так как в подавляющем большинстве подобных случаев первичны именно гидронимы, то название чувашской деревни Маклауша можно этимологизировать как «посёлок при речке Моховой».

Маша латко ˈMaša ˈlatko Название одного из оврагов в пределах Старого Маклауша. По информации, полученной от старожилов: «Овраг назван по имени женщины. В его окрестностях жила Мария Мартышкина» (ПМА). Здесь надо отметить, что фамилия Мартышкины в Старом Маклуше имеет широкое распространение и по местным преданиям относится к фамилиям мордовских первопоселенцев в этих местах.

Мельник пандо ˈMʻelʻnʻik ˈpando Гора в окрестностях села Старый Маклауш. Своё название получила в связи с тем фактом, что раньше на ней была мельница. Название является гибридным, русско-эрзянским: *мельник* – заимствование из русского языка, здесь в значении 'мельница' + *пандо* – 'гора' = 'мельничная гора'.

Осип лисьма ˈOsʻip ˈlʻisʻma Название одного из родников в окрестностях Старого Маклауша, ближе к урочищу Красный Дол. Со слов информантов: «Такое название родник получил, потому что там, около него, дед Иосиф из Маклауша (Старого Маклауша – Н.Б.) держал пчёл» (ПМА). Таким образом, топоним на русский язык с эрзя-мордовского переводится так: *Осип* – антропоним «Иосиф» + *лисьма* – 'родник' = 'Осипов родник'.

Очко латко ˈOčko ˈlatko Название одного из оврагов в окрестностях села Старый Маклауш. Со слов информантов: «Там овраг в форме корыта. Пологий такой, а по концам более крутой» (ПМА). На русский язык с эрзя-мордовского название переводится следующим образом: *очко* – 'корыто' + *латко* – 'овраг' = 'корыто-овраг'.

Пор латко Por ˈlatko Один из оврагов в окрестностях села Старый Маклауш. По словам информантов: «В этом овраге раньше известь добывали, поэтому он и называется по-нашему – Пор латко» (ПМА). С эрзя-мордовского языка на русский географическое название переводится так: *пор* – 'мел' + *латко* – 'овраг' = 'меловой овраг'.

Цёра лисьма ˈCʻora ˈlʻisʻma Один из родников в окрестностях Старого Маклауша. По сведениям информантов, данный родник служил для мужских молений, в отличие от родника Баба лисьма: «А там мужики молились. Баба лисьма – бабы молились, а тут – мужики» (ПМА). Топоним переводится на русский язык с эрзя-мордовского буквально так: *цёра* – 'парень; юноша; сын' + *лисьма* – 'родник' = 'родник парней'. Данный объект для мордовских сёл Самарского Поволжья уникален, поскольку, при многочисленной фиксации объектов с названием «Баба лисьма», их «мужской» аналог более нигде в регионе не встречается. Более того, в ряде мордовских сёл (например – в мокша-мордовском селе Бахилово на Самарской Луке) участие в молениях и хранение традиций считалось исключительно женским делом, мужчины до некоторых молений вообще не допускались, на общих молениях они присутствовали, но не играли ведущих ролей (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018). Наиболее частые моления у объектов подобного рода – моления о дожде, совершались (и в ряде мест до сих пор совершаются) исключительно женщинами пожилого возраста (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018). Отметим ещё одну характерную черту культовых объектов в Старом Маклауше. Если родник для женского моления называется «Баба лисьма», где «баба», по свидетельству П.И. Мельникова-Печёрского и К.С. Мильковича, всегда означало «старую женщину, старуху», а не женщину вообще, то родник для мужского моления называется «Цёра лисьма», где «цёра» – «молодой парень; сын». Данный контраст, по-видимому, неслучаен, однако сегодня установить его истоки вряд ли возможно. В понимании информантов, как мы уже указывали, *Цёра лисьма* – 'мужской родник', хотя, исходя из лексики клявлинского говора эрзя-мордовского языка, для такого перевода более уместна была бы форма «Аля лисьма» или «Дёдань лисьма» – для последнего случая имеется единичная фиксация на территории Республики Мордовия [13]. Интересно отметить, что подобного рода названия вообще нехарактерны для топонимических пространств мордовских сёл – не только в Самарском Поволжье, но и на территории Республики Мордовия, а также в других ареалах компактного проживания мордвы.

Заключение

В результате проведённого исследования установлено, что основу топонимического пространства села Старый Маклауш составляют названия, происходящие из эрзянского и русского языков, причём нередки смешанные названия, в которых к основе, происходящей из

русского языка, присоединяется эрзянский апеллятив.

В целом, топонимия Старого Маклауша типична для клявлинской мордвы-эрзи, также она находит многочисленные параллели в топонимии эрзянских сёл, население которых относится к другим этнотерриториальным группам мордвы Самарского Поволжья.

К специфическим особенностям топонимического пространства Старого Маклауша следует отнести наличие редчайшего для мордовской топонимии культового названия Цёра лисьма, а также вообще сравнительно широкое распространение культовой топонимии, в которую, помимо упомянутого названия, входят также топонимы Баба лисьма и Каша пандо пря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашков В.Ф. По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск, 1994
2. Беленов Н.В. Географическая лексика и топонимия старошенталинского говора эрзя-мордовского языка. Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №1. С. 67 – 80
3. Беленов Н.В. Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. №1. С. 28 – 35.
4. Беленов Н.В. Лексико-семантический анализ топонимии чувашского села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей // Oriental Studies. 2021. №3. С. 595 – 605
5. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959
6. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы. 1665 – 1667 г.г. Симбирск, 1896
7. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987
8. Книга строельная города Синбирска. Симбирск: Губернская типография, 1897
9. Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1821
10. Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903
11. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб, 1773
12. Самарская губерния. Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. СПб., 1864
13. Симаков В.Е. Чувашские населённые пункты Самарской области. Чебоксары, 2005
14. Цыганкин Д.В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. №3. С. 9 – 15
15. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове. Саранск, 2005
16. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1995.

© Беленов Николай Валерьевич (belenov82@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.02

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОВА «ПОПУЛЯРНЫЙ» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

FEATURES OF TRANSLATION OF THE WORD "POPULAR" INTO CHINESE

N. Bogdanova
E. Solntseva

Summary: The article discusses some features of synonyms and similar words of the Chinese language. The paper provides examples (with translation), with the help of which the authors explain the choice of the word "popular" when translating into Chinese
The material for the study was the work of Chinese, Soviet and Russian linguists, as well as materials from the Chinese media.
This work can help students studying Chinese in mastering the syntax of the Chinese language.

Keywords: Chinese language, vocabulary, synonyms, similar words, popular.

Богданова Надежда Андреевна
кандидат исторических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (г. Москва)
nad973@yandex.ru
Солнцева Елена Георгиевна
кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (г. Москва)
solntseva-elena@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности синонимов и близких по смыслу слов китайского языка. В работе приводятся примеры (с переводом), с помощью которых авторы объясняют выбор слова «популярный» при переводе на китайский язык
Материалом для исследования послужили работы китайских, советских и российских лингвистов, а также материалы китайских СМИ.
Данная работа может помочь студентам, изучающим китайский язык в освоении синтаксиса китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, лексика, синонимы, близкие по смыслу слова, популярный.

Введение

Китайский язык – древний язык, письменность которого практически осталась неизменной. Однако за многотысячную эпоху развития в нем появились слова близкие по смыслу. Чтобы перевод был стилистически верным, необходимо сделать правильный выбор слов из группы синонимов, поскольку каждое «слово имеет определенный оттенок и свою сферу» [1] . Например, при переводе русского слова «выбирать» необходимо обратить внимание на дополнение, следующее за ним. То есть нужно понимать в каком контексте употребляется данный глагол: если выбирать «книгу», то используют глагол **选**(xuǎn): **选**一本书看看 (выбрать книгу для чтения), «профессию», тогда – **选定**(xuǎndìng):**选定**职业, когда путем голосования выбирают представителя, делегата , то **选举**(xuǎnjǔ):**选举**代表, а для выбора кандидата из списка существует **推举** (tuījǔ) :**推举**候选人,если « рыболовную сеть», в значении «вынимать, вытягивать», то необходимо использовать глагол **拉**(lā- тянуть) и модификатор, указывающий на подъем **起**(qǐ-поднимать): **拉起**网 – выбрать сеть из воды.

Для студентов, изучающих китайский язык, верный подбор слов часто становится большой проблемой. Рассмотрим сложность при переводе словосочетаний с лексемой «популярный». Если в русском языке популярным может быть человек, фильм, товар и т.п. или студент может заинтересоваться популярной профессией, то в китайском языке выбор для перевода верного слова зависит от дополнения. То есть при переводе на китайский язык необходимо изучить каждый случай в отдельности, потому что в современном языке существует несколько синонимов слова «популярный», но с особенностями употребления.

Рассмотрим варианты перевода слова “популярный” на китайский язык: 受欢迎shòu huānyíng、得人心dé rénxīn、热传rèchuán、热门rèmén、风行【的】fēngxíng (de)、流行【的】liúxíng. В результате исследования были выявлены три пары слов близких по значению, а именно: 受欢迎 и得人心, 热传 и热门 (с общим компонентом -热), 风行и流行 (с общим компонентом -行).

受欢迎 и 得人心

Обычно, когда речь идет о популярном человеке, артисте или личности, то употребляют 受欢迎, 得人心. При этом оба слова могут выступать в качестве как определения к существительному, так и сказуемого (в зависимости от местоположения в предложении).

受欢迎(shòu huānyíng) состоит из глагола 受 (shòu-получать) и словосочетания 欢迎 (huānyíng - добро пожаловать, одобрять, одобрение), дословно можно перевести, как «получивший одобрение», то есть «желанный, популярный». Например:
受欢迎的歌手- популярный певец;
他大**受欢迎** – он чрезвычайно популярен;
这位作家大**受欢迎** – этот писатель пользуется большой популярностью.

В первом примере受欢迎 является определением к слову 歌手(«певец»), во втором и третьем – это сказуемое.

Однако в последнее время, особенно в СМИ, 受欢迎 может употребляться не только в связи с популярностью субъекта, но и объекта, например, в сочетании «популярный музей»: 湖南省博物馆上榜 "国内十大**受欢迎**博物馆" (Хунаньский провинциальный музей входит в десятку самых популярных музеев Китая) [6].

Или в статье, которая вышла с заголовком: 疫情期间，日本卡拉OK厅改成单人健身房大**受欢迎** (Во время эпидемии японский караоке-холл превратился в единый спортзал и пользовался большой популярностью), где популярностью пользуется бывший зал для караоке [7].

В заглавии к фотоотчету о выставке интересных поделок из дерева диковинных зверей и птиц, проходившей в музее провинции Хубей говорится о популярности «милых» деревянных питомцев ("萌宠"宝贝**受欢迎**). Фото - заметка заканчивается фразой 深受人们欢迎 (чрезвычайно популярны) [8].

Иногда 受欢迎 «разбивается» на 受и欢迎, а между ними занимает место некий субъект, для которого что-то или кто-то является популярным. Например, 文学类最**受**读者**欢迎** – этот вид литературы самый популярный у читателей, 受人**欢迎**的演员 – популярный (для людей) артист. Из примеров видно, что между 受 и欢迎 стоят 读者 (dúzhě –читатель) и 人 (rén – человек, люди), для которых популярными являются: в первом случае литература, а во втором – артист . **不受欢迎** – отрицательное значение « непопулярный, нежелательный». Может употребляться как по отношению к человеку, так и в абстрактном понятии. Например:

客人**不受欢迎** - нежелательный гость; быть не ко двору
不受欢迎的人 - персона нон грата (дип.);
不受欢迎干涉 - непрошеное вмешательство.

Однако в китайских новостях за 2020 -2022 гг. авторам удалось найти **不受欢迎** только в значении «персона нон грата», как например, в новости от 26.02.2021 欧盟宣布委内瑞拉驻欧盟使团团长"不受欢迎" (ЕС объявил главу миссии Венесуэлы «персоной нон грата») [9].

得人心(dé rénxīn – завоевать сердца людей, быть популярным) так же как **受欢迎** состоит из глагола 得 (получать) и словосочетания 人心(симпатия) и имеет дословный перевод "получить симпатию". Так же как受欢迎 оно (**得人心**) может занимать место сказуемого или определения, но его нельзя разделить.

得人心者得天下,得人气者得财气。- Тот, кто завоевывает сердца людей, завоевывает мир, а тот, кто завоевывает популярность, получает богатство.

他很**得人心** – он очень популярный человек, он человек, пользующийся большой популярностью.

Однако часто данное слово употребляется в негативном значении (不得人心 – непопулярный).

Например:
不得人心 – непопулярный.

他上任没几天，就成了公司里最**不得人心**的人。- Через несколько дней после вступления в должность, он стал самым непопулярным человеком в компании.

Выражение不得人心 может быть отнесено не только к человеку. Так в газете «Жэньминь жибао» от 27.04.2021 есть такой заголовок к статье "强权霸凌**不得人心**" *(Применение силы и психологическая травля, буллинг, непопулярны) [10].*

В той же газете от 24.05.2022 года можно прочитать " 破坏和平的举动永远**不得人心**" (нарушение мира никогда не будет популярным) *[11].*

Как видно из приведенных выше примеров, в паре **受欢迎 и 得人心** в повествовательном или положительном контексте в значении «популярный» чаще употребляется 受欢迎. А его синоним в сочетании с отрицанием «**不**» служит для выражения негативной оценки происходящего, «непопулярный» **不得人心.**

热传 и 热门

Данные слова являются синонимами с общим компонентом **热** (теплый, горячий), на русский язык они могут быть переведены как «популярный» в значении «горячий». Например, в русском языке есть выражение «популярный слух» или «популярный рейтинг», в китайском языке и слух, и рейтинг будут «горячими». Поэтому для обозначения «популярных» в значении «жареных, горячих» фактов, рейтингов, мест отдыха, новостей, слухов и т.д. используют**热传 и热门**.

热传 (rèchuán) - пользоваться популярностью, набирать обороты, иметь успех, идти на ура. Это довольно «новое» прилагательное пришло из технической лексикии означает «тепло проводимость». Данный двуслог возник из сочетания слов 热 (rè – тепло) и 传 (chuán – зд. проводить). В настоящее время слово используется в переносном значении «пользоваться популярностью»:

在网上**热传**- набирать обороты в Сети, становиться популярным в Сети;
热传谣言 – популярные (горячие) слухи;
在微信朋友圈中**热传**的消息 новость, популярная в WeChat;

热门(rèmén) – популярный, ходовой, модный, актуальный. Это прилагательное широко применяется в современном китайском языке. Современную трактовку

слова 热门 можно прочитать на китайском сайте словарей " 网络用语":

热门是网络用语，比喻兴盛的、吸引人注意力的事物，如**热门**商品。现引申到网络，比喻在网络上引起人们很大关注、兴趣的事件（物），如新闻信息、帖子、电影、事件等 / Тренд/ популярный — это интернет-термин, который относится к чему-то, что процветает и привлекает внимание, например к популярному предмету. Теперь оно распространено на сеть, которая является метафорой событий (вещей), вызывающих большое внимание и интерес людей в Интернете, таких как новостная информация, посты, фильмы, события и т. д. [12].

热门排行 – популярный рейтинг (новостей)

热门появляется не только в Сети, но и в СМИ, например, в заголовке статьи 就地"寻年味"成**热门** (Здесь «Канун Нового года» становится популярным), а также несколько раз встречается в самой статье.

同程旅行数据显示，北京什刹海户外冰场开放后，什刹海旅游热度迅速登上全国**热门**景区第二名。(Те же данные о поездке показывают, что после открытия катка под открытым небом Шичахай в Пекине туристическая популярность Шичахай быстро заняла второе место среди популярных живописных мест страны). 本地寻年味成为春节新**热门** (Теперь и канун Праздника Весны стал популярным) [13].

Приведем устойчивые выражения, которые могут пригодиться при переводе:

热门货 - товар, пользующийся огромным спросом;
热门话题 – популярная, модная тема;
热门线路- популярное направления (в туризме);
热门公园 – популярный парк;
热门学科换榜 – список популярных предметов;
热门榜单的专业 – список популярных специальностей.

Таким образом, можно сказать, что 热传 используется для обозначения популярности чего-либо в интернет-пространстве, а 热门 имеет более широкую область употребления.

风行 и流行

Следующая пара прилагательных 风行 и 流行 также имеет общий компонент 行, который можно перевести как "продвигать, движение"

风行 (fēngxíng) состоит из сочетания лексем 风 (fēng-ветер) и 行(xíng -распространяться, движение) и означает быстро распространяться, получать широкое распространение, входить в моду. Приведем пример употребления данного слова в значении "популярный" . В заголовке статьи 关岭召开"黔货出山·**风行**天下"夏秋攻势工作部署会, посвященной планам развития на лето и осень известной марки 黔货出山(Цяньхочушань) , **风行**天下 переводится как быть популярным по всей Поднебесной (стране) [14].

Еще один пример употребления 风行 мы можем прочитать в заголовке статьи о возросшей после пандемии популярности велосипедного движения 骑行运动正**风行**："一车难求"，攻略不只有风景[15].

Однако, нужно знать, что **风行乳业** нельзя перевести как "популярная молочная промышленность" или 南沙扬翔**风行**食品 - популярная еда из Наньши, так как 风行 здесь является названием торговой марки.

Слово 风行 может образовывать словосочетания со словами "журнал", "фильм" и т.п. Например, в статье о фестивале популярных фильмов провинции Гуаньсу , прошедшем в Пекине (甘肃风行电影作品研讨会在京召开) [16] , 风行电影 имеет значение "популярный фильм".

Заголовок статьи 萧县："讲礼"**风行**校园 (Уезд Сяо: В кампусах очень популярно "обучение этикету") [17] .

В официальной лексике 风行, хотя и может иметь значение "популярный", но не всегда так переводится. Например, в лозунге курса КПК,направленном на "очищение" и "честность" культуры: 让廉洁文化风行 让清风正气充盈, фраза 让廉洁文化风行 будет переводится как "Да здравствует торжество честной культуры!" [18].

Изначально слово **流行** употреблялось в прямом значении "течь, течение", так как двуслог состоит из 流 (liú - поток) и 行 (xíng - движение). Сейчас данное слово можно встретить в значении "модный, популярный, распространенный".

流行 чаще всего употребляется со словами "течение, фасон, направление, песня, музыка, мелодия, поэма, стихотворение и т.п. Например, в газете "Жэньминь жибао" вышла статья с заголовком 南宋时期**流行**的"南戏"是什么 ? (Какой была популярная «Южная опера» во времена династии Южная Сун?) [19].

А в статье "内地**流行**元素在香港广受青睐 " (Что популярно на материке популярно и в Гонконге), говорится о популярном у молодежи Гонконга движении побывать в местах, которые посещали интернет - знаменитости, "зачекиниться" и "выложить свое фото в социальную сеть" [20].

Приведем устойчивые выражения, которые могут пригодиться при переводе:

流行风气 - модное течение; мода;
流行的式样 – модное течение;
这首诗在当时十分流行。- Эта поэма тогда была очень популярна;
这首歌正在广泛流行开来。– Эта песня сейчас очень популярна.

После 2020 г. в СМИ широко используется словосо-

четание **大流行** в значении **流行病** "эпидемия". Поэтому при переводе нужно быть предельно внимательными и не перевести 流行病 как "модную болезнь", что может вызвать недоумение у собеседника.

Таким образом в паре 风行 и 流行 слово 风行 употребляется для обозначения популярности какого - либо движения, а 流行 применяется , когда речь идет о популярном направлении в музыке, поэзии и т.п.

Заключение

Итак, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. При переводе слова "популярный" на китайский язык необходимо рассматривать каждый случай в отдельности. Особое внимание при переводе следует уделять дополнению.
2. Необходимо различать близкие по смыслу слова. Несмотря на то, что слова являются практически синонимами, область их употребления различна.
3. Следует помнить, что некоторые слова со значением "популярный" могут употребляться как сленг （热传）, некоторые -в официальной лексике （风行）.

Проведенное исследование поможет студентам, изучающим китайский язык, в усовершенствовать переводческие навыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013.272 с.
2. «Жэньминь жибао» http://www.people.com.cn/ (дата обращения 09.08.2022)
3. Сайт информационного агентства «Синьхуа» http://www.news.cn/ (дата обращения о9.08.2022)
4. Китайско- русский словарь. Шанхай, 2004. 1250 с.
5. 新词语词典.北京：商务印书馆国际有限公司，2005. 1053 页. / Словарь современных слов. Пекин, 2005. 1250 с.
6. 龙文泱 刘涛. 湖南省博物馆上榜"国内十大受欢迎博物馆. Лун Вэньян, Лю Тао. Хунаньский провинциальный музей входит в десятку самых популярных музеев Китая. 19.05.2022. http://hn.people.com.cn/n2/2022/0519/c195194-35275659.html . (дата обращения 16.09.2022).
7. 王晓言. 疫情期间，日本卡拉OK厅改成单人健身房大受欢迎. Ван Сяоянь. Во время эпидемии японский караоке-холл превратился в единый спортзал и пользовался большой популярностью. 07.04.2022. http://japan.people.com.cn/n1/2022/0407/c35421-32393374.html. (дата обращения 15.10.2022).
8. 王连香、李楠桦. 湖北省博物馆："萌宠"宝贝受欢迎. 16.05.2022. Ван Ляньсян, Ли Наньхуа. Провинциальный музей Хубэй: "Милый питомец» пользуется популярностью. 16.05.2022. http://ent.people.com.cn/n1/2022/0516/c1012-32422224.html. (дата обращения 09.10.2022).
9. 欧盟宣布委内瑞拉驻欧盟使团团长"不受欢迎". 26.02.2021. ЕС объявил главу миссии Венесуэлы «персоной нон грата». 26.02.2021. http://www.xinhuanet.com/world/2021-02/26/c_1127141979.htm. (дата обращения 09.09.2022).
10. 谢亚宏. 强权霸凌不得人心. 27.04.2021. Се Яхун. Применение силы и психологическая травля непопулярны.27.04.2021. http://sh.people.com.cn/n2/2021/0427/c138654-34697780.html. (дата обращения 11.09.2022).
11. 杨光　姜俏梅. 破坏和平的举动永远不得人. Ян Гуан Цзян Цяомэй. Нарушение мира никогда не будет популярным. 24.05.2022. http://world.people.com.cn/n1/2022/0524/c1002-32429092.html. (дата обращения 16.09.2022).
12. 热门. 网络用语. Горячий. Интернет-идиомы. https://baike.baidu.com/item/热门/19453648?fr=aladdin. (дата обращения 16.09.2022).
13. 赵 珊. 本地寻年味成为春节新热门. 28.01.2022. Чжао Шань. Теперь и канун Праздника Весны стал популярным 28.01.2022. http://health.people.com.cn/n1/2022/0128/c14739-32342057.html. (дата обращения 16.09.2022).
14. 郜林筱、陈康清. 关岭召开"黔货出山•风行天下"夏秋攻势工作部署会.Гао Линьсяо , Чэнь Канцин. В Гуаньлине прошло рабочее совещание, посвященное расширению ассортимента летнего и осеннего сезона популярной марки "Цяньхочушань, популярна в Поднебесной". http://gz.people.com.cn/n2/2020/1102/c392003-34388954.html (дата обращения 30.10.2022)
15. 赵竹青、陈键. 骑行运动正风行："一车难求"，攻略不只有风景. Чжао Чжуцин, Чэнь Цзянь. Велоспорт популярен: «Одну машину сложно найти», стратегия — это не только декорации. http://ent.people.com.cn/n1/2022/0813/c1012-32501744.html (дата обращения 30.10.2022)
16. 杜佳妮、丁涛 . 甘肃风行电影作品研讨会在京召开. Ду Цзяни, Дин Тао. Семинар по популярным фильмам провинции Ганьсу прошел в Пекине. http://culture.people.com.cn/n1/2019/1227/c1013-31526537.html (дата обращения 29 .10.2022)
17. 黄艳、张磊. 萧县："讲礼"风行校园 . Хуан Янь, Чжан Лэй. Уезд Сяо: В кампусах очень популярно "обучение этикету". http://ah.people.com.cn/n2/2021/1206/c374164-35037911.html (дата обращения 28.10.2022)
18. 彭静、王欲然. 让廉洁文化风行 让清风正气充盈（深度关注•新时代廉洁文化建设在基层③）. Пусть торжествует культура честности! Пусть ветер будет попутным! (Пристальное внимание уделяется построению чистой культуры в новую эпоху происходит на низовом уровне ③). Пэн Цзин, Ван Юйжань. http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0614/c64387-32445540.html (дата обращения 20.10.2022)
19. 孙鹏、康梦琦 . 南宋时期流行的"南戏"是什么？Сунь Пэн, Кан Мэнци. Какой была популярная «Южная опера» во времена династии Южная Сун? http://zj.people.com.cn/n2/2022/0426/c186327-35241886.html (дата обращения 16.10.2022)
20. 陆芸 郑欣 . 萧县："讲礼"风行校园. Лу Юнь Чжэн Синь. Что популярно на материке популярно и в Гонконге. http://hm.people.com.cn/n1/2022/0616/c42272-32448038.html (дата обращения 30.10.2022).

© Богданова Надежда Андреевна (nad973@yandex.ru), Солнцева Елена Георгиевна (solntseva-elena@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.09

ВИТАЛЬНОСТЬ ОСЕТИНСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

THE VITALITY OF OSSETIAN CHILDREN'S LITERATURE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

A. Britaeva

Summary: The article is devoted to the current state and topical issues of Ossetian children's literature. The purpose of the study is to formulate problems that hinder the development of Ossetian children's literature and identify ways to solve them. The paper focuses on the problem of reading in the era of digitalization and the situation with the native language. The scientific novelty of the work is due to insufficient research on the history and problems of Ossetian children's literature. For the first time, the problems of its development, which were previously verbally voiced by us in the media (on regional television), in a speech at a Round table in the Union of Writers of North Ossetia and in reports at conferences (International Scientific Conference of IMLI RAS «Folklore and Literary traditions: yesterday, today, tomorrow» (g Moscow, 28.11.2022) and the International School-Conference of Young Scientists «Modern problems of humanities» (Vladikavkaz, 23. 06.2022)) As a result of the research undertaken.

Keywords: Ossetian children's literature, problems of children's literature, vitality, the era of digitalization, children's reading.

Бритаева Анжела Борисовна
кандидат филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
angelikabb@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена современному состоянию и актуальным вопросам осетинской детской литературы. Цель исследования – сформулировать проблемы, препятствующие развитию осетинской детской литературы и обозначить пути их решения. В работе основное внимание акцентируется на проблеме чтения в эпоху цифровизации и ситуации с родным языком. Научная новизна работы обусловлена недостаточной исследованностью истории и проблем осетинской детской литературы. Впервые осмыслены и обобщены проблемы ее развития, которые ранее устно были озвучены нами в средствах массовой информации (в эфире регионального телевидения), в выступлении на Круглом столе в Союзе писателей Северной Осетии и в докладах на конференциях (Международная научная конференция ИМЛИ РАН «Фольклорные и литературные традиции: вчера, сегодня, завтра» (г Москва, 28.11.2022) и Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» (г. Владикавказ, 23. 06.2022)) В результате предпринятого исследования аргументируется, что решение озвученных проблем невозможно без поднятия статуса родного языка, как на государственном уровне, так и как средства внутрисемейного общения. Кроме того, на всероссийском уровне необходимо принимать меры для поддержки и развития чтения. Вкупе озвученные пути решения проблем, несомненно, позитивно скажутся на развитии национальных литератур.

Ключевые слова: осетинская детская литература, проблемы детской литературы, витальность, эпоха цифровизации, детское чтение.

Актуальность данной работы обусловлена современными реалиями, сложившимся критическим положением осетинской детской литературы, которая как часть общелитературного процесса являлась и продолжает быть зеркалом общественной жизни, исторических и социальных событий той или иной эпохи. Традиция формирования ценностной системы унаследована ею от фольклора и классики осетинской литературы. Фольклор стал источником первых литературных опытов в осетинской детской литературе, он и сегодня питает ее: современные писатели вновь и вновь обращаются к нему в своих произведениях: в отдельных сюжетах, мотивах, переосмыслении типов героев и т.д. Например, «Нартиада, несмотря на разноуровневость обращения к ней писателей в те или иные временные отрезки, была и останется фундаментальным и непрерывным источником развития осетинской литературы, в которой, как полагаем, вершиной взаимодействия двух эстетических систем безоговорочно надлежит признать зарождение романа-мифа», – пишет литературовед Мамиева И.В. (Мамиева, 2021, с. 112)

Примером творческого использования фольклорного материала являются произведения К. Хетагурова, С. Бритаева, Д. Дарчиева, И. Джанаева (Нигера), М. Цагараева, Б. Муртазова, А. Царукаева, З. Дзуцевой и многих других. Роль литературы в формировании личности подростка велика. Однако сейчас, в эпоху интернета, эта роль минимизирована, а если говорить о национальных литературах, практически сведена к нулю.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих задач: охарактеризовать условия и процесс становления осетинской детской литературы; охарактеризовать процессы, формирующие развитие современной национальной детской словесности; установить причинно-следственную связь между современным состоянием национальной литературы, культуры и происходящими в современном мире процессами глобализации, а также определить тесную и нерушимую связь осетинской литературы с осетинским языком.

С опорой на культурно-исторический метод да-

ется оценка становления и путей развития осетинской детской литературы, а дескриптивный метод позволил выявить ключевые моменты в определении современного состояния и проблем, стоящих перед осетинской детской литературой.

Материалом исследования послужили следующие издания: 1. Аргъау-биргъау: Нырыккон ирон аргъæуттæ (Жил да был... Современные осетинские сказки). Дзæуджыхъæу: Ир, 2019; 2. Аргъау-биргъау: Нырыккон ирон аргъæуттæ (Жил да был... Современные осетинские сказки). Дзæуджыхъæу: Ир, 2020; 3. Урс бæх (Белая лошадь) Т. Т. Дзабаевой-Кесаоновой. Владикавказ, 2011; Хуры уазæг (Гость солнца) Б.К. Бурнацева. Владикавказ: Ир, 2014 и др.

Теоретической базой исследования послужили литературоведческие работы, посвященные теории и истории детской литературы. Среди них: «Детская литература» И.Н. Арзамасцевой и С.А Николаевой (Арзамасцева, Николаева, 2001), рассматривающие процесс развития русской детской литературы в диахроническом аспекте; исследование Е.М. Неелова о волшебных корнях научной фантастики (Неёлов, 1986); труды Л.В. Овчинниковой, посвященные исследованию русской литературной сказки XX в., в которых определены истоки формирования и особенности поэтики авторской сказки, исследован художественный мир отдельных писателей (Овчинникова, 2000, 2003) и др.

Практическая значимость исследования заключатся в том, что оно может быть использовано в практике преподавания курса «Осетинская детская литература», а также в разработке региональных программ по поддержке и развитию детского чтения.

Становление и развитие детской литературы – процесс неоднородный и сравнительно молодой. Н.М. Демурова в сравнении со «взрослой» литературой определяет его как «запаздывание» и пишет о «вторичности, зависимости пути и методов эволюции детской литературы внутри общей» (Демурова, 1980, с. 32). Достаточно поздно стали говорить о том, что ребёнку нужно преподносить материал иначе, чем взрослому. Поскольку осетинская детская литература зародилась в сложную переломную эпоху – революции, мировая и гражданская войны, строительство нового общества, то зачастую общечеловеческие ценности, гуманистические идеалы были заменены классовыми, идеология доминировала. Большинство произведений были излишне дидактичны, открыто назидательны, что, несомненно, противоречило лучшим принципам детской литературы, как то: учет возрастных особенностей и возможностей восприятия читателя, ориентированность на развитие эстетического сознания ребенка, формирование его мировоззрения, скрытая назидательность и т.д. Однако нельзя не отметить, что и в период становления осетинской литературы (первая половина XX в.) появлялись произведения, по сей день остающиеся хрестоматийными.

Своего расцвета осетинская детская литература достигла к 60-м – началу 80-х гг. XX в. На передний план выходит природоведческая литература, поднимаются темы экологии, становления личности ребенка, нравственного выбора и т.д. Русская литература во все времена имела огромное влияние на развитие национальных литератур. Ранее мы говорили о традициях В. В. Бианки в осетинской детской литературе, рассматривалось и влияние традиций русской сказки на поэтическую систему жанра в ее историческом развитии (Бритаева, 2018).

Под влиянием традиций Н. Сладкова, М. Пришвина, В. Бианки, К. Паустовского появляются произведения В. Гаглоева, М. Купеева, А. Саламова, Ч. Айларова, М. Дзасохова, Б. Гурдзибеева и др., в которых принципы научности тесно переплетены с художественными: они познавательны, эмоциональны, оптимистичны, высоконравственны, пронизаны любовью ко всему живому, к родному краю. Осетинская детская литература второй половины XX века в лучших своих образцах – это прекрасный материал для развития и нравственного становления подрастающего поколения.

На современном этапе перед осетинской детской литературой стоит важная цель – выжить в условиях деградации языка и фольклорных традиций. А для этого нужно преодолеть стоящие перед ней проблемы, которые не носят локальный характер, они остро стоят и перед другими кавказскими, и не только кавказскими, детскими литературами. И одна из основных – проблема владения, а вернее, «невладения» родным языком. Проблема эта насущная, актуальная для многих народов.

Вторая проблема более глобального характера – снижение интереса к чтению вообще. Не секрет, что в эпоху цифровизации книга уступила свою позиции электронным гаджетам. «Социологические опросы жителей России начала XXI века (по данным 2000-2005 гг.) показывают, что значительно снизился интерес к чтению книг не только у школьников, но и среди тех категорий граждан, кто имеет высшее образование. Доля систематически читающей молодежи снизилась в России с 48% в 1991 г. до 28% в 2005 г. По результатам международных исследований PISA-2000, российские школьники заняли 27 место по чтению среди 32 стран мира» (Камалова, 2015, с. 2). К 2021 году результаты практически не изменились – 26 место (Там же).

По результатам этих же исследований установлено, что учащиеся средних образовательных школ России затрудняются назвать главную мысль прочитанного произведения, не умеют найти заданную информацию в не-

большом тексте, затрудняются определить последовательность событий в прочитанном тексте (Там же).

Говоря о пользе чтения и книг для современного человека, нельзя не вспомнить знаменитую фразу И. Бродского, сказанную им на вручении Нобелевской премии в 1987 году: «…существует преступление – пренебрежение книгами, их не чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это историей» (Бродский И. Нобелевская лекция. 2008. URL: http://noblit.ru/node/1338). Данное высказывание как нельзя лучше описывает современную действительность и раскрывает значение чтения не только для отдельного человека, но и для общества в целом. Как компьютерная зависимость отрицательно влияет на развитие человека, так чтение оказывает положительный эффект на формирование лучших качеств личности, развитие её мышления и мировоззрения.

Еще одна острая проблема – это то, что авторы не имеют возможности издавать свои произведения. По результатам общения с североосетинским писательским цехом (Г. Агнаев, М. Дзасохов, З. Дзуцева и др.), некоторые книги уже более 10 лет лежат в столе издательств. Издание детских книг не финансируется региональными государственными программами. То малое, что все-таки издается в Осетии, издается за счет самих авторов или при финансовой поддержке спонсоров, которых удается найти автору. Естественно, что в таких условиях развитие детской литературы практически законсервировано. Еще один момент – это острый и болезненный вопрос снабжения библиотек новыми книгами. Это проблема, требующая государственной поддержки.

В настоящее время, в отличие от национального, мировой и российский рыночный сегмент литературы для детей и подростков признан одним из самых быстроразвивающихся. Новинки поступают в продажу регулярно. Современному читателю-ребенку трудно ориентироваться в таком многообразии, поскольку рынок перенасыщен литературой. Переиздание сказок, произведений классиков – это зачастую вольный и не лучшего качества пересказ содержания этих произведений. То есть у ребенка практически нет возможности почувствовать «вкус» языка автора, ощутить его богатство и неповторимость.

Осетинскую литературу эта участь «больших» литератур масштабно не затронула до настоящего времени. Хотя, справедливости ради надо отметить, что проблема эта уже стала проникать в пространство осетинского книгоиздательства.

Все вышеперечисленное – это проблемы, трудности осетинской детской литературы на современном этапе. А тема настоящей статьи «Витальность в эпоху цифровизации», а это значит жизнеспособность. Рассмотрим, как она выживает и развивается в современных реалиях.

Современная осетинская детская литература продолжает традиции детской литературы XX века. В годы перестройки и постперестроечное время наблюдался некоторый застой в осетинском детском книгоиздании. Лишь изредка в журнале «Ногдзау» появлялись новые произведения, новые имена. С 2000-х гг. наблюдается некоторый подъем, появляются новые книги – это сборники произведений П.С. Урумова, Г.А. Агнаева, З.Н. Дауровой-Слановой, М.А. Хозиева, Э.Б. Скодтаева, А.Ш. Балаева, А.Д. Будаева, М.А. Будаевой, Б.К. Бурнацева, Д.К. Каурова, Т.Т. Дзабаевой, К.Т. Джимиевой-Кантемировой, А.А. Батырова, Э.С. Хохойти, Ф.С. Хохойти и др. Но, как отмечалось выше, книги издаются без государственной поддержки, на личные средства авторов.

Появляются и развиваются новые жанры. Наиболее интересным культурным явлением в детской литературе XXI века, как отечественной, так и зарубежной, является «фэнтэзи». К этому жанру относятся произведения, в которых приключенческий сюжет разворачивается в чуждых нам времени и пространстве. И в осетинской детской литературе появилось произведение, написанное в жанре «фэнтези» и в то же время, возвращающее нас к истокам – нартовскому эпосу. Сказка А. Батырова «Приключения Солнечной девочки нартов» (Владикавказ: Ир, 2007. 72 с.) – это произведение, отображающее и индивидуально-авторскую картину мира, и национальную, и их взаимодействие, а через национальное оно выходит на просторы общечеловеческих ценностей и ориентиров. Сказка привлекает к себе внимание новизной сюжета, многослойностью: в процессе ее рассмотрения раскрываются все новые и новые смыслы, заложенные в нее автором. Ранее мы обращались к ней: рассматривали параллели с нартовским эпосом, образную систему, пространственно-временную организацию. И произведение это было определено нами как «новая модель, условная структура миропорядка, созданная писателем на основе синтеза традиционных элементов осетинской нартовского эпоса и осмысления современной ему действительности на базе различных идейно-эстетических позиций; как качественно новый этап в развитии осетинской литературной сказки», художественный мир которой заслуживает особого внимания (Бритаева, 2009, с. 75-76)

В развитии литературы на различных ее этапах большую роль играет и переводная литература. В эпоху становления осетинской детской литературы переводная литература сыграла немаловажную роль. «Являясь одной из активных форм литературного контактирования, художественный перевод сыграл огромную роль в национально-культурном развитии любого народа», – пишет Е.Б. Дзапарова, занимающаяся вопросами перевода в осетинской литературе (Сахлабад, Дзапарова, с. 114). В

последние годы на осетинский язык переведены «Приключения барона Мюнхгаузена» Рудольфа Эриха Распе, «Приключения Чипполино Джанни Родари», «Малыш и Карлсон» Астрид Линдгрен, рассказы Эрнеста Сетона-Томпсона, «Мэри Поппинс» Памелы Трэверс, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, Рассказы Валентина Распутина, «Крокодил Гена и его друзья» Эдуарда Успенского (в переводе М. Дзасохова) «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери (в переводе Т.Т. Камболова и И. Астемировой) и мн. др. «В процессе становления и развития национальных литератур происходит непрерывное взаимное общение и взаимовлияние. В ходе литературной коммуникации осуществляется обмен лучшими достижениями писателей, а также демонстрируются художественные возможности передовых литератур. Необходимость изучения межлитературных связей диктуется современными социально-политическими и культурно-историческими реалиями» (Там же, с. 113-114).

Под детской литературой принято понимать: 1. произведения, специально написанные для детей; 2. произведения, изначально адресованные взрослому читателю, но вошедшие в круг детского чтения; 3. произведения, написанные самими детьми. Последние не систематизировались никогда, не анализировались. Долгие годы в журнале «Ногдзау» практиковали рубрику «Проба пера». Однако, последние годы, со сменой руководства, эта рубрика стала превалировать – практически перестали публиковать произведения профессиональных литераторов, предпочтение отдается творчеству детей. Делается это, очевидно, с целью возродить интерес к журналу, популяризировать его в детской среде. Но, на наш взгляд, в этом деле хорошо придерживаться «золотой середины» и не пренебрегать профессиональным художественным словом, которое направляет, формирует художественный вкус.

Комитет РСО-Алания по делам молодежи организовал конкурс на лучшую авторскую сказку на осетинском языке. Результат – издание книги «Жил да был: Современные осетинские сказки» в 2-х частях (2019, 2020). Конечно, далеко не все вошедшие в книгу сказки представляют художественную ценность. Но это реальные шаги по сохранению родного языка, развитию родной литературы. В 2014 году вышел библиографический указатель «Осетинская детская литература» (Кочиева, 2014), являющийся неоценимым подарком для исследователей, учителей, а также широкого круга читателей.

В развитии детской литературы, в формировании национального самосознания подрастающего поколения важна роль периодических изданий. Они способствуют творческой реализации как профессиональных писателей, так и пишущих читателей. В Северной Осетии это журналы «Ногдзау», «Барсик», в Южной Осетии – «Хуры тынтæ» («Солнечные лучи»). Журналы, как и осетинское книжное издательство, переживают не лучшие свои времена: сказывается отсутствие государственной поддержки, финансирования, порой вызывает недоумение и редакторская политика отдельных изданий.

Время, достижения цивилизации вносят свои изменения в жизнь, временами не самые позитивные. Нужно адаптироваться к новым реалиям, научиться обращать их на пользу литературе, культуре, обществу. Есть надежда, что осетинской детской литературе удастся пройти трудности с наименьшими потерями. Современность такова, что среди подрастающего поколения все большую популярность приобретают электронные книги. И как ответ на этот спрос – появление приложения «Ирон чиныг» («Осетинская книга»), который периодически обогащается новыми книгами и именами. Кроме того, появились сайты, которые оцифровывают для детей как фольклорные произведения, так и авторские: Это сайты и страницы в соцсетях: «Бæрзæфцæг», «Говорите по-осетински», «Осетины» и др.

Заключение

Обобщая исследование приходим к выводам, что в своем становлении и развитии осетинская детская литература прошла те же этапы, что и литература «взрослая», но с некоторым «запозданием». Осетинская детская литература в лучших своих образцах развивалась под влиянием традиций русской детской литературы. На современном этапе она продолжает свое развитие: появляются, хотя и с большими проблемами (преимущественно материальными) новые книги, переводятся на осетинский язык произведения классиков русской и зарубежной детской литературы, развиваются новые для осетинской литературы жанры (фэнтези). Однако процесс развития сталкивается с объективными преградами – процессы глобализации не лучшим образом сказываются на развитии национальной словесности. Основная причина сложившейся ситуации кроется в деградации осетинского языка, как и большинства национальных языков, которая, в свою очередь, является результатом несостоятельной языковой политики. С процессом глобализации и цифровизации тесно связана проблема детского чтения, которая затронула всю литературу в целом.

Главный путь для выхода из сложившейся ситуации, наравне с претворением в жизнь положений Программы поддержки и развития чтения, как нам видится, это подъем престижности, статусности родного языка, как на государственном уровне, так и внутрисемейном. Только при выполнении этих условий можно говорить о перспективах дальнейшего развития осетинской детской литературы. Кроме того, сделаны выводы о том, что развитие ее тесно связано с динамикой развития многонациональной литературы всей страны, с активными процессами взаимодействия и взаимообогащения, вхо-

дящих в это единство литератур.

В последние годы все больше внимания уделяется озвученным проблемам детской литературы, они глобального характера и присущи всем «большим», а в особенности «малым» литературам. Проблемам этим посвящаются научные конференции разного ранга: региональные, всероссийские, международные, принимаются государственные программы.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением современной осетинской детской литературы, с определением ее в качестве канала воспроизводства духовных ценностей народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература. М.: Изд. Центр «Академия», 2001.
2. Бритаева А.Б. О фольклорной основе литературной сказки (на материале сказки А. Батырова «Приключения Солнечной девочки нартов») // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2009. № 1. С. 73-78.
3. Бритаева А.Б. Традиции В.В. Бианки в творчестве осетинских детских писателей // Известия СОИГСИ. 2018. № 30 (69). С. 130-138.
4. Демурова Н.М. Английская детская литература 1740-1870 гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
5. Камалова Л.А. Проблема детского чтения в России. В кн.: Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики. Коллективная монография. Под ред. И.В. Андулян. Уфа, 2015. С. 58-80. URL:https://kpfu.ru/staff_files/F448415772/Glava_v_kollektivnoj_monografii.pdf
6. Мамиева И.В. Тема нартов в осетинской литературе // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41 (80). С.101-115.
7. Национальная программа поддержки и развития чтения. Утверждена Премьер-министром РФ Дмитрием Медведевым (03.06.2017). URL: http://www.mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf
8. Неелов Е.М. Волшебно- фантастические корни научной фантастики. Л.: Изд. ЛГУ, 1986.
9. Овчинникова Л.В. Литературная сказка XX в. Мир – Герой – Автор. – Южно-Сахалинск: Издательство СахГу, 2000.
10. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003.
11. Осетинская детская литература: Библиографический указатель. Сост. К.М. Кочиева. Владикавказ, 2013.
12. Сахлабад З.С., Дзапарова Е.Б. Практика художественного перевода произведений М.Ю. Лермонтова на персидский и осетинский языки как форма межкультурных связей // Известия СОИГСИ. 2019. № 34 (73). С. 113-125.

© Бритаева Анжела Борисовна (angelikabb@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.10

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА В РФ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В.В. ПУТИНА)

Ван Жань
Аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва
wranran@yandex.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию особенностей репрезентации и контекстуальных компонентов инаугурационного дискурса одного из самых влиятельных политиков мира – российского президента В. В. Путина. Инаугурационный дискурс, будучи значимым политическим событием и важнейшей частью церемонии вступления в должность президента, обладает как лингвистическими, так и экстралингвистическими конститутивными факторами, способными оказывать воздействие на конструирование действительности с политической целью. Автор акцентирует внимание на специфике создания и функционирования доминирующих компонентов ситуации, эксплицирующихся посредством вербальных и невербальных средств, с целью выявления ключевых характеристик инаугурационного дискурса президента РФ.

Ключевые слова: политический дискурс, инаугурационный дискурс, контекстуальные компоненты, языковые средства, характеристики инаугурационного дискурса.

CONTEXTUAL CHARACTERISTICS OF THE INAUGURAL DISCOURSE IN RUSSIA (BASED ON V.V. PUTIN'S SPEECHES)

Wang Ran

Summary: This article is devoted to the study of the contextual components and features of the inaugural discourse delivered by the most influential politician in the world - Russian President V.V. Putin. Being an integral part of the ceremony for the newly elected president, a significant political event, the inaugural discourse has both linguistic and extralinguistic constitutive factors that can influence the construction of reality with a political goal. The author focuses on the specifics of the creation and functioning of the dominant components of the situation, depicted by means of verbal and non-verbal linguistic means, based on their own intention, and identifying the characteristics of the inaugural discourse of the President of the Russian Federation V.V. Putin.

Keywords: political discourse, inaugural discourse, contextual components, language tools, characteristics of the inaugural discourse.

Политический дискурс, являясь неким символическим носителем политической информации и инструментом политической коммуникации, используется в политической деятельности не только для социальной коммуникации или описания и отражения объективной реальности, но и для выполнения функции конструирования или реконструирования действительности. «Дискурс следует рассматривать как ряд событий, как политические события: через эти политические события он несет и власть, в свою очередь, контролируется властью сам дискурс» [1, с. 92]. Политический дискурс исходит из социальной власти, в то же время он сам является проявлением социальной власти и служит власти. В связи с этим политический дискурс отличается от общественного дискурса: по его содержанию можно судить о способах выражения политических взглядов для завоевания власти в конкретной социокультурно-исторической ситуации. По мнению ученых, дискурс – это текст «в ситуации реального общения» [2, с. 238], а также «взятый в событийном аспекте, существует в конкретной ситуации» [3, с. 136]. Дейк Т.А. Ван полагает, что изучение особенности контекста социальной ситуации или коммуникативного события важно для понимания дискурса [4]. В частности, поскольку политический дискурс характеризуется связанностью с реальностью, представим политический дискурс в особенном контексте, касающемся как исторического процесса, так и борьбы социальных сил.

Понятие *контекста*, предложенное прежде всего Брониславом Малиновским, подчеркивает взаимоотношения между языком и ситуацией. Последовательно под термином «контекст ситуации», введенным ученым, мы также понимаем внелингвистические факторы, которые состоят из «соответствующих социальных, интеллектуальных и эмоциональных отношений говорящего» [5, с. 312]. Помимо экстралингвистического контекста, Джон Руперт Ферс обратил внимание на *контекст в тексте*, он «переработал» понятие ситуационного контекста для того, чтобы приспособить его к целям языкового исследования. С точки зрения *элемента контекста* американский этнограф, социолингвист Делла Хаймс предложил модель ситуации, обобщил восемь контекстуальных компонентов, в которые включил обстановку, участников, цели коммуникации, последовательность действий, атмосферу происходящего, языковые средства, специфику норм и правил и жанровый состав [6, с. 55–62]. При учете таких контекстуальных компонентов глубже объясняется значение дискурса.

Как специфическая форма политическая дискурса,

инаугурационный дискурс имеет отличные от других видов дискурсивных практик контекстуальные особенности. Он своевременно и глубоко отражает господствующую философию и идеологию лидера, оказывает огромное влияние на общественное сознание слушателей: именно здесь демонстрируется новейший курс политики правительства и «заявляются» социальные изменения.

В.В. Путин за более чем 20-летний период, находясь в качестве российского лидера, выступал с инаугурационной речью всего 4 раза. Материалом для данного исследования послужили инаугурационные речи В.В. Путина, произнесенные в 2018, 2012, 2004 и 2000 годах. В данной статье при помощи указанной лингвистической концепции проводится анализ компонентов ситуации и демонстрируются характеристики инаугурационного дискурса В.В. Путина.

Проанализируем контекстуальный компонент «**обстановка** и **атмосфера»**, содержащий в себе информацию о месте, времени и иных обстоятельствах ситуации. Коммуникативная ситуация инаугурации разворачивается в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца, который представляет собой неизменное место для прохождения инаугурации президента в России. А вспомогательная коммуникационная сцена включает демонстрацию государственного флага и государственного герба. Кроме того, 7 мая становится определенным днем для прохождения инаугурации президента. Специфические факторы обстановки демонстрируют ритуальный характер инаугурационного дискурса и создают торжественную и доверительную атмосферу.

Андреевский зал был перестроен в советское время, и после реконструкции помещения он используется для торжественных встреч и мероприятий, в том числе заседаний Государственного совета, приёмов для выпускников военных вузов и встреч иностранных послов. В настоящее время Андреевский зал служит для значимых событий, включая инаугурацию президента. Этот зал имеет глубокую историю, символизирует высшую честь страны, а название также имеет оттенок верховной власти, поэтому неслучайно он и сегодня используется в церемонии вручения высшей власти страны. В самом начале процедуры в зал входят солдаты президентского полка, и они проносят государственный флаг России и штандарт президента, символизирующие верховную власть президента и авторитетность дискурса. Как известно, государственный флаг не всегда присутствует при выступлении президента, а только тогда, когда президент выступает с речью на особой торжественной церемонии или мероприятии. Именно эти символы, будучи невидимой визуальной силой, стимулируют уважение и патриотизм и подчеркивают знаменательность и ритуальность инаугурационного дискурса.

Кроме вышеуказанных невербальных средств, президент выступает с темпераментной речью, выраженной в наличии таких эксплицитных высказываний, как восклицательные предложения, в примере: «*Мы обязательно добьемся успеха! Верю, так и будет! Сделаю для этого все, что в моих силах!»,* так и побудительные предложения: «*И пусть любовь к Отечеству, все лучшее, что есть в человеке, вдохновляет каждого из нас на поиск, на самосовершенствование для личного успеха, для работы ради своей семьи, вдохновляет на общий, напряженный труд для благополучия родной страны*». Приподнято-торжественная тональность и размеренный ритм вызывают чувства и эмоции со стороны слушателя и придают выступлениям живость и эмоциональность.

Рассмотрим элемент контекста «**участники».** Адресантом является глава государства – президент РФ, в адресатов включаются как зрители на церемонии инаугурации, так и различные слои населения и профессиональные группы людей в России, иностранные государства и их представители, международные организации, телевидение и другие средства массовой информации. Инаугурация является не только требованием Конституции РФ, но и обязательством президента перед страной и гражданами. Таким образом, инаугурационный дискурс имеет преимущественно институциональный характер, и участники обладают устойчивостью и определенностью.

Несмотря на то, что адресант как индивидуум выступает с речью и принимает участие в коммуникации, на самом деле он выступает «лицом» определенного социального института, поскольку адресант в определенной степени «предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм» [7, с. 54]. В настоящее время политики предпочитают исполнить такие роль, как «народный заступник», «патриот», «поборник прав человека», «центрист» и т. д. [7, с. 53].

В инаугурационном дискурсе показателен выбор обращения к адресатам. Например, в 2012 и 2018 годах речь В. В. Путина начинается одинаковым приветствием *«Уважаемые граждане России!», «Дорогие друзья!»*, а в 2018 году добавляется *«Дамы и господа!»*. Лексема «гражданин» используется в значении «лицо, принадлежащее к населению данного государства, пользующееся всеми правами и исполняющее все обязанности, установленные законами государства» [8, с. 222], а также в значении «человек, служащий родине, народу, обществу, заботящийся об общественном благе» [9]. Такое обращение к слушателям вызывает чувства обязанности перед Россией и осознание сплочения. С одной стороны, как высший руководитель страны, президент является администратором страны и представителем власти страны, а аудитория, слушающая его выступление, – это народ страны

и участники дел страны. С другой стороны, президент также является членом страны, человеком с большим влиянием и личными характеристиками. Лексема «друг» способствует сокращению дистанции между спикером и аудиторией и созданию дружественного личного имиджа. Президент пытается не только установить авторитет лидера, но и отразить собственную близость и личную харизму, что придает дискурсивной инаугурационной практике как институциональные, так и личностные характеристики.

Обратимся к следующей составляющей ситуации – «**цель коммуникации**». Цели инаугурационного дискурса президента, новоизбранного лидера страны, заключаются, главным образом, в создании доверительного имиджа, завоевании общественной поддержки в решении внешних и внутренних государственных задач. «Политическая речь ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие, и диалогична по своей природе» [7, с. 61]. В таком случае (с целью эффективности реализации функции убеждения) инаугурационный дискурс через монолог демонстрирует диалогичность, что создается посредством таких языковых средств, как обращения, личные местоимения, призывы и др. Президент всегда ставит аудиторию на самое главное место, ведёт с ней равноправный диалог, старается усилить у аудитории чувство сопричастности к политической жизни, поднять энтузиазм народа к участию в строительстве стране. Использование местоимений интуитивно отражает диалогичность между политиками и аудиторией, а также социальную дистанцию между двумя сторонами. В инаугурационной речи местоимения разделяются на местоимение первого лица, представляющее адресанта, и местоимение второго лица, представляющее адресата. При этом местоимение, обозначающее говорящего, включает форму единственного числа «я» и форму множественного числа «мы», а личное местоимение адресата представлено только «вы».

Согласно нашей статистике, ***я*** используется всего 7 раз, ***мы*** – 51 и ***вы*** – 8 раз. Используя местоимение ***я***, В. В. Путин выражает свое отношение к другим адресатам и твердую точку зрения на события, в том числе благодарность сторонникам: «***Я*** *глубоко признателен вам за это*», а также комплименты предыдущему президенту: «**Я** вижу в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева» и собственную уверенность в будущем страны: «***Я*** *абсолютно уверен в том, что они нам по плечу, но только при вашем активном, прямом участии и при вашей поддержке*». По сравнению с ***я*** частость употребления ***мы*** гораздо выше, что выравнивает позицию адресанта и адресата и сокращает коммуникативную дистанцию между двумя сторонами, например: «*И только тогда наши потомки будут гордиться теми страницами, которые* ***мы с вами*** *впишем в биографию великой России*». С целью прохождения более эффективного диалога с аудиторией в процессе установления тесных связей Путин использует местоимение ***вы***: «*Сегодня я обращаюсь к* ***вам****, именно к* ***вам****, потому что* ***вы*** *доверили мне высший государственный пост в стране*».

За исключением стандартного использования обращения в начале инаугурационной речи, в процессе выступления президент также включает обращения с целью напоминания получателям о перемене темы. В 2000 и 2004 годах Путин использовал обращения «*Уважаемые граждане России*» в конце выступления для поддержания диалога с аудиторией, что способствует привлечению внимания аудитории к важности содержания, вызывает у аудитории эмоции и закладывает основу для следующего призыва. Когда речь меняется с одной темы на другую, адресат не всегда «успевает за мыслями» говорящего, так как с увеличением количества информации способность адресата к восприятию информации постепенно снижается, а появление обращения заставит получателя сосредоточиться на той части, которая говорящим акцентируется.

Перейдем к анализу **последовательности действий**. В исследуемом виде дискурса можно выделить вступление, главную часть и заключение: в главной части включены обещание, воспоминание о прошлом и обращение к предшествующему лидеру страны с благодарностью (кроме ситуации, когда В. В. Путин переизбран на следующий срок), настоящее внутреннее и международное положение, очередные задачи в будущем и выступление с призывами к гражданам. Подробно последовательность действий выражена на лексическом уровне, например, лексемы, выражающие прошлое время (*в предыдущие годы, прошедшие годы, наше прошлое, в 2000 году, в 1990-е и в начале 2000-х годов),* настоящее время *(сегодняшнее торжественное событие, настоящее России, сегодня, сейчас, в последние месяцы)* и будущее время *(ближайшее четырехлетие, общее будущее, ближайшие годы, будущее России)*. В указанных примерах эти лексические единицы способствуют описанию последовательности действий и установлению логики структуры выступления.

Вспоминая историческое прошлое, президент расставляет акценты на преемственности с прошлым, что способствует повышению национальной идентичности и гордости, укреплению духовной базы развития страны и тесной связи между народами и страной. Так, В.В. Путин упоминает о великой истории, оказывающей глубокое влияние на российский народ: «*Мы с вами – наследники тысячелетней России. Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов. Они оставили нам с вами в наследство огромную, великую державу. Наше прошлое, безусловно, придает нам силы*». Чаще всего употребляются глаголы настоящего времени, которые позволяют показать динамику происходящих событий,

обеспечивают информативность и доступность изложения для слушателей. Обращение к будущему в заключении речи располагает к тому, чтобы преисполнить уверенности адресатов в президенте и правительстве: «*У России великая история и не менее великое будущее. И мы будем работать с верой в душе, с искренними и чистыми помыслами*», «*И только тогда наши потомки будут гордиться теми страницами, которые мы с вами впишем в биографию великой России*». Неслучайно Дуглас Понтон отмечает, что убеждение является самой распространенной целью политического дискурса [10, с. 17].

В инаугурационном дискурсе немалое количество **языковых средств**, в том числе доминируют анафоры, параллельные конструкции и метафоры как приемы экспрессивности, которые служат целям усиления эмоциональности высказывания [11, с. 113].

Стилистический прием анафоры является распространенным приемом в конце инаугурационного дискурса. Этот прием не только способствует возможности выразить «пласты» президентской мысли, передает полные и накопленные эмоции, но и повышает динамику и иерархический характер выступления. «***Мы хотим и будем*** *жить в демократической стране, где у каждого есть свобода и простор для приложения таланта и труда, своих сил.* ***Мы хотим и будем*** *жить в успешной России, которую уважают в мире как надёжного, открытого, честного и предсказуемого партнёра»; «****Я верю в силу*** *наших общих целей и идеалов,* ***в силу*** *нашей решимости преобразить страну,* ***в силу*** *объединённых действий граждан, в наше общее стремление к свободе, к правде, к справедливости*». В указанном примере дважды употребляется конструкция *Мы хотим и будем,* трижды *Я верю в силу,* выражающая намерение говорящего. Следовательно, многократные анафоры создают у массовых слушателей ощущение полной уверенности в словах президента.

Инаугурационный дискурс наполнен также скрытыми и явными цитатами, аллюзиями и метафорами. В 2018 году В.В. Путин упомянул «*птицу феникс*», он так говорил: «*Но все мы хорошо помним, что за более чем тысячелетнюю историю Россия не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась как птица феникс, достигала таких высот, которые другим были не под силу, считались недостижимыми, а для нашей страны, напротив, становились новым трамплином, новым историческим рубежом для дальнейшего мощного рывка вперед*». Феникс, как «мифологическая долгоживущая птица, возрождающаяся после гибели» [12, с. 695], в современном языке символизирует возрождение и вечность. Сравнивая Россию с фениксом, президент изложил свою мысль в доступной форме. Несмотря на то, что Россия пережила ряд таких крупных и сложных событий, как распад Советского Союза и экономическая реформа, как бы ни менялись внутренние и внешние условия, всегда возрождается в процессе истории, придерживается модели самостоятельного развития и укрепляет свои позиции на международной арене. Выступающий и слушатели резонируют в общей культурной ассоциации символа *феникса*, культурное познание феникса слушателями проецируется на развитие страны, вместе с этим стимулируются позитивные ожидания и вера в будущее страны. Использование прецедентных культурных знаков делает инаугурационную речь более «многопластовой» и привлекающей внимание, как будто два хорошо знающих друг друга человека ведут молчаливый диалог и достигают консенсуса.

Проанализируем элемент контекста «**жанр** и **специфика норм и правил**». Инаугурационный дискурс относится к области эпидейктического жанра. Поскольку президент обращается к слушателям всей страны, слушатели имеют большие различия в когнитивных способностях из-за разного возраста, пола, структуры знаний и жизненного опыта. В связи с этим президент вынужден изъясняться в максимально обобщенной форме, также инаугурационный дискурс отличается общедоступностью. Что касается специфики норм и правил, инаугурационный дискурс как подготовленный дискурс, письменный текст которого строже нормирован, характеризуется очевидной стандартностью.

Как пишет Е.И. Шейгал, инаугурационный дискурс не содержит полемических высказываний [13, с. 206]. В инаугурационной речи проявляется преимущественно использование повседневной лексики и простых предложений разговорного стиля, объясняющих сложные политические концепции. Например, «*Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю – это то, что буду работать открыто и честно*», «*Мы часто повторяем: в России глава государства отвечал и будет отвечать за все*». Данные высказывания об ответственности перед Родиной и народом просты по форме, прямы по содержанию. На лексическом уровне для В.В. Путина характерно употребление таких церковнославянских слов высокого стиля, как *святое место, святая обязанность, отечество, потомки, верховная власть*, которые известны русским. Стандартность, общедоступность высказываний в сочетании с возвышенной архаической лексикой обеспечивают эффективность восприятия и уяснение смысла инаугурационной речи для самого широкого круга слушателей.

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод: инаугурационный дискурс, находясь в постоянном взаимодействии между политиком и языком, встраивается особыми конститутивными факторами в определенную социокультурную ситуацию. Хронотопические характеристики и обстановка (посредством невербальных средств,

символизирующих власть государства) демонстрируют торжественную и доверительную атмосферу происходящей инаугурации и характеризуются высокой степенью ритуальности. При формальной отнесенности политического выступления к монологу подобные выражения «испытывают тяготение» к диалогичности. Лексические и стилистические языковые средства, использующиеся в таких целях коммуникации, как актуализация социальных ролей участников, описание последовательности действий, усиление эффективности донесения философии управления государством новоизбранным президентом, служат маркером экспрессивности и формируют общедоступность инаугурационного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю Бэйчэн. Портрет мысли Фуко. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2012. 326 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 1990. 136 с.
4. Van Dijk T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
5. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. Supplement I (1923) // Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning (A Study of the Influence of Language Upon Thought and of the Science of Symbolism). London: Paul, Trench, Trubner & Co, 1936. 336 p.
6. Hymes D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach, Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. 260 p.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2012. 254 с.
8. Гражданин // Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
9. Гражданин // Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014–2017. [Электронный ресурс]. URL: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Гражданин/C1-C2 (дата обращения: 17.09.22).
10. Понтон Д.М., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика // Russian Journal of Linguistics. 2016. № 20 (4). 7–25.
11. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 240 с.
12. История и культура Древней Греции: энциклопедический словарь / И.Е. Суриков [и др.]. Москва: Языки славянских культур, 2009. 790 с.
13. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Вып. 3 Жанры речи. Саратов, 2002. С. 205–214.

© Ван Жань (wranran@yandex.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.11

ПЕРЕВОД ИНОСТРАННЫХ МИССИОНЕРОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

THE TRANSLATION OF FOREIGN MISSIONARIES IN MODERN CHINA

Wang Xinyuan

Summary: Translation is an act of social interaction occurring in a particular social context. This article examines the scientific and technical translations of missionary translators in China, focusing on the characteristics of translations in basic science, medicine and modern industrial technology, and their impact on the modernization of Chinese society.

Keywords: translation, translator, missionaries in China, scientific and technical translations, social contexts.

Ван Синьюань
Преподаватель, Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова
yuan921116@126.com

Аннотация: Перевод — это акт социального взаимодействия, происходящий в определенном социальном контексте. В данной статье рассматриваются научно-технические переводы миссионеров-переводчиков в Китае, в центре внимания — особенности переводов в области фундаментальной науки, медицины и современных промышленных технологий, а также их влияние на модернизацию китайского общества.

Ключевые слова: перевод, переводчик, миссионеры в Китае, научно-технические переводы, социальные контексты.

История перевода научно-технических документов в Китае началась с италиянского миссионера Ли Мадоу, (Маттео Риччи (1552-1610)), от первоначального перевода буддийских сутр, которые содержали некоторые знания по астрономии, арифметике и медицине, до более позднего перевода научно-технических текстов по естественным наукам. "Перевод научно-технических документов имеет долгую историю, с двумя волнами перевода в конце династии Мин и в начале династии Цин" [Чэнь Фукан. 1996:93]. Опиумная война 1840 года вынудила Китай открыть свою прибрежную торговлю для иностранцев, и в Китай приехало большое количество западных миссионеров. Они придерживались стратегии «академического миссионерства, перевод и внедрение западных наук, одновременно ведя проповедь. Это была вторая переводческая волна в Китае. В то время современный Китай (1840-1911 гг.) пережила в уникальной и сложной социальной среде - технологически отсталый, бедный и неспокойный. А вторжение западных держав углубило страдания китайского народа. Перед лицом этих трудностей китайский народ надеялся на заимствование западной науки и технологий, чтобы изменить облик слабого и обнищавшего китайского общества. В результате современное китайское общество испытывало острую потребность в иностранных научных и технологических знаниях. Это создало уникальный и подходящий социальный контекст для того, чтобы западные миссионеры переводили научно-техническую литературу в Китае. Они перевели большое количество современной западной научно-технической литературы, включая фундаментальную науку, медицину и промышленные технологии.

1. Перевод западной литературы по фундаментальной науке

Фундаментальная наука отражает законы и сущность объективного мира и является теоретической основой и методологией науки и техники. Современный перевод научной и технической литературы, выполненные миссионерами в Китае, в основном сосредоточен на фундаментальных научных знаниях, включая математику, физику, химию, биологию и астрономию.

1.1. Перевод математики

Математика является основой всех наук. Современные миссионеры в Китае уделяли большое внимание переводу западных математических работ, и среди важных переводов — «Начала (древнегреческий математик Евклид)» (1857, 《续几何原本》), «Алгебра» (1859, 《代数学》), «Элементы аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления» (Елиас Лумис, 1859, 《代微积拾级》), «Трактат по алгебре» (Джон Валлис, 1859, 《代数学》), «Тригонометрия» (1877, 《三角数理》), «След исчисления» (1878, 《微积溯源》), «Алгебраические задачи» (1883, 《代数难题》), «Сомнительная математика» (1880, 《决疑数学》) и «Искусство сочетания чисел» (1888, Оливер Бирн, 《合数术》) и др. "Начала" является одним из самых важных переводов математики. Книга была переведена английским миссионером Александром Уайли (Alexander Wylie, 1815-1887), в сотрудничестве с Ли Шанлань (李善兰). "Это важное событие в истории китайской математики и имеет огромное значение». [Сюн Юэчжи. 1995:151] Этот перевод базовой математики ввел и распространил западные

математические идеи и дедуктивные методы. Она оказала значительное влияние на образ мышления китайского народа и развитие китайской математики. Стала вводным учебником геометрии и имеет широкий спектр основных научных ценностей.

1.2. Астрономия в переводе

Астрономия занимает важное место в западной научной системе. Основными современными переводами по астрономии, выполненными миссионерами в Китае, являются «Источники астрономии в западных странах» (《西国天学源流》, 1857) и «Очерки астрономии» (Джон Фредерик Уильям Гершель《谈天》, 1859), обе книги были переведены Александром Уайли (Alexander Wylie, 1815-1887). Книга "Источники астрономии в западных странах" — это перевод истории развития западной астрономии, сфокусированный на древних астрономических наблюдениях в Древней Греции и Египте. Книга «Очерки астрономии» (《谈天》, 1859) под оригинальным названием "Outlines Astronomy" знакомит с основными достижениями европейской астрономии, подробно описывая строение Солнечной системы и движения планет, обсуждая законы гравитации, теорию кометных орбит, теорию солнечных пятен и т.д., а также знакомя с астрономической терминологией, такой как планетные орбиты. Перевод этой работы, которая в основном охватывает современную западную астрономию до 1860-х годов, дает китайскому народу более полное и детальное понимание астрономии.

2. Переводы западной медицины

В современном китайском обществе были плохие условия для медицины и здоровья, медицинские знания и талантов не хватало. Однако некоторые миссионеры, приехавшие в Китай, были врачами и обладали знаниями в области медицины и здравоохранения, они перевели и опубликовали много западных медицинских работ. Цзя Юэхань (John Glasgow Kerr, 1824-1901) и Фу Ланья (Джон Фрайер, 1839-1928) были одними из самых известных переводчиков медицинских работ среди миссионеров в Китае. Их переводы охватывали такие темы, как терапия, хирургия, гинекология и педиатрия, а также общая западная медицина.

2.1. Переводы терапии и хирургии

Наиболее представительные переводы по терапии включают «Новый трактат по терапии» (《内科新说》, 1858), "Воспаление" (《炎症》, 1871), "Изложение терапии (Симптоматология)" (《内科阐微》 (症状学),1873), "Полная книга западной терапии в 16 томах" (《西医内科全书》16 ,1882), «Полная книга терапии» (《内科全书》, 1883) и так далее. "Изложение терапии", составленное американским врачом-миссионером Цзя Юэхань, является важным переводом по западной медицинской терапии, перевод этой книги изменил неправильное мнение китайцев того времени о том, что западная медицина была искусна в хирургии и слаба в терапии, и предоставил китайским медикам того времени ценные знания о западной медицинской науке по терапии.

Основные переводы по хирургии включают "Новый трактат о всем теле" (《全体新论》, 1851), "Полная книга эксцизий" (《割症全书》 , 1871) и "Цветные иллюстрации анатомии человека" (《彩色人体解剖图说》, 1884). "Новый трактат о всем теле", был составлен Хэ Синь (Benjamin Hobson), содержит 39 трактатов с более чем 200 иллюстрациями, представляет собой собрание некоторых западных медицинских книг того времени и является «работой, посвященной в основном анатомии и физиологии, с подробными сопроводительными иллюстрациями, с упором на скелетные части тела, функции органов, мышцы, мозг и пять органов чувств». [Гу Чаншэн. 2004:280] Этот перевод является одним из самых ранних переводов западной медицинской анатомии на китайский язык, восполняя недостатки Китая в данной области.

3. Современные переводы западной литературы по промышленным технологиям

В конце 19 века западные страны пережили две промышленные революции, которые привели к быстрому развитию науки и техники и созданию относительно полной системы современных промышленных технологий. Однако в то время Китай отставал в науке и технике, а его социальное развитие находилось на медленной стадии. Осознавая огромный разрыв между Китаем и Западом в области науки и техники, китайцы выступали за «обучение у варваров, чтобы управлять ими» （师夷长技以制夷） и стремились внедрить передовые западные промышленные технологии. Миссионеры в Китае следовали этой исторической тенденции и перевели большое количество современных западных трудов по промышленным технологиям, внедряя технические знания в машиностроении, военной промышленности, навигации, плавильной и химической промышленности.

3.1. Перевод технологии механического производства

Машиностроение является основой для социального развития. Во время двух промышленных революций западные страны создали и накопили передовые знания в области машиностроения, которые были переведены и представлены в Китае миссионерами. Например, «Генезис паровой машины» (《汽机发轫》, 1871), «Необходимость паровой машины» (《汽机必以》, 1872), «Метод изготовления труб» (《造管之法》, 1877) и «Диаграмма двигателя» (《机动图说》, 1884) . Т

4. Социальный контекст миссионерских научно-технических переводов

Учёные рассматривают перевод с позиций культурного достояния, т.е. они сосредотачивают внимание на «социальных условиях международного обмена (оборота) культурными ценностями» [Bourdieu P., 2002:3]. Такой взгляд на перевод позволяет исследователям определить сущность социологического подхода к переводу. [Гарбовский Н.К., Костикова О.И., 2018:28] Перевод — это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной. [Гарбовский Н.К., 2007:214]. Перевод миссионерской научно-технической литературы — это деятельность по культурному обмену, которая происходила в специфическом социальном контексте современного Китая, под влиянием социальных, культурных, исторических и экологических факторов того времени, что отражает основные характеристики переводных произведений данного конкретного периода. Как вторая переводческая волна, переводы научной и технической литературы, выполненные миссионерами в Китае, охватывали широкий спектр и разнообразие тем и оказали глубокое влияние на идеологию китайского народа и современное китайское общество.

Во-первых, с точки зрения социального спроса на перевод, современные китайские общество долгое время было закрытым, и китайский народ хотел ввести современные западные базовые научные знания. Переводчики-миссионеры в Китае перевели ряд работ по фундаментальным наукам в соответствии с осведомленностью и социальными потребностями страны.

Во-вторых, социальная среда, в которой были сделаны переводы, заключалась в том, что в современном китайском обществе не хватало медицинских знаний, и здоровье и жизнь людей не были защищены. Перед лицом этой социальной ситуации миссионеры в Китае перевели ряд западных медицинских книг, которые обогатили и пополнили медицинские знания китайского народа.

В-третьих, рассматривая социальную функцию перевода, до заимствования современной западной промышленной технологии, Китай был традиционной сельскохозяйственной страной с отсталой промышленной технологией. Перевод западных научно-технических трудов миссионерами в Китае способствовал зарождению первых национальных отраслей промышленности Китая, что привело к трансформации и развитию современного китайского общества.

Одним словом, западные миссионеры в современном Китае посвятили себя переводу западной научно-технической литературы в конкретном социальном контексте, объективно закончили изоляцию Китая и внедряя современные западные научные идеи, знания и технологии в китайское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. С.214.
2. Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Общая теория перевода// Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 1. С.28.
3. Гу Чаншэн. Миссионеры и современный Китай. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2004. 280с.
4. Сюн Юэчжи. Западное обучение и общество в эпоху поздней династии Цин. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1995. 191с.
5. Чэнь Фукан. Китайская теория перевода: проект истории. Шанхай: Шанхайское учебное издательство иностранных языков, 1996. 93с.

© Ван Синьюань (yuan921116@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.12

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ГУМАНИТАРИЯ» И «ТЕХНАРЯ» В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Волошинова Татьяна Юрьевна
к.п.н., доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью СПбПУ Петра Великого, t.u.voloshinova@mail.ru

Аннотация: Статься посвящена рассмотрению начальной стадии формирования образа технаря и образа гуманитария в русской литературе. В статье рассматриваются понятия «гуманитарий» и «технарь», вырабатываются критерии отнесения героя к образу гуманитария или образу технаря. Создана база показательных для массовой картины мира произведения русской классической литературы. Проанализированы художественные произведения, написанные до 1861 года. Сделаны выводы относительности малочисленности и неопределенности образов технарей, общей негативной окраски образов гуманитариев.

Ключевые слова: Русская классическая литература, массовое сознание, гуманитарий, технарь.

FORMATION OF THE IMAGE OF A "HUMANITARIAN" AND "TECHNICIAN" IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

T. Voloshinova

Summary: The article is devoted to the consideration of the initial stage of the formation of the image of a technician and the image of a humanitarian in Russian literature. The article discusses the concepts of "humanitarian" and "technician", develops criteria for attributing the hero to the image of a humanitarian or the image of a technician. A database of works of Russian classical literature indicative of the mass picture of the world has been created. The works of art written before 1861 are analyzed. Conclusions are drawn about the relativity of the small number and uncertainty of the images of techies, the general negative coloring of the images of humanities.

Keywords: Russian classical literature, mass consciousness, humanitarian, technician.

Важными образами в современной массовой культуре мира являются образы «гуманитария» и «технаря». Массовая культура формируется под воздействием целого ряда источников, одним из которых является художественная литература. Из всех источников она является наиболее исторически авторитетной и относительно универсальной, поскольку состоит из прецедентных текстов, отличающихся сверхличностным характером, эмоциональной и познавательной значимостью, хрестоматийностью, многократной воспроизводимостью и реинтерпретируемостью [1, с.307]. Таким образом, изучение образов, формируемых художественной литературой, позволяет делать выводы о картине мира нашего современника и при необходимости корректировать ее. Результаты подобного исследования представляют интерес для специалистов, работающих с массовой картиной мира.

Слова «гуманитарий» и «технарь» относительно молоды. Соответствующие лексические единицы отсутствуют не только в «Словаре академии российской» [2] и – предсказуемо – «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [3], но и в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова [4] (в последнем присутствует только прилагательное гуманитарный - относящийся к циклу наук о человеке и культуре).

Первым крупным словарем, зафиксировавшим оба понятия, является «Словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова [5], согласно которому гуманитарий – это «специалист по гуманитарным наукам», а технарь – это «специалист, работающий в области техники, технического обслуживания чего-н., а также вообще человек, который знает и любит технику». В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (Малом академическом словаре) [6] есть слово «гуманитарий» («тот, кто занимается гуманитарными науками»), но отсутствует слово «технарь». В «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах (Большом академическом словаре) [7] оба слова отсутствуют. И, наконец, современная наука трактует технаря как «человека, увлеченного техническими дисциплинами» или «студента технического вуза, техникума, факультета», а гуманитария, вслед за МАС, – как «того, кто занимается гуманитарными науками» [8].

Таким образом, отнести человека к гуманитариям или технарям можно по виду его деятельности, которой он занимается или может заниматься. Возможность заниматься некоторой деятельностью определяется как образованием в целом (эквивалент современного диплома), так и набором изученных в ходе получения образования или самостоятельно дисциплин. Соответственно, осуществление деятельности может базироваться на официально полученном образовании или на результатах самообразования. Исходя из этого, можно выделить три критерия принадлежности человека к гуманитари-

ям или технарям:

1. по виду профессиональной деятельности;
2. по полученному образованию;
3. по комплексу изученных дисциплин.

Анализ современных публикаций показывает, что в настоящий момент времени есть значительное количество исследований, посвященных отдельным профессиям: учителя [9], [10], [11], журналиста [12], переводчика [13], архивиста [14], философа [15], авиатора [16], ученого [17]. В список литературы к настоящей статье мы не включили исследования, посвященные образу врача, солдата, чиновника, иконописца, поскольку они не имеют прямого отношения ни к гуманитариям, ни к технарям, однако такие работы имеются в достаточно большом количестве. Отбор героев для исследования образа специалиста, занимающегося технической или гуманитарной деятельностью, осуществляется с точки реальной профессиональной деятельности, но не исследуется с точки зрения готовности к этой деятельности в силу образования или самообразования. Кроме того, не существует работ, в который рассматривалась бы обобщенная фигура гуманитария или технаря,

Таким образом, базу для нашего исследования пришлось собирать самостоятельно. Первый этап исследования заключался в отборе показательных для массовой картины мира произведения русской классической литературы. Такими произведениями являются в первую очередь произведения, знакомые носителям русской картины мира по школьной программе. Поэтому нами были проанализированы Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [18], Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [19], Примерная основная образовательная программа основного общего образования [20], Примерная основная образовательная программа среднего общего образования [21] и на их основе составлен первый список произведений.

Далее мы проанализировали реальные читательские предпочтения массовой аудитории. Очевидно, что критерием наличия таких предпочтений является, во-первых, наличие потребности в определенной книге, показателем чего могут являться показатели продажи книг, а во-вторых – готовность рекомендовать произведение для прочтения, что определяется рейтингом книги на книжных рекомендательных интернет-сервисах. Исходя из этого, был проанализирован раздел «Русская классика» крупнейшего отечественного интернет-магазина OZON.RU. Были отобраны классические произведения, рейтинг которых на момент составления списка составлял не менее четырех звездочек из пяти возможных, то есть книги, рекомендованные для покупки другим посетителям. Эти произведения составили второй список.

И, наконец, были отобраны книги из раздела «Русская классика» самого крупного отечественного книжного рекомендательного сервиса Livelib.ru, попавшие на момент написания статьи в подраздел «Популярные произведения». Эти произведения составили третий список.

В результате мы получили три частично пересекающихся списка произведений русской классической литературы. Отобрав произведения, попавшие в область пересечения, мы составили базу произведений для анализа. Поскольку настоящая статья посвящена периоду формирования образов гуманитария и технаря, в ней будут рассмотрены не все тексты, а только те, которые были созданы в период с начала XVIII века по 1861 год. Именно в этот период формируются научные и образовательные организации, растет потребность в специалистах гуманитарного и технического профиля, однако потребность в специалистах технического профиля несколько ограничена наличием крепостного права и, следовательно, недостаточным развитием промышленности, то есть начальный период формирования образа должен приходиться именно на эти годы.

На следующем этапе исследования в отобранных художественных текстах были выявлены герои, которых по роду профессиональной деятельности, полученному образования или кругу изученных дисциплин можно отнести или к гуманитариям, или к технарям.

Образы гуманитариев можно разделить на три группы:

1. Учителя, педагоги, гувернеры и гувернантки. Большая часть из них преподает или русский, или французский языки, поэтому может быть отнесена к группе гуманитариев (Кутейкин, Вральман, мосье Бопре, Деформ-Дубровский, учителя грамматики и латинского языка в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и др.). Это люди, играющие незавидную социальную роль. Личностные характеристики их могут быть абсолютно неопределенными, могут вызывать авторскую иронию. Исключения редки (Деформ-Дубровский, Басистов, Михалевич).
2. Выпускники университетов, изучавшие гуманитарные дисциплины, в частности философию, но не нашедших себя в практической гуманитарной деятельности (Бельтов, Рудин и др.). Чаще всего именно эти люди формируют тип лишних людей.
3. Светские барышни, владеющие французским языком и хорошо знающие современную им французскую литературу, причем знание других дисциплин варьируется (Софья в «Горе от ума», Татьяна Ларина, Марья Гавриловна и др.)

Образы технарей значительно менее многочисленны. Это Цифиркин, отчасти Вральман (выучил Митрофанушку «всем наукам»), отчасти – княжна Мери («знает алгебру»), Круциферский и Лаврецкий.

Из сказанного следует несколько выводов.

1. Образ гуманитария начинает формироваться в русской литере раньше, чем образ технаря, поэтому гуманитарии в художественных произведениях, созданных до 1861 года, более многочисленны.
2. Образ гуманитария не способствует формированию положительного представления о гуманитарной деятельности и гуманитарном образовании, поскольку герои-гуманитарии или бесполезны, или находятся на низших ступенях социальной лестницы.
3. Технарями оказываются неожиданные и очень разноплановые герои, их цельный образ не формируется и, следовательно, не остается в сознании читателя как единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова, М.А. Школьная литература как источник прецедентных текстов // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 4(26). – С. 307-320.
2. Электронное издание Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR.htm
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978. – 1980.
4. Толковый словарь русского языка [Текст] : т. 1-4 под ред. проф. Д.Н. Ушакова. - Москва: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935-1940.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
8. Большой толковый словарь русского языка/ под ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.
9. Власова, М.В. Образ и коммуникативная позиция учителя в русской литературе: Д.И. Фонвизин, И.С. Тургенев, А.П. Чехов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Власова Марина Владимировна. – Томск, 2005. – 239 с.
10. Чибанова, М.В. Образ учителя в русской // Наука XXI века: актуальные вопросы, инновации и векторы развития: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Минск, Беларусь, 19 апреля 2018 года / Под общей редакцией А.И. Вострецова. – Минск, Беларусь: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. – С. 347-351.
11. Беляева, Н.В. Образ учителя-словесника в новейшей русской литературе // Филологические открытия. – 2017. – № 5. – С. 124-137.
12. Гегенава, К.В. Образ журналиста в современной русской художественной литературе // МНСК-2020: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. – С. 9-10.
13. Владимирова, Т.С. Образ переводчика и сюжет перевода в современной русской литературе: специальность 10.01.00 «Литературоведение»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2018. – 156 с..
14. Черкасов, И.А. Образ архивиста в русской литературе XIX - первой трети XX в // Отечественные архивы. – 2010. – № 1. – С. 3-10.
15. Шеина, О.Г. Образ авиатора в литературе русского модернизма // Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе: Материалы VII Международной научной конференции, Тамбов, 21–25 мая 2018 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2018. – С. 153-157. – EDN XYLCIH.
16. Смирнова, Н.В. Образ героя-философа в русской литературе второй половины XVIII века: типология и поэтика: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2012. – 23 с.
17. Жданов, С.С. Ученость «Германии туманной»: к комическому образу немецкого ученого в русской литературе конца XVIII - начала XX в / С.С. Жданов // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). – 2017. – Т. 22. – № 4. – С. 243-256. – EDN YTZDZG.
18. ФГОС Основное общее образование. Режим доступа: свободный, URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения — 12.12.2021)
19. ФГОС Среднее общее образование. Режим доступа: свободный, URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/ (дата обращения — 12.12.2021)
20. Реестр примерных основных общеобразовательных программ. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. Режим доступа: свободный, URL: https://fgosreestr.ru/poop/%D0%BF%D0%BE%D0%BE%D0%BF_%D0%BE%D0%BE%D0%BE_06-02-2020 (дата обращения — 12.12.2021)
21. Реестр примерных основных общеобразовательных программ. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. Режим доступа: свободный, URL: https://fgosreestr.ru/poop/primernaya-osnovnaya-obrazovatelnaya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya (дата обращения — 12.12.2021).

© Волошинова Татьяна Юрьевна (t.u.voloshinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.13

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АППАРАТЕ И ОФОРМЛЕНИИ ИЗДАНИЙ «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ» А.С.ПУШКИНА

THE FORM AND CONTENT OF THE ARTWORK IN THE APPARATUS AND DESIGN OF THE PUBLICATIONS "TALES OF TSAR SALTAN" BY A.S. PUSHKIN

T. Voloshinova
A. Voloshinova

Summary: The article is devoted to the analysis of the elements of the content and artistic form of the «Tales of Tsar Saltan» by A.S. Pushkin, reflected in its publications. The review of the current state of research of the text of the work is carried out, the key themes and ideas of the work, significant elements of the world and language of the work of art, the system of heroes and the plot of the fairy tale are identified. The editorial analysis of the editions of the collections, including «The Tale of Tsar Saltan», and its monographs is carried out. Conclusions are drawn that make it possible to give recommendations on the development of concepts for new publications.

Keywords: "The Tale of Tsar Saltan", explicitly and implicitly expressed themes, explicitly and implicitly expressed ideas, the world of the work of art, the plot, the language of the work of art, the system of heroes, the apparatus of the publication, the reference and explanatory apparatus, illustrations, internal and external design of the publication.

Волошинова Татьяна Юрьевна
к.п.н., доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью СПбПУ Петра Великого, t.u.voloshinova@mail.ru
Волошинова Анастасия Денисовна
ст.преподаватель, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью СПбПУ Петра Великого, advoloshinova@gmail.com

Аннотация: Статься посвящена анализу элементов содержания и художественной формы «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина, отраженных в ее изданиях. Проводится обзор современного состояниях исследований текста произведения, выявляются ключевые темы и идеи произведения, значимые элементы мира и языка художественного произведения, системы героев и сюжета сказки. Осуществляется редакторский анализ изданий сборников, включающих «Сказку о царе Салтане», и ее моноизданий. Делаются выводы, позволяющие дать рекомендации относительно разработки концепций новых изданий.

Ключевые слова: «Сказка о царе Салтане», эксплицитно и имплицитно выраженная тематика, эксплицитно и имплицитно выраженные идеи, мир художественного произведения, сюжет, язык художественного произведения, система героев, аппарат издания, справочно-пояснительный аппарат, иллюстрации, внутреннее и внешнее оформление издания.

«Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» – одно из самых любимых и потому востребованных читателями – и взрослыми, и маленькими – произведений А.С. Пушкина. Популярность сказки порождает потребность в ее переиздании и разработке концепций новых изданий. При разработке концепции издания редактор руководствуется, с одной стороны, подробным редакторским анализом произведения, с другой – осмыслением опыта предыдущих изданий. Целью настоящей статьи является создание теоретической базы для разработки новых концепций издания «Сказки о царе Салтане».

Для выявления специфики отражения основных литературоведческих категорий в изданиях произведения прежде всего необходимо дать общую характеристику художественной формы и содержания сказки. С этой целью был проведен анализ научных работ, созданных на протяжении последнего десятилетия и посвященных «Сказке о царе Салтане». В результате сопоставления результатов анализа с более классическими исследованиями [1, с.437-444], были установлены основные темы произведения: тема семьи и семейного счастья [2, с.18], [3, 155], [4, с.105], тема зависти [4, с.106], тема милосердия [5, с.268], тема чуда [5, с.267], [6, с.116]. В статье Т.П. Воровой [7] неоднократно отмечается интуиция героев, из чего можно сделать вывод о наличии в произведении темы судьбы, ее предчувствия и принятия. Мы не сочли необходимым расширять и дополнять список, поскольку круг выявленных тем достаточно широк и совпадает с эмпирическими данными анализа текста.

Большое количество работ посвящено выявлению идеи произведения, причем чаще всего – имплицитно выраженным ее компонентам. Так, тема семьи закономерно трансформируется в идею о спасительности родственных связей и гибельности их разрушения (вплоть до утверждения о том, что неродственность равна смерти) [3, с.157-158], [4, с.58-63]. Произведение рассматривается как соединение фольклорно-языческого и христианского начал [3, с.151-162], как описание мо-

дели Вселенной с центром мира – островом Буяном [8, с.16-18] и даже как форма воплощения особого психотипа личности – интуита-атланта [7, с.229-232]. Дополнив этот ряд указанием на вполне эксплицитно выраженную идею о том, что настойчивость в достижении целей всегда вознаграждается, а чудо поджидает нас повсюду, нужно только быть готовым к встрече с ним, получим более или менее полный охват содержательной части сказки.

При анализе мира художественного произведения внимание исследователей чаще всего привлекают символические аспекты хронотопа [4, с.58-63], [8, с.16-18], [9, с.64-69]. Очевидно, что редакторский анализ должен быть дополнен упоминанием не очень многочисленных фрагментов, содержащих описание художественного интерьера (светлица, в которой сидели три девицы; спальня царя Салтана и его молодой жены; палата, в которой царь Салтан сидит на троне; дворец Гвидона) и конкретикой художественного пейзажа (море, берег моря, остров Буян и новый город на нем, вид с моря на остров Буян, вид с моря на царство Салтана, пространство перед дворцом Гвидона с елью и белкой).

Система героев, как и мир художественного произведения, находит свое отражение в работах, нацеленных на выявление скрытой сущности действующих лиц: девы-воительницы и героя, приобщающегося к сакральным знаниям [10, с.16-21], сказочных существ демонологической природы [6, с.114-126]. В редких случаях дается реальная социально-психологическая характеристика героя [4, с.106]; портретные описания царевны Лебеди, царя Салтана, сестер-завистниц и Бабарихи практически не исследуются, хотя они значимы не только для характеристики героев, но и для развития сюжета. Очевидно, что этот пробел тоже должен быть восполнен.

Сюжет и композиция «Сказки о царе Салтане» также недостаточно полно раскрыты в имеющихся работах (исключение составляет исследование несколько неожиданного любовного треугольника «Лебедь – коршун – Гвидон» [6, с.122-126], поэтому потребовали дополнительного анализа. Так, если принять в качестве сюжетообразующего конфликта конфликт сына, разлученного с отцом, и самого отца, необходимо будет определить в качестве завязки действия момент, когда Гвидона с матерью посадили в бочку и бросили в море, в качестве кульминации – момент, когда Гвидон позволяет себе упрекнуть Салтана в том, что последний не держит своего слова, в качестве развязки – эпизод узнавания в конце произведения. Не будем подробно останавливаться на дополнительных сюжетных линиях, характеризующих взаимоотношения трех сестер, сказочных существ, слуг, бояр, корабельщиков. Уточним лишь, что таких дополнительных линий немало.

Язык сказки подробно описан в статье Т.Г. Трофимович [11, с.3-6]: выявляются 50 слов, подлежащих комментированию, проанализированы отклонения от норм грамматики и акцентологии. Косвенно к работам, направленным на изучения языка произведения, направлена также статья А.Д. Каскина [12, с.148-154], однако объектом исследования в статье является скорее чисто языковое явление, чем художественное произведение.

Проведя сравнительный редакторский и литературоведческий анализ произведения и работ, ему посвященных, мы можем перейти к следующему этапу исследования: анализу опыт изданий. Для этого из всего массива изданий было отобрано четыре издания для взрослых и четыре издания для детей (впрочем, в последних изданиях в качестве читателя могут выступать и взрослые). Издания для взрослых представляли собой три собрания сочинений (анализировались тома, содержащие раздел «Сказки»: [13], [14], [15]) и один сборник «Литературная сказка пушкинского времени» [16]. В качестве изданий для детей были проанализированы три моноиздания ([17], [18], [19]) и один сборник сказок А.С. Пушкина [20].

Охарактеризуем вначале аппарат и оформление изданий. Поскольку единственным видом аппарата изданий, отражающим специфику художественной формы и содержания издаваемого художественного произведения, для анализируемых изданий является справочно-пояснительный аппарат, мы не будем рассматривать их опознавательно-отличительный, справочно-поисковый и библиографический аппарат. Справочно-пояснительный аппарат в собраниях сочинений представлен вступительной статьей и примечаниями [14] или только примечаниями [15], в издании 1948 года в анализируемом томе справочно-пояснительный аппарат отсутствует. В сборнике «Литературная сказка пушкинского времени» [16] имеется вступительная статья и комментарии. В изданиях для детей единственное издание, содержащее справочно-пояснительный аппарат, – это сборник сказок А.С. Пушкина издательства «Урал-Пресс Лтд» [20], содержащий раздел «Объяснение непонятных слов и выражений, используемых А.С. Пушкиным», который можно считать аналогом комментариев.

Вступительная статья к Собранию сочинений 1954 года, написанная Д.Д. Благим, содержит общую характеристику творчества А.С. Пушкина и не содержит упоминаний о «Сказке о царе Салтане». Во вступительной статье Н.А. Тарховой к сборнику «Литературная сказка пушкинского времени» дается характеристика понятия «литературная сказка» и краткий обзор входящих в сборник произведений. «Сказка о царе Салтане» упоминается в контексте обсуждения современниками возможности использовать фольклорное произведение в качестве основы для авторских произведений.

Примечания и комментарии содержат описание

истории создания произведений [14], [15], [16]. В комментариях к сказке в сборнике [16] имеется также пояснение двух слов – «удел» и «неуказанный».

Таким образом, из всех элементов формы и содержания «Сказки о царе Салтане» в проанализированных изданиях в справочно-пояснительном аппарате оказался отраженным только язык произведения. Нужно отметить, что со списком, рекомендованным для комментирования в статье Т.Г. Трофимович, в комментариях к сборнику сказок для детей совпало только 14 языковых единиц: баять, булат, дьяк, застава, клёв, колымага, латы, наречься, привальный, палата, престол, светлица, снурок, спуд, удел, чета, то есть 36 слов оказалось не прокомментированным. При этом в комментариях к изданию есть слова, отсутствующие в статье: оне, двор, гость, терем, витязь, пенять, а также словосочетание «пораздумай ты путем».

Можно сделать два вывода. Первый – о слабой представленности особенностей формы и содержания «Сказки о царе Салтане» в справочно-пояснительном аппарате. Второй – о необходимости большей координации усилий филологов и редакторов при разработке комментариев.

Теперь обратимся к иллюстрациям.

В изданиях для взрослых иллюстрации немногочисленны. В собрании сочинений 1948 года иллюстраций нет, в собрании сочинений 1954 года имеется иллюстрация Т. Мавриной, изображающая царевну Лебедь. Героиня изображена на фоне морского берега и неба со звездами, вдали – дорога, идущая вверх по холму к городским воротам. Портрет героини в целом соответствует описаниям: под косой со стороны спины расположен декоративный элемент, который можно однозначно интерпретировать как месяц, на голове – головной убор, в котором в районе лба размещено украшение, создающее эффект освещения, что соотносится с характеристикой «во лбу звезда горит». Героиня окружена элементами одеяния, напоминающими белые птичьи перья, что призвано показать превращение из птицы в девушку.

В собрании сочинений 1969 года единственная иллюстрация, относящаяся к «Сказке о царе Салтане» – это иллюстрация И. Билибинра, которая изображает юного Гвидона с матерью, смотрящих на город, расположенный на холме. Герои тоже находятся на возвышении, то есть можно предположить, что на острове несколько холмов. Внизу – элемент берега, вероятно морского. В городе несколько сооружений с позолоченными куполами («с златоглавыми церквями»), много зелени («с теремами и садами»), то есть описание городского пейзажа вполне соответствует тексту сказки. Одежда Гвидона и его матери стилизована под богатый русский костюм, лицо героя мы видим в профиль без ярко выраженных портретных деталей (глаза не видны, рот намечен, волосы скрыты под шапкой), лица героини не видно. Впрочем, исказить портрет героев невозможно, поскольку в сказке отсутствует даже краткое описание внешности жены и сына царя Салтана.

В сборнике «Литературная сказка пушкинского времени», оформленным художником А.Н. Жилиным, есть иллюстрация, изображающую царевну Лебедь. Героиня размещена на фоне возвышающегося за ней города. В городе с очевидностью просматриваются «златоглавые церкви», «терема и сады» не видны, но изображен только один фрагмент города. Месяц под косой расположен так же, как на иллюстрации Т. Мавриной, «звезда во лбу» в виде украшения на головном уборе даже более очевидно. Перевоплощение из лебедя в девушку еще не завершилось, потому что что вместо рук у героини лебединые крылья. Иллюстрация расположена на обороте шмуцтитула раздела «Александр Сергеевич Пушкин». Еще одна иллюстрация расположена на заставке к самой сказке. Эта иллюстрация весьма лаконична: изображение волнующегося моря, корабля и идущего под парусами («Ветер на море гуляет и кораблик подгоняет, он бежит себе в волнах на раздутых парусах»). На переднем плане – крупное изображение комара, летящего за кораблем. И, наконец, в конце сказки размещено небольшое изображение лебедя с женской головой, плывущего по волнам.

Иллюстрации в детских изданиях значительно более многочисленны. В силу их обилия мы не сможем остановиться на каждой из них подробно, поэтому опишем основные принципы изображения героев и элементов художественного мира.

В моноиздании 1980 года (художник Н.И. Брюханов) изображения героев сложно соотнести с конкретной эпохой и территорией. Часть иллюстраций изображает героев в западноевропейских костюмах (изображения сестер на с.2 и с.5, предположительно Гвидона на с.33, прислуга на с.34-35), часть вызывает ассоциации с византийскими или условно древнерусскими одеждами (портреты четырех главных действующих лиц на с.1 и с.34-35), часть может быть соотнесена с библейскими мотивами (изображения Гвидона и его матери на с.8, 10), в изображении царицы на с.3 можно усмотреть даже восточные влияния. Это не противоречит тексту сказки: принадлежность как царства Салтана, так и владений Гвидона к заподноевропейской, русской или восточным цивилизации нигде не обозначена с очевидностью. Конечно, исходя из того, что в городе Гвидона «блещут маковки церквей и святых монастырей» можно предположить принадлежность города к православной культуре, но сама по себе эта принадлежность не исключает ни средиземноморского, ни русского, ни восточного коло-

рита. Более того, имеющаяся в издании эклектичность подчеркивает одну из важнейших тем «Сказки о царе Салтане» – тему чуда. Единственное имеющееся в тексте портретное описание – портрет царевны Лебеди – в иллюстрациях отражено не в полной мере. Ни на с.1, ни на с.25, ни на с.26, ни на с.29, ни на с.35 и 36 нет «месяца под косой» и «звезды во лбу», во всяком случае отсутствуют их очевидные признаки. Иллюстрации чаще всего относятся к стадиям развития основной или дополнительных сюжетных линий: царь, входящий в дом трех сестер, царица, провожающая царя Салтана на войну, скачущий гонец и гонец, принесший дурную весть и т.д.

В моноиздании 1987 года (художник А. Елисеев) сказочный мир и в царстве Салтана, и на острове Буяне носит фантазийно-русский характер, хотя отдельные элементы (окна в палатах Салтана, своды дворца Гвидона) могут быть соотнесены скорее с европейскими традициями. То же самое касается и изображения героев. Портретная характеристика царевны Лебеди отражена в тексте более точно, чем в издании 1980 года: «звезда во лбу» на с.65 и с.67 выражена с достаточной ясностью, правда, при этом «месяц под косой» обнаружить сложно. Как и в предыдущем проанализированном издании, иллюстрации связаны прежде всего с сюжетно значимыми эпизодами: девицы прядут, царь стоит за забором и слушает, народ приветствует только что женившегося царя на выходе из церкви, царица качает колыбель с младенцем и т.п.

Моноиздание 2010 года (художник Г. Спирин) еще в большей степени соотносит мир художественного произведения с реалиями средневекового русского государства (предположительно, период с конца 15 по 17 век). Отклонений от текста оригинальной сказки ни в изображении пейзажа, ни в изображении интерьеров, ни в портретном изображении царевны Лебеди мы не обнаружили. Количество иллюстраций несколько меньше, чем в предыдущих рассмотренных нами изданиях, однако принцип их создания – отражение наиболее значимых для развития сюжета моментов – остается прежним.

И, наконец, сборник сказок А.С. Пушкина (художник С. Ковалев). Он также ориентирован на усредненное представление о русском колорите (точное соотнесение с конкретной эпохой затруднительно). Иллюстраций меньше, поэтому они более явно связываются с ключевыми моментами сюжета (рассказ о чуде, само чудо, корабельщики и т.д.). И пейзаж, и интерьер , и портрет царевны Лебеди вполне соответствуют описанию, содержащемуся в тексте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в иллюстрациях как детских, так и взрослых изданий находит отражение мир художественного произведения и система его героев, в детских изданиях очевидна связь иллюстраций с сюжетом сказки и – отчасти – с ее тематикой.

Внешнее оформление изданий и оформление страниц в изданиях для взрослых предельно лаконично и, следовательно, практически не может быть соотнесено с текстом художественного произведения. Исключение составляет обложка сборника «Литературная сказка пушкинского времени» с изображением кораблика, моря и города на острове и элементы орнамента под заглавием к сказке там же. В изданиях для детей внешнее оформление по сути является продолжением иллюстраций, поэтому не требует дополнительных комментариев с нашей стороны.

Подведем итоги. Анализ аппарата и оформления изданий показал, что тематика «Сказки о царе Салтане» может быть отражена во внутреннем и внешнем оформлении, однако это отражение не является системой. Идея произведения в изданиях не проявляется никак. Мир художественного произведения и система героев достаточно точно отображаются в иллюстрациях и детских, и взрослых изданий, сюжет – только в иллюстрациях детских изданий; коррекции требуют лишь отдельные портретные детали. Язык произведения интересует редактора только как материал для разъяснения незнакомых слов в примечаниях или комментариях, но большая координация филологов и редакторов, в частности в отборе языковых единиц, подлежащих комментированию, была бы желательна. Анализ показал дальнейшее направление для разработки новых концепций изданий, в частности изданий для взрослых, специфической особенностью которых было бы раскрытие во вступительных статьях имлицитно выраженных элементов содержания и формы в соответствии с уровнем изученности «Сказки о царе Салтане» современными литературоведами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесницкая И.М. Сказки // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 437–444.
2. Кремнева, Н.П. Исторические корни и жанровое своеобразие сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о Прекрасной царевне лебеди» // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. – 2019. – № 1. – С. 16-22.
3. Неелов, Е.М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. – 2001. – № 6. – С. 149-162.
4. Перзеке, М.Ю. Художественные пути воплощения «мысли семейной» как высшей ценности в сказках А.С. Пушкина («Сказка о царе Салтане» и «Сказка о золотом петушке») // Крымский гуманитарный вестник: Сборник научных статей. Том 2. – Симферополь: Индивидуальный предприниматель Минакир

Игорь Леонидович, 2018. – С. 58-63.
5. Цой, А.А. Сказка о царе Салтане А.С. Пушкина: поэтика чудесного и реального // Педагогический форум. – 2021. – № 2(8). – С. 267-268.
6. Левина, Г.Л. Инфернальная семантика компонентов архетипического комплекса в «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина // Новый филологический вестник. – 2016. – № 3(38). – С. 114-126.
7. Ворова, Т.П. Специфика репрезентации литературного персонажа в «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2013. – № 4. – С. 229-232.
8. Рогалев, А.Ф. Символика острова Буяна в «Сказке о царе Салтане...» А.С. Пушкина // Литература в школе. – 2009. – № 2. – С. 16-18.
9. Ковнер, Е. Значение цветописи в «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А.С. Пушкина // Современные подходы к исследованию литературы о детях и для детей: Материалы международной научно-практической конференции аспирантов, магистрантов и студентов, Барнаул, 16 мая 2012 года / Под редакцией О.И. Плешковой. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2012. – С. 64-69.
10. Галиева, М.А. «Ритуальный орнамент» в «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 16-21.
11. Трофимович, Т.Г. Опыт лингвистического комментирования художественного текста, или «Сказку о царе Салтане» А.С. Пушкина Читаем вместе. К 220-летию со дня рождения писателя // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа. – 2019. – № 6(202). – С. 3-6.
12. Каксин, А.Д. «Шлет царю-де свой поклон»: репрезентация эвиденциальности в сказках А.С. Пушкина // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46.
13. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений. Т.3. М.: изд-во АН СССР, 1948. 635 с.
14. Пушкин, А.С. Сочинения. Т.1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 512 с.
15. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т.2. М.: Правда, 1969.496 с.
16. Литературная сказка пушкинского времени / Сост., вступ.ст. и комм. Н.А. Тарховой. М.: Правда, 1988. 480 с.
17. Пушкин, А.С. Сказка о царе Салтане, сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди. Петрозаводск: Карелия, 1980. 38 с.
18. Пушкин, А.С. Сказка о царе Салтане, сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди. М.: Малыш, 1987. 80 с.
19. Пушкин, А.С. Сказка о царе Салтане, сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди. М.: Рипол Классик, 2010. 32 с.
20. Пушкин, А.С. Сказки. Пермь: Урал-Пресс Лтд, 1993. 144 с.

© Волошинова Татьяна Юрьевна (t.u.voloshinova@mail.ru), Волошинова Анастасия Денисовна (advoloshinova@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.15

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМ

FORMATION MECHANISMS OF IDEOLOGEMES

Guan Junbo

Summary: The article clarifies the difference between two types of ideologemes – primary and secondary, and also analyzes their main formation mechanisms on the example of the most typical ideologemes in Russian and Chinese. As a result of the study, it was revealed that the forming mechanisms of the two types of ideologemes are different: the primary ideologemes are based on word-formation models and eponyms, while the secondary ideologemes are formed by tropes, euphemization and symbolization.

Keywords: ideologeme, formation mechanism of ideologeme, primary ideologemes, secondary ideologemes, Russian ideologemes, Chinese ideologemes.

Гуань Цзюньбо
Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
sophia950612@163.com

Аннотация: В статье уточняется различие между двумя типами идеологем – первичными и вторичными, а также анализируются основные механизмы их формирования на примере наиболее типичных идеологем в русском и китайском языках. В результате проведённого исследования было выявлено, что формирующие механизмы двух типов идеологем различны: первичные идеологемы опираются на словообразовательные модели и эпонимы, а вторичные идеологемы образованы тропами, эвфемизацией и символизацией.

Ключевые слова: идеологема, механизм формирования идеологемы, первичные идеологемы, вторичные идеологемы, русские идеологемы, китайские идеологемы.

1. Введение

В настоящее время изучение языковых средств манипулятивного воздействия в политическом дискурсе является актуальным и активно развивающимся направлением лингвистиких исследований. В рамках данного направления важное место занимают идеологические стереотипы, которые принято называть идеологемами. Так, А.П. Чудинов указывает, что идеологема – «слово, в значение которого входит идеологический компонент» [8, с. 92]; Н.И. Клушина отмечает, что идеологема – «воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок» [3, с. 35]; Б.М. Пионтек определяет идеологему как «слово или сочетание слов, обладающее целостным идеологическим значением» [6, с. 87]; О.А. Кузина полагает, что идеологема «является вербальным репрезентатором общественно-политических идей» [4, с.111].

Как видно, почти все исследователи сходятся в том, что самым главным признаком идеологем является то, что они являются носителями идеологического компонента. Таким образом, под идеологемами можно понимать слова и словосочетания, которые активно используются в политическом дискурсе в качестве средоточия важных для данного народа общественно-политических идей.

При этом важно отметить, что Н.А. Купина указывает на существование особого типа идеологем: «идеологемами становятся не только слова с семантикой, передающей концепты-идеи, но и единицы из сферы конкретной, бытовой лексики, которые получают идеологические наращения» [5, с. 14].

Аналогичного мнения придерживается М.А. Филиппова, разделяя идеологемы на первичные, которые создаются в рамках идеологии, и вторичные, которые возникают вне идеологии и приобретают идеологическую коннотацию [7, с. 5].

Опираясь на мнения Н.А. Купиной и М.А. Филипповой, по сфере происхождения представляется возможным выделить два типа идеологем: первичные (относящиеся к общественно-политической лексике) и вторичные (относящиеся к конкретной, бытовой лексике).

Несмотря на немалое количество работ в области исследования идеологем, на сегодняшний день исследований, посвящённых выявлению механизмов формирования первичных и вторичных идеологем недостаточно. В связи с этим настоящее исследование представляется актуальным.

2. Основные механизмы формирования первичных идеологем

Во-первых, самым главным механизмом формирования первичных идеологем являются словообразовательные суффиксы –изм, –ист, –ик и т. п., обозначающие идеологические учения и их последователей. Так, с помощью словообразовательного суффикса –изм сформировались такие идеологемы, как **«социализм»**, **«коммунизм»**, **«капитализм»**, **«национализм»**, **«фашизм»**, **«нацизм»**, **«тоталитаризм»**, **«расизм»**, **«анархизм»**,

«большевизм» и т.д. А при помощи словообразовательных суффиксов –ист и –ик сформировались такие идеологемы, как **«социалист»**, **«коммунист»**, **«капиталист»**, **«националист»**, **«фашист»**, **«нацист»**, **«тоталитарист»**, **«расист»**, **«анархист»**, **«большевик»** и т.д.

Во-вторых, при формировании идеологем, обозначающих названия идеологических учений, эффективно работает не только словообразовательный суффикс –изм, но и эпоним. Так, в честь великих политических лидеров образовался ряд идеологем, таких как **«путинизм»**, **«ленинизм»**, **«марксизм»**, **«сталинизм»**, **«ельцинизм»**, **«хрущевизм»**, **"毛泽东思想"** (досл. **«маоизм»**, обозначающий систему идейно-политических установок Мао Цзэдуна), **"孙文主义"** (досл. **«суньятсенизм»**, обозначающий систему политических взглядов революционера-демократа Сунь Ятсена) и т. д.

В-третьих, добавление эпитета также является одним из самых распространённых механизмов формирования первичных идеологем. Например, идеологема **«бархатная революция»**: к слову «революция» добавлен эпитет «бархатная», указывающий на то, что революция, произошедшая в политической жизни Чехословакии в конце 1989 года, была осуществлена мирным путём, без военного участия, мягко и гладко. Впоследствии данная идеологема стала применяться для обозначения различных ненасильственных и бескровных свержений режимов по всему миру.

Тот же механизм работает и в формировании таких идеологем, как **«пионерский галстук»**, **«социалистическое соревнование»**, **«коллективное руководство»**, **«коммунистическое строительство»**, **«пролетарская революция»**, **«русская идея»**, **«святая Русь»**, **"中国梦"** (досл. **«китайская мечта»**), **"小康社会"** (досл. **«среднезажиточное общество»**) и т. д.

В-четвёртых, при изменении грамматических показателей также может образоваться новая идеологема. Например, идеологема **«вождь народов»**: изначально словосочетание «вождь народа» обозначало главу племени, а в СССР изменение числа имени существительного (народа – народов) превратило его в идеологему, часто используемую по отношению к И.В. Сталину, обозначающую человека, который руководит не только в данный момент, но и будет считаться тем, по чьим правилам и дальше будут жить разные народы. Подобным примером является идеологема **«дружба народов»**, указывающая на стремление СССР к объединению не только русского народа, но и разных народов мира, ставших на социалистический путь развития.

В-пятых, аббревиация также активно используется при формировании и распространении идеологем, так как аббревиатуры могут передать большой объём информации более экономным средством, что позволяет успешное внедрение в массовое сознание нужных идеологем путём их постоянного повторения в средствах массовой информации. Например, в речи аббревиатура **«СССР»** (Союз Советских Социалистических Республик) получила идеологическое значение: «рождённый в СССР» обозначает человека, чьё мировоззрение основано на коммунистических взглядах.

На основе процесса аббревиации возникли и такие идеологемы, как **«комсомол»** (коммунистический союз молодёжи), **«ликбез»** (ликвидация безграмотности), **«КПСС»** (Коммунистическая партия Советского Союза), **«пятилетка»** (пятилетний план развития народного хозяйства СССР), **«колхоз»** (коллективное хозяйство) и т.д.

При этом стоит отметить, что в настоящее время некоторые из идеологем советского периода используются в переносном значении, которое имеет оттенок иронии. Например, «ликбез» носители языка используют в качестве вежливой самоиронии в ситуации, когда человек не знающий простых, базовых вещей, вынужден обратиться за помощью к другим. Это свидетельствует о том, что данное слово уже лишено политической значимости.

Таким образом, можно говорить о наличии типов первичных идеологем, исходя из механизмов их построения:

1. С помощью словообразовательных суффиксов (31,25% от всего количества проанализированных идеологем);
2. Добавление эпитета (15,625%);
3. Эпоним (12,5%);
4. Аббревиация (9,375%);
5. Изменение грамматических показателей в словосочетании (3,125%).

3. Основные механизмы формирования вторичных идеологем

При формировании вторичных идеологем большую роль играет метафора. Например, идеологема **«кулак»**: первоначально данное слово обозначало зажиточного крестьянина, который умеет вести хозяйство и управлять своим богатством, но после октябрьской революции 1917 года оно превратилось в идеологему, используемую для обозначения классового врага, который крепко держит в кулаке всё то, что должно относиться к коллективной собственности [1, с. 299].

Подобный механизм работает в формировании идеологемы **«железный занавес»**: изначально данное словосочетание обозначало противопожарное приспособление в театре, которое опускали на сцену в случае возникновения на ней пожара [2], но после окончания Второй мировой войны и до конца холодной войны оно употреблялось в качестве идеологемы, обозначающей

непреодолимый (жёсткий, крепкий и сильный как железо) политический барьер, изолирующий СССР и другие социалистические страны от капиталистических стран Запада.

Интересно, что механизм метафоры активно употребляется в формировании не только русских идеологем, но и китайских.

Так, например, актуальная в последние годы китайская идеологема **“老虎苍蝇一起打”** (досл. **«бить тигров и мух»**), которая обозначает борьбу с коррупцией («тигры» – влиятельные коррупционеры, обычно члены правительства, обладающие большими полномочиями и властью, а «мухи» – мелкие взяточники), была построена на соединении двух метафор в одном высказывании.

“丝绸之路” (досл. **«шёлковый путь»**), который первоначально обозначал путь для вывоза шёлка из Китая, превратился в идеологему также с помощью метафоры. В настоящее время это уже не просто торговый путь, но и путь, ведущий к политическому взаимопониманию, экономическому сотрудничеству и культурному взаимодействию, который ценный и дорожный, как шёлк.

На основе метафоры были сформированы и многие другие идеологемы, такие как **«оттепель»** (период демократизации и либерализации общественной жизни в СССР), **«чистка»** (исключение людей из партии), **“新鲜血液”** (досл. **«свежая кровь»**, обозначающая новых членов партии, бодрых и полных решимости), **“保护伞”** (досл. **«защитный зонтик»**, обозначающий государственных чиновников, которые защищают чёрные силы и потворствуют их преступным действиям), **“绿色长城”** (досл. **«зелёная китайская стена»**, обозначающая китайский проект по защите экологии), **“硬骨头”** (досл. **«крепкая кость»**, обозначающая трудности, возникшие в ходе реформирования, с которыми трудно справиться) и т.д.

Второй механизм – метонимия, ярким примером которой является идеологема **«жёлтые жилеты»**: изначально данное словосочетание не имело идеологического значения, просто обозначало жилеты жёлтого цвета, а позже в связи с протестным движением во Франции в конце 2018 года, где жёлтые жилеты надели протестующие с целью идентифицировать принадлежащих к этому движению, оно превратилось в идеологему, обозначающую самих протестующих.

Подобным примером является китайская идеологема **“雨伞革命”** (досл. **«революция зонтиков»**, обозначающая протесты жителей Гонконга против намерения Пекина контролировать гонконгские муниципальные выборы, которые начались 28 сентября 2014 года и продолжались 79 дней): зонтики носили протестующие для защиты от жаркого солнца и перцовых газовых баллончиков, а впоследствии стали обозначать самих протестующих.

Третий механизм – эвфемизм. Идеологемы, созданные на основе эвфемизации, часто используются в качестве средства сокрытия нежелательной информации от читателей. Например, идеологема **«миротворец»**: первоначально данное слово обозначало того, кто способствует прекращению ссоры, а позже оно было вовлечено в сферу политики для обозначения военнослужащих, направляемых в какую-нибудь страну для устранения конфликта. Следовательно, данное слово превратилось в идеологему, которая скрывает в себе факт установления контроля над государством со стороны.

Подобный механизм употребляется и в формировании таких идеологем, как **«братская помощь»** (военное вмешательство), **«карательная акция»** (военные действия, проводимые Киевом на юго-востоке Украины), **«сопутствующий ущерб»** (убийство гражданского населения во время войны) и др.

Четвёртый механизм – символизация. Например, идеологема **«серп и молот»**, обозначающая союз между крестьянством и рабочим классом, в которой «серп» – символ крестьян, а «молот» – символ рабочих. От метафоры символизацию отличают сохранение всех компонентов значения (серп и молот одновременно и инструменты труда, и классы общества, и определённая военная угроза миру капитализма) и опора на предметно-визуальный ряд.

С помощью символизации была сформирована и китайская идеологема **“五星红旗”** (досл. **«пятизвездочный красный флаг»**): красный – это одновременно и цвет флага, и кровь героев, павших за дело революции, и символ социализма; пять звёзд – это одновременно и орнамент на флаге, и символ пяти составляющих китайского общества.

Таким образом, можно выделить следующие формирующие механизмы вторичных идеологем:

1. Метафора (15,625%);
2. Эвфемизм (6,25%);
3. Метонимия (3,125%);
4. Символизация (3,125%).

4. Выводы

Опираясь на проведённое исследование, можно сказать, что первичные идеологемы – это часть общественно-политической лексики, которая в основном обозначает названия и представителей идеологических учений; а вторичные идеологемы – это часть конкретной, бытовой лексики, которая в определённый исторический период была вовлечена в сферу политики для обозначения идеологически значимых явлений.

В исследовании были выявлены также различия в механизмах их формирования: первичные идеологемы основаны на таких механизмах, как деривация, эпонимия, добавление эпитета, аббревиация и изменение грамматических показателей в словосочетании; а вторичные идеологемы образованы метафорическим, метонимическим переносом, эвфемизацией и символизацией.

Идеологемы существуют в политическом дискурсе в течение определённого периода: после утраты политической значимости, часть из них уходит в пассивный словарный запас носителей языка, становясь фактом истории, часть же из них остаётся использоваться сегодня в переносном значении с оттенком иронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброноженко Г.Ф. «Кулак» во второй половине XIX в. – 20-е гг. XX в.: общеупотребительное слово – научный термин – идеологема // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12 (68). С. 299–306.
2. «Железный занавес» – в чём суть выражения [Электронный ресурс]. URL: https://polit-gramota.ru/istoriya/jeleznyi-zanaves-v-chem-syt- vyrajeniia (дата обращения: 01.11.2019).
3. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2008. – 57 с.
4. Кузина О.А. Идеологема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине в 2013—2014 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). С. 110–115.
5. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
6. Пионтек Б.М. Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 85–95.
7. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Волгоград, 2007. – 22 с.
8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. – 254 с.

© Гуань Цзюньбо (sophia950612@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.16

АННОТАЦИЯ КАК МЕТАТЕКСТ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОСНОВНОМУ ТЕКСТУ НАУЧНОЙ СТАТЬИ[1]

Екимов Марк Анатольевич
аспирант, Череповецкий государственный университет
г. Череповец
maekimov@chsu.ru

Аннотация: Основными структурными компонентами при публикации научной статьи являются такие компоненты, как заглавие, аннотация, набор ключевых слов и собственно текст статьи. По отношению к основному тексту статьи заглавие, аннотация и набор ключевых слов могут рассматриваться как вторичные тексты, возникающие в результате компрессии (сжатия) основного текста статьи с сохранением исходного смысла. В статье проведен анализ механизмов компрессии на примере аннотаций в сравнении с основным текстом статьи. Рассмотрение этих объектов велось на материале нескольких статей по гуманитарным наукам (истории и филологии), опубликованных в рецензируемых научных журналах. Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейшем при изучении проблематики подбора ключевых слов и составления аннотаций в текстах разных научных жанров.

Ключевые слова: научная статья, аннотация, набор ключевых слов, метатекст, основной текст, вторичный текст.

THE ABSTRACT AS THE METATEXT REGARDING THE BODY TEXT OF A RESEARCH ARTICLE[2]

M. Ekimov

Summary: The main components of the research article structure include the title, the abstract, the keywords group and the body text. The title, the abstract and the keywords group may be considered as the secondary text regarding the body text. These texts appear as the results of the body text compression and preserve the meaning of the original text. The current article pays the specific attention to the compression mechanisms via comparing abstracts to body texts. These objects were studied using several articles on human sciences (history and philology) published in peer-reviewed journals. The results of the research may be used in further studies of keywords choosing problems or metatextual elements inside the text of different scientific genres.

Keywords: research article, keywords group, metatext, body text, secondary text.

Обзор литературы

Смысловая компрессия

Дифференциация жанров научной речи может осуществляться по ряду критериев, среди которых выделяется и критерий «первичности-вторичности». Согласно О.М. Силкиной, этот критерий выделяли, в частности, М.В. Вербицкая, В.И. Карасик и М.М. Бахтин [Силкина, 2018]. Примерами первичных жанров в данном случае являются монография, диссертация или статья, которые представляют собой первоисточник, а примерами вторичных жанров – автореферат, аннотация или тезисы, полученные в результате преобразования информации, извлечённой из первичных документов. Вторичные жанры такого рода выполняют ознакомительную функцию и характеризуются краткостью и понятностью [Силкина, 2018: 73]. По отношению к первичному тексту вторичный текст является результатом смысловой компрессии (сжатия) первичного текста [Черкунова 2021: 29].

Согласно Г.В. Бабиной и М.М. Любимовой, смысловое сжатие текста, называемое нередко «сгущением» содержания авторского текста, – это «процесс семантической и структурной перестройки языковых единиц в тексте», позволяющий передать в дальнейшем более краткое, ёмкое содержание текста в процессе коммуникации [Бабина 2021: 249]. Сжатие информации может осуществляться с использованием разных приёмов, таких как: замещение одного фрагмента высказывания другим; стяжение отдельных смысловых фрагментов в цельную единицу; использование именных блоков, вбирающих содержание целых предложений; опущение ряда характеристик; обобщение информации и др. [там же].

Под компрессией М.В. Черкунова подразумевает процесс перекодирования информации и создания более краткой, но семантически адекватной версии содержания первичного текста, которая обладает собственной логико-композиционной структурой [Черкунова 2021: 29]. М.В. Умерова пишет, что компрессия – это упрощение поверхностной структуры текста, осуществляемое

1 Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00290 «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка»).
2 This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 20-012-00290 "Oral and written narrative unit as a secondary text: features of a creating process by different categories of the Russian language native speakers").

путём «повышения информативности языковых единиц», но сохраняющее информационную сторону (содержимое первичного текста). Она же дополняет, что в результате смысловой компрессии текст оригинала будет максимально сжат, однако содержание текста можно будет воспроизвести без искажений [Умерова 2011: 260]. Для проведения смысловой компрессии текста традиционно обязательным считается предварительное выделение ключевых смысловых элементов первичного текста и их фиксация в виде плана-конспекта [Леденева, Зинкевич 2020: 83].

Процесс смысловой компрессии А.С. Штерн и Л.Н. Мурзин называют «свёртыванием», а обратный ему процесс восстановления исходного авторского текста – «развёртыванием», отмечая, что развёртывание не может существовать без свёртывания [Мурзин, Штерн 1991: 29]. Критически важным для процесса свёртывания они называют закон инкорпорирования, согласно которому, каждое последующее предложение в рамках текста не просто присоединяется к предыдущему предложению, а как бы встраивается в него, к уже известной информации («тема») добавляется новая («рема») [Мурзин, Штерн 1991: 30–31]. Сохранение темы крайне необходимо для поддержания связности текста, однако сама компрессия играет и другую, не менее важную роль, позволяя читателю запомнить основное содержимое текста без существенных искажений [Мурзин, Штерн 1991: 34–36]. Именно компрессия является одним из способов наиболее полной передачи содержимого текста [Мурзин, Штерн 1991: 73].

Черкунова, ссылаясь на Т.В. Леденеву и Н.А. Зинкевич, которые изучали такой вид вторичного текста, как реферирование, выделяет серию требований, предъявляемых к любому вторичному научному метатексту [Леденева, Зинкевич 2020: 84], [Черкунова 2021: 29]:

- нейтральность и объективность;
- семантическая адекватность;
- полнота отражения содержания первоисточника;
- краткость и точность;
- логическая стройность и связность;
- композиционная завершённость;
- единство стиля.

Аннотация

Как было указано ранее, одним из видов вторичных текстов является аннотация к научной статье [Черкунова 2021: 29]. Понятие аннотации нередко перекликается с такими понятиями, как «авторское резюме», «реферат» и «абстракт»: в одних источниках указывается на тождественность подобных понятий термину «аннотация», в других же подчёркиваются их отличия от аннотации как таковой [Синченко, Воробьева 2017: 78]. Положения ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования» гласят, что аннотацией в целом является «краткая характеристика документа с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей». В состав аннотации включаются характеристика основной темы, проблемы, объекта, цели работы и её результаты, а также новизна [Синченко, Воробьева 2017: 80]. М.В. Черкунова пишет, что под аннотацией к научной статье подразумевается текст, в котором представляются основные положения и результаты проведённого исследования. Аннотация классифицируется как периферийный текст вторичного порядка или тип малоформатного метатекста, созданный на базе основного текста статьи. При сравнительно небольшом объёме аннотация должна представлять собой зеркальное отражение смысловой структуры первичного текста [Черкунова 2021: 29].

Суть аннотирования (процесса составления аннотации) заключается в максимально возможном сокращении объёма источника информации при полном сохранении основного содержания [Иванников 2017: 92]. Для малоформатных текстов аннотаций компрессивность представляет собой инструмент донесения до адресата сути основной когнитивной информации [Черкунова 2021: 34]. По своей природе аннотация двойственна, поскольку является не только вторичным текстом, но и специфическим документом, в создании которого участвуют механизмы свёртывания информации; она же моделирует первичный текст в дискурсивной форме. Сложность её создания заключается в том, что она должна быть не только краткой и ёмкой одновременно, но также согласовываться и с научным текстом, и с социальным контекстом [Синченко, Воробьева 2017: 78]. При этом в научном сообществе нет общепринятых единых стандартов размера аннотации в символах или словах: в зависимости от издательского дома, выпускающего периодические научные издания, требования к размеру аннотации в виде количества слов могут варьироваться [Синченко, Воробьева 2017: 81–82, 84].

Аннотации к научной работе присущи все основные черты научного стиля, в том числе подчёркнутая логичность, объективность, обобщённость, понятийность и точность, которые достигаются речевой системностью. Аннотация оформляется, как правило, уже после завершения работы над основным текстом статьи. В её структуру, как правило, входят следующие элементы [Иванников 2017: 92]:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- методология исследования;
- основные результаты и выводы по итогам проведённой работы.

Основные функции аннотации, согласно О.М. Сил-

киной, – поисковая и сигнальная. Поисковая функция заключается в использовании аннотации в информационных системах для поиска документов и информации, а сигнальная – в установлении основного содержимого документа, определении его релевантности и принятии решения об обращении к полному тексту документов [Силкина 2018: 71]. Поскольку от качества и полноты представления результатов научной работы зависит её дальнейшая судьба (в том числе её цитируемость и упоминание в наукометрических базах), то аннотация приобретает в таком случае первостепенное значение. Читатель, ознакомившийся с аннотацией, именно на основании её содержимого принимает решение о необходимости обращения к основному тексту статьи [Черкунова 2021: 29]. Иначе говоря, сигнальная функция аннотации связана непосредственно с сообщением о существенности или несущественности информации для читателя [Силкина 2018: 71].

Метатекст

Упомянутое выше понятие «метатекста» появилось во второй половине XX века в рамках лингвистики текста и решения проблемы «смысл–текст», которой занимались в разное время такие авторы, как создатели теории «Смысл ⇔ Текст» И.А. Мельчук и А.К. Жолковский, ([Гиндин 2015: 7], а также Р.О. Якобсон, А.А. Потебня, М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман, трактовавшие любой текст как конструкцию, созданную для передачи представлений о какой-либо предметной области [Байкова 2010: 249]. В «узком» подходе к пониманию метатекста под таковым подразумевается комментарий собственно текста или его интерпретация, осуществляемые только со стороны говорящего. При «широком» понимании его признаком становится уже «ориентированность на языковой код»: в таком случае речь идёт уже о восприятии метатекста не только говорящим, но и слушающим (с учётом использования разных речевых тактик) [Иванников 2017: 338].

Среди современных определений «метатекста» выделяются такие определения, как «коммуникативный дейксис, указывающий на тему сообщения, организацию текста, его структурированность и связность» [Гилева 2009: 27], или «текст, знакомство с которым реципиенту необходимо для понимания какого-либо другого текста» [Гаврилова 2017: 5]. В то же время вместо термина «метатекст» некоторые авторы используют термин «рефлексив» для представления вербализованных метавысказываний как «продукта осознанной метаязыковой деятельности» [Гилева 2009: 28].

В современном виде понятие «метатекст» появилось в работе А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» 1976 года, в которой автор рассматривал его на основе идей М.М. Бахтина о связи говорящего с собственным словом. Согласно А. Вежбицкой, метатекст – разновидность высказывания о самом высказывании, сводящаяся к пониманию слушателем не только отдельных предложений, но и определение всех взаимосвязей между предложениями в пределах текста. Элементы метатекста дополняют и интерпретируют смысл основного текста, а также позволяют фиксировать определённые этапы усвоения высказывания. Любой компонент текста, выполняющий метатекстовую функцию, назывался Вежбицкой «метатекстовым оператором» [Гилева 2009: 27–28].

Метатекст используется в современной лингвистике при анализе как художественных, так и научных текстов [Иванников 2017: 339]. М.Н. Ахметова выделяет четыре возможных подхода к проблеме метатекстовых элементов в тексте, представленных как свойства: метатекстовые элементы могут устанавливать связь между фрагментами высказывания, переключать внимание читателя на наиболее существенные фрагменты текста, показывают информационную ценность различных фрагментов текста, а также выполняют метаязыковую функцию связности. Цитируя В.А. Бачини, Ахметова отмечает, что с помощью метатекста читатель получает возможность «постижения единства существования вещи и её смысла, вместе составляющих её ценность» [Ахметова 2015: 70].

В научном тексте автор с помощью метатекстовых компонентов пытается обеспечить понимание содержимого текста за счёт дополнительной интерпретации других компонентов текста: в лингвистике к таковым обычно могут относиться различные синонимические замены, перифразы или сравнения [Гаврилова 2017: 6]. А.А. Гаврилова, изучая научные работы о «метаэлементах» научного текста, обращала особое внимание на свойство диалогичности, приводимое М.Н. Кожиной в качестве свойства любого научного текста и научной речи в принципе и позволяющее, согласно В.Е. Чернявской, привлечь читателя к информации. Диалогичность, по словам Гавриловой, реализуется через метатекстовые средства, позволяющие привлечь внимание читателя к наиболее значимым фрагментам научного текста и структурировать всю информацию [Гаврилова 2017: 31–32].

Согласно М.Н. Кожиной, к метатекстовым компонентам научного текста можно отнести такие элементы, как конструкции и обороты связи, показывающие читателю ход изложения и указывающие на определённые моменты содержания, а также вводные слова с функциями уточнения, объяснения, ссылками, оценки и добавленного сообщения. Такие авторы, как Л.В. Славгородская и Н.Д. Арутюнова, относят к метатекстовым компонентам научного текста и образные средства, в том числе и метафоры [Гаврилова 2017: 34–36]. Употребление в тексте научного стиля терминов имеет непосредственное отношение к метатексту: согласно В.Н. Карповичу, раскрытие значения термина носит метаязыковой характер, а определение термина, будучи комментарием к тексту,

автоматически становится метавысказыванием [Гаврилова 2017: 39]. Среди иных метатекстовых компонентов выделяются библиографические ссылки, которые М.Н. Кожина называла «средством компрессированного выражения двухмерности текста» [Гаврилова 2017: 32, 44]; графические средства выделения текста (жирный шрифт, курсив); таблицы, графики, схемы, диаграммы и рисунки, несущие дополнительную информацию, прямо не представленную в тексте [Гаврилова 2017: 45–47].

Методология и материал исследования

В качестве материала для данного исследования были использованы тексты 12 научных статей из 6 русскоязычных рецензируемых научных журналов (по две статьи из каждого журнала), список которых представлен ниже. По шесть статей были взяты из предметных областей «История» и «Филология». В каждом из разделов статьи представлены в алфавитном порядке по фамилии первого автора. Все статьи из числа рассматриваемых в пределах данного исследования были опубликованы в 2020 году.

Раздел «История»

1. Бенда В.Н. Вещевое и финансовое обеспечение личного состава артиллерийских и инженерных подразделений в первой четверти XVIII века // Вестник КГУ. – 2020. – № 1. – С. 21–26.
2. Волков А.П., Лапай Д.С. Использование опыта вооруженных конфликтов предвоенного периода в подготовке командно-начальствующего состава для железнодорожных войск РККА (1937–1941 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25, № 187. – С. 170–178.
3. Гнатовская Е.Н., Ким А.А., Стасюкевич С.М. О времени и обстоятельствах ликвидации японских укреплённых районов в Маньчжурии (август-сентябрь 1945 г.) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8 (98). Ч. 3. – С. 136–141.
4. Девейкис М.В. Историографический обзор литературы в советский и постсоветский периоды по истории музеев Петербурга, созданных в эпоху Николая II // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8 (98). Ч. 3. – С. 142–146.
5. Димитренко Н.В. Деятельность советской разведки по получению сведений в области военной бактериологии в 1936–1937 гг. // Вестник КГУ. – 2020. – № 1. – С. 53–57.
6. Злобин А.Н. Политехнизация школы в Центрально-Черноземной области в 1931–1933 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25, № 187. – С. 160–169.

Раздел «Филология»

7. Алиева Э.А. Функциональный статус второго лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2020. – № 3 (437). Вып. 120. – С. 7–11.
8. Бабенко Л.Г. Антонимия в контексте синонимии: принципы лексикографического описания в новом идеографическом словаре // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 7–17.
9. Бондаренко Е.В., Луханина А.Н. Лексико-грамматические особенности камерунского варианта английского языка (на материале публицистических текстов) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2020. – № 3 (437). Вып. 120. – С. 40–46.
10. Ермачкова О. Англицизмы на -инг в русском и словацком языках // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 51–61.
11. Малаховская М.Л. Новейшие англицизмы в русском лексиконе в аспекте обучения переводу // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 201–209.
12. Цейтлин С.Н. Языковые правила и их нарушение в речи детей и взрослых // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 7–17.

В каждой из указанных выше научных статей аннотация и набор ключевых слов рассматривались как метатексты по отношению к основному тексту научной статьи: была проанализирована структура аннотации как результат компрессии основного текста научной статьи, как результат процесса «сворачивания» основного текста.

Результаты исследования

Аннотация как метатекст

Рассматривая аннотацию по отношению к основному тексту научной статьи, стоит напомнить, что она является вторичным текстом по отношению к первичному — основному тексту. Аннотация появляется в результате сжатия первичного текста и содержит основные положения каждой статьи, которые сохранились в результате процесса сжатия или компрессии текста. Как правило, в результате компрессии некоторые блоки первичного текста могут заменяться одним или несколькими предложениями, сохраняющими смысл содержимого оригинального текста. В то же время могут опускаться подробности или какие-то детали, не требующие особого внимания со стороны читателя при ознакомлении с аннотацией и представленные именно в основном тексте.

Из исследовательских материалов в качестве примера аннотации к статье на тему истории можно привести аннотацию к статье Н.В. Дмитренко о разработках в области бактериологического оружия в СССР. Текст аннотации приводится ниже:

Статья посвящена некоторым аспектам подготов-

ки СССР к бактериологической войне во второй половине 1930-х годов, а также деятельности разведывательных органов и Военно-технического бюро по получению сведений в области военной бактериологии с учетом реалий состояния международных отношений. Особое внимание уделяется вопросу разработки наступательного бактериологического оружия за рубежом, а также оценке полученных материалов экспертами в СССР. В работе использованы ранее не опубликованные архивные источники, освещающие успехи советской разведки, а также проливающие свет на состояние развития рассматриваемой сферы в некоторых иностранных государствах. Автором описан механизм межведомственного взаимодействия, реализуемый в целях усиления оборонного потенциала СССР в военно-бактериологической сфере и внедрения полученных сведений в промышленность.

В данной аннотации достаточно чётко и точно указаны объект исследования (в данном случае речь идёт о подготовке СССР к бактериологической войне в канун Второй мировой войны) и предмет исследования (ряд аспектов подготовки, а именно разведывательная деятельность СССР, в том числе добытые сведения на тему бактериологического оружия и их оценка). В качестве использованных материалов приводятся ранее не публиковавшиеся архивные источники о деятельности советской разведки и о развитии этой сферы в иностранных государствах, что прямо подчёркивает элемент новизны данного исследования. Между строк автор недвусмысленно намекает читателю, что точные сведения о том, в каких странах велись работы по изучению бактериологической войны и какие советские разработки имели место в 1930-е годы, можно узнать именно при непосредственном обращении к основному тексту статьи.

Подобное обращение действительно позволяет узнать, какая информация была опущена в процессе компрессии основного текста: в частности, в основном тексте упоминается архивный фонд ГАРФ 8433, содержащий документы на тему бактериологического оружия, которые использовались при подготовке статьи. Там же упоминаются наименования и даты основания советских организаций, занимавшимся изучением бактериологической войны: *Военно-химическое управление РККА, Военно-санитарное управление РККА (ВСУ РККА), Военно-медицинская академия в Ленинграде, противочумный институт в Иркутске* и основанный в 1934 году *Биотехнический институт РККА (БИТИ)*. В тексте также встречаются наименования некоторых документов с соответствующими датами, которые содержат информацию о результатах исследований в области биологической войны. Из блока наименований конкретных заболеваний, биологических препаратов и возбудителей эпидемий упоминаются такие слова и словосочетания, как «*столбняк*», «*микробы чумы*», «*культура индийской чумы*», «*дифтерия*», «*иодин*» и «*иодофил*».

Стоит заметить, что в аннотации речь идёт об «иностранных государствах» (слово упоминается во множественном числе), а не об одном государстве, занимавшемся разработкой данного оружия. С первого взгляда может показаться, что автор отходит от данной темы, поскольку в основном тексте большая часть сведений об иностранных исследованиях в области бактериологической войны приводится в контексте аналогичной программы Японии, которая, как подтверждается источниками в тексте, вела подобные разработки и испытывала бактериологическое оружие на гражданском населении Китая. Однако автор указывает такую работу, как «*Военная бактериология в США*», приводя февраль-март 1936 года как дату получения этой информации советской разведкой и указывая в качестве содержимого этой работы некие сведения о деятельности американской биологической лаборатории. Иным примером является работа «бактериологические лаборатории Турции», датируемая февралём 1937 года и содержащая сведения о бактериологических разработках в Турецкой Республике. Наличие этих элементов подтверждают правильность выбора автором грамматической формы. Эта небольшая деталь позволяет определить, насколько соотносятся заявляемые в аннотации сведения с той информацией, которую можно получить, только обратившись к основному тексту статьи.

Из статей на тему филологии в качестве примера аннотации приведем аннотацию к статье М.Л. Малаховской, посвящённой использованию англицизмов при переводе с английского на русский. Текст аннотации выглядит следующим образом:

В статье исследуются некоторые аспекты взаимовлияния двух процессов — процесса перевода с английского языка на русский и процесса пополнения русского лексикона за счет постоянно увеличивающегося в последние десятилетия притока новейших англицизмов. Выводы из проведенного автором анализа употребления и семантики некоторых часто критикуемых заимствований дали возможность предложить ряд рекомендаций по использованию новейших англицизмов в переводе. Кроме того, исследование данных сервиса Reverso Context позволило получить представление о роли профессиональных переводчиков в создании и распространении англицизмов, затрудняющих коммуникацию и засоряющих русский язык.

В данной аннотации можно чётко выделить не только объект исследования (перевод с английского на русский), но и предмет исследования (англицизмы в речи в контексте обучения переводу), материалы исследования (в данном случае речь идёт о материалах сервиса Reverso Context, используемого профессиональными переводчиками) и выводы (представление о роли переводчиков в создании и распространении англицизмов).

Ключевыми моментами здесь можно считать употребление термина «англицизм» в контексте переводов и использование данных сервиса Reverso Context. В целом аннотация построена достаточно лаконично, но ёмко.

Анализируя ключевые моменты, можно заметить, что обращение к основному тексту статьи позволяет читателю узнать о видах заимствований (целесообразных и нецелесообразных), а автор, следуя принципу диалогичности, о котором выше говорила М.Н. Кожина, как бы поддерживает диалог с читателем, задаваясь вопросами об использовании заимствований из английского: «Кто виноват в экспансии англицизмов и что с этим делать?», «Почему вообще возникает мысль о том, что с этим надо что-то делать?» и предлагая высказать собственное мнение по этому поводу. Автор указывает на так называемые «семантические кальки» и «ложные друзья переводчика» в качестве неоправданно внедряемых видов англицизмов, тем самым словно подтверждая утверждение о «засорении русского языка», представленное в конце аннотации.

Приводимые данные сервиса Reverso Context – это переводы предложений с английского языка на русский, в которых содержатся англицизмы. В качестве примеров подобных англицизмов, нередко сопряжённых с ошибочным употреблением, приводятся «экспертиза» (expertise) и «вызов» (challenge), причём последнему слову как кальке с английского многозначного слова посвящен отдельный раздел. В аннотации автор подчёркивает, что выбор указанных выше переводов английских слов нередко подвергается критике за необоснованность и ошибочную оценку контекста, что подтверждается примерами переводов, указанными в Reverso Context.

В то же время стоит отметить, что размеры аннотаций не являются одинаковыми и могут отличаться по количеству слов. С одной стороны, размер аннотации может вызвать у читателя реакцию в виде стремления обратиться к основному тексту, поскольку он осознаёт, что полную информацию о работе можно получить только таким способом. С другой стороны, читатель может посчитать аннотацию либо слишком краткой и не несущей ценной информации (обычно в случае небольшого объёма аннотации с краткой констатацией основных положений), или слишком трудной для восприятия (речь идёт об аннотациях большого объёма с достаточно подробным в их пределах раскрытием ряда аспектов исследования).

Примером достаточно краткой является аннотация к статье по филологии авторства Э.А. Алиевой следующего содержания:

Впервые на материале языковой структуры произведений писателей-орнаменталистов показана модификация функционально-семантического статуса форм 2-го лица местоимений и глаголов. В орнаментальном повествовании данные формы позволяют имитировать коммуникативную ситуацию непосредственного общения субъекта речи с различными типами адресатов; служат одним из показателей субъективизации, создают игру формами 3-го и 2-го лица, что способствует созданию полифонизма.

Хотя в аннотации указаны материал исследования, его результаты и выводы, автор не раскрывает в аннотации содержимое терминов «орнаменталисты» и «орнаментальное повествование», вводя при этом термин «функционально-семантический статус». Поскольку среди читателей могут быть как специалисты по литературоведению, так и просто интересующиеся филологией люди, у читателя предсказуемо может возникнуть одна из двух реакций. В первом случае он может обратиться к основному тексту статьи, чтобы узнать, кто такие орнаменталисты и о каком статусе форм 2-го лица местоимений и глаголов идёт речь. Так, в основном тексте в качестве примера высказываний приводится предложение «Почему же, как страус, ты прячешься при приближении неотвратимого “вдруг”?»; в качестве материалов исследования упоминаются произведения «Петербург» А. Белого, «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова, «Города и годы» К. Федина и «Дар» В. Набокова. Во втором случае читатель может отказаться от дальнейшего изучения текста, поскольку аннотация не даёт достаточно прямых ответов на вопрос, о чём именно повествует данная статья. Сложность заключается в том, что термин «писатели-орнаменталисты» может быть незнакомым для многих читателей, поскольку слово «орнаменталисты» употребляется чаще в составе сложного существительного «художники-орнаменталисты». Также словосочетание «формы 2-го лица местоимений и глаголов» не сразу может навести человека на мысль о том, какая именно грамматическая форма подразумевается автором («вы свободны», «ты остановишься», «ты увидишь»).

Примером крупной по размерам аннотации, содержащей намного больше по сравнению с привычным видом сведений об исследовании, является аннотация к статье В.Н. Бенды на историческую тематику:

С начала XVIII столетия в военной организации России были проведены существенные изменения, после которых она получила, почти во всех отношениях, новое устройство, заимствованное во многих случаях от европейских государств. Для поддержания высокой боевой готовности и боеспособности создаваемой регулярной армии следовало обеспечивать её снабжение всеми необходимыми видами довольствия, в том числе финансовым, обмундированием и другим вещевым имуществом. В статье на основании ранее неизвестных архивных документов, хранящихся в Архиве Военно-историческо-

го музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, и других источников рассматриваются отдельные проблемы организации обеспечения личного состава русской армии, в том числе артиллерийского и инженерного корпусов такими видами довольствия, как вещевое и финансовое. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения денежным довольствием, необходимым обмундированием и другим вещевым имуществом служащих, рядового, унтер-офицерского и офицерского состава артиллерийских и инженерных подразделений. Делается вывод о том, что существовавший в то время порядок пропорционального формирования годового бюджета Приказа артиллерии за счет той или иной части доходов различных губерний и из других мест приводил к хроническому недофинансированию Приказа артиллерии, что, в свою очередь, затрудняло выделение финансовых средств в полном объеме на содержание и обеспечение повседневной жизнедеятельности артиллерийских и инженерных корпусов. В исследовании впервые в научный оборот вводятся некоторые архивные и другие источники.

В рамках данной аннотации можно выделить подробное описание актуальности данной работы, широкий список документов, послуживших материалом исследования, и изучаемых аспектов, относительно подробное описание выводов по итогам работы и элементов новизны, однако подобная структура аннотации может показаться даже специалисту по русской истории достаточно громоздкой в связи с большим количеством элементов, включённых в каждый блок аннотации. Также определённую роль здесь играют используемые грамматические конструкции, которые необходимо задействовать для передачи указанной выше информации. Так, аспект обеспечения личного состава русской армии раскрывается в аннотации достаточно подробно, поскольку в этом фрагменте аннотации упоминаются «рядовой, унтер-офицерский и офицерский состав войск», а также «артиллерийский и инженерный корпуса».

Обращение к основному тексту данной статьи позволяет сделать вывод, что по объективным причинам произвести сжатие текста в большем масштабе не предоставляется возможным, поскольку в таком случае может не соблюдаться точность изложения информации в аннотации: в таком случае понадобилось бы обращение к основному тексту статьи, чтобы узнать, о каких именно аспектах снабжения русской армии велась бы речь (о каких войсках и в каком плане). В частности, в основном тексте указываются подробности снабжения русских солдат в XVIII веке, связанные с их годовыми жалованиями и выделяемыми средствами на содержание артиллерийских и инженерных частей. При этом, ссылаясь на А.А. Гаврилову, представленные в основном тексте таблицы денежного содержания русской армии можно считать метатекстовыми компонентами научной статьи, поскольку они содержат исчерпывающую информацию по теме исследования. Она не входит напрямую в основной текст исследования и не упоминается в чистом виде, однако с помощью таблиц и содержащейся в них информации читатель может узнать подлинные численные данные, полученные исследователями в ходе работы.

Исходя из этого, стоит заметить, что использование грамматических конструкций с однородными членами предложения (в том числе с обобщающими словами) в данном контексте может считаться лучшим из существующих вариантов компрессии первичного текста, а представленный вариант аннотации — лучшим из возможных вторичных текстов, раскрывающим сущность проводимого исследования. Сжатие таблиц, представленных в тексте статьи и играющих при этом роль метатекстовых компонентов, возможным не предоставляется.

Исходя из анализа вышеозначенных аннотаций в качестве примеров, можно сделать вывод, что аннотация как метатекст действительно заставляет читателя обращать внимание на наиболее существенные моменты основного текста (обычно читатель ищет их в основном тексте) и влияет на его решение о дальнейшем чтении научной статьи – это иначе называется сигнальной функцией, согласно О.М. Силкиной. Помимо выполнения вышеозначенной функции, аннотация подчёркивает информационную ценность данных ключевых моментов, поскольку в результате сжатия текста во вторичном тексте должны сохраняться наиболее существенные моменты первичного текста. Благодаря наличию существенных моментов можно провести поиск аннотаций со схожим содержимым, что связывается с поисковой функцией аннотации. Сохранение этих элементов во вторичном тексте как результате сжатия первичного текста также позволяет говорить о метаязыковой функции связности, подразумевая также последовательный и логичный переход от одной части текста к другой.

Наличие в аннотации всех этих свойств подтверждает логичность утверждения о том, что она играет роль метатекста по отношению к основному тексту. В то же время от размера и структуры аннотации зависит и возможность обращения читателя к полному тексту статьи: недостаточность или чрезмерная плотность информации, в том числе выраженная с помощью сложных грамматических конструкций, могут убедить читателя отказаться от подобных намерений. Стоит напомнить, что общепринятых стандартов составления аннотации и требований к объёму аннотации по словам или символам нет: издательский дом, выпускающий периодические издания, сам выставляет собственные требования к аннотациям.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что поисковая и сигнальная функции аннотации, выведенные О.М. Силкиной, по своей сущности совпа-

дают с функциями ключевых слов, упомянутых Т.Н. Москвитиной и Е.Г. Абрамовым. Так, характеристика ключевого слова как технических данных, обеспечивающих возможность поиска научной статьи с данным словом в информационной системе, эквивалентна *поисковой* функции аннотации: ввод содержимого аннотации или какого-либо ключевого слова позволяют найти статьи на схожую или ту же самую тему или те статьи, которые освещают тот же самый аспект на примере другого материала. В свою очередь, информационная составляющая ключевых слов, позволяющая читателю принять решение об обращении к полному тексту научной статьи, эквивалентна *сигнальной* функции аннотации: на основании набора ключевых слов читатель также может принять решение о том, стоит ли ему читать полностью статью или же ему нужно выбрать другую статью на схожую тематику.

Выводы

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

- Аннотация может считаться метатекстом по отношению к основному тексту научной статьи, поскольку переключает внимание читателя на наиболее существенные фрагменты основного текста, сохранившиеся в процессе его компрессии. Помимо этого, в результате компрессии в аннотации остаются именно те элементы основного текста, которые обладают наибольшей информационной ценностью и тем самым раскрывают сущность проведённой исследовательской работы.
- В зависимости от того, в какой степени была проведена компрессия, читатель после прочтения аннотации может решить обратиться к полному тексту научной статьи, а может и отказаться от чтения текста статьи. Возможными причинами является как отсутствие критически важных моментов, раскрывающих суть исследования, так и чрезмерная плотность текста, не позволяющая читателю сосредоточиться на наиболее важном содержимом аннотации.
- Метатекстовые элементы не ограничиваются разделами аннотации и наборами ключевых слов, а могут встречаться в текстах в виде определений к конкретным терминам, в виде различных таблиц и схем, раскрывая для читателя те моменты, которые в основном тексте автором не раскрывались.
- Поисковой функции аннотации соответствует функция ключевого слова, позволяющая отыскать статью с данным ключевым словом в информационной системе. Сигнальной функции аннотации соответствует функция ключевого слова, позволяющая читателю принять решение об обращении к полному тексту научной статьи или об отказе в чтении текста статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Е.Г. Подбор ключевых слов для научной статьи / Е.Г. Абрамов // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – №2. – С. 35–40.
2. Ахметова, М.Н. Метатекст в филологии: погружение обучающегося в текст, установление межтекстовых связей в ситуациях духовного общения, вхождения личности в Мир / М.Н. Ахметова // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 4 (44). – С. 69–75.
3. Бабина, Г.В. Сжатие и развёртывание текста учащимися с тяжёлыми нарушениями речи: лингвокогнитивный аспект / Г.В. Бабина, М.М. Любимова // Наука и школа. – 2021. – №6. – С. 247–255.
4. Байкова, С.А. Метатекст / С.А. Байкова // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №3. – С. 248–250.
5. Булатова, Э.В. К вопросу о ключевых знаках журналистского текста / Э.В. Булатова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение.– 2013. – Вып. 80. – № 21 (312). – С. 92–96.
6. Гаврилова, А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте / А.А. Гаврилова. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – 180 с.
7. Гилева, А.А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике / А.А. Гилева // Известия ВГПУ. – 2009. – № 10 (44). – С. 26–30.
8. Гиндин, С.И. О двух лингвистических датах 2015 года / С.И. Гиндин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2015. – № 8. – С. 7–9.
9. Иванников, Е.Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву / Е.Б. Иванников // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – №1. – С. 337–347.
10. Иноземцева, Н.В. Аннотация vs абстракт-текст: основные сходства и различия / Н.В. Иноземцева, О.В. Евстафиади // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 91–93.
11. Леденева, Т.В. Проблема обучения современных студентов реферированию иноязычного текста / Т.В. Леденева, Н.А. Зинкевич // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 23 (3). – С. 80–87.
12. Москвитина, Т.Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте / Т.Н. Москвитина // Вестник ЧГПУ. – 2009. – №11. – С. 277–283.
13. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Издательство Свердловского государственного университета, 1991. – 171 с.
14. Силкина, О.М. Аннотация как жанр научного дискурса / О.М. Силкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 70–76.
15. Синченко, Г.Ч. Объем аннотации научной статьи. Гибкость под прессом монументальности / Г.Ч. Синченко, Е.Ю. Воробьева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 4 (67). – С. 77–87.

16. Умерова, М.В. Языковая компрессия: виды и уровни реализации / М.В. Умерова // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – Вып. 17 (1). – С. 260–269.
17. Черкунова, М.В. Специфика языковой компрессии в современном англоязычном научном дискурсе (на материале аннотаций к статьям, входящим в международные реферативные базы данных) / М.В. Черкунова // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2021. – №3-3. – С. 28–38.

© Екимов Марк Анатольевич (maekimov@chsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Череповецкий государственный университет

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.17

ИСТОРИКО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЗДУШНОГО ПРАВА

HISTORICAL AND DIACRONIC ANALYSIS OF INTERNATIONAL AIR LAW TERMINOLOGICAL SYSTEM DEVELOPMENT

E. Zakirova
O. Vinogradova
E. Medvedeva

Summary: The article discusses the features of the development of the terminological system of international air law, which is a branch of international law that regulates the international legal regime of the world's air space, as well as ensuring the order, conditions and safety of international air transportation. The study found that the history of the formation of the terminological system of international air law includes four stages, each of which is characterized by the emergence of certain concepts and terms that nominate them. It was revealed that the most active development of the terminological system of international air law is noted after the adoption of the Chicago Convention (1944, 1994), Geneva Convention (1958), Brussels Convention (1938) and ICAO, which are the main documents in this area, which includes many special concepts and definitions. The results presented in the article are of great importance for modern linguistics, translation practice and professional communication in the field of international air transport based on International Law.

Keywords: terminological system of international air law, language for special purposes, historical and diachronic analysis.

Закирова Елена Сергеевна
д-р филол.н., профессор, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
zes.64@mail.ru
Виноградова Ольга Сергеевна
к.пед.н., Центр изучения иностранных языков «Лингвастарт»
olgawin@yandex.ru
Медведева Екатерина Павловна
тьютор ШИЯ, Научный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
MedKetrin94@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития терминосистемы международного воздушного права, представляющего собой отрасль международного права, регулирующего международно-правовой режим воздушного мирового пространства, а также обеспечивающего порядок, условия и безопасность международных воздушных перевозок. В ходе исследования установлено, что история формирования терминосистемы международного воздушного права включает в себя четыре этапа, каждый из которых характеризуется появлением определенных понятий и номинирующих их терминов. Выявлено, что наиболее активное развитие терминосистемы международного воздушного права отмечается после принятия Чикагской конвенции (1944 г., 1994 г.), Женевской конвенции (1958 г.), Брюссельской конвенции (1938 г.), ИКАО и др., которые являются основными документами данной сферы, включающими в себя множество понятий и дефиниций. Представленные в статье результаты имеют важное значение для современной лингвистики, переводческой практики и профессиональной коммуникации в сфере международного воздушного транспорта в рамках международного права.

Ключевые слова: терминосистема международного воздушного права, историко-диахронный анализ, язык для специальных целей.

Историко-диахронный анализ терминосистемы международного воздушного права на материале научной литературы и юридических документов позволяет выделить четыре этапа ее развития: 1) с XVIII века до Парижской конвенции 1919 года; 2) с 1919 г. до 1944 г.; 3) с 1944 г. до 1971 г.; 4) с 1971 г. до настоящего времени.

В ходе исследования выявлено, что первый этап истории терминологии, определяющийся с XVIII века до Парижской конвенции 1919 года, характеризуется появлением первых терминологических единиц в сфере международного воздушного права, которые положили начало для дальнейшего развития его терминосистемы.

К наиболее ранним терминам международного воздушного права следует отнести такие понятия как: *balloon* (воздушный шар), *aerostat* (аэростат), *aeronautics* (воздухоплавание), *aeroplane* (самолет), *airspace* (воздушное пространство), *aircraft* (воздушное судно), *airship* (воздушный корабль), *dirigible* (дирижабль) [1; 2].

Термин *balloon* (от фр. *ballon*) (воздушный шар) появился в английском языке еще в XVI в. и означал «игра с большим мячом». Значение «мешок с нагретым воздухом для поднятия в воздух» данный термин приобрел в XVIII веке, когда братья Жозеф и Этьен Монгольфье запустили свой первый аэростат [1]. Примечательно, что термином *balloon* называли любой тип аэростата. Этимологический анализ показал, что само понятие *aerostat* (от греч. *aer+statos*) появилось в начале XVIII в.

Понятие *aeronautics* (воздухоплавание) появилось в начале XIX в. и означало любое передвижение по

воздуху. Позже, в 1920-х годах, термин приобрел свое современное значение «полетов на летательных аппаратах легче воздуха», что было связано с развитием самолетов и необходимостью в конкретизации данного понятия [2].

Появление двигателей в XIX веке способствовало развитию новых типов аэростатов. В это время появляется понятие *dirigible* (дирижабль) (от фр. *dirigeable*). В ходе изучения научной литературы нами выявлено, что изначально любой аэростат было принято назвать *balloon*, данный тип аэростата также назывался как *dirigible balloon*. В форме существительного в английском языке слово *dirigible* появилось в XIX веке. Однако, этимологический анализ показывает, что данное понятие существовало с XVI века в форме прилагательного, означающее «управляемый» [17] и является синонимом к термину *airship* (*air+ship*) (воздушный корабль), изначально означавшее любое летательное средство [17].

Позднее появились такие понятия, как *aircraft* (*air+craft*) (воздушное судно) и *aeroplane* (от фр. *aéroplane*) (самолет). Слово *aircraft* по отношению к воздушным шарам впервые использовал Джон Вайз, что позволяет утверждать о том, что значение «воздушное судно» данный термин приобрел именно в это время [17]. Этимологический анализ термина *aeroplane* показал, что изначально этот термин использовался со значением «поверхность крыльев жуков», а по отношению к летательным аппаратам *aeroplane* начало использоваться только с 1873 года [17].

Изучение истории термина *airspace* (воздушное пространство) показало, что раннее использование этого понятия отмечается в начале XIX века в сфере строительства печей. В середине того же века термин *airspace* (воздушное пространство) использовался в отношении помещений в санитарных правилах для больниц. Свое современное определение данный термин приобрел в 1910 году. На Парижской конференции (1910 г.) была впервые сформулирована идея о суверенитете воздушных пространств над государственной территорией [3].

В 1919 году в Париже была подписана конвенция о регулировании воздушной навигации (Парижская конвенция 1919 г.) [3], с появлением которой в развитии международного воздушного права отмечается второй этап. Важно отметить, что в связи с этим в статье 1 закрепляется термин *sovereignty over the airspace* (суверенитет над воздушным пространством), который означает «право государств распоряжаться небом над своей территорией». Понятие *sovereignty* (от фр. *sovereinete*) существует в английском языке с середины XIV в. со значением «власть, авторитет». По отношению к государству в его значении «самостоятельность» закрепляется в XVIII веке [17]. Следовательно, с 1919 г. в сфере международного воздушного права данный термин стал использоваться с тем же значением, но уже в отношении воздушного пространства.

В связи с необходимостью краткого и обобщенного определения для участвующих в конвенции государств, Парижской конвенцией был закреплен термин *Contracting States* (Договаривающиеся Государства). Выявлено, что в дальнейшем *States* было заменено на более конкретное *Party* (Сторона) [10].

Выявлено, что на основе конвенции понятие *nationality* (национальность) получило новое значение. Этот термин появился в английском языке в конце XVII века, означавший «целостность нации». Следует отметить, что к концу XIX в. значение сместилось в сторону «этническая группа» [17]. Таким образом, в международном воздушном праве закрепляется термин *nationality of aircraft* (национальность воздушного судна), означающее, что каждое воздушное судно имеет «этническую принадлежность» к тому государству, которому оно принадлежит.

Проведенное нами исследование показало, что в связи с развитием авиационной техники, появлением различных видов летательных аппаратов конвенцией закрепляются новые видовые понятия по отношению к родовому термину *aircraft* (воздушное судно). Таким образом, появляются термины: *state aircraft* (государственное воздушное судно), *private aircraft* (частное воздушное судно), *military aircraft* (военное воздушное судно). При этом к понятию *state aircraft* (государственное воздушное судно) относятся не только воздушные суда, задействованные на государственной службе (таможенная служба, почта, полиция), но и военные.

Исследование документа Парижской конвенции показало, что в 1919 году была учреждена Международная комиссия по воздушной навигации (*International Commission for Air Navigation*). В связи с довольно длинным названием организации возникла необходимость в его сокращении – аббревиации. Таким образом, в терминологии международного воздушного права закрепляется новая аббревиатура – ICAN [3].

Изучение научной литературы по международному воздушному праву позволяет утверждать, что **второй этап** истории отмечается периодом после проведения Парижской конвенции 1919 года до принятия Чикагской конвенции в 1944 году. Появление терминов в данный период истории связано с необходимостью систематизации новых понятий, возникающих вследствие развития военной техники, а также развития международных отношений.

Развитие военной техники, в том числе и авиационной, возникновение военных конфликтов между государствами стали причинами для появления правил ведения воздушной войны. Документ был выпущен в 1923 году в Гааге [4]. Следует отметить, что понятие *воздушная война* вошло в систему понятий международного воздушного права. В тексте данного документа были введены следующие термины: *air warfare* (воздушная война), *flying ambulance* (санитарная авиация), *law and customs of air warfare* (законы и обычаи воздушной войны) и др.

В связи с увеличением в XX веке количества международных перевозок возникла необходимость в унифицировании некоторых правил, что повлекло за собой закрепление в терминосистеме международного воздушного права новых понятий. На состоявшейся в 1929 году Варшавской конвенции был подписан международно-правовой документ, содержащий новые понятия [5]. Ключевым понятием данной конференции является термин *international carriage* (международные воздушные перевозки). В ходе этимологического анализа, выявлено, что слово *carriage* (от др.фр. *cariage*) появилось в лексическом составе английского языка в XIV веке и означало «перевозка; транспортные средства на колесах в целом». В XIX веке эта лексема применялась по отношению к железнодорожному транспорту. В международном воздушном праве слово *carriage* означает «перевоз грузов и/или пассажиров с территории одного государства на территорию другого» [17].

В ходе исследования выявлено, что конвенцией [5] также были закреплены и регламентированы следующие понятия: *passenger ticket* (билет), *luggage ticket* (багажная квитанция), *air consignment note* (авиагрузовая накладная) и *liability of the carrier* (ответственность воздушного перевозчика) и др.

Слово *ticket* появилось в английском языке в XVI веке и образовано от французского *etiquet*, которое первоначально означало «короткая записка», затем приобрело более специализированное значение – «бумага, дающая право или привилегию» [17]. В терминосистеме международного воздушного права данный термин был введен и получил свое закрепление, так как появилась необходимость терминологически обозначить документы, которые пассажир должен иметь при себе, чтобы попасть на воздушное судно.

Поскольку международное воздушное право является отраслью международного права, то закономерным следует считать переход правовых терминов в лексический состав данной отрасли права. К таким терминам следует отнести упомянутое понятие *liability* (ответственность), появившееся в правовой сфере в XVIII веке в значении «юридическая ответственность»: позднее данное понятие приобрело обобщенный смысл – «вещь, за которую ответственен человек» [17]. В международном воздушном праве данное понятие применяется по отношению к перевозчику, который несет ответственность за безопасность транспортировки пассажиров и обязанность по возмещению ущерба, причиненного по его вине.

Вследствие участившихся правонарушений в авиационной сфере Римской конвенцией 1933 года [10] были введены термины *precautionary arrest* (предупредительный арест) и *third parties* (третьи лица). Существительное *arrest* происходит от старо-французского *arester*, применялось и применяется в значении «взятие под стражу» [17]. В воздушном праве данная лексема появилась в связи с необходимостью обозначения акта задержания воздушного судна, совершившего правонарушение. Лексема *parties* – множественное число от существительного *part*. Исследование показало, что юридическое значение данная лексема получила еще в XIV в., относясь к группе лиц, участвующих в судебном процессе. Согласно этимологическому анализу, в XV в. это понятие приобрело значение «*конкретный человек*» [17]. Такое же значение данный термин имеет и в сфере международного воздушного права, введенный для конкретного обозначения людей, нанесших ущерб конкретному воздушному судну.

Проведение регулярных воздушных перевозок способствовало участившимся авиационным происшествиям. Это привело к подписанию конвенции в Брюсселе в 1938 году [1; 2] и установлению размеров выплат для лиц, участвовавшим в спасательных операциях воздушных судов. Таким образом, был введен термин *indemnity for expenses and remuneration for salvage* (возмещение расходов и вознаграждение за спасание).

Следует отметить, что результатом состоявшейся в 1944 году Чикагской конференции в составе 52 стран явилось принятие Конвенции о международной гражданской авиации [7]. В Главе 2 настоящей конвенции вводятся два новых термина: *scheduled flights* (регулярные полеты) и *non-scheduled flights* (нерегулярные полеты). Данные понятия являются видовыми по отношению к общему термину *flight*. Разделение таких видов полета связано с тем, что в международном воздушном праве необходимо было установить принципы и права воздушных судов для полетов между территориями государств.

Развитие технологий привело к появлению нового вида летательного средства – *pilotless aircraft* (беспилотное воздушное судно), закрепленный в терминосистеме международного воздушного права как видовое понятие термина *aircraft*. Термин *pilotless aircraft* закреплено 8 статьей Чикагской конвенции и означает «никем неуправляемое воздушное судно» [7].

В ходе исследования выявлено, что Чикагская конвенция как один из основных документов международного воздушного права внесла в его терминосистему множество понятий: *prohibited areas* (запретные зоны), *aircrafts in distress* (воздушные суда, терпящие бедствия), *investigation of aviation accidents* (расследование авиационных происшествий), *documents carried in aircraft* (документация на воздушном судне), *airline* (авиационные предприятие), *air service* (воздушное сообщение), *international air service* (международное воздушное сообщение) и др. [7].

Исследование показало, что происшествия среди авиации не являются редким случаем и это привело к их классификации по степени серьезности и появлению новых видовых понятий. Таким образом, приложения к Чикагской конвенции выделяют: *aircraft incident* (авиационный инцидент), *aircraft accident* (авиационное происшествие) и *serious incident* (воздушная авария) и др.

Конвенцией также закрепляется термин *personnel* (авиационный персонал), образованный от французского *personnel*. В ходе этимологического анализа было выявлено, что данное понятие появилось в английском языке в XIX веке со значением «лица, занятые в какой-либо сфере деятельности» [17].

Важным событием для международного воздушного права является создание Международной организации гражданской авиации (ИКАО) – *The International Civil Aviation Organization (ICAO)*. Название данной организации относится к аббревиациям в терминологии международного воздушного права. Данный документ (ИКАО) содержит специальный словарь, совмещающий в себе всю терминологию гражданской авиации на 6 языках [8].

Следует отметить, что **третий этап** определяется периодом с 1944 года до 1971 года. Выявлено, что в данный период отмечается появление в терминосистеме новых юридических понятий, так как возникла необходимость в регулировании возникающих правонарушений в сфере международного воздушного права.

В 1948 году в Женеве была принята Конвенция о международном признании прав на воздушном судне [9]. Причиной для принятия данной конвенции является установление круга прав на воздушное судно, что привело к появлению соответствующего термина – *rights in aircraft* (права на воздушное судно). Как показывает анализ, термин *right*, имеющий германское происхождение, закрепился в юридической сфере значительно раньше, но развитие экономических, политических и т.д. отношений между государствами привело к появлению терминов, необходимых для унификации правил и законодательных документов международного воздушного права, что повлекло за собой появление в данной сфере терминов, использующихся в юридической сфере деятельности [17].

Для нашего исследования также представляет интерес тот факт, что данная конвенция определяет понятие *aircraft* (воздушное судно) как основную семантическую составляющую понятий: *engines* (двигатели), *the airframe* (планер), *propellers* (лопастные винты), *radio apparatus* (радиоаппаратура) и др., – независимо от того, установлены они на самом воздушном судне или отделены от него, т.е. *aircraft* – родовое понятие по отношению к приведенным выше терминам.

В Риме в 1952 году была подписана Римская конвенция, в ходе которой было дано четкое определение термину *the operator of the aircraft* (эксплуатант воздушного судна) [10]. Это позволяет утверждать о том, что именно в это время было закреплено данное понятие в терминосистеме международного воздушного права. Можно предположить, что данный термин необходим для идентификации лица, эксплуатирующего судно и привлечения его к ответственности.

В ходе исследования также выявлено, что конвенцией об открытом море, подписанной в 1958 г. были закреплены термины: *freedom to fly over the high seas* (свобода полетов над открытом морем) и *the right of hot pursuit* (право преследования «по горячим следам») [15]. Это связано с тем, что статус воздушного пространства над морской территорией не был определен, что потребовало закрепления конкретных понятий в терминосистеме. Кроме того, термин *hot pursuit* (преследование «по горячим следам») также относится к правовой сфере деятельности. Важно отметить, что в сфере международного воздушного права данный термин используется для обозначения погони за пиратскими воздушными суднами.

В терминосистеме международного воздушного права также отдельно выделяется термин *Antarctica* (Антарктика), как непосредственно связанный с Договором об Антарктиде, заключенным между государствами в 1959 г. [12]. Следует отметить, что в результате анализа также определены некоторые топонимы, т.е. географические названия, входящие в терминологию международного воздушного права, например: *strait of Gibraltar* (Гибралтарский пролив), *Arctic* (Арктика) и др.. Такие наименования вводятся в терминосистему для того, чтобы обозначить какую-либо территорию, к которой относится тот или иной правовой документ.

Считаем необходимым отметить, что Монреальской конвенцией 1971 года [8] вводится термин *air waybill*, который является синонимом вышеупомянутому термину *air consignment note* (авиагрузовая накладная). Считаем, что произошло сокращение термина, связанное с необходимостью конкретизации

понятия, придания ему более узкого значения в современных реалиях.

К терминам, появление которых отмечается примерно в 60-х годах XX веке следует отнести термин *air piracy* (воздушное пиратство). Термин *piracy* (пиратство) по отношению к воздушным суднам упоминается в Конвенции об открытом море 1958 г. [15]. Этимологический анализ показал, что слово *piracy* (от лат. *piratia*) появилось в английском языке в XV в. и означало «ограбление на море» [17]. В сфере международного воздушного права данный термин соотносится с угонами, захватами и другими подобными преступлениями в отношении воздушного судна. Необходимо также отметить, что один из вопросов 24-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН назывался *piracy in the air* (пиратство в воздухе) [14]. Этот вопрос, действительно, относился к актуальным из-за участившихся угонов воздушных судов в 1969-1970 гг., о чем свидетельствует принятие Гаагской конвенции в 1970 году, в заголовке которой используется термин *unlawful seizure of aircraft* (незаконный захват воздушного судна) [4], который можно считать синонимом термина *piracy* (пиратство). Анализ материалов показал, что термин *air piracy* («воздушное пиратство») используется в общелитературном языке, в правовых документах предпочитают его синоним – *unlawful seizure* (незаконный захват). Можно предположить, что это связано с тем, что слово *seizure* имеет более конкретное значение, чем *piracy*.

Современный этап, выделенный в истории международного воздушного права, отмечается с 1972 года по настоящее время. Появление терминов в данный период связано с политической, экономической и социальной ситуацией в мире. Прежде всего, в данном периоде истории международного воздушного права следует отметить конвенцию ООН по морскому праву, принятую в 1982 году [15]. Данная конвенция сыграла роль в формировании правового режима не только в морской территории, но и в том числе воздушном пространстве над ней, что привело к появлению новых понятий в терминосистеме: *safety zone* (безопасная зона), *air routes* (воздушные коридоры пролета), *exclusive economic zone* (исключительная экономическая зона), *archipelagic passage* (архипелажный пролет) и др.

Важным для истории развития терминосистемы международного воздушного права является Договор по открытому небу 1992 года. В связи с необходимостью регулирования разведывательных полетов договором вводятся такие понятия как: *observation flight* (наблюдательный полет), *transit flight* (транзитный полет), *passive quota* (пассивная квота), *active quota* (активная квота), *maximum flight distance* (максимальная дальность полета), *sensor* (аппаратура наблюдения), *ground resolution* (разрешающая способность на местности), *observation period* (период наблюдения), *flight monitor* (бортконтролер), *flight representative* (летный представитель), *mission plan* (план миссии), *flight plan* (план полета) и *Open Skies airfield* (аэродром открытого неба), *observation aircraft* (самолет наблюдения) и др. [16].

Развитие ядерной промышленности и появление новых угроз для гражданской авиации стали причиной для подписания Пекинской конвенции в 2010 году [13]. В связи с этим в терминосистему международного воздушного права переходят термины из химической и ядерной промышленности: *toxic chemical* (токсичный химикат), *radioactive material* (радиоактивный материал), *nuclear material* (ядерный материал), *precursor* (прекурсор) и *chemical weapon* (химическое оружие), которые необходимы для идентификации угрожающего жизни элемента на борту воздушного судна.

Следует отметить, что в настоящее время терминосистема международного воздушного права продолжает активно развиваться. Этому способствуют политические, экономические, военные и социальные конфликты между государствами. Анализ источников современных источников СМИ показал, что в связи с современной политической ситуацией в мире появились следующие наименования: *closure of airspace* (закрытие воздушного пространства), *to close the sky* (закрыть небо), *air dominance* (господство в небе), *unfriendly skies* (недружественное небо), *airspace ban* (запрет на полет в воздушном пространстве), *to refuse entry to airplanes* (отказать во въезде самолетам), *empty skies* (пустое небо), *to ban from airspace* (запретить доступ к воздушному пространству), *divided sky* (разделенное небо) и др.

Следовательно, становление терминосистемы международного воздушного права берет начало с XVIII века и продолжает активно развиваться до настоящего времени. За историю его развития было подписано множество конвенций, в результате которых постоянно вводились и вводятся новые понятия в терминосистему международного воздушного права. С течением времени терминология усложнилась, некоторые термины приобрели новые значения.

В заключении следует отметить, что история формирования терминосистемы международного воздушного права включает в себя четыре этапа, каждый из которых имеет свои особенности, выражающиеся в появлении определенных понятий и номинирующих их терминов. Выявлено, что наиболее активное развитие терминологии международного воздушного права отмечается после принятия Чикагской конвенции 1944 г., Чикагской конвенции 1994 г., ИКАО которые являются основными документами, включающими в себя множество новых понятий и дефиниций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Milde M. International Air Law and ICAO. — Utrecht: Eleven International Publishing, 2008.– 466 p.
2. Tang Ut F. Air Law. URL: https://www.dsaj.gov.mo/showpdfs/4947.pdf (дата обращения 20.12.2021).
3. Convention Relating to the Regulation of Aerial Navigation Signed at Paris, October 13, 1919 (Paris Convention). URL: http://library.arcticportal.org/1580/1/1919_Paris_conevention.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
4. The Hague Rules of Air Warfare. URL: http://lawofwar.org/hague_rules_of_air_warfare.htm (дата обращения: 09.08.2022).
5. Convention for the Unification of Certain Rules Relating to International Carriage by Air, Signedat Warsaw on 12 October 1929 (Warsaw Convention). URL: https://www.jus.uio.no/lm/air.carriage.warsaw.convention.1929/doc.html#20 (дата обращения: 09.08.2022).
6. Convention on Assistance and Salvage of Aircraft or by Aircraft at Sea. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/147639649.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
7. Chicago Convention. Convention on the International Civil Aviation.URL: https://www.icao.int/publications/pages/doc7300.aspx (дата обращения: 09.08.2022).
8. International Civil Aviation Vocabulary / ICAO. –Montreal, 2007. – 832 p.
9. Convention on the International Recognition of Rights in Aircraft (Geneva Convention). URL:https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/07/7-01/recognition-rights-aircraft.xml (дата обращения: 09.08.2022).
10. Convention on Damage Caused by Foreign Aircraft to Third Partes on the Surface, Signed at Rome, on 7 October 1952 (Rome Convention 1952). URL: https://www.mcgill.ca/iasl/files/iasl/rome1952.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
11. Convention on the High Seas, Done at Geneva on 29 April 1958. URL: https://www.legal-tools.org/doc/7b4abc-1/pdf/ (дата обращения: 09.08.2022).
12. The Antarctic Treaty (1959). URL: https://www.bas.ac.uk/about/antarctica/the-antarctic-treaty/the-antarctic-treaty-1959/ (дата обращения: 09.08.2022).
13. Convention on the Suppression of Unlawful Acts Relating to International Civil Aviation, Done at Beijing on 10 September 2010. URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/Docs/beijing_convention_multi.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
14. General Assembly, 24th session. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/a24_0_0.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
15. United Nations Convention on the Law of the Sea. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
16. Treaty on open skies. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/1/5/14127.pdf (дата обращения: 09.08.2022).
17. Stevenson A. Oxford Dictionary of English. 3rd ed. N-Y: Oxford University Press, 2010. – 2112 p. 18-19.

© Закирова Елена Сергеевна (zes.64@mail.ru), Виноградова Ольга Сергеевна (olgawin@yandex.ru), Медведева Екатерина Павловна (MedKetrin94@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.19

ГИПЕРБОЛА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ КРАЙНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

HYPERBOLE AS A MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF EXTREMES IN THE ARTISTIC SPACE OF F. M. DOSTOEVSKY'S WORKS

A. Klyushina

Summary: This article is devoted to the characteristic features of the use of hyperbole to express the semantics of extreme in the works of F.M. Dostoevsky. It is revealed that Dostoevsky's personosphere is characterized by a high frequency of manifestation of the conceptual category of extreme in different spheres. The stylistic device of hyperbole is actively involved in the transmission of the semantics of extreme. The author of the article systematizes the linguistic means of expressing hyperbole to convey the semantics of extreme.

Keywords: semantics of extreme, hyperbole, F.M. Dostoevsky, functional-semantic category, exaggeration, understatement.

Клюшина Алёна Михайловна
Кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет г. Самара, Россия
klyushina@pgsga.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена характеристике особенностей употребления гиперболы для выражения семантики крайности в художественных произведениях Ф.М. Достоевского. Выявлено, что персоносфере Достоевского свойственна высокая частность проявления понятийной категории крайности в разных сферах. Стилистический прием гипербола активно участвует в передаче семантики крайности. Автор статьи систематизирует языковые средства выражения гиперболы для передачи семантики крайности.

Ключевые слова: семантика крайности, гипербола, Ф.М. Достоевский, функционально-семантическая категория, преувеличение, преуменьшение.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей употребления стилистического средства гиперболы для передачи семантики крайности на материале художественного пространства произведений Фёдора Михайловича Достоевского. Выбор выдающейся личности Ф.М. Достоевского для исследования обосновывается тем, что этот мастер слова занимает особое место в русском культурном пространстве; его имя тесно связано с ценностями русского народа; его художественные произведения отражают национальную действительность, характер русского народа. Эмпирический материал работы составили пятнадцать томов художественных произведений писателя.

Настоящая работа обладает научной новизной, поскольку в этом аспекте творчество мастера слова еще не было предметом изучения. Ранее нами было выявлено, что персоносфере Ф.М. Достоевского свойственна высокая частность проявления понятийной категории крайности в разных сферах: в биографии Достоевского, которая перекликается с его творчеством; в творческом методе создания художественных произведений; в чертах характера персонажей; в крайних ситуациях жизни персонажей художественных произведений; при описание русского характера, русской лингвокультуры через персонажей Ф.М. Достоевского [18]. Подтверждение мы находим в работах отечественных и зарубежных ученых и критиков разных времен.

Впервые о семантике крайности упоминается в монографии Т.М. Николаевой, посвященной феномену акцентного выделения [21]. Исследовательница показывает, что особая выделительная интонация в высказывании сообщает дополнительную информацию, формируя своего рода «высказывание-тень». Т.М. Николаева выделяет четыре коммуникативные категории: предупоминания, противопоставления, крайности и экстраординарности. Автор монографии приводит пример коммуникативной категории крайности: - *Дай бумаги! Клочок какой-нибудь дай*! и отмечает, что крайность выбора объекта (а именно *клочка*) актуализируется акцентным выделением в устной речи [21, с.63].

Мы предлагаем рассматривать семантику крайности как особую функционально-семантическую категорию русского языка со своим планом выражения. Средства передачи семантики крайности иерархически организованы и представлены на разных уровнях языка. Ранее нами был сделан теоретический обзор отечественных научных работ и справочной литературы для систематизации исследований о стилистических средствах, выражающих семантику крайности [19]. В рамках настоящего исследования рассматривается стилистическое средство выражения семантики крайности – гипербола.

Анализ лексикографических источников позволяет отметить, что лексема *крайность* является полисемантом [16]. В таблице 1 представлен исследуемый нами лексико-семантический вариант (ЛСВ) вокабулы *крайность*, сформулированный в разных словарях.

Таблица 1.
Подача исследуемого нами ЛСВ вокабулы крайность в некоторых словарях

Исследуемый ЛСВ лексемы крайность	Словарь
Высшая и нисшая степень или мѣра, бѣдствіе, нужда, недостатокъ, бѣдность.	Толковый словарь живого великорусского языка[1].
Высшая степень.	Словарь русского языка XI-XVII [2]
Крайняя степень чего-л., чрезмерное проявление чего-л.	Словарь русского языка[3].
Крайняя степень чего-н., чрезмерное проявление чего-н.	Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов[4].
То, что представляет собою крайнюю степень чего-нибудь (мнения, поведения, свойства).	Толковый словарь современного русского языка[5].

Исследуемый нами ЛСВ в зоне значения вокабулы характеризуется присутствием таких словосочетаний как *высшая степень, крайняя степень, низшая степень, чрезмерное проявление* и др. (подчеркнуты в таблице).

Перейдем к описанию гиперболы. По мнению А. Вежбицкой, русская речь изобилует гиперболами для выражения положительных и отрицательных оценок. Исследовательница считает такую любовь к категорическим суждениям отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души [1, с. 84]. Рассмотрим толкование гиперболы в справочных изданиях. Перечислим некоторые из них. В «Энциклопедическом словаре-справочнике «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» под редакцией А.П. Сковородникова гипербола определяется как прием, основанный на чрезмерном преувеличении, интенсификации [23, с. 97].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля гипербола описывается как преувеличенье, всякое выражение впадающее в какую-либо крайность и приводятся следующие примеры: *у меня нет ни копейки; он взором объемлет всё* [2, с. 310].

Н.Ф. Кошанский представляет гиперболу как чрезмерное увеличение или чрезмерное уменьшение предмета [20, с. 111]. К.П. Зеленецкий описывает гиперболу как «чрезмерное увеличение или преуменьшение, сделанное в перенесении простых понятий к иносказательным вообще и к метафорическим в особенности» и приводит примеры: *слезы льются ручьями, рекою; пот катится градом* [15, с. 40].

Отметим наличие словосочетаний *чрезмерное преувеличение/преуменьшение/увеличение/уменьшение* и лексемы *крайность* при описании гиперболы в словарных статьях и научных трудах, что позволяет нам относить гиперболу к стилистическим средствам выражения семантики крайности.

Мастер текста Ф.М. Достоевский употреблял лексемы *крайность* и *гипербола* в сходном значении (контекстуальные синонимы). Приведем отрывок из его письма Евгении Петровне Майковой от 14 мая 1848 года:

(1) *Но я бежал по инстинкту, предчувствуя слабость натуры моей, которая не может не прорваться в крайних случаях и прорваться именно* ***крайностями***, ***гиперболически*** (Достоевский, 1996, т. 15, с. 72)[6].

В (1) Ф.М. Достоевский через запятую перечисляет *прорваться крайностями, гиперболически*, что косвенно подтверждает идею соотношения *крайности* и *гиперболы*.

По той причине, что многие ученые указывают на сходство гиперболы и мейозиса, считаем необходимым прцитировать следующее определение: «мейозис – это стилистический прием, заключающийся в преуменьшении какого-либо качества, свойства предмета или процесса, явления (силы, значения, размера, веса и пр.)» [23, с. 175].

Для разграничения понятий гипербола и мейозис опишем точку зрения Ю.М. Скребнева. Исследователь полагает, что мейозис представляет собой «преуменьшение объективно значительного или нормального» [22, с. 138]. В то время как гипербола имеет место при «преуменьшении объективно малого» [Там же, с. 138]. Кроме того, гипербола – это «количественное усиление

1 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И – О. М.: Русский язык, 1989. – С. 791.

2 Словарь русского языка XI–XVII. М., Наука, 1981. — Вып. 8. — С. 10.

3 Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. Т. 2. К–О. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — С. 119.

4 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». — С. 375.

5 Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. — Москва: «Аделант», 2014. — С. 250.

6 Здесь и по всему тексту работы языковые примеры даются курсивом, анализируемое средство выделяется полужирным, сопутствующее анализируемому средство подчеркивается.

интенсивности свойств» [Там же, с. 51]. Именно рассуждение Ю.М. Скребнева считаем основополагающим для нашего исследования. Таким образом, под гиперболой мы понимаем 1) преуменьшение малого и 2) преувеличение большого или нормального.

Перейдем к характеристике языковых примеров. Лингвистический анализ позволяет отметить частотное употребление гиперболы в художественных произведениях Ф.М. Достоевского как при чрезмерном преувеличении, так и при чрезмерном преуменьшении, в которых и проявляется семантика крайности.

Приведем примеры чрезмерного преувеличения:

(2) *Меня это с ума сводит, а главное, эта огласка: во всех газетах в Петербурге и в Москве* ***миллион раз писали*** (Достоевский, 1990, т. 10, с. 71);

(3) *– И прекрасно, – перебила Татьяна Павловна, – и я тоже ей* ***сто раз повторяла*** (Достоевский, 1990, т. 8, с. 666).

В (2) и (3) гипербола (*миллион раз писали, сто раз повторяла*) позволяет изображать чрезмерное преувеличение количественных характеристик объекта речи, что считаем средством выражения семантики крайности. Кроме того, такое бытование гиперболы служит усилением интенсивности.

Рассмотрим примеры, в которых гипербола употребляется для чрезмерного преуменьшения при изображении небольшого в качестве ничтожно малого:

(4) *– Иди! Проси! – заревел я, – иди сейчас,* ***сию минуту, сию секунду****! А ты все-таки палач! палач! палач!* (Достоевский, 1989, т. 4, с. 539);

(5) *– Показывай дорогу, Алексей Иванович, да поближе возьми… а далеко? –* ***Два шага****, бабушка* (Достоевский, 1989, т. 4, с. 666).

В (4) и (5) чрезмерное преуменьшение малого (*сию минуту, сию секунду, два шага*) считаем средством передачи семантики крайности. Отметим, что в этих примерах гипербола также употребляется для усиления интенсивности признака незначительности.

Анализ языковых примеров позволяет заключить, что гиперболизация страстей и страданий персонажа художественных произведений является стилеобразующей чертой творчества Ф.М. Достоевского. Писатель применяет намеренное преувеличение степени переживания персонажа. Покажем это на примере репрезентации образа лишь одного персонажа романа Достоевского «Братья Карамазовы» – на примере персонажа Дмитрия Карамазова.

Проявление крайности у персонажа Дмитрия Карамазова фиксируется в разных аспектах: при описании образа персонажа, в словах самого персонажа, в словах других персонажей произведения, подробнее см. [17]. Представим некоторые примеры:

(6) *Он* [Дмитрий] *же в эти два дня буквально* ***метался во все стороны****, «борясь с своею судьбой и спасая себя», как он сам потом выразился, и даже на несколько часов слетал по одному горячему делу вон из города, несмотря на то, что страшно было ему уезжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку без глаза над нею* (Достоевский, 1990, т. 9, с. 406);

(7) [слова Дмитрия] *Но ведь сами же вы кричали, что широк Карамазов, сами же вы кричали про* ***две крайние бездны****, которые может созерцать Карамазов. Карамазов именно такая натура о двух сторонах, о двух безднах, что при самой безудержной потребности кутежа может остановиться, если что-нибудь его поразит с другой стороны* (Достоевский, 1991, т. 10, с. 248);

(8) [слова Ипполита Кирилловича] *По натуре своей он* [Дмитрий] *тотчас же* ***бросился в крайность*** *и сам начал нас изо всех сил уверять, что Смердяков не мог убить, не способен убить. Но не верьте ему, это лишь его хитрость: он вовсе, вовсе еще не отказывается от Смердякова, напротив, он еще его выставит, потому что кого же ему выставить как не его, но он сделает это в другую минуту, потому что теперь это дело пока испорчено* (Достоевский, 1991, т. 10, с. 234).

В (6) представлен фрагмент описания персонажа автором, (7) – это слова самого персонажа Дмитрия Карамазова, а (8) – слова других персонажей об анализируемом герое. Страсти и страдания персонажа Дмитрия Карамазова описаны на грани реальности (*метался во все стороны, две крайние бездны, бросился в крайность*). Именно гиперболизация страстей и страданий позволяет передать семантику крайности.

Лингвистический анализ языковых примеров позволяет систематизировать примеры гиперболизации для выражения семантики крайности и выделить морфологические, лексические, фразеологические и синтаксические средства выражения гиперболы для передачи семантики крайности.

К морфологическим средствам относим примеры, в которых употребляются имена существительные во множественном числе, но имеющие форму только – единственного числа. Например:

(9) *– А позвольте спросить, – начал он (он говорил по-русски), – вы из каких доходов изволите здесь* ***чаи*** *распивать? <…> А разве вы затем в каторгу пришли, чтоб* ***чаи*** *распивать? Вы* ***чаи*** *распивать пришли? Да говорите же, чтоб вас!..* (Достоевский, 1988, т. 3, с. 248-249).

Среди лексических средств выражения гиперболы для передачи семантики крайности выделяем примеры

употребления квантора всеобщности:

(10) *Конечно, всякий, кто знал хоть сколько-нибудь Николая Сергеича, не мог бы, кажется, и одному слову поверить из всех взводимых на него обвинений; а между тем, как водится,* ***все*** *суетились,* ***все*** *говорили,* ***все*** *оговаривались,* ***все*** *покачивали головами и... осуждали безвозвратно* (Достоевский, 1989, т. 4, с. 24);

(11) *– Чтобы занять это место на железной дороге, мне непременно нужно хоть как-нибудь экипироваться, потому что я* ***весь*** *в лохмотьях. Вот, посмотрите на сапоги!* (Достоевский, 1989, т. 6, с. 197);

(12) *Но в эту минуту* ***целая*** *толпа, человек в шесть, лиц более или менее официальных, ринулась из-за кулис на эстраду, подхватила оратора и повлекла за кулисы* (Достоевский, 1990, т. 7, с. 457);

(13) [о Наташе] *И слезы, рыдания вдруг разом так и хлынули из ее сердца.* ***Целых*** *полчаса она не могла прийти в себя и хоть сколько-нибудь успокоиться* (Достоевский, 1989, т. 4, с. 288);

(14) *Да ведь это* ***одно*** *баловство,* ***один*** *обман,* ***один*** *смех над вами, а вы верите. Что он, в самом деле, что ли, любит тебя, любовник-то? Не верю*. (Достоевский, 1989, т. 4, с. 526).

В представленных примерах кванторы всеобщности (*все, весь, целый, один*) составляют гиперболы, которые выражают семантику крайности.

Анализ языковых примеров также позволяет выявить фразеологические средства выражения гиперболы для передачи семантики крайности. Приведем примеры:

(16) *Заботы, огорчения, неудачи измучили бедного батюшку до крайности: он стал недоверчив, желчен; часто был близок к отчаянию, начал пренебрегать своим здоровьем, простудился и вдруг заболел, страдал недолго и скончался так внезапно, так скоропостижно, что мы все несколько дней были* ***вне себя*** *от удара* (Достоевский, 1988, т.1, с. 49);

(17) *Тут председатель уже строго остановил ее, прося умерить свои выражения. Но сердце ревнивой женщины* [Грушеньки] *уже разгорелось, она готова была полететь* ***хоть в бездну****...* (Достоевский, 1991, т. 10, с. 193).

В (16), (17) фразеологизмы служат средством выражения гиперболы для передачи семантики крайности.

К синтаксическим средствам гиперболы относим такие сочетания слов как *сто раз*, *три года* и подобные, например:

(18) *Мы пугались, когда кто-нибудь входил. Мы боялись, чтоб нас не застали, когда мы целуемся. А целовались мы в этот день по крайней мере* ***сто раз*** (Достоевский, 1988, т.2, с. 49);

(19) *Чихал он* [Михайлов] *в бумажный платок, собственный, клетчатый,* ***раз сто*** *мытый и до крайности полинялый, причем как-то особенно морщился его маленький нос, слагаясь в мелкие бесчисленные морщинки, и выставлялись осколки старых, почернелых зубов вместе с красными слюнявыми деснами* (Достоевский, 1988, т. 3, с. 363);

(20) *– Решимость моя* ***три года*** *рождалась, – отвечает мне, а случай ваш дал ей только толчок* (Достоевский, 1991, т. 10, с. 363).

В (18), (19), (20) представлены лишь некоторые примеры употребления синтаксических конструкций выражения гиперболы для передачи семантики крайности. Подобные конструкции частотно представлены в художественном пространстве произведений Ф.М. Достоевского.

На наш взгляд, особое внимание необходимо уделить ансамблю средств выражения гиперболизации для передачи семантики крайности. Рассмотрим примеры:

(21) *– Ни за что не подымется, ни за что, – победоносно и справедливо гордясь, прокричал Коля, –* ***хоть весь*** *свет кричи, а вот я крикну, и в* ***один миг*** *вскочит! Иси, Перезвон!* (Достоевский, 1991, т. 10, с. 40);

(22) [слова обвинителя] *Всё, что есть обратного понятию о гражданине, полнейшее, даже враждебное отъединение от общества: «Гори* ***хоть весь свет*** *огнем, было бы одному мне хорошо»* (Достоевский, 1991, т. 10, с. 207);

(23) *– Батюшка, ничего не знаю, голубчик Дмитрий Федорович, ничего не знаю,* ***хоть убейте****, ничего не знаю, – заклялась-забожилась Феня, – сами вы давеча с ней пошли...* (Достоевский, 1990, т. 9, с. 435);

(24) *У нас, русских, вообще говоря, никогда не было глупых надзвездных немецких и особенно французских романтиков, на которых ничего не действует,* ***хоть*** *земля под ними* ***трещи****,* ***хоть погибай*** *вся Франция на баррикадах, – они всё те же, даже для приличия не изменятся, и всё будут петь свои надзвездные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки* (Достоевский, 1989, т. 4, с. 484).

Синтагматическое соседство частицы *хоть* и квантора всеобщности (см. (21), (22)) или частицы *хоть* и глагола в повелительном наклонении (см. (23), (24)) также характерны для художественных произведений Ф.М. Достоевского для выражения гиперболизации и передачи семантики крайности.

Подведем итоги. Персоносфере Ф.М. Достоевского свойственна высокая частность проявления понятийной категории крайности в разных сферах. Стилистический прием гипербола активно участвует в передаче семантики крайности. Наличие общего лексико-семантического варианта в толковании лексемы крайность и термина гипербола подтверждает эту идею.

Гиперболизация страстей и страданий персонажа художественных произведений является стилеобразую-

щей чертой творчества Федора Михайловича Достоевского и проявляется при описании образа персонажа, в словах самого персонажа, в словах других персонажей произведения. Нам удалось систематизировать языковые средства гиперболизации для выражения семантики крайности. Мы выделили морфологические, лексические, фразеологические и синтаксические средства выражения гиперболы для передачи семантики крайности, а также отметили активное участие некоторых ансамблей средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступит. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А – З. М.: Русский язык, 1989. – 700 с.
3. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 1. С. 31-146.
4. Достоевский Ф.М. Слабое сердце // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 2. С. 49-88.
5. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 3. С. 205-482.
6. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. С. 5-338.
7. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. С. 452-551.
8. Достоевский Ф.М. Игрок // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. С. 585-720.
9. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. Т. 7. С. 7-632.
10. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. Т. 8. С. 139-692.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 5-570.
12. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 6. С. 5-616.
13. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 10. С. 5-295.
14. Достоевский Ф.М. Письма. 32. Е.П. Майковой. 14 мая 1848. Петербург // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. – С. 72-73.
15. Зеленецкий К.П. Общая риторика. Одесса, 1849. – 138 с.
16. Клюшина А.М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 37-47.
17. Клюшина А.М. Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1. – С. 462-472.
18. Клюшина А.М. Характеристика специфики персоносферы Ф.М. Достоевского // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2022a. – Т. 32. – № 3. – С. 580-593.
19. Клюшина А.М. Стилистические средства выражения семантики крайности в русском языке: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022b. – Т. 15. – № 10. – С. 3187-3193.
20. Кошанский Н.Ф. Общая риторика. Изд-е 4-е. СПб., 1836. – 130 с.
21. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Изд-во «Наука», 1982. – 104 с.
22. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. – 431 с.
23. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. Изд-е 3-е, стер. М., 2011. – 480 с.

© Клюшина Алёна Михайловна (klyushina@pgsga.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.20

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»)

Кобякова Наталья Николаевна
учитель русского языка и литературы
МБОУ Школа № 16 г. Саров
Gorina-natasha91@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию диалектной фразеологии: говорам Республики Мордовия. Целью исследования является многоаспектный анализ фразеосемантической группы «речевое поведение человека», где основное внимание уделяется лингвокультурному анализу. Составлены лингвокультурные схемы, определены типы кодов культуры, выявлены особенности данных фразеологических единиц.

Ключевые слова: диалектная фразеология, фразеологизмы, говоры, речевое поведение, лингвокультурологический аспект, коды культуры.

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF THE STUDY OF DIALECT PHRASEOLOGY (ON THE EXAMPLE OF THE PHRASEOSEMANTIC GROUP "HUMAN SPEECH BEHAVIOR")

N. Kobyakova

Summary: The article is devoted to the study of dialect phraseology: dialects of the Republic of Mordovia. The aim of the study is a multidimensional analysis of the phraseosemantic group «human speech behavior», where the main attention is paid to linguistic and cultural analysis. The linguistic and cultural schemes are compiled, the types of culture codes are determined, the features of these phraseological units are revealed.

Keywords: dialect phraseology, phraseological units, dialects, speech behavior, linguistic and cultural aspect, cultural codes.

В последние десятилетия наметилась тенденция к изучению фразеологии в контексте лингвокультурологии. На наш взгляд, это является вполне обоснованным, так как фразеологизмы с национально-культурным компонентом являются источником знаний об окружающей действительности, истории народа, его традициях.

В данном исследовании мы рассматриваем речевое поведение человека в русских говорах Республики Мордовия как фразеосемантическое поле, что является наиболее продуктивным при многоаспектном анализе фразеологических единиц, входящих в его состав. Нами выделено макрополе «характеристика человека» и 10 микрополей:

— молчаливый, неразговорчивый: *и песен ни басен, как варёный, слова не добраться (дождаться), как оглашенный, как тюмик неуродливый*;
— болтливый: *на язык гораздый, выговорить не давать, овца забаистая, как язык подвешенный, продаст и купит, язык как помело*;
— грубая (женщина): *как окшанка*;
— несговорчивый: *не давать погладиться*;
— о ребёнке, который долго не начинает говорить: *немой салтык*;
— вспыльчивый: *с горячего поля, как пыль*;
— своенравный, не согласный с чем-либо: *ставить на своём*;
— скандальный: *стоит кобеля буланого*;
— нерассудительный: *в голове чёрт семишник искал*;
— хвастливый: *треплется как шебол*;
— громкоголосый: *шинованная глотка*.

Опираясь на классификацию, разработанную Н.М. Шанским [5], мы разделили фразеологизмы, структурно равнозначные сочетанию слов, на следующие группы:

— Глагольные:

1. глагол + существительное: *слова не добраться (дождаться), треплется как шебол*;
2. глагол + местоимение с предлогом: *ставить на своём*;
3. глагол + существительное с прилагательным: *стоит кобеля буланого*;
4. глагол в спрягаемой форме + инфинитив: *выговорить не давать, не давать погладиться*;
5. личная форма глагола + личная форма глагола: *продаст и купит*.

Отметим, что 3 фразеологических единицы имеют в своём составе отрицательную частицу не, что

напрямую связано с отрицательной коннотацией.

— Именные:

6. существительное + прилагательное: *шинованная глотка, овца забаистая, сарафанное радиво, немой салтык, с горячего поля*.

Встречается много фразеологизмов, имеющих в составе служебные части речи. Выделим среди них следующие группы:

— Компаративные сочетания с союзом как: *как варёный, как тюмик неуродливый, как язык подвешенный, язык как помело, как окшанка, как пыль*.

— Существительное с отрицательной частицей: *ни песен ни басен*.

Самыми многочисленными являются устойчивые сравнения с союзом как, что объясняется спецификой выделения микрополя «характеристика человека».

Особый интерес представляют данные фразеологические единицы в лингвокультурологическом аспекте, так как именно культура, традиции, накопленные народом на протяжении тысячелетий, находят отражение во фразеологической картине мира.

Фразеологические единицы, отражающие **предметный (вещественный) код** культуры:

Как пыль. *Вспыльчивый, раздражительный*. У нас веть Ваня-тъ *как пыль*, но с ым, правдъ, быстръ проходит [2, с.200].

В основе фразеологизма лежит вещественная метафора, в которой характер человека, его речевое поведение уподобляются мельчайшим сухим частицам, находящимся практически в непрерывном хаотичном движении, что и послужило поводом для отрицательной оценки образа.

В целом идиома выполняет роль эталона вспыльчивости, раздражительности.

Сарафанное радиво, *ирон. О людях, сообщающих известия, ничем не подтверждённые*. Вот уж вернъ гъварят, што ты *сърафаннъя радива*. И где токъ ты събираш фсяку бяку? [2, с. 217]

Образ фразеологизма основывается на метафоре, в основе которой соотнесение речевой деятельности с радиоприёмником, то есть со звуковой вещательной передачей. Кроме этого в идиоме заложен гендерный признак: сарафан – часть женского гардероба, поэтому болтливость характерна именно женщинам.

В целом фразеологическая единица отображает стереотипное представление о людях, распространяющих сплетни и слухи.

Ставить на своём. *Упрямо не соглашаться с чем-либо, быть своенравным*. И сын растёт как крутяк, фсё *нъ сваём ставит* [2, с. 238].

Образ фразеологизма соотносится с пространственным кодом культуры посредством глагола ставить и с вещественным кодом благодаря заключённой в идиоме метафоре.

Фразеологическая единица в целом передаёт стереотипное представление о своенравности и упрямстве.

Язык как помело. *Об очень болтливом человеке. Языктъ как помяло*, а типерь глазам-тъ и стыднъ [2, с. 277].

В образе фразеологизма содержится соматизм (язык), который соотносится с телесным кодом культуры. В сочетании с компонентом помело (то же, самое, что и метла) наблюдается тесная связь с предметным кодом. Характерной является связь с пространственным кодом, так как речь человека уподобляется перемещению помела, часто быстрому и беспорядочному. Метафора, лежащая в основе идиомы, отождествляет речевую способность с органами речи.

В целом фразеологическая единица передаёт стереотипное представление о болтливости.

Шинованная глотка *у кого. О человеке с очень громким голосом. Глоткъ шыновъныя* у няво, толькъ яво и слыхать нъ жнивье. Арёт, арёт, а фсё бес тълку [2, с. 52].

В образе фразеологической единицы компонент глотка принадлежит телесному коду культуры и отождествляется с голосом и речью. Можно предположить, что данный соматизм связан с магической символикой отражения внутреннего мира через речь, голос.

Фразеологизм отображает стереотипное представление о громкости голоса.

Треплется как шебол (шубный лоскут). *О том, кто любит хвастаться*. Чилавек, када зачьнёт ис сибя въбражать, пръ няво гъварят: «*Треплицъ как шабол*» [2, с.272].

В основе идиомы лежит метафора, основанная на уподоблении шубного лоскута речевому поведению человека: как шебол треплется на ветру, так и человек, любящий хвастаться, разбрасывается словами. Фразеологическая единица через компонент шебол соотносится с предметным кодом культуры, через глагол трепаться – с пространственным кодом.

Фразеологизм в целом является эталоном хвастовства.

Антропный код культуры представлен следующими идиомами:

Слова не добраться (дождаться, доберёшься). *О молчаливом человеке*. Ну и жыних у тибя, *слова ни дабрацъ* [2, с. 67].

Образ фразеологизма восходит к анимистическому восприятию мира, то есть одушевлению и олицетворению неживых предметов или отвлечённых понятий (например, слово).

Слово соотносится с антропным кодом культуры. Фразеологическая единица основывается на метонимии: слово отождествляется с речевой деятельностью. Метафорически слово ассоциируется с вещью, предметом. Глагол дождаться указывает на связь речи и времени и соотносится с временным кодом культуры. Значение данного фразеологизма противопоставлено культурной установке, заключающейся в предприимчивости и находчивости (например, в русском литературном языке: *За словом в карман не лезет / не полезет*).

В целом идиома отображает стереотипное представление о молчаливости.

Следующая группа, отражающая **артефактивно-вещественный код**, представлена следующими фразеологизмами:

Как оглашенный. *1. Молчаливый, неразговорчивый*. Нюр, а твой пъстаялиц *как аглашэнный*, малчит и малчит [2, с. 154].

В основе фразеологизма лежит артефактивно-вещественная метафора. Примечательным является то, что в русском литературном языке данная идиома имеет противоположное значение (ср. кричит как оглашенный – человек, ведущий себя шумно, бессмысленно).

В целом фразеологическая единица передаёт стереотипное представление о неразговорчивых людях.

С горячего поля. *Вспыльчивый, раздражительный*. Она вить, бабъ-тъ, была з *горячъвъ поля*, нитирпеливъ была, ругалъсь по-фсякъски [2, с. 180].

В образе фразеологизма содержится компонент поле, который относится к природно-ландшафтному коду культуры, подразумевающий общность природных объектов, которые являются источником осмысления человеком окружающего мира. В данном случае поле противопоставлено дому. Компонент горячий соотносится с физическим кодом культуры и представляет собой сравнение по сходству (ср. горячая пора – время страды, т.е. тяжёлой летней работы на поле).

Метафора, лежащая в основе идиомы, отождествляет вспыльчивого человека с состоянием, которое испытывают люди во время страды.

Зоонимический код лежит в основе двух фразеологизмов:

Стоит кобеля буланого. *Скандальный, бранчливый*. Он адин *стоит къбиля буланъвъ*, каво хош абругат [2, с. 240].

Компонент фразеологизма кобель соотносится с зооморфным кодом культуры и содержит представления о разных видах животных: собаке (кобель) и лошади (буланой). Буланая масть – одна из самых заметных и ценных, отличительной чертой является цвет лошадиной шерсти. В связи с этим можно предположить, что метафорический перенос осуществлен по цвету. А собачий лай, громкий и порой надоедливый, уподобляется речи (брани) человека.

Метафора, лежащая в основе идиомы, отображает стереотипное представление о скандальном человеке как об одном из видов домашних животных.

Овца забаистая, неодобр. *О болтливом человеке*. Эх ты, *офца забаиста*, болташ што надъ, што не надъ [2, с. 80].

В образе фразеологизма содержится зооним (овца), который лежит в основе метафоры. В русском литературном языке овца часто служит символом беззащитного, безобидно-глупого человека, который не может постоять за себя (ср. заблудшая овца [1, с. 214]), в русских говорах Республики Мордовия овца отождествляется с болтливостью.

Религиозно-мифологический код представлен одним фразеологическим оборотом **в голове чёрт семишник искал** *у кого. Кто-либо не в состоянии разумно рассуждать, действовать*. Ты с Иванъм луччи ни связывъйси: у ниво *в гълаве чёрт симишник искал*, пъдвидёт он тибя [2, с. 268].

Образ фразеологизма связан с мифологическими, а затем и с религиозно-христианскими представлениями, где чёрт является сверхъестественным существом, олицетворяющим собой злое начало: он путает мысли человека, лишает его рассудка. Компонент идиомы семишник связан с предметным кодом культуры и является названием монеты в 2 копейки, которая была распространена в России с середины XIX до середины XX вв.

В целом фразеологизм является стереотипным представлением о неразумных действиях человека.

Физически-деятельностный код представлен следующими фразеологическими единицами.

На язык гораздый. *Болтливый*. Дъ вон хъть Палинкъ: самой не видать, а *нъ язык уж гараздъ* больнъ [2, с. 56].

В образе фразеологизма содержится соматизм (язык), являющийся отражением телесного кода культуры. Метафорически язык осмысляется как самостоятельный орган речевого аппарата человека, который обеспечивает его речевую способность.

Фразеологический оборот в целом отображает стереотипное представление о болтливости.

Продаст и купит, *неодобр. 2. О болтливом человеке*. Зачем ты яму сказалъ, ты што, ни знаш яво, он сичяс фсем фсё этъ *прадаст ы купит* [2, с. 194].

Компоненты фразеологизма продаст-купит связаны с товарно-денежным кодом культуры. Метафорический перенос основан на отождествлении процесса купли-продажи (ср. купи-продай – торговец) и речевого поведения человека: желанию получить (купить) информацию и передать (продать). И как торговец получает выгоду от продажи, так и болтливый человек получает удовольствие от передачи новостей (сплетен).

В целом идиома представляет собой эталон человека, не умеющего держать язык за зубами.

Не даваться погладиться. *Быть несговорчивым*. К няму лучшы ни пътхади, он и *пагладицъ ни даёцъ* [2, с. 175].

Компонент фразеологизма *даваться* соотносится с антропным кодом культуры, компонент *погладиться* – с физически-деятельностным кодом. В основе идиомы лежит метафора, основанная на отождествлении речевого поведения человека с физической деятельностью. В русском литературном языке зафиксирована фразеологическая единица **погладить по шерсти (шёрстке)**, имеющая помету разг., ирон., со значением «поступать или говорить в соответствии с чьими-либо желаниями» [4].

Таким образом, идиома является стереотипным представлением о нежелании вступать в разговор.

Немой салтык. *О ребёнке, который долго не начинает говорить*. Вот эт-тъ, как увидал у меня канфетку, так ы начил: «Ба-та-та», а большъ ничё ни гъварит. *Нямой салтык*, а уш вить яму скоръ два будет [2, с. 216].

В основе фразеологизма компонент немой соотносится с физически-деятельностным кодом культуры (лишённый способности говорить, безмолвный). Смеем предположить, что компонент салтык – это прозвище (оно также встречается в говорах Оренбургской области: немой салтык – прозвище картавого, косноязычного человека [2, с. 152]), принадлежащее антропному коду культуры.

В целом, фразеологический оборот отражает стереотипные представления о ребёнке, который не начал говорить по каким-либо причинам.

Итак, большинство фразеологизмов соотносятся с предметным (вещественным) кодом культуры, что говорит об упрощении характеристики речевого поведения человека носителями русских говоров Республики Мордовия. Практически все фразеологические единицы содержат отрицательную коннотацию, и даже молчание воспринимается народом не как достоинством, а как недостаток, неумение поддержать разговор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
2. Семенкова, Р.В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия / Р.В. Семенкова ; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева». – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007. – 330 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 215 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка (А.И. Фёдоров) [Эл.ресурс] http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm
5. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Питер, 1996. – 326 с.

© Кобякова Наталья Николаевна (Gorina-natasha91@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.22

УРБАНОЛЕКТЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

URBANOLECTS OF THE GERMAN LANGUAGE: FEATURES OF FUNCTIONING AND PROBLEMS OF TRANSLATION

E. Lavristscheva
A. Lvova
N. Abroskina

Summary: The article is concerned with the study of the features of urbanolects (an urban language) and the analysis of methods for translating urbanolects from German into Russian. A brief review of works concerned with the study of urbanolects is given. The ways of the translation are analyzed on the material of song texts of famous German singers. In the article, the most frequent ways of urbanolects translating were identified, examples are given.

Keywords: urbanolect, dialect, the literary German language, the ways of the translation, functional analogue, selection of the equivalent.

Лаврищева Екатерина Владимировна
к.филол.н., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
eklav@mail.ru
Львова Анна Геннадьевна
учитель английского языка МБОУ СШ № 2 с. Добринка Липецкой области
lwowa.anya@yandex.ru
Аброськина Наталия Борисовна
ст.преподователь, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
abroskina-19@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей урбанолектов (городского языка) и анализу способов перевода урбанолектов с немецкого языка на русский. Дается краткий обзор работ, посвященных изучение урбанолектов. Способы перевода анализируются на материале песенных текстов известных немецких исполнителей. В работе были выделены наиболее частотные способы перевода урбанолектов, приведены примеры.

Ключевые слова: урбанолект, диалект, немецкий литературный язык, способ перевода, функциональный аналог, подбор эквивалента.

Большие города обладают своим неповторимым «языком», на возникновение и существование которого влияют различные факторы: политические, экономические, социальные, а также территориальные изменениями. Немецкий урбанолект представляет собой обширное и уникальное явление. В нем в особой, специфической форме репрезентируются этнокультурные особенности и менталитет носителей немецкого языка. Однако изучению урбанолектов уделяется гораздо меньше внимания, как диалектам, т.к. города традиционно не включают в область исследования классической диалектологии. Тем не менее, можно отметить ряд работ, посвященных особенностям функционирования берлинского урбанолекта [1], венского урбанолекта [2; 3], кёльнского и дюссельдорфского урбанолектов [4].

Понятие урбанолекта является достаточно новым. В современной лингвистике для обозначения данного лингвистического явления используются различные термины: городской язык, городской обиходно-разговорный язык, (городской) полудиалект, просторечие, урбанолект. В немецком языке для обозначения урбанолектов используют в качестве терминологических синонимов такие термины, как «диалект» (Dialekt), «городской диалект» (Stadtmundart), «полудиалект» (Halbmundart), «сленг» (Slang), «нечистый немецкий» (unreines Deutsch), «язык улиц» (Gassenjargon) [5, с. 122].

В нашей работе мы используем термин «урбанолект», под которым мы, вслед за Горшковой Н.Э. понимаем «городскую языковую разновидность, объединяющую в своей сложной иерархически организованной структуре всю совокупность употребляемых в городе форм, слоев и вариантов языка, взаимодействие которых осуществляется в условиях социальной и коммуникативной многомерности» [1, с. 16].

Урбанолект представляет собой особую форму существования языка, которая употребляется, как правило, в большом городе. Н.А. Горшкова отмечает, что урбанолект – это городская языковая разновидность, ее отличает сложная, иерархически организованная структура, которая объединяет всю совокупность употребляемых в городе вариантов языка и взаимодействие которых происходит в условиях социальной и коммуникативной многомерности [1, с. 44].

Материалом нашего исследования послужили тексты немецких музыкальных произведений, содержащих урбанолекты. В качестве материала исследования были выбраны немецкие песни популярных музыкальных исполнителей: «Bläck Fööss», «BRINGS», «Beatsteaks», «Einstürzende Neubauten», «Oomph!», «Kraftwerk», «Megaherz», «Rammstein», «Ruoska»,

«Sodom», «Tanzwut», «Unheilig», «Wir Sind Helden», получивших признание слушателей всего мира, а также заслужившие положительные отзывы у музыкальной общественности различных стран. Примеры из текстов были отобраны методом сплошной выборки в количестве 70 лексических единиц.

В ходе исследования особенностей перевода урбанолектов на примерах немецких музыкальных произведений были выделены следующие основные способы перевода: подбор эквивалента, использование функционального аналога, описательный перевод, передача городского языка с помощью сленга, переводческая компенсация, прием добавления.

Наиболее частотными способами перевода урбанолектов являются, использование функционального аналога, подбор эквивалента.

В процессе использования функционального аналога при переводе песни, переводчик стремится к тому, чтобы передать максимально точный текст, который согласовался бы с музыкой. Этот способ перевода называют также песенным переводом.

Приведем пример из песни «Am Dom Zo Kölle» группы «Bläck Fööss»:

Se dunn uns sare – wat all mer jehatt (кельн.) - sie sagen uns (немецк.) – Они говорят нам - весь мир джехатт.

De Stadt dät noch schlofe (кельн.) - Die Stadt schlief noch (немецк.). – Город еще спал.

В данных примерах мы можем наблюдать особенность кёльнского диалекта, а именно использование для выражения действия, происходящего в настоящем или прошедшем времени, аналитических грамматических форм с использованием вспомогательного глагола «dun» (tun), что не является типичным для литературного немецкого языка.

Приведем следующий пример из песни «2 O'clock» группы «Beatsteaks»: *Na, du bist ja aber auch ein bemoostes Haupt! - Да ты уже стреляный воробей!* В данном примере использован урбанолект *bemoost*, который переведен словосочетанием *стреляный воробей*. Стоит отметить, что такое сочетание слов привычно для русскоязычного слушателя, в то время как буквальный перевод лексемы *замшелый* (*das Moos – мох*) представляется менее удачным вариантом для перевода текста песни, но при этом изменяется частеречная принадлежность. С целью сохранения принципа сочетаемости можно было бы воспользоваться следующими общепринятыми словами: *старый, опытный.*

Рассмотрим еще один пример из песни «Tausend Mann und ein Befehl» группы «Oomph!»: *Jetzt hat sie sich so eingefuchst. - Теперь она уже так натаскалась (насобачилась).* В процессе перевода урбанолекта *einfuchsen* мы можем наблюдать смену образа, которая обусловлена различием между национально-специфическими значениями зоонимов в немецком и русском языках: вместо зоонима *лиса (нем. der Fuchs)* в русском языке используется лексема *собака* (ср. рус. натаскать собаку на какое-либо дикое животное с целью охоты).

Как показывает анализ языкового материала, подбор эквивалента также является одним из самых частотных способов перевода урбанолектов.

Рассмотрим пример из песни «Til Death Do Us Unite» группы «Sodom»: *Er geht jede Stunde lungenbräunen. - Он коптит легкие каждый час.* Эквивалентный перевод лексемы *lungenbräunen* – «коптить легкие» можно считать удачным, так как, с одной стороны, русский эквивалент соответствует значению исходной лексической единицы, а с другой стороны, ассоциируется в сознании носителя русского языка с выражением *коптить небо*, т.е заниматься чем-то бесполезным.

Рассмотрим следующий пример песни «Augen auf!» группы «Oomph!»: *büffeln – зубрить*. Немецкая лексема «büffeln» происходит от глагола «buffen» - «бить, долбить». При переводе была выбрана эквивалентная лексема в русском языке. В русском языке глагол «зубрить» происходит от соматизма «зуб», первоначально данный глагол имел значение «делать зазубрины, зубцы», в дальнейшем в ходе метафорического переноса слово «зубрить» приобрело переносное значение «учить назубок, усердно что-то учить».

Рассмотрим следующие примеры из песни «Hans guck in die Luft» группы «Sodom»: *hamstern – хомячить. Образную основу и немецкого глагола «hamstern», и русского «хомячить» составляет сравнение с хомяком, который постоянно что-то жует, набивая щеки.*

Таким образом, следует отметить, что с помощью урбанолектов репрезентируются особенности и отличительные черты того города, в котором он употребляется. В процессе перевода следует принимать во внимание не только лингвистические, но и экстралингвистические особенности, т.к. основу для урбанолекта составляет местный диалект, на который в ходе развития урбанолекта оказывают значительное влияние различные изменения, связанные с экономическими, политическими, культурными и социальными факторами. Анализ языкового материала позволяет утверждать, что подбор эквивалента и использование функционального аналога являются наиболее предпочтительными способами перевода урбанолектов для достижения адекватности перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова Н.Э. Городские языки (урбанолекты) в системе форм существования современного немецкого языка Германии: на примере городского языка Берлина: диссертация ... к.филол.наук: 10.02.04. –Санкт-Петербург, 2008. – 192 с.
2. Мартьянова А.А. Венский урбанолект как явление диатопической подсистемы австрийского варианта современного немецкого языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. – № 1 (2). – С. 182-184
3. Оладышкина А.А. Особенности функционирования венского урбанолекта в австрийском варианте современного немецкого языка: диссертация ... к.филол.наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург, 2015. – 177 с.
4. Селезнева И.П., Зенгер А.Р. Особенности функционирования кёльнского и дюссельдорфского урбанолектов: на примере тематического поля «карнавал» // Теория и методика преподавания иностранных языков в условиях поликультурного общества: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018. – С. 263-270
5. Berner E. Niederdeutsch – Brandenburgisch – Berlinisch – Standardsprache: Entwicklungstendenzen im regionalen Varietätengefüge // Sprachwandel und Entwicklungstendenzen als Themen im Deutschunterricht. – Potsdam: Universitätsverlag, 2018. – P. 121–134.

© Лаврищева Екатерина Владимировна (eklav@mail.ru), Львова Анна Геннадьевна (lwowa.anya@yandex.ru),
Аброськина Наталия Борисовна (abroskina-19@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.23

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «МУЖ» И «ЖЕНА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF "HUSBAND" AND "WIFE" IN RUSSIAN AND CHINESE

Liu Aihua

Summary: The purpose of the study is a comparative analysis of the concepts of «husband» and «wife» in Russian and Chinese, identifying similarities and differences. The scientific novelty of the study is that it is the first time that the concepts of «husband» and «wife» are studied in a comparative aspect in relation to Russian and Chinese linguistic cultures on the material of the paroemias of these languages. As a result of the conducted research, it was revealed that there are similarities and differences in the interpretation of the semantics and connotations of the concepts «husband» and «wife» in these linguistic cultures. The similarity lies in the traditionally positive assessment of husband and wife as family members. The differences relate to the more significant role of the wife in Chinese linguoculture, the greater importance for the Chinese of the relationship of spouses with parents, etc.

Keywords: the concept of "husband", the concept of "wife", Russian language, Chinese language, linguoculture.

Лю Айхуа
аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
479280283@qq.com

Аннотация: **Цель исследования** – сопоставительный анализ концептов «муж» и «жена» в русском и китайском языке, выявление черт сходства и отличия. **Научная новизна** исследования состоит в том, что в нём впервые исследуются концепты «муж» и «жена» в сопоставительном аспекте применительно к русской и китайской лингвокультурам на материале паремий данных языков. **В результате** проведённого исследования выявлено, что в трактовке семантики и коннотаций концептов «муж» и «жена» в данных лингвокультурах есть сходство и отличия. Сходство заключается в традиционно позитивной оценке мужа и жены как членов семьи. Отличия касаются более значимой роли жены в китайской лингвокультуре, большей важности для китайцев отношений супругов с родителями и т.п.

Ключевые слова: концепт «муж», концепт «жена», русский язык, китайский язык, лингвокультура.

Введение

Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью концептов «муж» и «жена», играющих значимую роль в любой национальной культуре. Семья и семейные отношения представляют собой важнейшую часть картины мира любого языка. Главенствующие роли в семье традиционно отводятся мужу и жене, однако в их трактовках могут наблюдаться отличия, свойственные различным лингвокультурам и связанные со стандартными культурными взглядами, с обычаями, традициями и историей народа.

По мнению Е.И. Зиновьевой, лингвокультурология является этофилологической наукой, которая анализирует и изучает многообразные методы представления познаний об окружающем мире с помощью изучения единиц языка различных уровней (Зиновьева, 2016, с. 54). В её рамках можно провести описание языковых единиц, репрезентирующих концепты, выявить оттенки и ассоциации, которые показывают восприятие концептов носителями языка. В двух обособленных лингвокультурах складываются свои стереотипные представления о каждом отдельно взятом концепте. В результате концепты «муж» и «жена» по-разному воспринимаются в русском и китайском языках.

Концепты «муж» и «жена» рассматриваются лингвистами на базе различных языков, причём чаще всего именно как совокупность двух тесно связанных друг с другом концептов. Е.Д. Дригалова на основе анализа концептов «муж» и «жена» отмечает в финской пословичной картине мира «противопоставление характеров мужа и жены» (Дригалова, 2016, с. 53). С. В. Бурдун, рассмотрев концепты в кубанской фразеологии, выявляет «единство и равнозначность данных концептов с точки зрения дихотомичной категории ‘свой – чужой’» (Бурдун, 2020, с. 45). Исследователи анализируют концепты «муж» и «жена» как элементы более общего концепта «семья» (Фисенко, Лазарев, Чернова, 2015). Нередко концепты «муж» и «жена» рассматриваются в сопоставительном аспекте, например, на базе русского и болгарского (Илиева, 2019), английского и узбекского (Уралова, 2020) и других языков. Применительно к лингвокультуре русского и китайского языков такое сопоставление пока не проводилось.

В ходе данного исследования были поставлены задачи: во-первых, рассмотреть и сопоставить пословицы русского и китайского языков с целью выявления в них

концептов «муж» и «жена»; во-вторых, отметить сходство данных концептов в русской и китайской лингвокультурах; в-третьих, выявить отличия в реализации концептов «муж» и «жена» в данных языках и лингвокультурах.

Исследование проводилось при помощи следующих методов: описательного, сравнительно-сопоставительного, метода лингвокультурологического анализа, метода лингвистической реконструкции культуры, метода сплошной выборки (при подборе материала).

Теоретической базой исследования послужили ключевые труды по вопросам теории концепта (Зиновьева, 2016; Кубрякова, 2004; Лихачёв, 1993; Попова, Стернин, 2007 и др.), а также разнообразные научные статьи, анализирующие концепты «муж» и «жена» (Бурдун, 2020; Дригалова, 2016; Илиева, 2019; Уралова, 2020 и др.). Концепт мы понимаем как совокупность значений, понятий и ассоциаций, возникающих у современной языковой личности в процессе осмысления какого-то явления, понятия (Крылова, 2013, с. 216).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в ходе преподавания различных вузовских курсов и спецкурсов по лингвокультурологии, лингвоконцептологии, сопоставительной лингвистике и др.

Лингвоанализ русских концептов «муж» и «жена»

Анализ русских паремий показывает в первую очередь традиционную трактовку концептов «муж» и «жена». Муж является главным в семье: «Птица крыльями сильна, жена мужем красна», он также финансово в полной мере обеспечивает свою семью: «За добрым мужем как за каменной стеной, за худым мужем и забора нет». Также важной ролью мужа является роль отца: «Бог до людей, а отец до детей», а значимым для него умением – способность многое делать по дому, трудолюбие: «Муж пашет, а жена пляшет». В восприятии носителей русского языка муж – умный, сильный, заботливый, мужественный, верный, ответственный и надёжный человек: «За мужа завалюсь, никого не боюсь»; «За хорошим мужем жена молодеет»; «Муж – дому строитель, нищете отгонитель».

Лингвоанализ русских концептов «муж» и «жена» также показывает неразрывное единство в миропонимании мужа и жены, их зависимость друг от друга: «За хорошим мужем и жена хороша»; «Доброю женою и муж честен»; «Без мужа – что без забора, без жены – что без крыши». Жена и муж у носителей русского языка тесно взаимосвязаны между собой и представляют единое целое, без которого семья распадется. Многие пословицы прославляют жену: «Хозяйкой дом стоит»; «Каждая жена в своем доме царица»; «Милая жена – половина добра; умная жена – добру голова»; «Женская мудрость всему опора». Можно сказать, что жена представляется в русской лингвокультуре как самая мудрая и добродетельная в семье, но в то же время как член семьи, несомненно, занимающий зависимое положение.

Стереотипный образ мужа у русских таков: муж является опорой для женщины, любит и уважает свою жену, помогает ей в решении различных проблем и поддерживает во всем. Однако пословицы транслируют и отрицательные представления о муже, существующие в русской лингвокультуре, например, склонность мужа к грубости, ревности или лени: «Стужа лучше худого мужа». В осмыслении русских бытует стереотипное мнение о «рогатом» муже, которому изменяет жена: «Муж в дверь, а жена в Тверь», «Муж в шанцах, а жена в танцах». Женщины также стереотипно считают, что в браке обоим супругам необходимо много трудиться: «Муж молоти пшеницу, а жена пеки паленицы».

В сознании носителей русского языка существует представление об идеальном муже как о человеке, который успешно общается с остальными людьми, уделяет внимание окружающим, нежаден и способен к состраданию; люди не сомневаются в его ответственности. В пословицах подчёркивается, что эти качества – залог счастья женщины: «Из-за мужа и жена хороша». Русские мужчины часто выделяют верность своим женам в любви, а женщины очень ценят мужа, который уделяет им много внимания: «У заботливого мужа жена век не тужит».

С точки зрения внешности муж в понимании носителей русского языка не обязательно должен быть высоким и красивым: «Выбирай уборыша, а выберешь опорыша» (то есть не красавца, а надёжного человека, опору). Идеальный муж состоятелен и обеспечивает семью, умён и имеет хозяйственные навыки.

В традиционных представлениях русского народа жена ассоциируется с любовью и близостью, составляющими базу в отношениях между супругами: «Женина ласка супругу силу даёт». Жена воспринимается как заботливая, добрая, терпеливая, нежная, честная, умная: «Жена честнее – мужу милее»; «Женский ум стоит многих дум». Главной ролью является для нее роль матери; мать дает жизнь своим детям, она хранительница очага и уюта в доме, может приготовить вкусную еду для всей семьи: «Сердце матери лучше солнца греет», «У хорошей хозяйки дом – всегда полная чаша».

Семейный лад в понимании носителей русского языка возможен только при условии единства мужа и жены. Это подтверждается такими пословицами и поговорками: «У милостивого мужа и жена досужа»; «Муж и жена – одна сатана»; «Не надобен и клад, коль у мужа с женой лад»;

«Муж – голова, жена – шея, куда повернет, так и будет».

Концепты «муж» и «жена» в китайской лингвокультуре

В китайской лингвокультуре понимание концептов «муж» и «жена» в целом схоже с их трактовкой в русской лингвокультуре, но имеет некоторую специфику. Нами были выделены следующие пословицы как объекты исследования концептов «муж» и «жена»: 男婚女嫁 («Когда мужчина взрослеет, ему нужно жениться, а когда девушка взрослеет, ей нужно выйти замуж»); 破镜重圆 (буквальное значение «Два обломка зеркала совпали вместе»). Здесь видны традиционные народные смыслы: брак очень важен, практически обязателен; муж и жена очень близки, едины.

В паремиях выделяются следующие качества мужа: 负责的 (ответственный), 可靠的 (надежный), 有男子气概的 (мужественный), 严肃的 (серьезный), 关怀和敏锐的 (заботливый и чуткий). Для китайцев муж является ответственным человеком, для них важна роль мужа как отца; он должен обеспечивать свою семью, почитать и уважать своих родителей. В стандартном представлении носителей китайского языка важно, чтобы жена следовала за своим мужем.

В то же время представление о муже амбивалентно: во-первых, он является настоящим мужчиной – «главным столбом под балкой» (顶梁柱), руководствуется чувством долга, обеспечивает своей семье безопасность, защищает жену и детей; во-вторых, он может быть лентяем, может изменять жене, применять домашнее насилие, иметь отрицательные привычки, такие как курение или алкоголизм. У носителей китайского языка существует образное понимание о муже «в зеленой шапке» (绿帽子), что подразумевает измену мужа жене.

Характеристика «ответственный» является доминантной для образа идеального мужа. Кроме того, он должен уметь совершенствоваться, обладать юмором, быть добрым, верным, заботливым и чутким. Муж должен находить равновесие между семьей и работой. Носители китайского языка уделяют внимание не только интеллектуальным чертам, но и эмоциональному интеллекту, играющему значимую роль в межличностных отношениях, а также чуткости и умению быть нежным: 经营你的家庭就像煎一条小鱼，（它的）秘诀是：格外的温柔 («Управляй семьей, как будто готовишь маленькую рыбку – очень нежно»).

Для носителей китайского языка несомненно то, что муж и жена должны быть уважительны к старшим: «Любящая жена почтительна к свекрови, любящий муж почтителен к учителю» (慈爱的妻子对婆婆敬重，慈爱的丈夫对老师敬重); для них несомненно, что старость является хранителем мудрости, знаний, опыта: 老人不传古，后生失了谱 (Дословный перевод: «Если старый человек не передаст свой опыт, молодой человек не будет опытен»). Пословица «Хороший муж не бьет жену, хороший пес не лает на кур» (好丈夫不打老婆，好狗不对鸡叫») говорит о том, что физическое насилие по отношению к жене считается в народе низким поступком. Много китайских пословиц говорят о любви между супругами. Например: 小别胜新婚 («Недолгая разлука создает больше страсти, чем свадьба»).

Семейный лад у носителей китайского языка подчёркивают такие поговорки и пословицы: «Дружная семья и землю превратит в золото» (一个和睦的家庭会把地球变成金子); «Когда женщина берется за мужское дело – семья процветает, когда мужчина берется за женское дело – семья разоряется» (当一个女人接手一个男人的生意时，家庭就会兴旺发达，当一个男人接手一个女人的生意时，家庭就会破产»). Это говорит о том, что у сплоченной семьи все получается, если муж и жена делают всё вместе, но важной и мудрой личностью в семье является жена, ее никто не может заменить.

Жена в представлении китайцев должна обладать качествами: 温柔的 (нежная), 明智的 (мудрая), 贤惠的 (добродетельная), 明智的 (разумная), 关怀的 (заботливая), 柔弱的 (хрупкая), 一个仁慈的妻子和一个好母亲 (милосердная жена и хорошая мать). Образ жены для носителей китайского языка в большинстве случаев обладает положительной оценочной коннотацией, намного реже – негативной и амбиватентной. Жена в понимании носителей китайского языка может быть ленивой, скандальной и склонной к измене. Например: 懒老婆巧对付 («Ленивая жена всегда найдёт себе оправдание»).

В китайской лингвокультуре бытует мнение о жене, которая не отстает от мужа, является сильной и независимой, что связано с возрастающим феминизмом, стремлением женщин к равенству полов в семье. Жена для китайцев, прежде всего, человек мудрый, чуткий, заботливый, независимый, разумный, красивый. Высока ее роль как мудрой жены и заботливой матери, которая всегда поможет мужу и обучит детей. Например: 儿行千里母担忧 («Когда сын вдалеке от дома, мать волнуется»). Она почтительно относится к своим родителям и родителям мужа, удовлетворяет психологические нужды супруга. Китайская жена – это человек, который способен 举案齐眉 (прямой перевод – «Держать поднос (с едой) на уровне бровей»). Выражение означает необходимость взаимного уважения обоих супругов, крайнюю вежливость и почтительность в браке. Это выражение, относившееся ранее только к поведению жены, сегодня в китайском языке расширило своё употребление и относится также к поведению мужа.

Рассматривая черты внешности идеальных мужа и

жены, носители русского и китайского языков выделяют различные внешние признаки: русские акцентируют цвет волос и глаз; китайцы делают акцент на белой коже, утверждают, что белокожие жены являются очень красивыми. Данные факторы говорят о различиях в эталонах красоты у представителей двух лингвокультур. Однако высокий рост у мужчин – это одна из главных особенностей идеального мужа в двух культурах. Кроме того, в обоих языках есть пословицы, свидетельствующие о неважности красоты, когда речь идёт о дорогих и близких людях. Китайцы говорят: 情人眼里出西施 («Красота в глазах смотрящего; Любовь слепа»); русские: «Если муж хорош, то рябая жена станет красивой». Китайская пословица 人无完人, 金无足赤 rén wú wán Ren, Kanaya zú Chi (прямой перевод: «Найти идеального мужчину так же невозможно, как найти стопроцентно чистое золото») говорит о том, что идеального супруга найти невозможно, поэтому надо ценить то, что имеешь.

Значимым с точки зрения настоящего исследования является представление о том, что «налицо историческая изменчивость концептов» (Крылова, 2014, с. 41), концептосфера постоянно развивается, пополняется новыми смыслами и трактовками привычных явлений. Тем не менее, традиционные смыслы, заложенные в пословицах и связанные с историей русского и китайского народов, продолжают влиять на лингвокультуру.

Заключение

Сопоставительное исследование концептов «муж» и «жена» в русском и китайском языках позволило сделать следующие **выводы**.

1. Анализ паремийного фонда русского и китайского языков показал: в пословицах и поговорках широко представлены концепты «муж» и «жена», что говорит об их важности для носителей языка. В течение последнего десятилетия понимание концептов «муж» и «жена» в русском и китайском языковом восприятии изменилось, однако традиционные, стереотипные представления, сконцентрированные в паремийном фонде языков, продолжают оказывать значительное воздействие на лингвокультуру.
2. Идеальные образы мужа и жены в двух лингвокультурах представляют собой ядерную составляющую стандартного мышления. Для мужа и жены в обеих лингвокультурах важны такие качества, как надежность, ответственность, трудолюбие, внимание, верность и др. В стандартное восприятие двух лингвокультур входят также негативные единицы оценки мужа и жены, такие как: рогатый муж, борьба, ссора, измена, нелюбимый, одиночество, страдания.
3. В то же время, в отличие от русских, китайцы на первое место ставят отношения между супругами и их родителями, а именно уважительное отношение младшего поколения к старшему поколению. Это сложилось под влиянием учения Конфуция, в котором такое отношение определяется как самая важная добродетель человека. Рассматривая навыки супругов, русские, в отличие от китайцев, выделяют не только хозяйские умения, но также интеллектуальные навыки и умения межличностных отношений, которые составляют идеальные образы мужа и жены. Для русской лингвокультуры важен высокий статус мужа, в китайской культуре и женщины, и мужчины являются претендентами на главный статус в семье и оба квалифицируют роль другого супруга как вспомогательную.

Можно констатировать, что в понимании концептов «муж» и «жена» носителями китайской и русской лингвокультур сходств больше, чем отличий. Невзирая на различные пути развития, качество жизни, менталитет, данные культуры имеют между собой много общего. Воспринимая представления носителей каждой культуры о концептах «муж» и «жена», можно лучше понять культурные особенности граждан определенного государства, в нашем случае Китая и России. Это, в свою очередь, важно для укрепления дружеских взаимоотношений между двумя народами, что актуально в современной политической ситуации.

Перспективы дальнейшего исследования могут состоять в анализе трансформаций концептов «муж» и «жена», появляющихся в китайской и русской лингвокультурах под влиянием современных общественных процессов, тех новшеств, который формируются в представлениях о мужчине и женщине, об их роли в семье и в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдун С.В. Лексико-семантическая репрезентация концептов муж и жена, представляющих мир «своих» в контексте кубанской фразеологии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КВВАУЛ, 2020. С. 45-55.
2. Дригалова Е.Д. Репрезентация концептов «муж» и «жена» в финских паремиях // Богатство финно-угорских народов: Материалы III Международного финно-угорского студенческого форума. Йошкал-Ола: Марийский государственный университет, 2016. С. 53-55.

3. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. СПб.: Нестор-История, 2016.
4. Илиева М. Болгарские концепты «мъж» и «жена» в сопоставлении с русскими по ассоциативным данным // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: Материалы V Международной научно-практической конференции; отв. редакторы В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: БГУ, 2019. С. 226-237.
5. Крылова М.Н. Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 215-220.
6. Крылова М.Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ: монография. Саратов: Вузовское образование, 2014.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
10. Уралова О.П. К. Пословицы с концептами «муж» и «жена» в английском и узбекском языках // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара; отв. редактор О.И. Дмитриева. Саратов: АМИРИТ, 2020. С. 119-125.
11. Фисенко О.С., Лазарев С.В., Чернова Н.В. «Дом», «жена», «дети», «мать» и «родители» как когнитивные компоненты концепта «семья» в позднем творчестве Василия Васильевича Розанова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7-1. С. 258-262.

© Лю Айхуа (479280283@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.24

ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ ВКУСОВОГО ВОСПРИЯТИЯ И ИХ РОЛЬ В ЖАНРЕ ПУТЕВОЙ ЗАМЕТКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ»)

Лю Ичао
Аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
liudmila12@yandex.ru

Аннотация: В исследовании в ходе теоретического и семантического анализа исследуются слова русского языка с семантикой вкусового восприятия, наиболее часто используемые авторами путевых заметок. Цель исследования состоит в выявлении роли, функций и характеристик слов с семантикой восприятия вкуса, применяемых в жанре трэвел-журналистики. Новизна заключается в анализе слов с семантикой вкусового восприятия в журналистском дискурсе. В путевой заметке лексика вкусового восприятия играет важную роль, как в выражении семантики, так и в структуре статьи, способствуя повышению выразительности, эмоциональности и содержательной целостности статьи.

Ключевые слова: вкусовое восприятие, лексика, путевая заметка, семантика, функция.

VOCABULARY WITH THE SEMANTICS OF TASTE PERCEPTION AND THEIR ROLE IN THE GENRE OF TRAVEL NOTES (ON THE MATERIAL OF THE MAGAZINE "TRAVEL NOTES")

Liu Yichao

Summary: Words with the semantics of taste perception in travel notes in Russian with semantic analysis as the main method are considered. The aim of the study is to identify the characteristics and functions of the words of perception of taste in the process of their implementation of semantics in the genre of a travel note. The novelty lies in the analysis of words of different types in journalistic discourse. In travel notes, vocabulary of taste perception plays an important role both in the expression of semantics and in the structure of the article: it helps to increase the expressiveness, emotionality and substantive integrity of the article.

Keywords: taste perception, vocabulary, travel note, semantics, function.

Введение

Язык позволяет улучшить коммуникационное взаимодействие деятельности, повышая качество взаимодействий между людьми при трансляции информации и мыслей. Изучению языковых средств перцептивной семантики уделяется большое исследовательское внимание учеными, о чем свидетельствует рост лингвистических исследований. В рамках перцептивной лингвистики предметом изучения является язык, исследуемый в контексте человеческого восприятия. В настоящее время перцептивная лингвистика по праву отнесена к быстро развивающимся научным дисциплинам. В любом направлении лингвистики семантика играет важную роль, предусматривая изучение вариативных языковых способов семантики восприятия. Данной теме посвящены исследовательские труды многих ученых-лингвистов, среди них В.К. Харченко [1], О.Ю. Авдевнина [2] и т.д., результаты которых внесли большой вклад в развитие перцептивной семантики.

Следует отметить, что характеристики статьи в значительной степени обусловлены жанром речи, который широко используется при анализе текстовой информации, привлекая внимание многих ученых. В XXI веке, как, собственно, и ранее, жанроведение активно взаимодействует со смежными лингвистическими и гуманитарными дисциплинами, и его новые проявления приобретают актуальность в каждом конкретном случае [3, с. 247]. Результаты, полученные в ходе исследования дискурса, оказывают существенное влияние на развитие многих направлений лингвистики, среди которых можно назвать семантику, лингвистическую прагматику, сопоставительную лингвистику и т.д. Среди известных авторов, занятых в исследовании жанроведения, следует указать таких ученых, как В.В. Дементьев [3], А.А. Тертычный [4] и др.

В настоящее время жанр журналистики считается наиболее популярным и часто используемым, что в свою очередь обуславливает быстрые темпы его развития. Количество журналистских статей продолжает расти, и их исследования отвечают потребностям нашей эпохи. Лексика с семантикой восприятия в жанре журналистики призвана выполнять функции выразительности и художественности текста, что определяет актуальность данного исследования, так как анализ языковых единиц способствует более конкретному и точному пониманию их функций и значимости.

Исследование о лексических единицах восприятия

вкуса в трэвел-журналистике имеет большое значение, как в развитии лингвистики, так и в повседневной жизни. Результаты данного исследования могут способствовать пониманию характеристик семантики восприятия и ее средств выражения. В свою очередь, это позволит расширить диапазон употребления сенсорной лексики носителями языка и иностранцами при написании журналистских статей.

Объектом исследования являются выражения с перцептивной семантикой в русском языке.

Предмет исследования слова с семантикой вкусового восприятия в жанре путевой заметки.

Цель исследования заключается в выявлении роли, функций и характеристик слов с семантикой вкусового восприятия в ходе их применения в жанре трэвел-журналистики.

Задачи исследования:

1. изучить формы слов с семантикой вкусового восприятия и выявить их характеристики;
2. классифицировать слова восприятия вкуса и проанализировать их применение в жанре путевой заметки;
3. определить функции лексики вкусового восприятия, применяемые в путевых заметках.

Научная новизна исследования заключается в анализе функций слов с семантикой вкусового восприятия в статьях трэвел-журналистов, исследование которых до настоящего времени считается недостаточным.

Основным методом исследования является семантический анализ языковых единиц. В статье проводится анализ не только слов с семантикой вкусового восприятия, но и их функций. Используются также методы сравнения и классификации.

В качества материала для анализа послужили 20 статей, размещенных в известном туристическом журнале «Путевые заметки», в виду достаточно частого применения в нем слов вкусового восприятия, типичных для путевых заметок на русском языке. Проанализировано 42 высказывания со словами вкусового восприятия. Выделено 17 слов восприятия вкуса разных типов: вкус, вкусность, послевкусие, вкусный, сладкий, кислый, соленый, малосольный, сахарный, жирный, вкусно, аппетитно, приятно, горько, вкусить, попробовать и прожаривать.

Результаты и их обсуждение

Путевая заметка как жанр речи

Статья не может существовать без дискурса. Дискурс – это теоретическое понятие, которое может использоваться как форму мета-анализа, осуществляемую через призму гуманитарных и социальных наук [5, с. 165]. Изучение жанра речи помогает лучше понять семантику и характеристики языковых единиц. В русском языке существует большое разнообразие жанров. Перцептивный язык отражается в любом дискурсе, но особенно широко используется в жанре журналистики.

Трэвел-журналистика является одним из популярных видов журналистики, а в последние годы многими исследователями отмечается рост ее популярности. Под влиянием многих факторов, таких как развитие общества, трансформация мировоззрения ее членов и т.д., происходит рост интереса со стороны людей в быстро развивающейся сфере туризм. Туризм стал «горячей» темой журналистских статей [6, с. 2-3]. Многие люди записывают свои истории и чувства в ходе путешествия, которые впоследствии публикуются в виде туристических статей. Многие путешественники, да и обычные туристы с удовольствием делятся полезной информацией или положительным опытом с друзьями, близкими или совсем незнакомыми людьми в Интернете [6, там же]. Статьи в жанре трэвел-журналистики позволяют людям получить необходимую информацию о различных местах, содействуя тем самым культурному обмену между странами и нациями. Сегодня газеты и журналы, которые передают новости, не ограничиваются бумажной формой, прибегая чаще всего к электронной версии трансляции информации. Интернет-СМИ также продвигает развитие трэвел-журналистики, и многие статьи о туризме систематически появляются на таких платформах, как веб-страницы туристических журналов, трэвел-блоги и т. д.

Жанр трэвел-журналистики включает в себя три типа: путевой очерк, путевая заметка и репортаж. В путевых заметках проявляются характеристики художественного и публицистического дискурсов. Путевая заметка имеет многие характерные признаки, такие как многожанровость, разножанровость, дневниковость, филологичность, когнитивность и культурологичность [7, с. 86]. В путевых заметках важным моментом считается изложение результата изучения и «сигнализирование» о существовании (или отсутствии), основных черт какого-то явления, события, человека и проблемы. В этом случае журналисты при написании путевой заметки должны следовать принципам оперативности и актуальности [4].

Статьи в жанре путевой заметки не только описывают факты во время путешествия, но и часто выражают чувства и эмоции автора. Хорошая путевая заметка должна одновременно повествовать историю и привлекать интерес читателей. Все типы восприятия людей воплощаются в путевых заметках, в том числе и восприятие вкуса. Выражение вкусового восприятия часто появляются в путевых заметках, связанных с темами еды и приготовления пищи.

Лексика вкусового восприятия

Разнообразные предметы, явления, события и т.д. описываются путем применения языковых средств. Таким образом, восприятие представляет собой важный инструмент необходимый всем людям, посредством которого ими осуществляется познание окружающего их мира и чувственные взаимодействия, проявленные не только физиологическими, но и культурными возможностями [8, с. 28-29]. Восприятие демонстрируется путем применения языковых средств, в результате чего происходит формирование перцептивного языка.

Перцептивная лингвистика тесно связана со многими дисциплинами, такими как психолингвистика, социолингвистика, неврология и т.д., и результаты ее исследований способны оказать существенное влияние на многие области знаний, такие как психология, культура и т.д. В исследованиях гастрономического туризма характер потребления продуктов питания и восприятия вкуса нельзя недооценивать. Когнитивная психология и неврология уделяют большое внимание изучению академических и практических аспектов восприятия вкуса, что само по себе вносит огромный вклад в наше понимание сенсорного вкуса и его оценки [9, с. 1]. Перцептивная семантика сосредотачивается на взаимосвязи между семантикой восприятия и ее языковым выражением, процессах реализации семантики перцептивных языковых единиц и т.д. Языковые средства перцепции помогают людям более ярко выражать и понимать ощущения и чувства, транслируя соответствующую информацию.

Восприятие считается базовым процессом для человека и обладает фундаментальным значением для познания универсума [10, с. 145]. Процесс восприятия связан с разными факторами, такими как физиологические, психологические, социальные, культурные и др., которые способны оказать значимое влияние на него. Точные и осознанные представления о мире, которые носят название «перцептивный опыт», возникают из ряда иерархических процессов и вычислений, которые проходят исключительно сверху вниз и ориентированы на ожидание [11, с. 1]. Благодаря восприятию люди более реально понимают вещи и транслируемую им информацию. Каждый человек является обладателем системы восприятия и способен воспринимать много аспектов одновременно.

Опираясь на сказанное, можно констатировать, что языковые средства восприятия можно классифицировать по типам. Помимо восприятия зрения и слуха, восприятие вкуса также широко появляется в статьях разных дискурсов. Хотя в сенсорном списке вкус занимает отнюдь не первое место, он оказывает влияния на многие аспекты жизни [1, с. 47]. Выбор еды для питания является наиболее обычной повседневной деятельностью людей [12, с. 1]. Вкусовое ощущение рассматривается как химическое ощущение, поглощение пищи [13, с. 314].

С помощью чувства вкуса человек может выделить характеристики различных объектов, а также обозначить степень их одинаковости. Вкусовое восприятие, возникающее благодаря взаимодействию химических веществ, может обусловить приятный или неприятный эмоциональный фон самочувствия [14, с. 124]. Предметы с вкусовыми характеристиками способны привести к различным ощущениям, вызвав соответствующие эмоции у людей. Процесс сенсорного восприятия является очень распространенным явлением. Объектом, обладающим вкусовыми характеристиками, обычно является еда. Темы, связанные с едой, достаточно часто встречаются в путевых заметках, что в свою очередь обуславливает обращение их авторов к применению выражений «вкусовой» семантики.

Средства выражения восприятия вкуса разнообразны, и словарный запас этого восприятия очень богат. Задача лексики заключается в обеспечении высокой вариативности использования слов, оценки их содержания и сравнении с предыдущими лингвистическими знаниями, накопленными людьми [15, с. 8]. Важное свойство слова заключается в том, что оно имеет не только грамматическое, но и лексическое значение, возникающее в результате соотнесенности слова с какой-то предметной или понятийной сферой [16, с. 132]. Вкусовые характеристики давно и прочно закрепились в русском языке [17, с. 76]. Психологический процесс восприятия репрезентируется не только в категории перцептивности с грамматикализованным характером, но и в многочисленных лексических единицах, обозначающих восприятие и его компоненты [2, с. 49].

Слова многих частей речи, таких как глаголы, существительные, прилагательные, наречие и т.д., в русском языке могут быть использованы для выражения вкусового восприятия. На сегодняшний день отмечается большое количество слов с семантикой вкусового восприятия. Восприятие вкуса может быть выражено с помощью фразеологизмов. Под влиянием исторических и культурных факторов в русском языке были сформированы многие устойчивые словосочетания, выражающие семантику вкусового восприятия. Сенсорная лексика способна вступать в системные отношения с другими единицами текста [18, с. 173].

Существует много способов классификации слов вкусового восприятия, различаемых на основании конкретных характеристик. Большинство частей речи в русском языке включают в себя слова восприятия вкуса. Существительное и прилагательные часто выражают вкусовые характеристики вещей, а глаголы и наречия описывают процесс, когда люди активно воспринимают

предметы либо предметы приносят восприятие. Названные части речи достаточно часто употребляются авторами статей, выполненных в жанре журналистики.

Глаголы с семантикой вкусового восприятия выражают процесс или состояние восприятия вкуса. В предложении часто они служат в качестве предиката, а в некоторых случаях используются в качестве других ингредиентов, например, подлежащее, определение и т.д. Наречия восприятия вкуса могут выразить характеристики процесса восприятия, а также посредством их становится возможным описать вкусовые ощущения людей. Существительное может быть представлено словом, являющимся объектом в процессе восприятия, или словом, представляющим характеристики вкуса. Прилагательные описывают характеристики вкуса, исследуемого с различных позиций, в частности, с точки зрения степени, приятности и т.д.

С семантической точки зрения слова вкусового восприятия можно классифицировать по значению. Семантика вкусового восприятия в основном включает в себя следующие аспекты: характеристики вкуса, наличие вкуса и действие восприятия вкуса.

Анализ лексики вкусового восприятия в жанре путевой заметки

С позиции языковых единиц лексика является важным средством выражения вкусового восприятия. Большой словарный запас соответствующей семантики в русском языке помогает четко описать явление восприятия вкуса людей во всех аспектах, выразив их посредством эмоций. Знаковые носители функции делятся на два вида: семантические (содержательно значащие) и асемантические (структурные). К первой категории относятся лексические знаки, которые выполняют разные функции в выражениях [19, с. 20]. Вкусовые слова обладают значимой функцией, посредством которых осуществляется трансляция не только процесса принятия пищи, но и ее оценки [1, с. 47]. В дополнение к словарному значению слов, слова с семантикой восприятия вкуса часто носят иное смысловое наполнение. С помощью языковых единиц семантического поля «вкус» автор путевой заметки не только обозначает физические и чувственные ощущения, но и отображает психологическое состояние персонажей [20, с. 2].

Культура еды может придать жизни людей естественность и полноценность. Вкусовые ощущения оказывают как осознаваемое, так и неосознаваемое воздействие на физическое и психическое состояние человека [21, с. 26]. Использование различных слов вкусового восприятия помогает более ярко и точно выразить ощущения. Описывая восприятие вкуса, люди способны лучше понять характеристики вещей в путешествии, связанных со вкусом. Проанализируем слова с семантикой вкусового восприятия, их функции и роли в жанре путевой заметки на примере анализа материала, представленного в журнале «Путевые заметки». Рассмотрим распространенные перцептивные слова разных частей речи, таких как существительное, прилагательное, наречие и глагол, на основе семантического анализа. Такие слова, как «вкус», «аппетитно», «попробовать» и т. д., являются типичными, и достаточно часто встречаются в путевых заметках.

Существительное ***вкус*** - «ощущение, возникающее в результате раздражения слизистой оболочки языка различными веществами; способность к восприятию подобного ощущения - одно из пяти внешних чувств» [МАС. Т. 1. А-Й. - С. 182.][1]: *Решили ее протестировать для уточнения вкусовых характеристик, образовав тем самым повод оставить пандочку себе. Как и ожидалось:* ***вкус*** *мягкий, полный, многогранный и предельно насыщенный, мгновенно ураганом рассредоточился на рецепторах, усиливая динамику нарастающего послевкусия*[2].

Существительное «вкус» является одним из основных слов, выражающих вкусовое восприятие. В приведенном выше примере описывается вкус продуктов ручной работы. Использование существительного приводит к трансляции вкуса в конкретном контексте, что делает выражение более точным, подробным и всеобъемлющим, что помогает передать характеристики предметов с точки зрения вкуса, вызвав резонанс у читателя, и стимулируя интерес к чтению. С точки зрения структуры, слово «вкус» соединяется с выражением «протестировать для уточнения вкусовых характеристик» предыдущего предложения, что делает статью более согласованной.

Прилагательное ***вкусный*** - «приятный на вкус (в 1 знач.)» [МАС.Т. 1. А-Й. - С. 182.]: *1. Базар был центром притяжения отдыхающих и местных жителей. Можно было совершенно свободно, пристроившись в тени деревьев, сеть на землю с кружкой самого настоящего рислинга, отведав его прямо из бочки, заесть соленым огурцом с мягким* ***вкусным*** *хлебом*[3]*. 2. С пищей, богатой свежими ингредиентами и* ***вкусными*** *специями Кипр предлагает лучшие кулинарные изыски Средиземноморья*[4].

Слово «вкусный» имеет одинаковый корень с предыдущим словом, но оно немного отличается в значении,

1 Здесь и далее значения слов приводятся по Словарю русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева.
2 Отличная коллекция настоящих глиняных исинских чайников. Прежде думай о «Родине».
3 Прежде думай о «Родине».
4 Отпуск в Айя-Напе (Кипр).

так как описывает восхитительный и приятный вкус. В первом предложении изображена живая сцена местного рынка. Прилагательное образно описывает характеристики хлеба, что делает высказывание более выразительным, а у читателей возникает ощущение, что они сами присутствуют на этом базаре, и понимают местные обычаи. Второе предложение рассказывает про вкусную местную еду, которая доставляет положительные эмоции. Прилагательное делает описание еды более ярким, и читатели, которые не были там, могут иметь интуитивное понимание местной еды.

Прилагательное **кислый** - «имеющий своеобразный острый вкус, напоминающий вкус лимона, уксуса, клюквы и т.п.» [МАС.Т. 2. К-О. - С. 51.]: *Как лечь спать, чтобы не уснуть голодными? Перед сном – только ряженку или кефир, варенец, йогурт – только не* ***кислые*** *и не жирные (не выше 2,5%)*[5].

Лексика вкусового восприятия способна выражать ощущения сладкого, горького, кислого, соленого вкуса [22, с. 69]. Слово «кислый» представляет собой конкретное описание характеристик вкуса пищи. В данном примере рассказывается о кислотности йогурта, рекомендуемого при приеме пищи перед сном. Использование прилагательного является хорошим способом дополнить семантику и сделать описание ее характеристик более полным, точно выразив позицию автора.

Наречие ***аппетитно*** - «вкусный, возбуждающий желание есть» [МАС. Т. 1. А-Й. - С. 42.]: *Вечером в санатории «Дворцы» меня накормили рыбкой по-карельски, вкусно,* ***аппетитно****, и, самое главное, очень полезно*[6].

В представленном примере наречие «аппетитно» хорошо передает чувство вкуса. Слово ярко описывает рыбу, которую автор пробовал на вкус, вызывая у людей аппетит и принося им приятное ощущение. В этом предложении мы видим экстатическое настроение автора в путешествии. Глагол помогает выразить не только характеристики пищи, но и чувства и эмоции автора.

Глагол ***попробовать*** — «пробовать: испытывать, проверять состояние, качество, годность чего-либо» [МАС. Т. 3. П-Р. - С. 297.]: *1. Небольшой город создал чарующее впечатление. Вечер провели в музее-ресторане, узнали историю блюд и, конечно, все* ***попробовали*** [7]*. 2. Узнать историю двух древнейших народов,* ***попробовать*** *уникальные блюда, познакомиться с интересными обычаями и узнать много нового для себя*[8].

Данное слово описывает процесс вкусовой деятельности человека. В отличие от предыдущих слов вкусового восприятия, показывающих статическую картину, слово «попробовать» демонстрирует динамическое действие, связанное с чувством вкуса. В первом предложении рассказывается то, что в маленьком городе автор покушал вкусную пищу, которая является причиной, по которой этот город оставляет о себе прекрасное впечатление. Высказывание с глаголом вкусового восприятия отражает вкусность еды в городе, что является одной из характеристик города. Второе предложение говорит о том, что в процессе дегустации уникальной еды люди глубже понимают местную историю и культуру. Использование глагола вкусового восприятия делает содержание путевой заметки более полным, а описание процесса восприятия вкуса более «живым», что позволяет читателям ощутить эмоции главного героя.

Глагол ***прожаривать*** — «прожарить (в 1, 2 и 3 знач.): жаря, довести до полной готовности» [МАС.Т. 3. П-Р. - С. 484.]: *А так как по завершению этого производства остается огромная куча использованного чайного сырья, то его высушивают, мельчат, еще раз очень сильно* ***прожаривают****, чтобы придать одноразовый цвет и вкус, а также добавляют пестициды от насекомых и благополучно переправляют в другие страны для дальнейшего использования*[9].

В приведенном выше примере глагол «прожаривать» помогает детально описать процесс приготовления чая. Слово восприятия вкуса более конкретно описывает местное мастерство, так что читатели имеют более глубокое понимание конкретной культуры. Благодаря использованию глагола, люди могут представить картины процесса изготовления и вкус чая после его приготовления, помогая читателям легче понять содержание описанной сцены.

Лексические способы, описывающие вкусовое восприятие в путевых заметках, эмоционально богаты и разнообразны. Слова разных частей речи и слова со значением в различных контекстах представлены в жанре журналистики. Лексика способна описать процесс восприятия вкуса людей, вкусовые характеристики вещей и их чувства, связанные со вкусом. В путевых заметках используются слова, имеющие одинаковые корни и относящиеся к разным частям речи, а также слова, относящиеся к одинаковым частям речи и выражающие разные значения. Однако все они играют значимую роль в выражении вкусового восприятия в семантике текста и структуре статей.

5 Современные принципы питания или диета на всю жизнь.
6 TULGATTERVEKS(Добро пожаловать) в Карелию!
7 По золотому кольцу юга России.
8 Летний круиз.
9 Секреты и душа чая.

Заключение

Таким образом, в жанре путевой заметки употребляются разные типы слов с семантикой вкусового восприятия, которые играют важную роль в выражении семантики и эмоций. В путевых заметках лексика вкусового восприятия выполняет ряд функций: она повышает когерентность и содержательную целостность статьи, а также конкретность выражения, увеличивает художественность текста, улучшает выразительность изложения, что делает статью более привлекательной и позволяет ей лучше передавать чувства и эмоции автора. Употребление слов вкусовой перцепции в процессе описания ситуацией, связанных с едой, помогает не только авторам выражать ощущения и мысли, но и читателям воспринимать описанные картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харченко В.К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. / В.К. Харченко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
2. Авдевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. / О.Ю. Авдевнина. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2013. – 340 с.
3. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
4. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. –312 с.
5. Peters M.A., Jandrić P. Discourse, genre and curriculum // Open Review of Educational Research. – 2018. Volume 5. – Issue 1. P. 164–178.
6. Показаньева И.В. Теоретическое осмысление основ трэвел-блогинга. Функциональные отличия трэвел-блогера и трэвел-журналистика // Филология и искусствоведение. – 2015. – № 3–4 (17). – С. 4.
7. Михеева Л.Н., Антипина Е.С. Путевые заметки: признаки дневникового жанра // Медиалингвистика. – 2014. №1 (3). – С. 85–88.
8. Демчук А.И. К проблеме изучения языкового отражения перцептивной куртины мира // Записки з романо-германської філології. – 2015. – № 1 (38). – С. 28–36.
9. Kim S., Park E., Fu Y., Jiang F. The cognitive development of food taste perception in a food tourism destination: A gastrophysics approach // Appetite. – 2021. Volume 165, 1 October 2021.
10. Мысина С.И. Теоретические подходы к изучению глагольной сенсорики в современном русском языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 5 (121). – С. 144–149.
11. Cavedon-Taylor D. Predictive processing and perception: What does imagining have to do with it? // Consciousness and Cognition. – 2022. Volume 106, November 2022. P. 1–8.
12. Banovic M., Aschemann-Witzel J., Deliza R. Taste perceptions mediate the effect of a health goal on food choice // Food Quality and Preference. – 2021. Volume 94, December 2021
13. Воробьева М.Н. Секрет вкуса и запаха // Современные тенденции и инновации в науке и производстве. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции. – Кузбасс, 2019. – С. 314.–314.
14. Устюжанина М.С. Лексемы вкусового восприятия в русском и английском языках // Филологические знания на современном этапе. Сборник статей. К 60-летию филологического факультета Курганского государственного университета. – Курган, 2013. – С. 124–127.
15. Tong X., Tong S. X. How vocabulary breadth and depth influence bilingual reading comprehension: Direct and indirect pathways // Learning and Individual Differences. – 2022. Volume 100, December 2022.
16. Глинских Г.В., Петрова О.В. Введение в языкознание: Учебник – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – 222 с.
17. Двизова А.В., Крюкова Л.Б. Языковые особенности репрезентации семантики вкуса в стихотворениях Б. Пастернака // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (143). – С. 76–79.
18. Мухина Ю.Н. Сенсорное своеобразие жанров // Жанры речи. – 2022. – № 3 (35). – С. 168–175.
19. Колесникова С.М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность: Учебное пособие / С.М. Колесникова. – М.: МПГУ. – 2016. – 288 с.
20. Булюбаш А.Ю. Лексика вкусового восприятия в лирике И.А. Бунина // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2015. – № 1. – С. 88–90.
21. Котова И.Б., Канаркевич О.С. Психология вкусовых ощущений и восприятий // Гуманизация образования. – 2009. – № 1. – С. 26–33.
22. Хуэй Т.К. вопросу о выявлении в художественном тексте // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 67–71.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. - Изд. 3-е, стер. - М: Русский язык, 1985-1988. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01008651792 (дата обращения. 10.09.22).

© Лю Ичао (liudmilal12@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.25

К ВОПРОСУ О СНЯТИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ СЛОВ СТРАШНЫЙ / СТРАШНО, УЖАСНЫЙ / УЖАСНО В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ма Цзинян
соискатель, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)
majingyang@mail.ru

Аннотация: В статье решается проблема разделения лексико-семантических вариантов многозначных слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно* в текстах художественной прозы Ф.М. Достоевского. Значение полисемантического слова является традиционным объектом изучения лексикологии и лексикографии. При конструировании словарей действуют как объективные факторы, так и субъективные, в силу которых наблюдаются значительные расхождения, в частности, при интерпретации многозначного слова, различении полисемии и омонимии, составлении дефиниции и др. Аналогичные проблемы возникают и при создании идеографических словарей, словарей-тезаурусов. В тезаурусе Достоевского одно из ключевых мест занимает лексико-семантическое поле 'страх', в ядро и центр которого входят полисемантические слова *страшный, страшно, ужасный, ужасно*, в связи с чем разделение значений этих лексем является принципиально важным. Анализ употребления слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно* в текстах литературных произведений Достоевского позволяет сделать предположение о том, что, несмотря на встречающиеся случаи неразличения значений, тем не менее существуют приёмы их дифференциации.

Ключевые слова: лексико-семантический вариант, полисемия, семантическое поле, художественный текст, Достоевский.

ON THE ISSUE OF REMOVING THE AMBIGUITY OF THE WORDS SCARY / SCARILY, TERRIBLE / TERRIBLY IN THE TEXTS OF ARTISTIC PROSE BY F.M. DOSTOEVSKY

Ma Jingyang

Summary: The article solves the problem of separating the textual-semantic variants of polysemantic words *scary, scarily, terrible, terribly* in the texts of F.M. Dostoevsky. The meaning of a polysemantic word is a traditional object of study in lexicology and lexicography. When constructing dictionaries, both objective and subjective factors act, due to which significant discrepancies are observed, in particular, when interpreting a polysemantic word, distinguishing between polysemy and homonymy, compiling a definition, etc. Similar problems arise when creating ideographic dictionaries, dictionaries-thesauri. In Dostoevsky's thesaurus, one of the key places is occupied by the textual-semantic field 'fear', the core and center of which includes the polysemantic words *scary, scarily, terrible, terribly*, and therefore the separation of the meanings of these lexemes is fundamentally important. An analysis of the use of the words *scary, scarily, terrible, terribly* in the texts of Dostoevsky's literary works allows us to make the assumption that, despite the cases of non-distinguishing of meanings, there are nevertheless methods for their differentiation.

Keywords: textual-semantic variant, polysemy, semantic field, literary text, Dostoevsky.

В лексикологии проблема выделения лексико-семантических вариантов многозначного слова относится к разряду традиционных. В статье решается задача выявления значений полисемантических лексических единиц *страшный, страшно, ужасный, ужасно* в текстах художественной прозы Ф.М. Достоевского, писателя, в структуре языковой личности которого лексико-семантическое поле 'страх' занимает едва ли не центральное место.

Полисемия, или многозначность слова, – «наличие у слова нескольких значений, которые, выступая в разных контекстах, образуют семантическую структуру слова» [10, с. 198]. Разграничивают лексическую и лексико-грамматическую полисемию. Лексическая полисемия – «способность единиц лексикона, реализуемая в процессе функционирования языка и проявляющаяся в наличии у слова нескольких системно закрепленных, семантически взаимосвязанных и функционально взаимодействующих значений, которые служат средством номинации объективно различных предметов и явлений и различаются в языке синтагматически и парадигматически» [12, с. 109], лексико-грамматическая полисемия – «универсальное явление для языковых систем, в которых существует категория лексико-грамматических разрядов» [18, с. 4].

Следует различить понятия «полисемия» и «омонимия». Омонимы – слова, одинаковые по написанию или произношению, но разные по значению. По мнению В.Г. Гака, омонимия «образуется вследствие распада многозначности, при выпадении промежуточного звена. Поэтому если, например, в кратком словаре отмечены не все значения слова, то слово в отдельных значениях может быть представлено в виде омонимов» [3, с. 20]. Полисемия образуется иначе: «если фиксируются семантиче-

ски переходные употребления, то расчленение слова на омонимы становится затруднительным и оно представлено в виде многозначной единицы» [3, с. 20].

Лексико-семантический вариант (ЛСВ) – одно из значений полисемантического слова: «двусторонняя единица, формальную сторону которого составляет форматив, а содержательную – одно из значений многозначного слова; однозначные слова представлены одним ЛСВ, многозначные слова – числом ЛСВ, равным числу его значений» [21, с. 157]. Термин «лексико-семантический вариант» впервые ввёл в лингвистику А.И. Смирницкий, по мнению которого ЛСВ слова «различаются своими лексическими значениями (причём различие между этими значениями не выражается в их звуковых оболочках)» [17, с. 36]. Каждый ЛСВ разделяется на минимальные компоненты смысла, семы, эксплицируемые контекстом. Следует, однако, отметить, что далеко не всегда контекст является эксплицирующим, особенно если мы имеем дело с употреблением слова в литературном произведении, где встречаются сознательно созданные писателем контексты, в которых значения лексической единицы не различаются, совмещаются.

В словарях при интерпретации одного и того же слова могут встречаться различные ЛСВ. «Лексикограф при выделении разных значений одного слова часто принимает произвольные решения» [20, с. 268]. Схожей точки зрения придерживался В.Г. Гак: «способы лексикографической обработки и интерпретации одних и тех же языковых фактов могут быть весьма различными <…> развитие лексикологии, и в частности лексической семантики, приводит не к унификации подачи материала в словарях, а, напротив, к ее диверсификации» [3, с. 14].

Например, в словарях выделяется разное количество ЛСВ для слова смех, дефиниции значений тоже могут различаться:

Смех – «1. Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства; 2. Нечто смешное, достойное насмешки» [13, с. 735].

Смех – «1. Характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявления веселья, радости, удовольствия и т. п.; 2. *в знач. сказ. разг.* Смешно; 3. *в знач. нареч.* смехом. *Прост.* Шутя, несерьезно» [14, с. 153].

Смех – «1. **Смехом** называются прерывистые горловые звуки, которые издаёт человек в состоянии веселья, радости, удовольствия и т. п.; 2. Если кто-либо **покатывается со смеху**, то это означает, что этот человек очень сильно смеётся; 3. Если кто-либо **умирает со смеху**, **от смеха**, то это означает, что этот человек долго, безудержно смеётся над чем-либо или кем-либо; 4. Если кому-либо **не до смеха**, то это означает, что этот человек грустит, находится в плохом настроении; 5. Если кто-либо **поднимает на смех** кого-либо, то это означает, что этот человек в шутливой манере рассуждает о чьих-либо недостатках в присутствии других людей; 6. Если что-либо **вызывает смех** у кого-либо, то это означает, что какое-либо обстоятельство является причиной для чьего-либо радостного, счастливого состояния, а также то, что какое-либо обстоятельство кажется кому-либо несерьёзным; 7. Если о чём-либо говорят, что это **(просто) смех!**, то это означает, что что-либо представляется кому-либо крайне несерьёзным; 8. Когда вы характеризуете какую-то ситуацию выражением **и смех и грех**, вы хотите сказать, что она является одновременно и забавной, и печальной; 9. Выражение **курам на смех** употребляется в отношении чего-либо нелепого, несостоятельного и т. п.; 10. Если кто-либо делает что-либо **смеха ради**, **ради смеха**, то это означает, что он делает это только для того, чтобы позабавиться» [4, с. 1239].

Легко заметить, что для толкования слова *смех* в словарях выделяется разное количество ЛСВ – в Словаре С.И. Ожегова – 2 значения, в МАС – 3 значения, в Словаре Д.В. Дмитриева – целых 10 значений. Кроме того, дефиниции значений слова *смех* в этих словарях существенным образом отличаются друг от друга: например, в Словаре Д.В. Дмитриева слово толкуется посредством изъясняющего контекста. «В Словаре необычно всё: построение и оформление словарной статьи, развернутые толкования, большое количество примеров, упрощенная система сокращений и символов» [4, с. 5].

На создание словарей, прежде всего толковых, влияют как объективные, так и субъективные факторы. Первые связаны с развитием и изменением самого понятия, выраженного словом: «объективные факторы, обусловливающие возможность различного решения лексикологических проблем в лексикографии, не зависят от типа, объёма, назначения словаря. Важнейшим из объективных факторов является самый характер лексического значения слова. Ядром значения слова является понятие» [3, с. 15]. В ходе обновления человеческой практики понятие слова изменяется, эти изменения чаще всего «определяются отношениями включения или соподчинения понятий. Первые охватывают три основных типа отношений: 1) видового и родового понятия, 2) единицы и массы, 3) части и целого» [3, с. 15].

При создании словарей субъективные факторы также играют значительную роль. В отличие от объективных факторов, «к числу субъективных для лексикографа факторов можно отнести тип, объём и назначение словаря <…> различное решение в зависимости от типа словаря (одноязычный толковый или переводной словарь, общий или специальный словарь), от объёма (широкий или узкий словник, полная или частичная разработка отдельного слова), от задач словаря (например, общий или учебный словарь)» [3, с. 19–20].

Для нас особенно важным представляется тот факт, что в разных словарях многозначное слово толкуется по-разному, при этом на лексикографическую интерпретацию полисемантической лексической единицы действуют не только объективные факторы, но и субъективные. Под влиянием объективных факторов «часто бывает трудно определить, имеем ли мы дело с одним значением или с разными значениями слова» [3, с. 20]. Кроме того, на дифференциацию ЛСВ также оказывают существенное влияние объём и тип словаря. В словаре небольшого объёма лексикографу приходится выбирать наиболее характерные и яркие признаки, в результате чего некоторые значения обобщены. «Редукция материала идёт по двум путям: 1) опущение устаревших, специальных или редко реализуемых значений; 2) обобщение значений, сведение различных значений в одно. В связи с этим семантическая структура одного и того же слова в разных словарях принимает различный вид» [3, с. 20–21].

Как уже было сказано выше, при выявлении значения слова важное место занимает контекст. «То или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления <…> слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка» [2, с. 20–21]. Анализ употребления слова позволяет в каждой конкретной ситуации установить особенности его значения: «решающая роль при этом отводится контексту как одному из основных приёмов выделения отдельных значений внутри полисемантического слова» [11, с. 6].

Семантическое поле ‘страх’ в текстах художественной прозы Достоевского, прежде всего в романах «Преступление и наказание» и «Бесы», занимает одно из ключевых мест. Имя этого поля – *страх* – «1. Состояние сильной боязни, тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. ожидаемой или воображаемой опасностью, бедой и т. п.; 2. События, предметы, вызывающие чувство сильной боязни, ужаса» [16, с. 1111, 1113]. Слова *страшный, страшно, ужасный, ужасно*, входящие в ядро и ближайшее окружение центра данного поля, являются многозначными.

Проанализировав материалы толковых словарей (см. [13; 14; 19]), мы пришли к следующему выводу: в семантической структуре слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно* две основные семы – ‘страх, испуг’ и ‘степень’. Когда слова *страшный, страшно, ужасный, ужасно* связаны только с выражением степени, они не входят в семантическое поле ‘страх’.

В Словаре языка Достоевского выделяются следующие значения слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно*:

Страшный – «1. Внушающий сильную боязнь, тревогу, ужас; пугающий; 2. Вызывающий тягостное, мучительное чувство; повествующий о трагических или в высшей степени неприятных событиях; производящий тяжелое, удручающее впечатление; слишком обременительный, невыносимый; 3. Чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный; 4. Очень плохой, неприятный, некрасивый» [16, с. 1126–1130].

Ужасный – «1. Внушающий сильный панический страх, тревогу; вызывающий тягостное, мучительное чувство; производящий тяжелое, удручающее впечатление; слишком обременительный, невыносимый; 2. Чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой; весьма значительный; 3. Очень плохой, вызывающий неприятие; некрасивый» [15].

Страшно – «1. Вызывая сильную боязнь, тревогу, ужас; *в функ. сказ.* О чувстве сильной боязни, тревоги, ужаса, испытываемом кем-л.; 2. Чрезвычайно сильно, очень много» [16, С. 1122–1123].

Ужасно – «1. Чрезвычайно сильно, очень много, в большой степени; 2. Вызывая или испытывая сильную тревогу, страх, мучение; выражая неприятие, отвращение; 3. Очень плохо; некрасиво; 4. *В функции оценочного предиката.* О чем-л. негативном, вызывающем неприятие, отвращение» [15].

Проанализируем употребление прилагательных *страшный* и *ужасный* в текстах художественной прозы Ф.М. Достоевского и сделаем группировку подчинительных связей этих слов (материалы даются по [15] и [16]):

— человек: [страшный] *арестант, боец, военные преступники, враг, гад, дама, дедушка, деспот, деспотка, женщина, злодей, кровопроливцы, кто-то, мерзавец, нищета, старик, старухи, убийца, фанфарон*; [ужасный] *аристократ, болтун, болтушка, брат, Герасимыч, Герценштубе, демон, женщина, интриган, Крестьян Иванович, подлец, прозаик, ребенок, человек*
— лицо или другая часть тела: [страшный] *веснушки, голос, зубы, кровь, кулак, лица, руки*; [ужасный] *лицо*
— громкий звук: [страшный] *вопль*; *эпилептический вопль Смердякова, крик, крики, шум*; [ужасный] *вопль, крик, крики*
— эмоция, чувство, ощущение (или то, что вызывает эмоцию, чувство, ощущение): [страшный] *беспокойство, волнение, глупость, гнев, гордость, горе, горесть, грусть, духота, жара, злоба, испуг, любопытство, радость, стыд, удивление, ужас*; [ужасный] *боль, глупость, гнев, голод, досада, испуг, мороз, печаль, скука, смущение, смятение, страх, тоска*
— слово, речь: [страшный] *ахинея, бурда, весть, вздор*; [ужасный] *ложь*
— сооружение: [страшный] *Вавилонская башня, письмо, площадь*; [ужасный] *дом, письмо*
— конкретные объекты или явления: [страшный] *камень, огонь*; [ужасный] *бифштекс, записка, литографии, петербургские цены, шкаф*
— время: [страшный] *два дня, два месяца, день, минута, момент*; [ужасный] *два дня, каторжные годы,*

мгновение, минута, ночь, утро
— количество: [страшный] *количество, куча, массы*; [ужасный] *количество выпитого, множество*

Например, *страшный гнев*:

«– Клянусь, Алёша, – воскликнул он [Д. Карамазов] со **страшным** и искренним **гневом** на себя, – верь не верь, но вот как бог свят, и что Христос есть господь, клянусь, что я хоть и усмехнулся сейчас ее [Катерины Ивановны] высшим чувствам, но знаю, что я в миллион раз ничтожнее душой, чем она, и что эти лучшие чувства ее – искренни, как у небесного ангела!» (Братья Карамазовы, Кн. 1–10, с. 108) – слово *страшный* в этом контексте означает только 'чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный'; «**Страшный гнев** загорелся в его [И. Карамазова] сердце» (Братья Карамазовы, Кн. 11–12, с. 57) – *страшный* здесь означает 'страх, испуг', так как в данном эпизоде говорится о душевном состоянии Ивана Федоровича и в широком контексте встречаются слова, входящие в семантическое поле 'страх': «– Слушай, изверг, – засверкал глазами Иван и весь затрясся, – я не **боюсь** твоих обвинений <…> Иван Федорович встал, весь **дрожа** от негодования, надел пальто и, не отвечая более Смердякову, даже не глядя на него, быстро вышел из избы <…> Иван Федорович, не заходя домой, прошел тогда прямо к Катерине Ивановне и **испугал** ее своим появлением» (Братья Карамазовы, Кн. 11–12, с. 54).

Перейдём к рассмотрению особенностей значений наречий *страшно* и *ужасно*. Проанализируем их употребление, осуществим группировку подчинительных связей (на материале [15] и [16]).

Обозначим сочетания, в которых слова *страшно* и *ужасно* воспринимаются в значении 'вызывая сильную боязнь, тревогу, ужас':

— в сочетании со словами, входящими в семантическое поле 'страх': [страшно] *беспокоить, испуганный, испугаться, тревожить, тревожиться*; [ужасно] *беспокоить, беспокоиться, боявшийся, волноваться, дрожать, дрожать и стукать, испугать, испугаться*
— в сочетании с глаголами, которые не могут употребляться со словами *очень, очень сильно, очень много* и др.: [страшно] *вспомнить, декламировать, лгать, не смотреть, поглядеть, подействовать, подойти, подумать, подходить, пойти рисковать, посмотреть, представить, уезжать*; [ужасно] *бежать, биться, воровать, вскочить, выразиться, действовать, одет*
— в сочетании с фазисными глаголами *начать, стать, становиться*: [страшно] *стало, станет, становилось, становится*; [ужасно] *начать*. Необходимо отметить, что если после этих слов встречаются другие слова, то для определения значений слов *страшно* и *ужасно* следует учитывать более широкий контекст. Например, *она стала страшно худеть* – наречие *страшно* в этом сочетании воспринимается в значении 'чрезвычайно сильно'.

Проанализируем сочетания, в которых слова *страшно* и *ужасно* воспринимаются только в значении 'чрезвычайно сильно, очень много', т.е. такие случаи следует исключить из лексико-семантического поля 'страх':

— в сочетании со словами, обозначающими положительную оценку или эмоции: [страшно] *обрадовавшись, обрадоваться, рад, расхохотаться, счастлив, хорошо*; [ужасно] *весело, веселый, добрый, добродетельный, довольный, любивший, полезный, рад*
— в сочетании с модальным глаголом *хотеть*: [страшно] *захотеть, хотелось высказаться*; [ужасно] *захотелось, захотеть, захочется начать бранить*

Следует отметить, что *страшно* и *ужасно* в произведениях художественной прозы Ф.М. Достоевского встречаются также

— в сочетании со словами, в значение которых входит сема 'степень': [страшно] *закричать, кричать и биться, потрясти, торопиться*; [ужасно] *высоко, длинные, завопить, зареветь, кричать, молода, сильный* и т. п.
— в сочетании с глаголами или образованными от них причастиями, которые могут сочетаться со словами *очень, очень сильно* и т. д.: [страшно] *биться, болеть, возненавидеть, закашляться, закипятиться, изменившийся, кружить, побледневший, побледнеть, повлиять, поразить*; [ужасно] *бледнеть, бранить, взбеситься, заботиться, завозиться, закашляться, законфузиться*
— в сочетании с наречиями и прилагательными, имеющими сравнительную степень: [страшно] *бледный, больно, больной, великий, внимательный, грустно, грязный, жесткий*; [ужасно] *бедно, бессвязно, важное, маленькая, неприличный, ограниченный*.

В сочетаниях такого рода для выявления значений наречий *страшно* и *ужасно* необходимо обратиться к более широкому контексту. Если в нём не обнаруживается слов, входящих в лексико-семантическое поле 'страх', то *страшно* и *ужасно* воспринимаются только в значении 'чрезвычайно сильно, очень много'; в обратном случае они употребляются в обоих значениях и входят в зону неразличения значений.

Например:

Страшно вращать – «[Серёжа] усевшись напротив Татьяны Ивановны, он [Бахчеев] стал точно сам не свой; он не мог смотреть равнодушно; ворочался на своём ме-

сте, **краснел как рак** и **страшно** вращал глазами <…>» (Село Степанчиково и его обитатели, с. 126); *страшно закричать* – «Сердце его замерло от **ужаса** и от страдания за свой поступок <…> и в каком-то опьянении от ярости и от **страху**, дошедшем до помешательства, но заключавшем тоже в себе бесконечное наслаждение, он уже не считал своих ударов, но бил не останавливаясь <…> Вдруг что-то случилось; все **страшно закричали** и обратились» (Вечный муж, с. 15–16). В этих сочетаниях слово *страшно* воспринимается в обоих значениях.

Страшно поразить – «Это **страшно**, до ужаса **поразило** его [Раскольникова]» (Преступление и наказание, с. 355); «А поклон этот **страшно поразил** Алешу; он веровал слепо, что в нём был таинственный смысл» (Братья Карамазовы, Кн. 1–10, с. 72). В первом предложении слово *страшно* воспринимается не только в значении 'чрезвычайно сильно, очень много', но и в значении 'вызывая сильную боязнь, тревогу, ужас'; а во втором – только в значении 'чрезвычайно сильно, очень много'.

В заключение отметим, что изучение семантической структуры слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно* на материале произведений художественной прозы Ф.М. Достоевского позволяет выявить состав текстового семантического поля 'страх' в чистом виде. В том случае, если слова *страшный, страшно, ужасный, ужасно* воспринимаются только в значении 'чрезвычайно сильно, очень много', эти употребления следует исключить из состава текстового семантического поля 'страх'. Тем не менее можно сделать предположение о том, что читатель в любом случае чаще всего воспринимает полисемантические слова прежде всего в прямом значении, в нашем случае – как 'страх, испуг'.

Выявление состава текстового семантического поля 'страх' позволит в дальнейшем обнаружить особенности тезауруса в структуре языковой личности Ф.М. Достоевского, определить области взаимодействия текстового семантического поля 'страх' с другими полями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный учёный, 2021. – 432 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
3. Гак В.Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: Сб. ст. под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – С. 13–24.
4. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст. : свыше 35 000 значений : более 70 000 иллюстрат. примеров. – М.: Астрель АСТ, 2003. – 1582 с.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (Кн. 1–10) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1976. – Т. 14. – 511 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (Кн. 11–12) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1976. – Т. 15. – 622 с.
7. Достоевский Ф.М. Вечный муж // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1974. – Т. 9. – С. 5–112.
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1973. – Т. 3. – 423 с.
9. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1972. – Т. 6. – С. 5–168.
10. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и. доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
11. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / отв. ред. С.Г. Бархудоров. Изд. стереотип. – М.: ЛИБРОКОМ, 2016. – 360 с.
12. Кропотова Л.В. Лексикографические аспекты полисемии // Вестник ВятГУ. Серия: филологические науки. – 2006. – № 14. – С. 107–109.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. – Т. 4. С–Я. – М.: Русский язык, 1988. – 800 с.
15. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий (Т–Я) / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий (в рукописи).
16. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов; науч. ред. И.В. Ружицкий. – М.: Азбуковник, 2021. – 1225 с.
17. Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема тождества слова // Труды Института языкознания. Т. 4. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 8–101.
18. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка (опыт разработки интегральной теории полисемии): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 37 с.
19. Толковый словарь русского языка. 100000 слов и словосочетаний / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
20. Ульман С.А. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии / отв. ред. Б.А. Успенский. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250–299.
21. Яковлюк А.Н. Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 34(172). – Вып. 36. – С. 156–162.

© Ма Цзинян (majingyang@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.27

О СЕМАНТИКЕ СЛОВ *ОБЩЕСТВЕННЫЙ* И *СОЦИАЛЬНЫЙ* В ПУБЛИЦИСТИКЕ КОНЦА 10-Х ГГ. XXI В.[1]

ON THE SEMANTICS OF THE WORDS *OBSHCHESTVENNYY* AND *SOTSIALNYY* IN THE JOURNALISM OF THE LATE 10S OF THE XXI CENTURY

O. Morgunova

Summary: The article discusses the phrases with the words *obshchestvennyy* and *sotsialnyy*, used in Russian journalism 2015–2021. The meanings of the words *obshchestvennyy* and *sotsialnyy* in phrases are analyzed. Semantic similarities and differences of these lexemes in contexts are revealed. The most frequent companion words for the lexemes *obshchestvennyy* and *sotsialnyy* are described.

Keywords: contextual semantics, lexicology, obshchestvennyy, sotsialnyy, Russian language.

Моргунова Ольга Валерьевна
Кандидат филологических наук, Уральский государственный медицинский университет
г. Екатеринбург
intempore@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются словосочетания с участием слов *общественный* и *социальный*, используемые в российской публицистике 2015–2021 гг. Анализируются значения слов *общественный* и *социальный* в словосочетаниях. Выявляются семантические сходства и различия данных лексем в контекстах. Описываются наиболее частотные слова-спутники для слов *общественный* и *социальный*.

Ключевые слова: контекстная семантика, лексикология, общественный, социальный, русский язык.

Антропологический подход в языкознании не только способствовал становлению этнолингвистики или социолингвистики, но и значительно повлиял на развитие лексикологии, синтаксиса и лексикографии. Так, начиная со второй половины XX в. в центре лингвистических поисков оказывается человек, его жизненные ценности, деятельность и социальные отношения.

Устройство общества так же отражено в языке. Социолингвистика изучает взаимоотношение языка и отдельных феноменов социальной жизни, анализирует лексику различных социальных групп [5; 19; 38; 98]. Диалектология рассматривает социальную дифференциацию лексики в говорах [3; 62 и др.]. Лексикология же обращается к изучению социального компонента в семантике слов.

Попытки классифицировать социальную лексику русского языка предприняты в публикациях М.Х. Бухоровой, М.Л. Кусовой [8; 49]. Некоторые исследователи рассматривают социальный компонент в наименованиях определенной тематической группы [6].

Лексикографический подход к описанию русской социальной лексики наблюдается в работах Н.Ю. Шведовой, Т.В. Леонтьевой, А.В. Щетининой [86; 55; 102]. Взаимодействию эмоциональной и социальной лексики русского языка посвящены исследования А.М. Плотниковой [76].

Отдельный блок исследований связан с местом социально-политической лексики в системе русского языка [14; 28; 64].

В ряде отечественных работ рассматривается номинативное воплощение семем, входящих в лексико-семантические поля, которые характеризуют общество [56–58; 102–105; 49].

Семантике слов *общество*, *общественный* и *социальный* посвящены публикации Г.В. Дуриновой, Е.И. Колесниковой, А.А. Шестовой [21; 43; 100].

Спектр значений для лексем *общественный* и *социальный* в историческом ключе был выявлен нами в работе, посвященной репрезентации семантики *общественный* и *социальный* в толковых словарях русского языка [68].

Актуальность данного исследования определяется тем, что отсутствуют работы, посвященные рассмотрению значений слов *общественный* и *социальный* в со-

1 Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 "The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse").

временных публицистических текстах.

Цель статьи – описать слова *общественный* и *социальный* с точки зрения их семантики, представленной в публицистике последних лет.

Методы исследования – лексико-семантический, контекстуальный, статистический.

Источниками материала стали фрагменты публицистических текстов из «Национального корпуса русского языка» за 2015–2021 гг. [109]. Путем фронтального просмотра были выбраны сочетания с участием слов *общественный* и *социальный*. С опорой на лексические маркеры – слова, образующие словосочетания с лексемами *общественный* и *социальный*, – была составлена семантическая классификация. Сходные по значению лексические маркеры объединяются в подгруппы, формирующие, в свою очередь, лексические значения слов *общественный* и *социальный*. Лексические значения входят в семантические группы, в основе которых лежит общий семантический признак.

Словосочетания с лексемой *общественный* нередко указывают на **отношение к обществу как к живому организму**. В этом случае лексема *общественный* может иметь значение '***формирующийся у всего общества***' (физиологические, ментальные, духовные характеристики). К примеру, *общественным* бывает *иммунитет*: «…мы можем сделать всё, чтобы у нас появился *общественный иммунитет*» [94].

Отмечаются словосочетания как с лексемой *общественный*, так и со словом *социальный*, указывающие на общественные *нормы*, *представления*, *ценности, сознание*: ср. «*общественная мораль*», «*общественные стереотипы*» [67]; «В *общественном сознании* постоянно возникает противоречие между тем, что объективно необходимо обществу и интерсубъективно осмысливается социальными группами…» [72]; «…социализация – процесс усвоения человеческим индивидом образцов поведения, психологических установок, *социальных норм и ценностей*, *знаний, навыков*, позволяющих ему успешно функционировать в обществе» [87].

В рассматриваемой семантической группе словосочетаний у лексем *общественный* и *социальный* можно выделить значение '***проявляемый обществом***', включающее *эмоции, интерес, оценку действительности:* «Блогосфера… способная демонстрировать *общественные настроения* по поводу политических событий и воздействовать на *общественное мнение*» [80]; «Информацию о публичных персонах в силу того, что она представляет *общественный интерес*, удаляют неохотно» [35]; «…потребление как форма поведения конституируется фокусированием *социального внимания*» [33].

По сравнению с лексемой *общественный* слово *социальный* реже встречается в словосочетаниях, указывающих на отношение к обществу как к живому организму. Если *общественный* маркирует общество как на единое целое, то *социальный* – представителей общества (индивиды, группы): «…пониженным уровнем *социального самочувствия* этих групп» [69].

Как правило, в публицистических текстах словосочетания с лексемой *общественный* номинируют отрицательные эмоции общества, появляющиеся под воздействием внешних факторов. При этом функция государства видится в сохранении общественного спокойствия – одной из ключевых общественных ценностей: «Масштабный анализ эпидемиологических и научных данных поможет снизить уровень *общественного беспокойства*» [70]; «2020 год показал, насколько бесценна жизнь каждого человека, как важны мир, стабильность, *общественное согласие* и *сплоченность*» [11].

Отдельную семантическую группу составляют словосочетания, указывающие на **общество как на участника отношений с людьми и с государством**. В связи с этим отметим следующее значение у слов *общественный* и *социальный*: '***осуществляемый активными представителями общества для общества***'. Данная семантика зачастую подразумевает деятельность по *добровольному обслуживанию коллектива*. Маркерами служат такие лексемы, как *деятельность*, *активность, движение, инициативы*: «…открыть детский парк и собственный центр *общественно-культурной деятельности*» [52]; «*Общественное движение* инициативных граждан "Красивый Петербург"»; «Эксперт в сфере социальных проектов и *общественных инициатив*» [89].

Если лексема *общественный* встречается в словосочетаниях, указывающих на активность единомышленников (коллективную деятельность), то слово *социальный* – нередко на деятельность индивида в интересах общества: «Есть все основания утверждать, что живущие в одиночестве люди компенсируют свое состояние повышенной *социальной активностью*…» [63].

Слово *общественный* в рассматриваемом лексическом значении может указывать на *самоуправление со стороны общества*: «На его основе (блокчейна, особой базы данных – прим. авт.) формируются новые механизмы *общественной координации*…» [91]; «…развивать институты *общественного контроля* и *общественной экспертизы* с целью вовлечения населения в законотворческие, управленческие… процессы» [54]. В подобных контекстах подчеркивается взаимодействие общества с государством.

Слово *общественный* сочетается с лексемами, называющими *общественных деятелей* или *объединения,*

организации: «Российский олимпийский комитет возглавил *общественный* и спортивный *деятель* Вячеслав Срезневский» [18]; «*Общественный омбудсмен* в сфере малого и среднего предпринимательства» [79]; «…некоммерческие организации, *общественные объединения*…» [50].

В подобных контекстах слово *общественный* указывает на известного представителя общества или должностное лицо, которые способны повлиять на общественные явления. Лексема *социальный* в сочетании со словом, именующим деятеля, характеризует, как правило, сотрудника социальной сферы (по работе с социально незащищенными гражданами): «Им может быть *социальный работник* или волонтёр, чью деятельность контролирует орган социальной защиты населения…» [13].

Еще одним значением в данной семантической группе у слова *общественный* является '***созданный обществом, организованный силами общественности***'. Маркерами данного значения становятся лексемы *производство*, *проект*: «…продукты разных видов *общественного производства* рассматриваются независимо друг от друга» [92]; «…во всём мире Wikipedia существует как *общественный проект*…» [84].

Лексема *социальный* может иметь сходную семантику, но вышеназванное значение при этом требует уточнения: ***'созданный организацией или отдельными лицами нередко при участии государства'***: «эксперт в сфере *социальных проектов* и общественных инициатив» [89]; «…удаление профиля из *социальных сетей*[2] – стали символом определенного социального статуса» [101].

Если подобные контексты с лексемой *общественный* подразумевают инициативу прежде всего со стороны общественности, то выражения со словом *социальный* – со стороны инициативного представителя общества (человека или компании).

Для решения общественно важных вопросов обществом совместно с государством могут быть организованы *обсуждения*. Подобная семантика характерна для словосочетаний с участием слова *общественный*: «…стимулирование *общественной дискуссии* по проблемам трансформации института семьи…» [50]; «…провести *общественные слушания* по поводу размещения сети мелкорозничной торговли» [4].

Лексемы *общественный* и *социальный* могут маркировать некое соглашение между представителями общества и государством (или гос. учреждением): «*Общественный договор* в контроле за соблюдением законных прав и интересов детей…» [108]; «*Социальный контракт* – это договор о взаимных обязательствах между гражданином и органом соцзащиты населения по месту его жительства» [78].

Общество может выступать *активным деятелем в отношении государства*. Данная семантика характерна для наименований со словом *общественный*: «…московским властям эта тема явно неприятна, и на голосование они согласились не сразу и под *общественным давлением*» [97]; «…государство чётко сформулировало ответ на *общественный запрос* о необходимости защиты здоровья детей с самого раннего возраста» [36].

Еще одним значением лексем *общественный* и *социальный* в рассматриваемой группе можно считать '***накопленный обществом в процессе производства, принадлежащий обществу***': «…информатизация… становится главным *общественным ресурсом* и продуктом» [25]; «Насколько… *общественный капитал* может компенсировать нехватку денег?» [90]; «…канул в прошлое сам антагонизм двух мощных источников *социального капитала*: советского официоза и андеграунда» [45]; «Используя *социальные* и технологические *ресурсы* "обществ толерантности"… архаичные формы обрели новых носителей в лице квазиполитических субъектов…» [1].

Слово *общественный* употребляется в наименованиях материальных средств (к примеру, *общественный капитал* как совокупность взаимосвязанных индивидуальных капиталов). Лексема *социальный* используется в наименованиях, указывающих на качество социальных отношений в обществе.

Как отдельное значение у слов *общественный* и *социальный* выделим '***осуществляемый или формируемый государством для удовлетворения общественных потребностей***'. Лексемы *социальный* и *общественный* в словосочетаниях маркируют *составляющие деятельности государства по обеспечению общества или решению общественных проблем (система, сфера услуг, действия, расходы и т. д.)*: «*Социальная политика* должна принципиально стать более адресной…» [76]; «…сотрудники образования, госуправления, обеспечения безопасности и *социального страхования*» [71]; «Государство впервые за 25 лет приходит в систему *социального обслуживания*…» [27]; «…*социальные расходы*, в отличие от бюджетных инвестиций, труднее коррумпировать» [32]; «…предоставление молодым семьям *социальных выплат* на приобретение жилья экономкласса…» [40]; «*общественная система здравоохранения*…» [88]; «…справедливое распределение *общественных благ*…» [31].

Если *общественный* в подобных контекстах указыва-

2 Социальная сеть как онлайн-платформа для создания социальных отношений.

ет на деятельность государства по обеспечению общества в различных сферах, то *социальный* нередко маркирует систему мер по поддержке граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Семантическим оттенком вышеназванного значения слов *общественный* и *социальный* можно считать ***'созданный государством для общественного пользования'*** (*доступ*, *места, СМИ* и др.): «Его цель – привлечь внимание мировой общественности к необходимости обеспечить *общественный доступ* к информации и защитить основные свободы человека» [17]; «…власти хотят пересадить автомобилистов на *общественный транспорт*…» [46]; «В *общественных местах* интернетом пользовались только 8% респондентов…» [72].

Ряд словосочетаний с лексемами *общественный* и *социальный* указывает на **отношения «человек–общество»**. В этом случае рассматриваемые нами лексемы означают '***связанный с восприятием общества человеком и местом человека в обществе***'. Номинируются *роль человека в социуме, его социальное положение*, *достижения и провалы*, *репутация*: «…*общественный триумф*, которым жители Северной столицы награждают лучших своих сограждан» [10]; «В наши дни молодые одиночки… стремятся активно "переформатировать" представление о том, что их существование является показателем *социального фиаско*…» [63]; «…психические расстройства там – не столько заболевание, сколько *общественное клеймо*» [48]; «*социальная активность*» [93]; «*социальный вес*» [61]; «…удаление профиля из социальных сетей – стали символом определенного *социального статуса*» [101].

Лексема *социальный* маркирует *особенности коммуникации индивида с социумом* или *коммуникативные способности человека*: «В то время как нас поглощает *социальная изоляция*, а традиционные места для встреч и общения исчезают, эту пустоту заполняют экраны гаджетов» [Там же]; «…когда у ребенка есть проблемы в *социальных коммуникациях*… чувствует себя в них неуверенно и избегает» [85].

Слово *социальный* номинирует *самочувствие человека в обществе*: «*Социальная фобия*, или *социальное тревожное расстройство*, бывает двух типов»; «Есть и более специфические виды *социальной тревоги*, например боязнь публичных выступлений» [107]; «Зарегулированность детского времени… постоянный мониторинг сказываются на психическом и *социальном самочувствии детей*» [59].

Если лексема *социальный* может указывать на *противопоставление биологического и социального существования человека*, то слово *общественный* маркирует *противопоставление общественной и личной жизни*, ср.: «На развитие человека, его телесности и сознания оказывают влияние биотехнологические и информационные разработки, способные воздействовать на *биологическую* и *социальную составляющие личности*» [2] и «Умные, талантливые, образованные молодые люди полностью выпадали из *общественной* и *личной жизни*, становились обузой для семьи и общества» [7].

Еще одну семантическую группу, тесно связанную с предыдущей, формируют словосочетания, характеризующие **отношения в обществе, его устройство.** У лексем *общественный* и *социальный* при этом будет значение **'связанный** с **обществом как с социальной системой** или **общественно-экономической формацией'**. Слова-маркеры указывают на *устройство общества*: «…в современном мире сетевые принципы *общественного устройства* постепенно вытесняют иерархические…» [61]; «…именно социалистическая культура и социалистический *общественный строй* рассматривались как передовые…» [1]; «…в сложном социуме возникает глубокий кризис системы морали и нравственности, которая долгое время скрепляла все *общественные подсистемы*» [74]; «…предметом подобной зависимости являются отношения между массмедиа (информационной системой) и обществом (*социальной системой*)» [83]; «…рассказывать ребенку о нашем *социальном устройстве*. Как устроен магазин, кто в нем работает, кто за что отвечает…» [53].

Заметим, что слово *общественный* в подобных словосочетаниях чаще всего связано с общественно-экономической формацией, а *социальный* – с отношениями внутри общества (к примеру, между социальными группами). Так, слово *социальный*, в отличие от лексемы *общественный*, употребляется в словосочетаниях, называющих составляющие общества, между которыми происходит взаимодействие (*группы, институты и т.д.)*: «Социологический ракурс фокусирует внимание на уровнях ассимиляции (интеграции) человека в определенные *социальные группы*» [30]; «…внуки часто живут далеко и включены в деятельность различных *социальных институтов*…» [34].

Также слово *социальный* встречается в словосочетаниях, обозначающих характеристики социальной структуры (*однородность*, *расслоение*, *лифт*, *разнообразие* и т.д.): «Идея *социальной однородности* советского общества сочеталась с идеей единой культуры…» [1]; «Никогда не существовало и столь надёжных *социальных лифтов*, позволяющих способному человеку любого происхождения стать менеджером или чиновником» [47]; «Политика жесткой экономии… в Греции… привела лишь к увеличению безработицы, росту *социального расслоения*"» [82]; «…отсутствие того *социального* и пространственного *разнообразия*, которое отличает старые города» [106].

На отношения между представителями общества указывают такие маркеры, как *связи*, *контакты*, *интеракции*, *взаимодействие*, *отношения*, *коммуникация*. В подобных наименованиях употребляются как *общественный*, так и *социальный*: «…появление интернета и "сетевизация" всей системы *общественных отношений* выступают тем внешним фактором, который стимулирует эволюцию культурных и социальных норм» [42]; «…значительная часть *общественной коммуникации* происходит сейчас именно посредством всемирной сети» [37]; «Это общность, которая связана *социальными связями*…» [44]; «Это и есть все наши постоянные *социальные контакты*» [29]; «…осуществления *социальных интеракций* и поддержания межличностных и групповых *социальных отношений*…» [80].

Наименования с лексемой *социальный* зачастую обозначают способы взаимодействия в обществе между индивидами, группами, нередко при участии государства (*социальная взаимопомощь*, *социальный конфликт*, *социальное партнерство*, *социальная ненависть*, *социальная солидарность*): «При этом развитие знания может явиться основой как новых форм неравенства и *социальных конфликтов*, так и *социальной солидарности*» [39]; «…не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие *социальную*, расовую, национальную или религиозную *ненависть* и вражду» [20]; «…фонды уже выстроили пока небольшую, но параллельную *социальную систему взаимопомощи*» [16].

В данной семантической группе можно выделить значение ***'связанный с обществом или с его изучением'*** (лексические маркеры – *вопросы*, *проблемы*, *науки, история, исследования, психолог, знания, поэзия*): «…очень часто разговор заходит о каких-то больших политических и *общественных проблемах*…» [15]; «Еще полвека назад рассеянный склероз был довольно редким заболеванием. Сегодня это большая *социальная проблема*» [7]; «В *общественных науках* накоплен определенный опыт анализа социальной жизни человека…» [65]; «…президент Исследовательского совета по *социальным наукам*» [66].

Стоит заметить, что лексема *социальный* употребляется по отношению не только к человеческому обществу, но и к миру животных, в котором наблюдаются социальные отношения: «Это *социальные животные*: одни размножаются, а другие их обслуживают» [96].

Лексемы *общественный* и *социальный* могут указывать на отношение к **обществу как к среде, обстановке**. Значение ***'связанный с обстановкой в обществе'*** у данных лексем представлено в следующих контекстах: «…изменения в окружающей *общественной среде* могут оказывать на организм человека значительное влияние» [26]; «…таком либерализме, который, стремясь оградить индивидуум от эксцессов *общественной* и исторической *реальности*, идет еще дальше…» [95]; «…в каком направлении и с какой целью развивается нынешняя *общественная ситуация*…» [60]; «…для характеристики *общественной атмосферы* периода «оттепели» – индивидуализации и гуманизации» [75]; «Развитие науки играет решающую роль… во всех сферах *общественной жизни*» [39]; «…повышение качества жизни населения Татарстана за счет широкомасштабного использования ИКТ в *социальной сфере*…» [22]; «повышение комфортности окружающей человека *социальной* и технологической *среды*» [2]; «Это окажет… положительное влияние на *социальный климат* – человек будет чувствовать себя спокойнее, если у него есть несколько сертификатов о профквалификации» [9].

Слово *общественный* в подобных словосочетаниях чаще, чем лексема *социальный*, характеризует условия жизни всего общества, тесно связанные с государственной политикой (*общественная жизнь*, *общественная реальность*, *общественная атмосфера*). Лексема *социальный* обычно указывает на условия жизни в обществе с точки зрения индивида (*социальная среда, социальный климат*). Однако оба интересующих нас слова могут обозначать сферу услуг, созданную для человека (образование, здравоохранение, культура, спорт, жилищное хозяйство и т. д.) (*общественная среда*, *социальная среда*).

Словосочетания со словом *социальный*, в отличие от выражений с лексемой *общественный*, нередко номинируют условия жизни социально незащищенных граждан: «*Социальное* и эмоциональное *благополучие* пожилых людей моделируется на базе приложения LifeShare…» [34].

В языке особо маркируются *события*, *процессы*, *изменения*, происходящие в жизни общества: «Не только факты личной жизни людей воспринимаются студентами как перегрузка, но и новости об *общественных* и политических *событиях*…» [99]; «Понять *общественные процессы*… невозможно без общего знания новейшей истории региона» [41]; «…бронзовый век – не просто период кардинальных технологических и *общественных трансформаций*…» [23]; «И большинство *социальных революций* ставят перед собой задачу накормить голодных…» [51]; «В современной науке процесс движения выражается через понятия социальной динамики, *социальных изменений*, *социального развития*, *социального прогресса*, *социального регресса*» [39]; «…в определенный момент *социальные процессы* перестают соответствовать биологическим, и в результате происходит нарушение приспособительных механизмов» [25]; «Их изменение происходит в процессе длительной *общественной эволюции*» [42]; «Европейский подход к анализу *социальных последствий* информатизации» [12].

Семантическим оттенком для данных наименований с участием лексем *общественный* и *социальный* является оценочность изменений в обществе, а также указание на следствия каких-либо процессов (*прогресс*, *регресс*, *развитие, последствия*).

Общественная обстановка, которую характеризуют наименования со словом *социальный,* непосредственно связана со способами взаимодействия в обществе: «укрепление семейных отношений и снижение *социальной напряженности* в обществе» [40]; «Развитие информационного общества привело к появлению нового вида пространственной и *социальной поляризации* – информационного неравенства…» [24].

Таким образом, за 2015–2021 гг. в «Национальном корпусе русского языка» нами было найдено и проанализировано 79 162 примера употребления слова *общественный* и 101 902 – лексемы *социальный*. Меньше всего словоупотреблений зафиксировано в 2021 г. (*социальный* – 7130; *общественный* – 14 557), больше всего – в 2020 г. (*социальный* – 19 563; *общественный* – 4029).

Несмотря на то, что лексемы *общественный* и *социальный* входят в одни и те же семантические группы словосочетаний, они зачастую не являются контекстными синонимами. Так, нередко данные слова употребляются в устойчивых словосочетаниях: *социальные сети*, *общественное движение*, *общественный омбудсмен*, *общественные слушания*, *социальное страхование*, *социальный лифт* и др. Замена слова в подобных выражениях или невозможна, или кардинально повлияет на смысл: ср. *общественный транспорт* (для общего пользования) и *социальный транспорт* (для социально незащищенных граждан).

Слова *общественный* и *социальный* отличаются так называемой «семантической специализацией». Если слово *общественный* указывает на отношение к обществу как к единому целому, то *социальный* маркирует отношение к индивидам или социальным группам. Так, лексема *общественный* нередко характеризует состояние общества, а слово *социальный* – положение или состояние человека в обществе.

Слово *социальный* может указывать на деятельность государства в отношении социально незащищенных категорий граждан. Также данная лексема характеризует отношения между людьми и социальными группами. Лексема *общественный*, как правило, маркирует общество как общественно-экономическую формацию (связанную с государственной политикой).

Лексемы *общественный* и *социальный* нередко встречаются в терминологии: *общественный* чаще употребляется в обществознании, правоведении, а *социальный* – в социологии, психологии.

«Семантическая специализация» рассмотренных лексем во многом обусловлена значениями слов *общество* и *социум*, где первое слово нередко указывает на *общество* как на совокупность людей, живущих в общих для них конкретных исторических условиях, а *социум* прежде всего маркирует отношения, формы взаимодействия между представителями общества [68].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.Ю. Гуманитарные технологии в контексте информационной войны // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
2. Баева Л.В. Исследовательские мегатренды в условиях информационного общества и проблемы социокультурной безопасности // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
3. Баранникова Л.И. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков / Под ред. ч.-к. АН СССР Ф.П. Филина. – М.: Наука, 1971. – С. 31–38.
4. Баунов А., Собянин С.С. Сергей Собянин: «Раньше города боролись за землю и заводы, а сейчас – за людей» // Афиша Daily, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
5. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с.
6. Блинова А.Н. Социальная сема как компонент значения в названиях интернет-сообществ // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 9–20.
7. Бойко А., Кудрявцева Е. «Болезнь красивых и талантливых» // Огонек, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
8. Бухорова М.Х., Алланазарова С.Х. Классификация социальной лексики в языковом сознании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 2. – С. 64–66.
9. В Госдуме предлагают «перезагрузить» работу государственных центров занятости // Парламентская газета, 2021.02. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.12.22).
10. В Мариинском дворце наградили почётных граждан Санкт-Петербурга // Парламентская газета, 2021.05. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
11. Валентина Матвиенко поздравила россиян с Новым годом // Парламентская газета, 2020.12. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
12. Вершинская О.Н. Европейский подход к анализу социальных последствий информатизации // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).

13. Выпускникам детских домов нужны наставники, считает депутат // Парламентская газета, 2021.12. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
14. Голованевский А.Л. Формирование идеологически-оценочной общественно-политической лексики в русском литературном языке XIX – начала XX века: автореф. дис. . . . докт. филол. наук. – М., 1993. – 31 с.
15. Голубкова А.А. Василий Розанов как первый русский блогер // Волга, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
16. Данилова А., Потапова В. Александра Бабкина: я вижу, как фонды разбивают голову о государство // 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
17. День 28 сентября в истории // Парламентская газета, 2021.09. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
18. День 29 марта в истории // Парламентская газета, 2021.03. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
19. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
20. Доверенные сети связи как основа информационной безопасности государства // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
21. Дуринова Г.В. Темпоральная семантика слова общество (XI – первая треть XIX века) // Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. – № 1. – С. 68–104.
22. Елизарова Р.У. Национальная библиотека Республики Татарстан на пути к информационному обществу // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
23. Епимахов А. В бронзовом веке происходила масштабная миграция // Русский репортер, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
24. Ершова Т.В. Исполнение решений ВВУИО в Содружестве Независимых Государств: результаты экспертного анализа // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
25. Желнин А.И. Информационное измерение антропологического кризиса цивилизации // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
26. Желнин А.И. Проблема информационного кризиса: стрессовые аспекты воздействия информации на психику человека // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
27. Журенков К. Лекарство для бедных? // Огонек, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
28. Заварзина Г.А. Словообразовательные общественно-политические неологизмы в русском языке новейшего периода // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 2. – С. 5–10.
29. Загрядская А. «Мой лучший друг меня не знает». Что такое парасоциальные отношения (2018). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
30. Зверькова С.А. Социальная поддержка молодежи в информационном обществе // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
31. Ивантер А. Заряд позитива // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
32. Ивантер А., Клепач А. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
33. Ильин А.Н. Псевдоинформационная сущность рекламы и брендинга в обществе потребления // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
34. Информационные технологии в исследовании благополучия пожилых людей // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
35. Как добиться интернет-забвения // Парламентская газета, 2021.07. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
36. Как кормят детей в начальной школе // Парламентская газета, 2021.05. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.11.22).
37. Каминченко Д.И. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.11.21).
38. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
39. Карташева А.А., Шарко Т.И. Современные тенденции развития науки и техники информационного общества как основа технологического прогресса будущего // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
40. Кипшара Т.А., Ростовская Т.К. PR-технологии как инструмент эффективного продвижения государственных программ для молодежи // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.11.21).
41. Климов О. Калининградский миф и охота на германизаторов (2017). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.11.21).
42. Коблова Ю.А. Эволюция ментальных моделей в информационно-сетевом обществе // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.11.21).
43. Колесникова Е.И. Гендерная специфика семантики слова (слово "общественный" в мужском и женском языковом сознании) // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Издательство Ритм, 2017. – С. 32–35.
44. Коллективный. Деньги, подвал и свобода // Русский репортер, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
45. Колпинец Е. Культура не для всех. Как самиздат стал арт-объектом (2017.06.14). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
46. «Коммерсантъ»: транспортная стратегия ограничит использование неэкологичных автомобилей // Ведомости, 2021.12. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
47. Константинов А. Неравный мир // Кот Шрёдингера, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
48. Косырев Д.Е. Здравствуй, грусть // Огонек, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
49. Кусова М.Л. Социум и социальные явления через призму лексики русского языка // Проблемы филологического образования, Саратов, 28 марта 2014 года / Под редакцией Л.И. Черемисиновой. – Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2014. – С. 115–121.
50. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Концепция информационной кампании по повышению ценности семьи и семейного образа жизни // Информационное

общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
51. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
52. Левинова Т. Чем хорош Саранск? // Русский репортер, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
53. Лейкина Н. Детская игра: цели, задачи, этапы (2015.11.04). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
54. Лекторова Ю.Ю. Официальный сайт органа власти в системе государственной информационной политики // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
55. Леонтьева Т.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 553 с.
56. Леонтьева Т.В. Лексемы с приставкой пере- и значением обоюдности контактов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 235–240.
57. Леонтьева Т.В. Семемы лексико-семантического поля «общительность» в русском языке и их номинативное воплощение // Вестник ТвГУ. Серия "Филология". – 2012. – Вып. 3. – С. 128–138.
58. Леонтьева Т.В., Мокиенко В.М. Метафора болота в характеристиках социума // Вестник ТГУ. – 2021. – № 465. – С. 13–21.
59. Лесняк А. Мама следит за тобой: как цифровой контроль меняет отношения детей и родителей (2019). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
60. Лукина Н.П., Самохина Н.Н. О методологическом потенциале концепта технологического уклада // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
61. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Современное общество как общество сетевых структур // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
62. Лютикова В.Д. Социальная дифференциация лексики говора на территории позднего заселения: дис. . . . канд. филол. наук. – Челябинск, 1984. – 208 с.
63. Малик К., Ширшова Л. «Я – синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения (2019). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
64. Мамбеткожоева Т.С. Особенности социально-политической лексики и ее место в терминологической системе языка // Вестник Бишкекского гуманит. ун-та. – 2012. – № 1(21). – С. 141–143.
65. Марарица Л.В., Титов С.М. Социальный мир человека в эпоху виртуальных социальных сетей // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
66. Механик А. «Где глаз людей обрывается куцый...»» // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
67. Механик А. Униженные и оскорбленные // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
68. Моргунова О.В. Репрезентация семантики слов общественный и социальный в толковых словарях русского языка // Вестник ТГУ. – 2022. – № 480. – С. 23–34.
69. Неизвестный. Homo sapiens. Новости // Кот Шрёдингера, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
70. Неизвестный. Как мы приближали будущее // Кот Шрёдингера, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
71. Николаева Е. Как не пустить в соцсеть // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
72. Новикова И.В. Оценка информационного потенциала занятости населения в России // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
73. Огородников А.Ю., Чурин В.В. Аксиологические основания рисков социального участия в условиях глобализации // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
74. Ополев П.В. Социальное усложнение: тенденции и перспективы // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
75. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) (2015). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
76. Пенсионный фонд и ФСС будут работать на единой цифровой платформе // Парламентская газета, 2021.08. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
77. Плотникова А.М. Эмоциональная и социальная семантика слова: векторы пересекаемости // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею . . . проф. Л.Г. Бабенко, М.–Екатеринбург, 28–30 сентября 2016 года. – М.–Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2016. – С. 578–585.
78. Помощь в трудоустройстве по соцконтракту хотят предоставлять обоим супругам // Парламентская газета, 2021.12. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
79. Правительство обещало поддержку бизнесу во время антиковидных каникул // Ведомости, 2021.10. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
80. Публичная коммуникация в блогосфере как коммуникативная интернет-технология // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
81. Ресутова Э.И. Разграничение понятий общественно-политическая лексика (ОПЛ) и общественно-политическая терминология (ОПТ) в лексической системе языка // Научный электронный журнал Меридиан. – 2021. – № 6 (59). – С. 60–62.
82. Референдум ничего не решил // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.08.21).
83. Решетинская М.С. Массмедиа и межэтнические взаимодействия // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 08.08.21).
84. Россиян не оставят без Google и Facebook // Парламентская газета, 2021.05. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
85. Рощеня Д. Приемный ребенок: просто любить-недостаточно // 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
86. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998–2007–. – Т. 1–4–.
87. Савчик Д. Личный опыт. Социализация и школа (2015). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
88. Симаков О.В., Кондратьев В.А. Развитие электронного здравоохранения в странах СНГ // Информационное общество, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/

(дата обращения: 08.05.21).
89. Скляренко М. Премия «Эксперт года» – шаг в большую экспертную политику // Эксперт Северо-Запад, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
90. Скоробогатый П., Садкин А. Конструктор политической реальности // Эксперт, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
91. Сможет ли криптовалюта обеспечить развитие цифровой экономики в России? // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
92. Смолян Г.Л. Некоторые ключевые понятия информатизации: категориальный статус и предметная область // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.06.21).
93. Социальное и экономическое благополучие современного информационного общества // Информационное общество, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
94. Спикер Госдумы рассказал, когда ожидается минимальный уровень заболеваемости коронавирусом // Парламентская газета, 2021.02. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
95. Стратановский С.Г. Эпоха самиздата: что это было? // Волга, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.11.21).
96. Торгашев А. Голый землекоп впадает в детство // Кот Шрёдингера, 2016. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
97. Холмогорова Н.Л. Переименование «Войковской»: 12 аргументов против (2015). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
98. Черкасова Т.В. Социально-корпоративная лексика хакеров // Информационная безопасность регионов. – 2007. – № 1 (1). – С. 70–71.
99. Чумакова В.П. Представления современных российских студентов об информационной перегрузке в социальных медиа // Информационное общество, 2017. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.21).
100. Шестова А.А. Отражение феномена «социальная сеть» в русской и английской лингвокультуре // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (14). – С. 65–68.
101. Ширшова Л., Боулс Н. Живое общение становится предметом роскоши, а гаджеты – уделом низших классов (2019). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
102. Щетинина А.В. Властные отношения в идеографическом словаре социальной лексики (к вопросу о включении энциклопедической информации) // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции. В 2 ч. Петрозаводск, 10–12 сентября 2018 года. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2018.
103. Щетинина А.В. Зооморфные номинации homo socialis в словарях русского языка, литературно-художественном и газетном дискурсах // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 106–123.
104. Щетинина А.В. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 111–127.
105. Щетинина А.В. Цветовые номинации Homo Socialis // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 57–71.
106. Щукин А. IT-город в чистом поле // Эксперт, 2015. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
107. Ялтонская А. Тревожные расстройства. Откуда берется тревога, как отличить осмотрительность от расстройства и что общего у боязни публичных выступлений и ипохондрии // 2018. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
108. Яровая поддержала решение интернет-компаний подписать хартию по безопасности детей в Сети // Парламентская газета, 2021.09. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 05.05.22).
109. Ruscorpora.ru. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.11.22).

© Моргунова Ольга Валерьевна (intempore@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.28

КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ США В ОФИЦИАЛЬНОМ И ОППОЗИЦИОННОМ ДИСКУРСАХ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2022 Г.

Пакус Виктория Олеговна
Аспирант, Южный федеральный университет
vpakusv@gmail.com

Аннотация: Цель данного исследования – изучение лингвистических средств, используемых американскими политиками для осуществления политической модализации в процессе создания образов государств, в том числе в кризисные периоды. Работа посвящена изучению контрастной репрезентации экономической ситуации в США как составляющей авто-образа государства в дискурсе представителей официальной власти и их оппонентов. Научная новизна заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа экономической составляющей образа государства в противостоящих друг другу дискурсах одной страны. Актуальность темы исследования обусловлена значительным влиянием политики и её процессов на жизнь индивида и социума в целом. Политический дискурс, выстраиваемый политиками в ходе их политической деятельности, становится центром внимания учёных различных направлений - лингвистов, политологов, психологов и др., а образы, ретранслируемые ими, одним из мощнейших средств манипуляции массами.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая оппозиция, образ государства, политическая модализация, контраст.

CONTRASTING REPRESENTATION OF THE USA ECONOMIC SITUATION IN OFFICIAL AND OPPOSITION DISCOURSES DURING THE ECONOMIC CRISIS OF 2022

V. Pakus

Summary: The purpose of this study is to study the linguistic means used by American politicians to implement political modalization in the process of creating images of states, including in times of crisis. The work is devoted to the study of the contrasting representation of the economic situation in the United States as a component of the auto-image of the state in the discourse of representatives of the official authorities and their opponents. The scientific novelty consists in conducting a comparative analysis of the economic component of the image of the state in the discourses of one country opposing each other. The relevance of the research topic is due to the significant influence of politics and its processes on the life of the individual and society as a whole. The political discourse built up by politicians in the course of their political activities becomes the focus of attention of scientists of various fields - linguists, political scientists, psychologists, etc., and the images relayed by them are one of the most powerful means of manipulating the masses.

Keywords: political discourse, political opposition, image of the state, political modalization, contrast.

Сегодня образ государства, а также способы его формирования и функционирования, являются предметом интереса множества учёных различных направлений - лингвистов, политологов, психологов и др. При этом в центре их внимания находится политический дискурс, который «служит задачам вербального конструирования и реконструирования политической реальности, включая образы государств» (Posternyak, Boeva-Omelechko, 2018, с. e41086).

Исследования в указанных направлениях могут быть посвящены как изучению образов других стран и наций, то есть гетерообразов, так и авто-образов, отражающих восприятие собственного государства или нации.

Одним из первых изучением образов государств заинтересовался американский экономист и социолог К. Боулдинг. В своей работе «National Images and International Systems» он определил образ как поведенческий стереотип, способный влиять на поведение целых наций, и основанный вовсе не на объективных фактах, а на образе того или иного явления, существующего в ментальности адресата. Социолог К. Хилманн под образом понимает «сумму чувств, идей и оценок, которые, воспринимаясь субъективно отдельными лицами или группой лиц, становятся основой их представлений о других людях, общественных организациях, социальных институтах» (цит. по: Фатыхова, с. 10).

К. Боулдинг также утверждает, что образ своего государства всегда положительный, в то время как гетерообраз разнообразен и может быть представлен в качества государства-союзника или же как государство-враг (Boulding, с. 120). Однако мы считаем, что авто-образ государства, выстраиваемый и функционирующий в ходе политического дискурса, может быть как положительным, так и отрицательным.

Причиной тому служит то, что политический дискурс, дискурс политиков, продуцируемый в институциональ-

ной политической обстановке (ван Дейк, с. 12), может быть разделён на президентский и оппозиционный дискурсы, авторы которых имеют разные цели: в то время, как президент стремится удержать власть, представитель оппозиции видит своей главной целью захват и перераспределение власти.

Совершенно очевидно, что политикам необходима поддержка избирателей, которая по мнению политтехнолога Г. Уоллеса, обусловлена вовсе не рациональными мотивами, а поведенческими установками, заложенными самим политиком (Wallas, с. 47) Таким образом, в ходе построения дискурса, каждый политический актор нуждается в таком средстве, которое бы в полной мере оправдывало его пере-/избрание на пост президента.

Одним из главных способов достижения данных целей, как для представителя официальной власти, так и для его оппонента, и становится авто-образ, формируемый и ретранслируемый ими в ходе их предвыборных кампаний. Для того, чтобы формируемый политиком образ полностью соответствовал его интенциями, он вынужден прибегать к политической модализации, понимаемой нами как «изложение событий, связанных с политической жизнью страны, под определённым углом зрения с целью формирования у аудитории позитивного / негативного отношения к ним в желаемом для автора изложения направлении в соответствии с его убеждениями и социальным заказом» (Боева-Омелечко, Костенко, Володько, с. 61).

Политическая модализация, осуществляемая при создании авто-образа государства, призвана помочь политику сформировать именно тот образ, который был бы ему выгоден. Так президент, рассчитывающий на переизбрание, стремится продемонстрировать успешность принимаемых им решений в период нахождения у власти и представить свои методы управления страной как единственно верные. В то же время оппозиционер нуждается в таком авто-образе, который бы помог ему дискредитировать действующую власть посредством акцентирования внимания аудитории на её неудачах и необходимости смены правящей партии (Пакус, с. 88).

По мнению Н.Ю. Логуновой, образ, формируемый политиками и существующий в ментальности людей, может отражать не только их восприятие реальности, но и ценности и убеждения людей (Логунова, с. 104). Как следствие, политик, осуществляющий политическую модализацию в ходе создания образа государства, должен учитывать его соответствие ценностной системе электората.

В 2022 г. в мире произошло множество политических изменений, повлиявших на все сферы человеческой жизни. Одной из таких сфер стала экономика – животрепещущая тема для каждого. Как следствие, политики в своих выступлениях уделяют немало внимания этой теме. Однако в зависимости от поддерживаемой ими идеологии и преследуемых целей экономическая ситуация в стране может быть репрезентирована по-разному.

Так, например, с начала 2022 г. в экономике США произошло множество изменений, связанных с внешнеполитическими событиями. Действующий президент США Дж. Байден, стремясь создать для своих граждан образ страны, экономика которой не была затронута внешнеполитическими событиями, использует лексему *the only*, подчёркивающую исключительность США, а также сравнительную степень прилагательного *strong*, указывающую на жизнеспособность американской экономики, только укрепившейся в период кризиса:

(1) «As I've said before, that America ***is the only country in the world*** that comes out of crises ***stronger*** than we went into the crisis» (J. Biden, 2022, October 20, Remarks by President Biden on Rebuilding Our Nation's Infrastructure).

Для того, чтобы представить Америку как страну, активно развивающуюся при его правлении, Дж. Байден акцентирует внимание аудитории на нереализованных планах в сфере экономики своих предшественников и на их воплощении в жизнь при его правлении. При этом он использует индивидуально-авторские лексические антонимы, т.е. антонимы, содержащие периферийные антонимичные семы в структурах их значений (Боева-Омелечко, 2008, с. 162), *talk – do* (семы «гипотеза»/»реальность»), а также контраст видо-временных форм Present Perfect - Present Continuous, противопоставляющих прошлое настоящему:

(2) «*For too long,* ***we've talked*** *about having the best economy in the world.* ***We've talked*** *about asserting American leadership around the world with the best and the safest roads, railroads, ports, airports. But now — now* ***we're*** *finally* ***doing*** *something about it. We're finally getting it done*» (J. Biden, 2022, October 20, Remarks by President Biden on Rebuilding Our Nation's Infrastructure).

В следующем примере президент использует форму Present Continuous, реализует стратегию обещания и подчёркивая, что перемены к лучшему не окончены:

(3) «*We've worked to make sure our economy recovers, to lower costs for families, but* ***we aren't stopping here***» (J. Biden, 2022, September 12, Remarks by President Biden on the Bipartisan Infrastructure Law).

Дж. Байден также озвучивает некоторые данные, призванные продемонстрировать нахождение экономики США в состоянии подъёма впервые за долгое время. Для этого используются высказывания с лексемой *increase*, имеющей в структуре значения сему «увеличение». Например:

(4) «On my watch, for the first time in 10 years, seniors

are getting an ***increase*** in their Social Security checks» (J. Biden, 2022, November 1, Speech: Joe Biden Discusses Protecting Social Security and Medicare in Florida).

При этом мы считаем важным отметить, что, согласно исследованиям американских журналистов и экономистов, увеличение пенсий в США являются следствием инфляции (Dale). Таким образом, мы можем утверждать, что для создания позитивного образа экономики США президент может использовать стратегии замалчивания и подмены понятий.

В других высказывания Дж. Байден использует лексемы с антонимичной семой «понижение» в структурах их значений, подчёркивая снижение экономического дефицита. Этой же цели служат прилагательные в превосходной степени, указывающие на небывалую масштабность снижения:

(5) «*Today, my administration announced that this year* ***the deficit fell*** *by $1.4 trillion —* ***the largest*** *one-year* ***drop*** *in American history — $1.4 trillion decline in the deficit*» (J. Biden, 2022, October 21, Remarks by President Biden on Historic Deficit Reduction).

Чаще всего для положительной репрезентации экономической ситуации США Дж. Байден обращается к фактам, наглядно демонстрирующим улучшения, которые были достигнуты исключительно благодаря его успешному правлению. С помощью физиологической метафоры *recover* он представляет американскую экономику как пациента, излечившегося с помощью его грамотного администрирования. Кроме того, в его высказываниях используются лексема *record* с семами «предельность» и «успех» в структуре её значения, подчёркивающая небывалые экономические успехи США в период пребывания у власти Дж. Байдена, а также лексические повторы числительных, выступающих показателями этих успехов:

(6) «*Since I came to office, that's what we've done: historic vaccination efforts that saved lives, helped our* ***economy recover*** *from the lost jobs during the pandemic; 10 million jobs created —* ***a record*** *for any administration at this point in a presidency; 3.5 percent unemployment —* ***50-year low — a 50-year low****;* ***700,000*** *— nearly* ***700,000*** *manufacturing jobs created with companies investing billions of dollars to build industries of the future here in America*» (J. Biden, 2022, October 21, Remarks by President Biden on Historic Deficit Reduction).

Развивая мысль, Дж. Байден также формирует положительный образ экономического будущего США, представляя его с помощью лексем, в структуры которых входят семы «надёжность», «стабильность», «рост», и лексических повторов, выполняющие, как и в предыдущем примере, суггестивную функцию (Никашина, Попова, с. 207), предполагающую внушение, восприятие информации без критики:

(7) «*You know, we're going from a historically strong economic recovery to a* ***steady and stable growth*** *while reducing the deficit, building an economy where everyone* ***does well****, where the poor have a ladder up, the middle class* ***does well****, and the wealthy* ***do very well****. They're not hurt by it*» (J. Biden, 2022, October 21, Remarks by President Biden on Historic Deficit Reduction).

Таким образом, в выступлениях Дж. Байдена США предстаёт страной с процветающей, не пострадавшей от кризиса экономикой, которая демонстрирует устойчивый рос. У неё есть прекрасные экономические перспективы, гарантирующие улучшение жизни для всех слоёв населения. Данный образ создаётся с помощью лексем, содержащих семы «увеличение» (всего положительного), «понижение» (всего отрицательного), «надёжность», «стабильность», «рост», «предельность», «успех», метафор выздоровления, повторов, акцентирующих внимание на успехах, индивидуально-авторских антонимов с семами «реальность» / «гипотетичность» в структурах их значений, контраста видо-временных форм, сравнительных степеней прилагательных.

В то же время представитель оппозиции от партии республиканцев, Д. Трамп, активно продвигающий свою кандидатуру на пост президента, описывая экономическую ситуацию в стране, затрагивает темы инфляции и роста цен на топливо. Для изображения плачевного состояния экономики Д. Трамп использует прилагательные с семой «повышение» в сравнительной и превосходной форме по отношению к негативным явлениям (инфляция, рост цен, а также природную метафору *national reserves drained*:

(8) «*As we speak, inflation is* ***the highest*** *in over 50 years, gas prices have reached* ***the highest*** *levels in history, and expect them to go much* ***higher*** *now that the strategic* ***national reserves****, which I filled up, have been virtually* ***drained*** *in order to keep gasoline prices lower just prior to the election*» (D. Trump, 2022, November 16, Former President Trump announces 2024 presidential bid).

Д. Трамп затрагивает тему энергетики и доступности электроэнергии как одного из главных секторов экономики. Стремясь дискредитировать своего оппонента и сформировать образ экономически слабой страны как следствие правления Дж. Байдена, оппозиционер формирует образ «потребного будущего» (Егорова-Гантман, с. 123), контрастирующего с нынешней ситуацией. В этом ему помогают глаголы с семой «понижение» в структурах их значений, которые в сочетании со словами *costs* и *inflation* вселяют надежду на улучшение. Эффект воздействия усиливается за счёт лексических повторов.

Кроме того, Д. Трамп дискредитирует своего оппонента, используя милитарную метафору и представляя действия Дж. Байдена по отношению к американской

энергетике как войну, положить конец которой могут только республиканцы:

(9) «*We will end* ***Joe Biden's war on American energy***. *And you will see when that happens, you'll see* ***energy costs come down***. *And because energy is so big and so important, you will see* ***inflation dropping, dropping, dropping, dropping***» (D. Trump, 2022, November 16, Former President Trump announces 2024 presidential bid).

Характеризуя состояние экономики США в 2022 году, Д. Трамп использует морбиальную метафору, позволяющий создать яркий образ страны с тяжелейшими экономическими проблемами:

(10) «***They are watching us die***. We need economic security» (D. Trump, 2022, November 16, Former President Trump announces 2024 presidential bid).

Д. Трамп также характеризует экономику США при правлении администрации демократов с помощью строительной метафоры, представленной лексемой *destroy* с семой «разрушение» в структуре её значения. Для большего убеждения аудитории используется лексический повтор:

(11) «In two years, the Biden administration ***has destroyed*** the US economy, just ***destroyed*** it» (D. Trump, 2022, November 16, Former President Trump announces 2024 presidential bid).

Д. Трамп употребляет словосочетание *Biden economy* для формирования ассоциации между этим названием и экономическими трудностями, которые испытывают люди в период нахождения Дж. Байдена у власти. Для создания негативного образа экономически ослабленной страны оппозиционер также использует антропоморфную метафору, позволяющую изобразить инфляцию как врага, разрушающего жизни людей :

(12) «To every worker and family ***struggling to survive*** in ***the Biden economy*** with ***inflation destroying your family and your life***, this campaign will be for you» (D. Trump, 2022, November 16, Former President Trump announces 2024 presidential bid).

В следующем примере оппозиционер использует строительную метафору *ruins* и артефактную метафору *cesspool,* характеризуя катастрофический экономический упадок, наступивший в период нахождения у власти администрации Дж. Байдена. Далее, используя синтаксический параллелизм и лексический повтор он разворачивает этот тезис, перечисляя все негативные экономические явления:

(13) «And we are a nation ***whose economy*** is ***collapsing*** into a ***cesspool of ruin***, ***whose*** supply chain is ***broken***, ***whose*** stores are not stocked, ***whose*** deliveries are not coming, and ***whose*** educational system is ranked at the very ***bottom*** of every single list» (D. Trump, 2022, November 6, Donald Trump speaks at Ohio rally for Republican Senate candidate JD Vance).

Обвиняя во всех бедах страны Дж. Байдена Д. Трамп использует приём контраста, противопоставляя процветающую экономику прошлого, в которой не было инфляции, экономике периода правления Дж. Байдена, в которой уровень инфляции достиг максимальных показателей за последние 50 лет. При этом он подчёркивает, что реальные показатели инфляции ещё хуже, чем официальные. В своей речи Д. Трамп использует превосходные степени прилагательных и лексический повтор:

(14) «*We had* ***the greatest economy in the history of the world with no inflation***. *Biden and the Democrat Congress created* ***the worst inflation*** *in 50 years, 9.1%, but it's* ***much higher*** *than that. You see your bills, it's* ***much higher***» (D. Trump, 2022, October 23, Trump Holds Save America Rally in Robstown, Texas)

Таким образом, оппозиционер Д. Трамп в своих выступлениях представляет Америку как экономически слабую страну, нуждающуюся в немедленных изменениях. Рост цен и инфляции становится катастрофическим, а граждане страны вынуждены бороться за выживание в сложившейся экономической ситуации. Создание такого образа становится возможным благодаря использованию лексем, содержащих семы «повышение» (всего негативного) и «разрушение», антропоморфных, милитарных, морбиальных, строительных и артефактных метафор, акцентирующих внимание на разрушительных последствиях правления Дж. Байдена, повторов, сравнительных и превосходных степеней прилагательных.

На основе проведённого анализа мы можем сделать следующие выводы. Экономическая составляющая является важной для формирования аксиологически окрашенного образа государства как модального объекта. Для её репрезентации представители правящей партии и оппозиции используют такие лингвистические средства, как лексемы с положительными или отрицательными коннотациями, индивидуально- авторские антонимы, контраст, метафоры, сравнительные и превосходные степени прилагательных, повторы, синтаксический параллелизм. При этом нередко одно и то же средство используется в противоположных по значению контекстах. Так, например, лексемы, имеющие в структурах значений сему «повышение» в дискурсе правящей партии используются для описания успехов, а в дискурсе оппозиции для подчёркивания роста негативных явлений в экономике. Контраст в дискурсе правящей партии противопоставляет благоприятную экономическую ситуацию настоящего экономическим трудностям прошлого, а в дискурсе оппозиции он наоборот подчёркивает экономические проблемы настоящего, которые особенно заметны при сравнении с успехами былых периодов.

В целом все указанные лингвистические средства

позволяют политикам, будь они представителями официальной власти или же оппозиции, представлять экономическую ситуацию в стране таким образом, чтобы дискредитировать своего оппонента и оправдать выдвижение своей кандидатуры на пост президента и их дальнейшего избрания.

Перспективы дельнейшего изучения видится нам в дальнейшем сопоставительном анализе лингвистических средств, репрезентирующих различные составляющие авто-образов государства, в дискурсе правящей партии и оппозиции для расширения представлений о политической модализации и механизмах создания образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boulding K. National Images and International Systems // The Journal of Conflict Resolution. 1959. Vol. 3 (2). P. 120–131.
2. Dale D. Fact check: White House deletes misleading tweet about Social Security. 2022. URL: https://edition.cnn.com/2022/11/02/politics/fact-check-biden-white-house-tweet-social-security-inflation/index.html
3. Posternyak K.P., Boeva-Omelechko N.B. The Formation of the Image of Russia in the British Political Mass Media Discourse // Acta Scientiarum Langu age and Culture. 2018. T. 40. № 2. C. e41086.
4. Rappeport A. White House Deletes Tweet Crediting Biden With Social Security Increase. 2022. URL: https://www.nytimes.com/2022/11/03/us/politics/biden-tweet-social-security.html
5. Van Dijк, T. A. What is political discourse analysis? / T.A.Van Dijk // Political linguistics; ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam, 1998.
6. Wallas G. Human nature in politics // The Project Gutenberg EBook of Human Nature in Politics. 2004.
7. Боева-Омелечко Н.Б. Индивидуально-авторская антонимия как проявление лингвокреативного потенциала личности // Личность и модусы ее реализации в языке. Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 158-187.
8. Боева-Омелечко Н.Б., Костенко Т.Ф., Володько В.Г. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2016. № 3. С. 61-68. DOI: 18.18522/1995-0640-2016-3-61-68.
9. Егорова-Гантман, Е.В. Политическая реклама / Е.В. Егорова-Гантман, К.В. Плешаков. — М: Центр политического консультирования «Никколо М», 1999. — 240 с.
10. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры / А.А. Козлова // Обсерватория культуры. – 2015. – № 3. – С. 114–118.
11. Логунова Н.Ю. О содержании понятий «образ» и «художественный образ» в литературоведении и лингвистике // Философия и культура в культурах Запада и Востока: Сб. матер. Всеросс. Конф. (Томск, 6 июня 2018). Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 104 – 105.
12. Никашина Н.В., Попова А.О. Типология повторов в политических выступлениях Маргарет Тэтчер // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-povtorov-v-politicheskih-vystupleniyah-margaret-tetcher (дата обращения: 01.12.2022).
13. Пакус, В.О. Образ государства как средство политической модализации в президентском и оппозиционном дискурсе (на материале предвыборных речей Дж. Картера и Р. Рейгана) / В.О. Пакус // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 94. – № 5. – С. 88-93. – DOI 10.18522/2070-1403-2022-94-5-88-93. – EDN MDMTHZ.
14. Фатыхова Д.Р. Технологии формирования имиджа женщины-политика в современной России (на материалах Республики Татарстан) / науч. ред. Г.В. Морозова. Казань: Казан. ун-т, 2016. 141 с.

© Пакус Виктория Олеговна (vpakusv@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.30

АНТОНИМЫ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

ANTONYMS ARE ADJECTIVES IN THE EVEN LANGUAGE

I. Sadovnikova

Summary: The article is devoted to the antonyms of adjectives in the Even language, the study of which is directly related to the description of the meaning and meaning of linguistic units. Antonymic pairs and their features in the Even language are considered and identified. The relevance of the research is determined by the lack of special scientific papers devoted to the study of antonyms of adjectives in the Even language. In the works of evenologists, the topic of antonymy is revealed either superficially, in a number of textbooks or fragmentally in scientific articles. Antonyms in the Even language have not yet acquired the appropriate scientific coverage. The creation of a dictionary of antonyms of the Even language seems necessary, but impossible because there is no theoretical basis and significant lexicographic material has not been collected, which also determines the relevance of the research we have undertaken. The sources of lexical material were dictionaries of the Even language, including extracts from works of art, ethnographic essays and materials of scientific expeditions of the author. This article is a continuation of our publications on Even antonyms.

Keywords: Even language, antonyms, antonyms adjectives, linguistic unit, antonymic pairs.

Садовникова Ия Ивановна
кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Сибирское отделение Российской академии наук Россия, г. Якутск
Sadovnikova79@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена антонимам прилагательным в эвенском языке, исследование которого непосредственно связано с описанием значения и смысла языковых единиц. Рассмотрены и выявлены антонимичные пары и их особенности в эвенском языке. Актуальность исследования определяется отсутствием специальных научных работ, посвященных изучению антонимов прилагательных в эвенском языке. В работах эвеноведов тема антонимии раскрывается либо поверхностно, в ряде учебников либо фрагментарно в научных статьях. Антонимы в эвенском языке еще не приобрели соответствующего научного освещения. Создание словаря антонимов эвенского языка представляется необходимым, но невозможным потому, что нет теоретической базы и не собран значительный по объему лексикографический материал, что также определяет актуальность предпринятого нами исследования. Источниками лексического материала послужили словари эвенского языка, в том числе извлечения из художественных произведений, этнографических очерков и материалы научных экспедиций автора. Данная статья является продолжением наших публикаций по эвенским антонимам.

Ключевые слова: эвенский язык, антонимы, антонимы прилагательные, языковая единица, антонимичные пары.

В данной статье впервые рассматриваются лексические антонимы в современном эвенском языке с целью их систематизации. Произведена классификация видов антонимов на основе анализа их структурных разновидностей, исследованы функции употребления антонимов.

«Антонимы - как лингвистическое явление – должны изучаться в терминах значения. Антонимы — это слова с противоположными, но соотносительными лексическими значениями. В то же время лексические значения антонимов, так или иначе, отражают понятия, поскольку они как единицы языка обладают противоположными лексическими значениями [4, с.19].

«Антонимы являются словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [5, с. 48].

По мнению Введенской Л.А. «образование антонимических отношений между словами парадигмы зависит от ряда факторов: во-первых, от характера смысловых различий, заключенных в словах каждого ряда; во-вторых, от словообразовательной структуры соотносимых слов; в-третьих, от стилистической характеристики; в-четвертых, от дистрибуции слов с соотносительно противоположными значениями и, наконец, от объема синонимических рядов» [2, с.22-23].

В прилагательных антонимия представлена наиболее богато. Это связано, прежде всего, с семантикой прилагательных как слов, определяющих свойства с различных точек зрения: качественной, временной, пространственной, чувственной, которые выполняют «функцию добавочной характеристики предметов» [1, с. 45].

Антонимичные пары имен прилагательных в эвенском языке распадаются на ряд семантических групп, большую группу составляют антонимы-прилагательные, выражающие возрастные и физиологические признаки человека, например: *носэгчэн* ‘молодой’ – *хагди* ‘старый’;
бокчэкэ ‘горбатый’ – *ӈун* ‘прямой’;
небукэ ‘тощий’ - *пэсэне* ‘толстобрюхий’;
гургули ‘усатый’ – *ач гургутла* ‘безусый’;
кабата ‘лысый’ – *нюритэпчэ* ‘волосатый’;
гаптар ‘дальнозоркий’ – *хабука* ‘подслеповатый’;
бобиӈи ‘морщинистый’ - *булдути* ‘гладкая кожа без морщин’ и т.д.

В повседневной жизни мы часто упоминаем о харак-

тере человека, в психологии характер – это набор стойких индивидуальных особенностей личности, который определяет тип поведения и форму взаимоотношений с окружающими людьми [4]. В данной группе выделяем прилагательные-антонимы, которые обозначают поведение человека, например:

хопча 'хвастливый' – *хадарилкан* скромный;
банкиндя 'ленивый' – *гургэвчилэн* 'трудолюбивый';
уюмкун 'легкий' – *ургэ* 'тяжелый';
тэҥэй 'несерьезный' – *хонди* 'серьезный';
нюмарита 'стыдливый' – *няривладь* 'горделивый';
хиграни 'спокойный' - *хикар* 'озорной';
хикутывчири 'молчаливый' – *төрэлэн* 'разговорчивый';
бадай 'упрямый' – *долчилан* 'послушный' и т.д.

Примеры: *Мин нов хо хикар, экму-дэмэр хо хиграни*. 'Моя сестренка очень озорная, а старшая сестра очень спокойная' [примеры автора]. *Хуркэн Миша гургэвчилэн, Лёня-дамар хо банкиндя*. 'Миша трудолюбивый мальчик, а Лёня ленивый' [перевод автора].

Также выделим характеристику антонимов, обозначающих эмоциональное состояние человека, например: *хокан* 'радостный' – *набанҥа* 'грустный';
хируки 'сердитый' – *алам* 'ласковый';
хэкуруҥчидэй 'тревожный' – *хиграни* 'спокойный';
авдатты 'заботливый', 'внимательный' - *дэлбэри* "равнодушный, не обращающий ни на что внимание" и т.д.

Небольшую группу прилагательных антонимов составляют психологическое, физическое, физиологическое состояние человека и животных, например: *хавай* 'умный' – *абалту* 'глупый с рождения';
абгар 'здоровый' – *бутэн* 'больной';
эҥи 'сильный' - *обдакун* 'слабый';
нюмэр 'страшный' – *нод* 'красивый;
төбэҥэ 'маленький', 'низенький' (*о росте человека*) – *ҥонам* 'высокий';
имсэпчи 'жирный'- *нюбукэ* 'истощенно худой' и т.д.

Антонимы – прилагательные обозначающие наименования свойств и качеств, которые передаются органами чувств, например:

1. температурные свойства: *гилси мө* 'холодная вода' – *хөкси мө* 'горячая вода', *иҥэньи инэҥ* 'холодный день' – *хөкси инэҥ* 'жаркий день'.
2. по весу и размеру, например: *ургэ* 'тяжелый' – *эюмкун* 'легкий';
   бэргэ 'толстый' – *небукэ* 'худой';
   гуд 'высокий' – *хэргимкун* 'низкий';
   эгден 'большой' - *көчукэн* 'маленький';
   милтэрэ 'полный' – *энтэкчэ* 'пустой';
   эюмкунь 'легкий' – *ургэ* 'тяжелый';
   тыгэкун 'узкий' – *дэмҥэ* 'широкий';
   ҥонам 'длинный' – *урумкун* 'короткий';
   хунта 'глубокий' – *арбукун* 'мелкий'
   ҥун 'прямой' – *кяваҥи* 'кривой' и т.д.

Пример: *Арбукун мөли бу мэр лодкавур ирривун, хунтали нян аич, уюмкунь хирыҥчиривун*. По мелкой воде мы тащили свою лодку, а по глубокой воде легко ехали.

3. по цвету, вкусу, например: *нёбати* 'белый' – *хакарин* 'черный';
   такамнан 'соленый' – *ач такла* 'несоленый';
   далра 'вкусный' – ач далсала 'безвкусный';
   гот 'горький' – *далси* 'сладкий' и т.д.

Примеры: *Тарак олра такамнан, төллэ-дэмэр нокатти ач такла*. 'Вон та рыба соленая, а та что на улице без соли' [Пример автора].

4. по качеству, например: *ай* «хороший» - *кэнели* «плохой»;
   анҥамта 'новый' – *ирбэт* 'старый';
   тэмбэкэн 'мягкий' – *гур* 'жёсткий';
   ҥун 'прямой' – *кяваҥи* 'кривой';
   гелбэти 'чистый' - *няҥса* 'грязный' и т.д.
5. по времени, например: *тугэрэп* 'зимний' – *дюгар* 'летний';
   долбар 'ночной' – *инэҥэрэп* 'дневной';
   текэрэп 'теперешний' - *титэрэп* 'давнишний';
   эрэв инэҥинип 'сегодняшний' - *тинип* 'вчерашний' и т.д.
6. вид принадлежности, например: *асады гургэ* 'женская работа' – *бэй гургэн* 'мужская работа';
   асаткан эвикэн 'игрушка девочки' – *хуркэн эвикэн* 'игрушка мальчика';
   куҥа ойин 'детская одежда' – *эгдер бэил ойитан* 'взрослая одежда' и т.д.

Антонимы, выражающие явления природы: *хукси* 'жаркий' – *иҥэньи*
'холодный', *олгитна* 'засушливый' – *удалкан* 'дождливый'; *дюгани хукси* 'жаркое лето', *тугэни иҥэньи* 'холодная зима', *болани нямси* 'теплая осень' и т.д.

Антонимы прилагательные, выражающие признак по месту нахождения, пространственные отношения: *ангида бөдэл* 'правая нога' - *дэвэнгидэ бөдэл* 'левая нога';
ойгидэ полка 'верхняя полка' – *хэргидэ полка* 'нижняя полка';
далила 'близкий' - *горла* 'далекий';
холаг бэй 'верховской человек' (живущий по верхнему течению) – *эеки бэй* 'нижний человек' (живущий вниз по течению);
далила билэк 'близкое село' - *горла билэк* 'далёкое село';
ойиг 'верхняя одежда' – *довгида ой* 'внутренняя одежда' и т.д.

Антонимичные пары образуют качественные прилагательные суффиксом *-кун/ -кэн* оформлены прилагательные, обозначающие величину и некоторые другие качества предмета, но при этом характеризующие ма-

лые размеры и часто являющиеся антонимами соответствующих непроизводных прилагательных, которые, наоборот, передают представления о больших размерах [6, с. 108], например:

эгден 'большой' – *көчукэн* 'маленький';
ңонам 'длинный' – *урумкун* 'короткий';
калбин 'широкий' – *хилумкун* 'узкий';
дэмңкэ 'широкий' – *кадак* 'тесный';
эмңэ 'просторный' – *тыгэкун* 'тесный' и т.д.

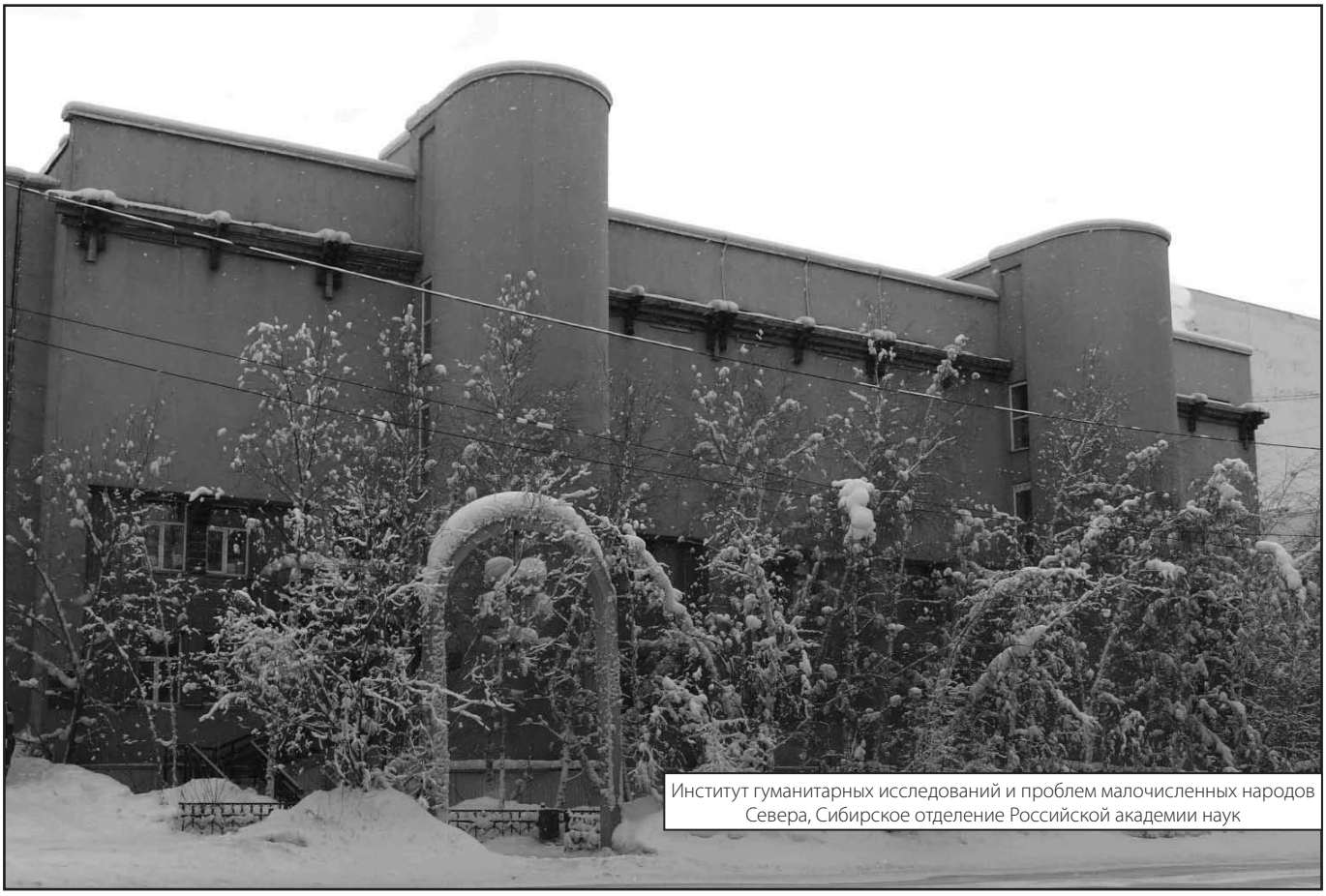
Таким образом, характеристика антонимов, обозначающих человека, позволяет выделить компоненты, по которым эти единицы противопоставлены в эвенском языке, и как следствие, определить, что значимо при противопоставлении для носителей эвенской культуры. Анализ особенностей разнокорневой антонимии прилагательных в эвенском языке свидетельствует о том, что антонимичные пары составляют различные тематические группы, в эвенском языке. В прилагательных антонимия представлена наиболее богато. Большую группу антонимичных пар составляют антонимичные прилагательные, выражающие психологическое и физиологическое состояние, свойства характера, возрастные признаки людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т.2. - 1953.
2. Введенская Л.А. О взаимодействии антонимии и. синонимии // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. - Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1968. - С. 59-75.
3. Тихонов А.Н., Саидова С.М. Русская антонимия. – Уфа 2000.
4. Характер человека- его черты и качества // psylogik.ru
5. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. - М., 1972.
6. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского /ламутского/ языка. - Ленинград 1947.

© Садовникова Ия Ивановна (Sadovnikova79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Сибирское отделение Российской академии наук

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.31

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

CULTURAL CONCEPT AS A UNIVERSAL AND CULTURAL AND NATIONAL VALUE

L. Samsitova

Summary: The article considers the cultural concept as a universal and cultural-national value. It is noted that the content of the concept as a unit of the linguistic picture of the world is always nationally specific, i.e. it reflects the peculiarities of the culture and worldview of a particular linguistic and cultural community, and therefore the study of any concept is valuable for the reconstruction of the linguistic picture of the world. It is argued that the study of cultural concepts contributes to the identification of ethnic peculiarities of the style of thinking of the people as an image of culture, which is one of the aspects of spiritual culture. In conclusion, it is noted that the mentality of the people is reflected precisely through key cultural concepts, thanks to which it is possible to form an idea of the speakers of this linguistic culture about the world around them.

Keywords: linguoculturology, language, culture, concept, cultural concept, linguistic picture of the world.

Самситова Луиза Хамзиновна
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
luiza_sam@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается культурный концепт как общечеловеческая и культурно-национальная ценность. Отмечается, что содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично, т.е. отражает особенности культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности, а потому исследование любого концепта представляет ценность для реконструкции языковой картины мира. Утверждается, что исследование культурных концептов способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления народа как образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной культуры. В заключении отмечено, менталитет народа отражается именно через ключевые культурные концепты, благодаря которым можно составить представление носителей данной лингвокультуры об окружающем мире.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, концепт, культурный концепт, языковая картина мира.

В современной лингвистике слово рассматривается не только как лингвистическая категория, но и как концепт культуры. Содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично, т.е. отражает особенности культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности, а потому исследование любого концепта представляет ценность для реконструкции языковой картины мира.

Последовательное понимание истории становления понятия «культурный концепт» представлено Л.А. Микешиной [17]. Осмысление культурных концептов, выявляемых и анализируемых в различных «контекстах», позволяет понять не только своеобразие когнитивной структуры текста, но и «целое» – концептуальный смысл культуры» (Э. Ауэрбах). В данном случае речь идет о концептах, представляющих собой некие «словообразы», не «высыхающие» до абстрактных понятий, но обогащающиеся оттенками главного смысла в нарративе, живом повествовании. Поскольку такие концепты преисполнены конкретности, они по сути своей близки короткому, но емкому рассказу. В силу этого свойства концепты-словообразы представляют собой адекватную или наиболее подходящую форму для структурирования культурного знания и в целом этнокультурного сознания [1].

Авторы монографии «Иная ментальность отмечают, что с позиций лингвокультурологии их интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе. Когда речь идет об этнических и социальных разновидностях культуры, то единицами системы специфических форм поведения и деятельности, ценностно насыщенных паттернов мировосприятия, выступают культурные концепты. А культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры [9]. Очень важно то, что культура фиксируется в разных формах, среди которых для лингвистики релевантны языковое сознание и коммуникативное поведение, или язык и дискурс [13].

В каждой языковой картине мира существует совокупность семантически нагруженных слов (культурные концепты, ключевые слова), называющих узловые точки в картине мира. Культурная модель, порождающая соответствующие тексты, языковые стереотипы и новые значения, формирует состав словаря культурно-языковой картины мира [23]. Одной из первых работ в этом направлении является словарь Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры»[5, 6, 19], где автор полагает, что культурный концепт – это «основная ячейка культуры, отображение культуры в сознании человека, а так-

же то, посредством чего человек, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [22]. В данной книге автор постулирует наличие базовых концептов культуры – констант, число которых сравнительно невелико, раскрывает смысл каждого концепта по единому плану, включающему этимологии слов, словоупотребления и толкования слов и понятий, зафиксированные в разных текстах, доказывает объективность существования концептов.

В лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» [19] характеризуются феномены, репрезентирующие русское культурное пространство, где авторы рассматривают массовое сознание представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Ядром этого пространства является «национальная когнитивная база, понимаемая как определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для представителей данного сообщества» [19].

Культурные концепты также рассматриваются в работе Т.В. Евсюковой «Словарь культуры как проблема лингвокультурологии» [6], где отмечается, что словарь культуры представляет собой трехуровневое образование: ценности культуры (картина мира), концепты (концептуальная картина мира) и лексикон словаря культуры (языковая картина мира) [6].

Заслуживает внимания лингвокультурологический словарь Т.И. Кобяковой «Концепты духовности в русской языковой картине мира», изданный под редакцией профессора Л.Г. Саяховой [23]. Основная цель словаря – формирование лингвокультурологической компетенции учащихся на уроках русского языка и литературы на основе концептов, входящих в духовную сферу русского народа и связывающих личность с культурно-историческим наследием нации. В словарь включены базисные концепты, которые представляют совокупность лексических единиц, отражающих не только своеобразие культуры и истории, но и психологию народа.

В своей книге «Основы изучения языкового менталитета» [18] Т.Б. Радбиль отмечает, что «культурные концепты выступают в качестве основных единиц ценностной сферы языкового менталитета, организующих и направляющих народное самосознание в процессе духовного освоения мира. Их можно делить на разные группы в зависимости от сферы отражаемого в них ценностного содержания» [18]. Автором рассматриваются такие русские культурные концепты как *дух / душа, разум / ум, истина / правда, свобода / воля, совесть / стыд, совесть / сознание, судьба, вера, надежда, любовь, тоска*, английский культурный концепт *mind*, китайские культурные концепты *yin / yang* (“ин / ян»), японский культурный концепт *дружба* [18].

Приведенные словари свидетельствуют о том, что лингвокультурология вышла на уровень зрелости. В башкирском языке культурные концепты только начинают изучаться, но, тем не менее, труды имеются. Л.Х. Самситовой издан лингвокультурологический словарь «Концепты культуры в башкирской языковой картине мира» [20], которая является первой работой в систематизации культурных концептов башкирской языковой картины мира. В словарь включены 70 слов-концептов, которые распределены по 4 разделам, репрезентирующих модель «Человек»: I – быт, II – внутренний мир человека, III – интеллект, VI – отношения.

С онтологических позиций концепт рассматривается как форма бытия культурного феномена, а не как «специально-дисциплинарное, специально-предметное формообразование…» [11] или «первичные культурные образования, транслируемые в различные сферы бытия человека…» [18].

Г.Г. Слышкин определяет, «концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке»; его формирование – «процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с раннее усвоенными культурно-ценностными доминантами…» [21].

В.И. Карасик предлагает считать концепты «первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира» [11].

В.Г. Зусман определяет концепт как «микромодель культуры», а культуру как «макромодель концепта». Концепт порождает культуру и порождается ею [8].

Культурные концепты – имена абстрактных понятий, где культурная информация прикрепляется к понятийному ядру. Ключевые концепты культуры – ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. К ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные имена, как совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина и т.п. [16]. А.Я. Гуревич разделяет концепты на две группы: «космические», философские категории, которые он называет

универсальными категориями культуры (время, пространство, причина, изменение, движение), и социальные категории, так называемые культурные категории (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность) [16]. В.А. Маслова выделяет еще одну группу – категории национальной культуры (для русской культуры – воля, доля, соборность, интеллигентность и т.п.), а также культурно-специфические (картошка) [16].

Активное изучение культурных концептов связано с общей антропоцентрической направленностью научной парадигмы и способствует выявлению универсальных закономерностей отражения в наивной картине мира разных аспектов человеческого сознания. Культурные концепты «выполняют функцию своего рода посредников между человеком и той действительностью, в которой он живет» [2].

В лингвистике культурный концепт является основной единицей, интегрирующей в себе язык и культуру в их взаимопроникновении. Культурные концепты – имена абстрактных понятий, где культурная информация здесь прикрепляется к понятийному ядру. Ключевые культурные концепты – ядерные единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом (совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина и т.п.) [25].

Культурные концепты национальны. Как отмечает В.В. Красных, «национальный концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [14].

Как отмечает В.В. Воробьев, «незнание «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл текста как отражения культурного феномена» [5]. Культурное «приращение» слова, неразрывно связанное с его собственно языковым значением Г.А. Кажигалиева назвала культурологическим концептом, ибо чаще экстралингвистическая культурная часть содержания лингвокультуремы представляет собой сложную сеть ассоциаций, взаимосвязь различных ситуаций и реалий, имеющую свое серьезное и реальное обоснование, что в итоге данную культурологическую информацию с полным основанием можно определять в качестве концептуализированной культурологической информации [10].

Н.А. Красавский рассматривает концепт «как когнитивную структуру, погруженную в лингвокультурный контекст, то есть связанную с дискурсом» [12].

Н.Ф. Алефиренко, не соглашаясь с учеными, отмечает, что «лингвокультурный концепт лишен своего особого понятийного содержания. Первая часть сложного прилагательного лингво- оказывается терминологически избыточной. Возможно используя этот термин, пытаются подчеркнуть взаимосвязь концепта как когнитивной структуры с семантикой структуры слова. В таком намерении автора можно понять, однако и здесь трудно согласиться с толкованием лингвокультурных концептов как этнокультурных компонентов слова. Здесь, как нам представляется, не различаются единицы когнитивной и языковой семантики» [1].

По мнению Вежбицкой, концепт – это объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире "Действительность" [4].

Лингвокультурный анализ культурных концептов позволяет уточнить степень влияния языка на мировосприятие конкретного этноса. Исследование культурных концептов представляет собой способ моделирования национальной (в данном случае башкирской) языковой картины мира.

О.А. Леонтович подразделяет культурные концепты на этнокультурные, социокультурные и индивидуальные, выделяя культурные доминанты, – «наиболее значимые для данной лингвокультуры смыслы, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [15].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, культурные концепты не стоит рассматривать на уровне этнокультурных компонентов слова. Культурный концепт и национально-культурный компонент значения слова – взаимосвязанные, но не тождественные категории, как не тождественны понятие и языковое значение. В этом отношении наиболее явной оказывается взаимосвязь между культурными концептами и ключевыми словами [1].

Ключевые слова – это понятия и явления, особенно важные для отдельно взятой культуры. Для того чтобы ключевое слово культуры было признано концептом, необходимо, чтобы оно было общеупотребительным, частотным, входило в состав фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д. [7]. У каждого народа есть свои ключевые слова, например, русск. *Русь, береза, степь, дорога, земля,* башк. *намыҫ (совесть), тыйнаҡлыҡ (воспитанность), тоғролоҡ (преданность), тыуған ил (родина)* и др.

Исследование ключевых слов-концептов культуры может помочь выявить систему ценностей, установок и традиций, присущих разным культурам и народам.

Культурные концепты возникают только благодаря

предыдущему культурно-историческому опыту, который и порождает культурные концепты как конструкты особо сложной речемыслительной системы. В итоге визуальной и вербальной репрезентаций концептов образуется своего рода герменевтический круг в познании и понимании окружающего мира [1].

Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, поэтому их исследование становится актуальной проблемой. Особый интерес для лингвокультурологии представляет попытка выделить этнокультурную составляющую культурного концепта. Существует мнение, что даже универсальные, общечеловеческие концепты в разных языках вербализуются специфически (в зависимости от лингвистических, прагматических и культурологических факторов), где внимание акцентируется на том, что культурные концепты организуются в этномаркированные ассоциативно-смысловые сети. Для понимания этой проблемы необходимо рассмотреть проблему соотношения культурного концепта и смысла.

Формальной характеристикой культурного концепта, поддающейся статистическому учету, является так называемая "номинативная плотность" [11] – наличие в языке целого ряда одно- или разноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании [3, 11].

По мнению В.Н. Телия, концептуально-идеографический анализ культурных концептов включает следующие этапы: выявление всех языковых единиц (лексических, фразеологических и т.п.), используемых этносом для обозначения культурного концепта; параметризация концепта по частям; построение концептуального каркаса и наложение на него способов номинации концепта; выделение на основе «здравого смысла» таксономических сеток внутри каждого из параметров концепта и соотнесение базовой метафоры с культурным стереотипом этноса [24].

Синонимические средства, образующие план выражения лингвокультурного концепта, кластеризуются и упорядочиваются частотно и функционально. Внутри семантических гнезд выделяются концепты разного плана значимости, и здесь особый интерес для лингвокультурологического исследования представляют парные концепты – "семантические дублеты": "счастье – блаженство", "любовь – милость", "справедливость – правда", "свобода – воля", "честь – достоинство" и пр., где этноспецифическая маркированность закреплена преимущественно за вторыми членами пары [26].

В основу типологии лингвокультурных концептов может быть положен также уровень абстракции их имен: если имена от природных реалий к концептам никогда не отправляют, то имена предметных артефактов, обрастая этнокультурными коннотациями, в принципе могут образовывать «знаковое тело» культурного концепта [11].

«Однако культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, – делает вывод С. Воркачев, – в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания» [26].

Культурный концепт и смысл

Культурный концепт является единицей мысли, который служит ценностно-смысловой репрезентацией определенного коллективного опыта. Словами Н.Ф. Алефиренко, культурный концепт представляет собой внутреннюю репрезентацию обобщенного и определенным способом структурированного смыслового (эмпирического, опытного) содержания. Концепт, таким образом, является единицей мысли. Единицей же сознания служит языковое значение. Смысл – категория лингвокультурологическая, личностная, ситуативная; смысл подвижен и изменчив от эпохи к эпохе, от человека к человеку, от текста к тексту. Значение – категория общественная, стабильная, постоянная часть содержания языкового знака. Носителями же смысла являются не только языковые формы, но и другие составляющие речепорождающего процесса (мотив, коммуникативное намерение, замысел, внутреннее программирование – смысловое синтаксирование, субъектно-предикативно-объектные отношения и ситуация общения) [1].

В конце прошлого столетия в отечественной науке происходит четкое разделение концепта и понятия как ответ на насущную проблему понимания. Необходимость разведения терминов «понятие» и «концепт» стимулировалась их противоречивым отношением к значению слова. Согласно распространенной точке зрения, в качестве языкового значения многих лексических единиц считались понятия, в результате содержание языковых выражений и единиц трактовалось как «понятийное». В этом отношении оно мало подходило для описания культурно маркированных языковых единиц, которые вряд ли можно было бы охарактеризовать как понятия. Тогда же было выдвинуто предположение о том, что термин «концепт» надо трактовать расширительно, «подводя под это обозначение разнообразные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [27].

Сложность разграничения культурных концепов, понятий и представлений следует прежде всего искать в объективной "генетической" близости данных кате-

горий. Как показывает исследование механизмов порождения и функционирования культурного концепта в тексте (работы В.А. Масловой и др.), в индивидуальном сознании автора или читателя между культурными концептами, понятиями и представлениями могут происходить взаимные преобразования: субъективно воспринимаемые человеком как особо ценные, личностно значимые понятия и представления приобретают статус культурного концепта.

Исследование механизмов порождения и функционирования культурного концепта в дискурсе (тексте) показывает, что разряд концептов в индивидуальном сознании (авторском и читательском) переходят понятия и представления, в авторском и читательском восприятии обретающие особую культурно-смысловую ценность и в результате оказывающиеся личностно значимыми. Своеобразие индивидуальной (или, если речь идет о творческой личности, индивидуально-авторской) концептуальной картины мира во многом определяется тем, какие именно связанные со словом мысленные образы представлены в ней в виде концептов. В разряд концептов в индивидуальной концептуальной картине мира могут попасть самые разные понятия и представления.

Итак, главное свойство концепта – его амбивалентная структура. В отличие от концептов, понятиям и представлениям присуща моноаспектная структура. Причем понятия в составе концепта несут логическое содержание, а образные представления – оценочные и экспрессивно-образные смыслы, которые, как правило, не столько истинны, сколько художественны и основаны чаще всего на метафорических или метонимических переосмыслениях [1].

Таким образом, анализ языковых способов выражения национального менталитета, зафиксированных в культурных концептах, способствует более глубокому изучению системы мышления, которой обладают носители языка. Именно в культурных концептах выражается картина мира народа – система наиболее общих миропредставлений носителей данного языка. Язык в наибольшей степени выражает этнические особенности восприятия действительности. Исследование культурных концептов способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления народа как образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной культуры. Менталитет народа отражается именно через ключевые культурные концепты, благодаря которым можно составить представление носителей данной лингвокультуры об окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Текст]: учебн. пособ. / Н.Ф. Алефиренко.– М.: Флинта: Наука, 2010.– 288 с.
2. Арутюнова, Н.Д. О работе группы «Логический анализ языка». Институт языкознания РАН [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995.– М.: Индрик, 2003.– С. 11.
3. Бабаева, Е.В. Отражение ценностей культуры в языке [Текст] / Е.В Бабаева // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2.– Воронеж, 2002.– С. 25 – 34.
4. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ [Текст] / А. Вежбицкая.– Анн Арбор, 1985.– 200 с.
5. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) [Текст] / В.В. Воробьев.– М.: Изд-во РУДН, 1997.– 331 с.
6. Евсюкова, Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии [Текст] / Т.В. Евсюкова.– Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2001.– 168 с.
7. Зайнуллин, М.В. Общие проблемы лингвокультурологии [Текст]: курс лекций / М.В. Зайнуллин, Л.М. Зайнуллина.– Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.– 206 с.
8. Зусман, В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация [Текст]: учебн. пособ. / В.Г. Зусман.– Н. Новгород: Деком, 2001.– С. 38 – 53.
9. Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова.– М.: Гнозис, 2005.– 352 с.
10. Кажигалиева, Г.А. Культурологический аспект в работе над художественным текстом [Текст] / Г.А. Кажигалиева.– Алматы: Айкос, 2000.– 249.
11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик.– Волгоград: Перемена, 2002.– 477 с.
12. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст]: монография / Н.А. Красавский.– Волгоград: Перемена, 2001.– 495 с.
13. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных.– М.: Гнозис, 2002.– 284 с.
14. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных.– М., 2003.– 375 с.
15. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения [Текст] / О.А. Леонтович.– Волгоград: Перемена, 2002.– 435 с.
16. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст]: учебн. пособ. для студентов высших учебных заведений / В.А: Маслова.- 2-е изд., стереотип.– М.: Академия, 2004.– 208 с.
17. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы [Текст] / Л.А. Микешина.– М.: Прогресс-Традиция, 2002.– 624 с.
18. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета [Текст]: учебн. пособ. / Т.Б. Радбиль.– М.: Флинта: Наука, 2010.– 238 с.
19. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь [Текст] / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. Вып.1.– М.: Гнозис, 2004.– 315 с.
20. Самситова, Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира [Текст]: Монография / Л.Х.Самситова.– Уфа: Гилем, 2015.– 360 с.
21. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин.– М.: Academia, 2000.– 128 с.
22. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов.-2-е изд.– М.: Языки русской культуры, 2000.– 896 с.

23. Концепты духовности в русской языковой картине мира: (лингвокультурол. слов.) / Т.И. Кобякова ; под ред. Л.Г. Саяховой ; М-во образования Респ. Башкортостан, Башк. гос. ун-т. - Уфа, 2004 (Тип. ООО Штайм). - 158 с.
24. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия.– М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.– 288 с.
25. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация [Текст]: Учебн. пособ. / В.И. Токарев, Н.Ю. Фанян.– М: Гис, 2006.– 260 с.
26. 2Счастье как лингвокультурный концепт: монография / С.Г. Воркачев. - М. : Гнозис, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). - 236, [1] с. : табл
27. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 143.

© Самситова Луиза Хамзиновна (luiza_sam@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.32

РЕДУПЛИЦИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ДЕЕПРИЧАСТИЕМ НА -АН В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

REDUPLICATED CONSTRUCTIONS WITH THE ADVERBIAL PARTICIPLES, ENDING WITH –AN IN THE YAKUT LANGUAGE

E. Samsonova

Summary: The article is devoted to the consideration of structural and functional features of one of the most used reduplicated verb forms of the Yakut language – the adverbial participle ending with -an. The analysis of the factual material showed that the complete reduplication of these adverbs serves mainly to convey aspectual semantics and in some cases has a modal meaning. Partial reduplication is represented by two types of transformations – the addition of predicate affixes to the second component of the construction and the addition of emphatic length in the first component. Three varieties of combinations of the adverbial participle ending with -an with other verb forms formed from the same base have also been identified.

Keywords: Yakut language, reduplication, verb, converb, aspectuality, modality, construction.

Самсонова Екатерина Максимовна
кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)
samsonova_em@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению структурных и функциональных особенностей одного из наиболее используемых редуплицированных глагольных форм якутского языка – деепричастия на -ан. Анализ фактического материала показал, что полная редупликация указанных деепричастий служит преимущественно для передачи аспектуальной семантики и в единичных случаях обладает модальным значением. Частичная редупликация представлена двумя видами преобразований – присоединением аффиксов сказуемости ко второму компоненту конструкции и добавлением эмфатической долготы в первом компоненте. Выявлены также три разновидности сочетаний деепричастия на *-ан* с другими глагольными формами, образованными от одной и той основы.

Ключевые слова: якутский язык, редупликация, глагол, деепричастие, аспектуальность, модальность, конструкция.

Удвоение в якутском языковедении известно давно и довольно часто упоминается в различных грамматических описаниях. При этом большинство выделенных языковых явлений подпадают под традиционное определение редупликации (от позднелат. reduplicatio – удвоение), которое подразумевает под собой «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога или удвоении, повторении всей основы (корня), целого слова» [1, с. 408]. Так, первое упоминание данного явления встречается в классическом труде акад О.Н. Бетлингка «О языке якутов» (1851) [2] в виде отдельного раздела «Об удвоениях». Дальнейшее изучение редупликации в якутском языке связано с исследованиями тех или иных морфологических категорий и синтаксических конструкций в «Грамматике современного якутского литературного языка» (1982) [3], (1994) [4], работах Л.Н. Харитонова [5, 6], Е.И. Коркиной [7], Н.Е. Петрова [8] и др. При этом, несмотря на кажущуюся изученность, до сих пор отсутствуют специальные обобщающие исследования, имеются лишь отдельные статьи Е.И. Убрятовой [9], Г.Г. Торотоева [10], Нь.В. Ивановой [11].

Основной функцией удвоения и повторения основы в тюркских языках, как отмечает Е.И. Убрятова, является «усиление лексического значения основ и как следствие этого – выражение дополнительных грамматических значений: интенсив имен прилагательных, множественность, собирательность в именах существительных и т.п.» [9, с. 221]. Повторы глагола, по мнению исследователей-тюркологов, выражают характер протекания действия (Баскаков Н.А. [12], Ганиев Ф.А. [13], Кайдаров А.Т. [14] и др.). Так, Н.А. Баскаков впервые отметил, что редупликация деепричастий может участвовать в аспектуальной характеристике: «многократный вид глагола образуется также посредством повторения деепричастия данного глагола» [12, с. 362].

В якутском языке аспектуальной семантикой обладает полная редупликация деепричастий на *-ан* и *-а* (*-ыы*). Оба вида удвоения достаточно продуктивны, поскольку образуются практически от всех деепричастий указанной формы. В данной статье подробнее остановимся на особенностях функционирования полного и частичного повторения деепричастия на *-ан*, а также других редуплицированных конструкций с указанным деепричастием.

В якутском языке Л.Н. Харитонов первый подметил, что деепричастие на *-ан* может употребляться в удвоенном виде и выражает при этом «особую продолжительность или тщательность обозначаемого им действия» [5, с. 238]. Коркина Е.И. же определяет семантику деепричастий на *-ан*, употребленных в редуплицированным виде, как «продолжительность, многократность и интенсив-

ность действия» [7, с. 21]. Например, *кэтэһэн-кэтэһэн* ‘после долгого ожидания’ (букв. ожидая-ожидая) от *кэтэс-* ‘ждать, ожидать’, *хаһан-хаһан* ‘долго порывшись’ (букв. порывшись-порывшись) от *хас-* ‘рыться’, *көрдөөн-көрдөөн* (букв. поискав-поискав) ‘после настойчивых продолжительных поисков’ от *көрдөө-* ‘искать’ и т.п.

При этом реализация того или иного аспектуального значения в большинстве случаев зависит от семантики основы деепричастия. Так, с переходными предельными глаголами, например, глаголами физического воздействия на объект, созидательной деятельности, замены и т.п. внимание больше акцентируется на многократной, хоть и продолжительной, повторяемости действия:

(1) *Тал-ан-тал-ан тараҕай-га табылл-ыаҥ* (СЯПП, с. 141)

RED-выбирать-CVB$_{-ан}$ плешивый-DAT попадать-FUT-2SG

‘Слишком долго выбирая (букв. выбирая-выбирая, т. е. перебирая множество вариантов), попадешь на плешивого’.

Тогда как с непредельными глаголами, подразумевающими действие как процесс, например, группы разнонаправленного движения, интеллектуальной деятельности и т. п. больше раскрывается семантика длительности, с глаголами владения, состояния – интенсивности:

(2) *Мин кэтэһ-эн-кэтэһ-эн бу бултуй-д-ум* (ЯС, с. 41)

Я RED-ждать-CVB это добывать-PRET-1SG.

‘Я после долгого ожидания (букв. ожидая-ожидая) это добыла’.

(3) *Кистээ-(э)н-кистээ-(э)н ойуун-у ыҥыр-быт* (АА СК, с. 278)

RED-скрывать-CVB$_{-ан}$ шаман-ACC звать-PERF-3SG

‘Тщательно скрывая (букв. скрывая-скрывая, т.е. тайком) вызвал шамана’.

Полная редупликация деепричастий на *-ан* часто используется в сочетании с такой же деепричастной формой от вспомогательного глагола *бар-* и образует конструкцию «редуплицированное деепричастие на *-ан* + *баран*». Например:

(4) *Ат-ы хайҕаа-(а)н-хайҕаа-(а)н бар-ан, оҕус-ка атастаһ-ар* (АА СК, с. 115)

Конь-ACC RED-хвалить-CVB$_{-ан}$ AUX-CVB$_{-ан}$ бык-DAT обменять-PRES-3SG

‘Расхвалив коня, обменивает его на быка’.

Иногда подобные редуплицированные деепричастия входят в состав аналитической конструкции «редуплицированное деепричастие на *-ан* + вспомогательный глагол *кэбис-*» и обладают эмоциональной окраской, подчеркивающей предельный характер интенсивности действия:

(5) *Хайаҕ-ын түөрэ барыт-ын сиэ-н-сиэ-н кэбиһ-эр* (ЯС, с. 28)

Хайах-3SG.ACC совсем весь-3SG.ACC RED-есть-CVB$_{-ан}$ AUX-PRES-3SG

‘Хайах полностью весь съедает’.

В единичных случаях редуплицированные деепричастия на *-ан* могут выступать в качестве модального словосочетания. Например, *булан-булан* ‘надо же, тоже мне, ну и ну’ (букв. отыскав-отыскав) от предельного глагола *бул-* ‘отыскивать, обнаруживать’, по мнению исследователей, используется для выражения осуждения говорящего [4, с. 492] и всегда имеет оттенок негодования [8, с. 181]. Например:

(6) *Бул-ан-бул-ан, холобур оҥор-бут киһи-ҥ баар ээ!* (АС Дь, с. 154).

RED-отыскивать-CVB$_{-ан}$ пример делать-PCP.PERF человек-POSS.2SG есть PTCL

‘Надо же, нашел кого привести в пример!’.

Другое модальное сочетание *кэлэн-кэлэн* ‘в конце-концов’ (букв. пришедши-пришедши) от *кэл-* ‘приходить’ передает «оценку, согласно которой высказываемое действие считается совершенным в конце-концов» [8, с. 197]:

(7) *Кэл-эн-кэл-эн, оҕонньор эт-эр-э бүт-т-э* (НЗ КДУ, с. 261)

RED-приходить-CVB$_{-ан}$ старик сказать-PCP.IMPERF закончиться-PRET-3SG

‘В конце-концов, старик исчерпал все, что хотел сказать’.

Оба рассмотренных модальных словосочетания имеют ограниченное употребление и в предложении выступают как вводный член.

Помимо полной редупликации, деепричастия на *-ан* в составе редуплицированных конструкций могут подвергаться двум видам изменений:

1) наиболее часто встречается присоединение аффиксов сказуемости ко второму компоненту. Так, деепричастие на *-ан* может «выступать как в нулевой личной форме (в форме 3-го лица единственного числа), так и с личными аффиксами всех лиц и чисел при втором компоненте» [7, с. 21]. Например:

(8) *Айдаар-ан-айдаар-ам-мыт мунньах-пыт-ын дьэ атаар-д-ыбыт*

Шуметь-CVB$_{-ан}$-шуметь-CVB$_{-ан}$-1PL собрание-ACC. POSS.1PL наконец проводить-PRET-1PL

‘После таких шумных приготовлений мы, наконец, провели свое собрание’

2) для «большего подчеркивания аспектуальной семантики многократности, интенсивности или продолжительности действия» [7, с. 21] и придания редуплицированной форме «яркой эмоциональной окраски» [4, с. 210] в первом компоненте рассматриваемой редуплицированной конструкции используется эмфатическая долгота. То есть гласная первого деепричастия произно-

сится с долготой, что на письме обозначается удвоением соответствующей буквы:

(9) *Күл-ээн-күл-эн бар-ан эмискэ уоскуй-д-а*

RED-смеяться-CVB$_{-ан}$ AUX-CVB$_{-ан}$ внезапно успокоиться-PRET-3SG

'Вдоволь посмеявшись внезапно успокоился'.

Помимо рассмотренных случаев, в данной статье хотелось бы остановиться также на некоторых типах редупликаций, где деепричастия на *-ан* образуют разнообразные сочетания с другими деепричастиями, причастиями либо с личными глагольными формами, образованными от одной и той же глагольной основы:

1) одним из средств подчеркивания предельной интенсивности действия является конструкция, состоящая из деепричастия на *-ан* и деепричастия на *-аары* от одной глагольной основы и передающая значение 'к тому же, притом'. Например, *тутаары тутан* 'букв. построивши построив', *ыалдьаары ыалдьан* 'букв. заболевши заболев' и т. п.

(10) *Хаар... түһ-ээри түһ-эн, өлгөмнүк түс-т-э* (ББ У 1 152).

Снег падать-CVB$_{-аары}$ падать-CVB$_{-ан}$ обильно падать-PRET-3SG

'Снег выпал (букв. выпавши выпав), притом обильно выпал'.

Отличительной особенностью данной конструкции является то, что такое сочетание обычно образуется от основы глагола, использованного в качестве сказуемого, и чаще всего выступает как вводное.

Одно из подобных сочетаний *буолаары буолан* (букв. ставши став) со значением 'притом еще; к тому же', образованное от бытийного глагола *буол* 'быть, являться, становиться', отличается от других выраженной модальной семантикой со множеством оттенков почеркивания: 1) особого превосходства качества предмета речи; 2) результатов, превосходящих ожидания; 3) нежелательности высказываемой мысли; 4) ее необычности, неожиданности; 5) ее недопустимости и несовместимости в данной ситуации [8, с. 80-81].

(11) *Хаар түһ-эн бар-д-а. Буол-аары буол-ан, олус хойуу хаар* (ЛП МС, с. 203)

Снег падать-CVB$_{-ан}$ начать-PRET-3SG. Быть-CVB$_{-аары}$ быть-CVB$_{-ан}$ очень густой снег.

'Начал падать снег. Притом еще очень густой снег'

Отличительной чертой данного сочетания является то, что *буолаары буолан* всегда имеет оттенок значения присоединительного союза, так как передает субъективное присоединение высказываемой мысли к предшествующей в целях дополнительного раскрытия, уточнения, подчеркивания содержания.

2) для выражения высшего предела интенсивности передаваемого действия, полноты и силы признака используется конструкция с деепричастием на *-ан* в сочетании с причастием будущего времени на *-ыах* от той же глагольной основы в форме орудного падежа. Например: *кыыһырыаххынан кыыһыран* 'крайне рассердившись', *тулуйуохтарынан тулуйан* 'терпя, как только могут' и т.п.

(12) *Ыстапаан утуй-аары токулл-уоҕ-унан-токулл-ан сып-пыт-а* (ИН Ы, с. 16)

Степан спать-CVB$_{-аары}$ согнуться-PCP.FUT-INS.3SG согнуться-CVB$_{-ан}$ лежать-NPST-3SG

'Степан, приготовившись спать, лежал, скрючившись'.

3) значение постепенного нарастания признака и усиления действия, названного сказуемым, передается при помощи конструкции «глагол в форме условного наклонения на *-тар* + деепричастие на *-ан*», от одной и той же глагольной основы. Например, *чэпчээтэр чэпчээн* 'постепенно легчая', *хойуннар хойдон* 'постепенно сгущаясь' и т. п.

(13) *Ыскаатар-га тохт-убут уу, кытыы диэки халыйдар-халый-ан, муоста-ҕа чарылаа-т-а* (СД СТТ, с. 6)

Скатерь-DAT пролить-PCP.PST вода край POST стекать-COND стекать- CVB$_{-ан}$ пол-DAT струиться-PRET-3SG

'Пролившаяся на скатерть вода, все стекая и стекая к краю стола, тонкой струйкой полилась на пол'.

Рассматриваемая конструкция в сочетании со служебным глаголом *ис-* 'продолжать' может выступать в роли конечного сказуемого. Например:

(14) *Делегат-тар киир-дэр-киир-эн ис-т-илэр* (АА ПУо, с. 341)

Делегат-PL заходить-COND заходить-CVB$_{-ан}$ AUX-PRET-3PL

'Делегаты стали заходить друг за другом'.

Таким образом, в якутском языке семантика редуплицированных деепричастий на *-ан* охватывает широкий круг аспектуальных значений (многократности, длительности и интенсивности), преимущественная реализация одного из которых находится в прямой зависимости от лексической характеристики глагольной основы. Отличительной особенностью функционирования рассматриваемых редуплицированных форм является то, что они подвержены двум видам изменений – присоединение аффиксов сказуемости ко второму компоненту и использование эмфатической долготы в первом компоненте для подчеркивания той или иной аспектуальной семантики. Однако, несмотря на очевидное преобладание аспектуальной семантики у указанных форм, встречаются единичные случаи, когда полная редупликация данного деепричастия образует устойчивое модальное сочетание (*булан-булан, кэлэн-кэлэн*). Помимо полного удвоения, деепричастие на *-ан* входит в состав других различных редуплицированных конструкций в качестве второго компонента. В роли первого компонента данных сочетаний выступают деепричастие на *-аары*, причастие

будущего времени в форме орудного падежа и глагол в форме условного наклонения.

Условные обозначения грамматических значений:

ACC – винительный падеж, AUX – вспомогательный глагол, COND – условное наклонение, CVB – деепричастие, DAT – дательный падеж, FUT – будущее время, IMPERF – прошедшее незаконченное время, INS – орудный падеж, NPST – преждепрошедшее повествовательное время, PCP – причастие, PERF – прошедшее результативное время, PL – множественное число, POSS – принадлежность, POST – послелог, PRES – настояще-будущее время, PRET – недавнопрошедшее время, PTCL – частица, RED – редупликатив, SG – единственное число, 1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо.

Источники:

АА СК – Мординов Н/Е. – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм (Весенняя пора): роман. – Якутск: Бичик, 1994.

АА ТА – Мординов Н.Е. – Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения). Т.2. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1956.

АС Дь – Сыромятникова А.С. Дьүөгэлиилэр (Подруги): повесть. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1961.

ИН СК – Никифоров И.П. Сүрэх кэпсиир (Сердце говорит): повести. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1974.

ЛП МС – Попов Л.Мэйи сирэ (Земля Мэйи): роман. Кн.2. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1978.

НЗ КДУ – Заболоцкий Н.М. – Чысхаан. Мааппа (Марфа): повести, рассказы. – Якутск: Бичик, 2003.

СД СТТ – Данилов Софр. П. Сүрэх тэбэрин тухары (Пока бьется сердце): роман. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1967.

СЯПП – Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / Сост. Н.В. Емельянов. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965.

ЯС – Якутские сказки = Саха остуоруйалара. – Якутск: Бичик, 1994.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2002. – 707 с.
2. Бетлингк, О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. Рассадин В. И. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 646 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология. – М: Изд-во «Наука», 1982. – 496 с.
4. Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.
5. Харитонов, Л.Н. Современный якутский язык. Ч.1. Фонетика и морфология. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 312 с.
6. Харитонов, Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – 189 с.
7. Коркина, Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 204 с.
8. Петров, Н.Е. Модальные сочетания в якутском языке. – М.: Наука, 1988. – 280 с.
9. Убрятова, Е.И. Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 211-222;
10. Торотоев, Г.Г. Хатылаан этии халыыптарын туттуу // Ийэ тылбыт этигэн кэрэтэ. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – С.30-34.
11. Иванова, Нь.В. Хоҥуласпыт тылы туттуу // Ийэ тылбыт этигэн кэрэтэ. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – С.25-30.
12. Баскаков, Н.А. Каракалпакский язык. Т. II. Ч.1. – М.: АН СССР, 1952. – 542 с.
13. Ганиев, Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 180 с.
14. Кайдаров, А.Т. Парные слова в современном уйгурском языке. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – 168 с.

© Самсонова Екатерина Максимовна (samsonova_em@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.33

КАВКАЗСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ГИПОТЕЗА?

CAUCASIAN LANGUAGE UNION: REALITY OR HYPOTHESIS?

E. Sattsaev

Summary: The article deals with the problem of the language union it highlights the issue of the existence of the Caucasian language union, which some linguists single out based on the existence of aboriginal Caucasian languages in these territories, which reveal kinship through their genesis. As part of the work, Iranian, Ossetian and Turkic languages, Abkhaz-Adyghe languages, Armenian, Nakh-Dagestan languages, as well as Kartvelian languages are analyzed. As a result of the study, less studied, from a linguistic point of view, aspects in these languages are identified, some pseudoscientific research of researchers is questioned, and a circle of factors indicating that the Caucasian language union has not developed has been outlined.

Keywords: language union, language family, aboriginal languages, Iranian languages, Turkic languages, Armenian, Kartvelian languages, Nakh-Dagestan languages, Abkhaz-Adyghe languages, theory of «Japhetic» languages, comparative studies, typology, abruptives, substratum, allogeneic relationship.

Сатцаев Эльбрус Батрбекович
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
zarina_hanifa@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема языкового союза, в частности освещается вопрос существования кавказского языкового союза, который некоторые лингвисты выделяют на основании бытования на данных территориях аборигенных кавказских языков, обнаруживающих родственность посредством их генезиса. В рамках работы подвергаются анализу иранские, осетинские и тюркские языки, абхазо-адыгские языки, армянский, нахско-дагестанские языки, а также картвельские языки. В результате исследования обозначаются менее изученные, с лингвистической точки зрения, аспекты в названных языков, подвергаются сомнению некоторые псевдонаучные изыскания исследователей, очерчивает круг факторов, свидетельствующих о том, что кавказский языковой союз не сложился.

Ключевые слова: языковой союз, языковая семья, аборигенные языки, иранские языки, тюркские языки, армянский язык, картвельские языки, нахско-дагестанские языки, абхазо-адыгские языки, теория «яфетических» языков, компаративистика, типология, абруптивы, субстрат, аллогеническое родство.

Языковой союз – это результат длительного взаимодействия языков, когда между ними возникают значительные заимствования либо из какого-то одного языка, или же эти заимствования являются встречными контактирующих языков.

Языковой союз является реальной общностью, и она характеризуется совокупностью сходных структурных и материальных признаков на разных уровнях языковой системы – синтаксиса, морфологии, фонетики, стилистики, а также общностью в лексике и фразеологии.

Комплексность всех языковых характеристик контактирующих языков и является сутью для постулирования языкового союза [1,8-18].

Языковой союз не следует путать с языковой семьей. Языковой союз возникает как между родственными, так и между неродственными языками на смежных территориях.

Количество языков, которые могут входить в языковой союз, разное. Ученые различают следующие языковые союзы: балканский, поволжский, центрально-азиатский (гималайский) и другие [2,152-154].

По мнению некоторых ученых-лингвистов на Кавказе существует кавказский языковой союз. На Кавказе число языков на ограниченном по площади регионе более пятидесяти. Языковеды называют Кавказ «лингвистическим мешком». Таких мест в мире не много и они приурочены к горным регионам, где сохраняются мелкие языки [2,148-152].

Сами природные условия препятствуют сближению языков. Языки сохраняются и не сводятся к одному, либо другим языкам-победителям. Кавказские горы создали прекрасные условия для формирования «лингвистического мешка».

Ученые различают на Кавказе аборигенные кавказские языки [1,276-311]. Кроме них, в этом регионе, бытуют языки, которые, якобы, появились здесь позже. Это армянский, тюркские, иранские, греческий, славянский и другие.

Армянский родственный мертвому фригийскому языку [1,170-205]. Осетинский же является потомком скифского языка [3,305-309]. Тюркские языки являются потомками кочевых тюркских племен [2,36-62]. Антропологически, эти все народы мало отличаются от других народов Кавказа.

Проникновение «пришлых» языков на Кавказ хо-

рошо прослеживается историками и лингвистами. Вопрос же аборигенности кавказских языков до сих пор остается спорным и сложным. Большой интерес представляет и этнография, и история этих народов. Самих кавказских аборигенных языков около сорока. Большинство этих языков имеют значительное число диалектов и говоров.

Кавказские языки делятся на три большие группы: картвельскую, абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую [2,150-152].

Картвельская группа состоит из четырех языков: грузинский, мегрельский, чанский и сванский. Картвелистика значительно опережает научные исследования Северо-Кавказских языков.

Глубоко разработана сравнительная фонетика картвельских языков.

Немало сделано и в сфере этимологической разработки картвельского корнеслова.

Есть работа, которая разрабатывает исконный словарь и заимствованную лексику (Андроникашвили М., Шанидзе А.). Наличествуют материалы, где показана картина развития словообразований в картвельских языках.

В картвельских языках долго стоял вопрос о сванском языке. Он, в прошлом, иногда рассматривался не как полноправный член картвельской общности, и он, якобы, является порождением смешения или скрещивания картвельского и абхазо-адыгского компонентов. Ныне, сванский рассматривается в качестве полноправного члена картвельских языков, при этом весьма интересный для их сравнительной грамматики, который сохранил множество архаизмов. Со временем удельный вес сванского материала в исследовании картвельских языков будет и далее возрастать [4].

Ранее говорили, что лингвисты различают четыре картвельских языка (многие исследователи объединяют мегрельский и лазский в единый занский язык). Взаимные расхождения этих языков заметны. По мнению ученых-лингвистов и историков, распад картвельского проязыка начался около четырех тысяч лет назад и завершился в 8 веке до н.э. Научный лингвистический анализ показывает, что, например, современный мегрельский язык гораздо дальше от грузинского, чем осетинский и персидский, не говоря о других иранских языках, близость которых осознается даже нелингвистами.

Относительная бедность хронологической глубины картвельских языков немало осложняет исследование их внешних связей.

Нахско-дагестанская (восточная) группа – самая многочисленная по количеству языков. Дагестанские языки, несмотря на огромное разнообразие их грамматических особенностей, лингвистами считаются родственными [5,22-32]. Сложнее обстоит родственность дагестанских и нахских языков. Часть лингвистов выделяют нахские языки в качестве самостоятельной группы кавказских языков. Нахскими являются следующие языки: чеченский, ингушский, бацбийский.

Первые попытки осмысления генетических связей нахско-дагестанских языков относятся к XIX веку.

В 50-ых годах появляется значительное количество публикаций. Они охватывают фонетику и морфологию нахско-дагестанских языков. Среди этих публикаций есть работы обобщающего характера. Авторами большинства этих публикаций явились ученые тбилисской школы кавказоведения.

Заметный вклад в изучение дагестанских языков внесли и дагестанские языковеды.

Над вопросами нахско-дагестанской компаративистики работали и работают и московские ученые.

Принятая большинством кавказоведов классификация нахско-дагестанских языков дает следующие группы (таблица 1):

Таблица 1.

Классификация нахско-дагестанских языков

1. Нахские языки:
а) Вайнахские: чеченский, ингушский
б) Бацбийский

2. Дагестанские языки:
1) Аваро-андо-цезские:
А. авароандийские:
а) Аварский
б) Андийские: андийский, ботлихский, годоберинский, ахвахский, каратинский, багвалинский, чамалинский, тиндинский
В. Цезские: цезский, гинухский, хваршинский, гунзибский, бежтинский

2) Лакский
3) Даргинский
4) Лезгинские: лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, удинский, хиналугский

Ученые отмечают и большую генетическую близость отдельных языков внутри вышеперечисленных групп, но есть и случаи, когда диалекты внутри одного языка настолько различны, что некоторые из них могут быть выделены в качестве самостоятельных языков. Напри-

мер, кубачинский диалект даргинского может считаться отдельным языком [5,98-114].

Определенные успехи проблем нахско-дагестанской компаративистики очевидны. Однако есть факторы, которые отрицательно отражаются на исследованиях в этой области. Многие работы игнорируют основные принципы сравнительно-генетических исследований.

Многие исходят из регулярных звукосоответствий, часто подменяемые принципом фонетического сходства. Например, в Ингушетии есть ученые, которые выводят вайнахские корни из шумерского или семитского [6,48-95].

Сложность внутренней реконструкции для нахско-дагестанских языков связана и с тем, что письменной фиксации более раннего состояния этих языков не имеется.

К сожалению, не полностью описана еще и лексика, и морфология многих дагестанских языков. Остаются неизвестными многие языковые факты, способствующие решению многих проблем нахско-дагестанской компаративистики [5,45-523].

В абхазо-адыгскую группу (западную) входят следующие языки: абхазский, абазинский, кабардинский (черкесский), адыгейский и убыхский [7]. Сравнительно-историческое изучение западно-кавказских (абхазо-адыгских языков) не имеет богатой традиции. Тем не менее, к настоящему времени проведена значительная работа по изучению фонетики, морфологии, лексики западно-кавказских языков.

На данном этапе изучения абхазо-адыгских языков не стоит выходить за переделы этих языков. Фонетические и лексические сопоставления западно-кавказских языков с другими кавказскими языками часто натянуты и сомнительны.

Сравнения генетического плана не могут быть надежными и убедительными, если они строятся без учета правил реконструкции.

На наш взгляд, сопоставления могут быть типологическими. Типологические критерии не должны заменять генетические. Но они могут дополнять и расширять изучение общих тенденций развития отдельных языков. Это особенно важно для анализа языков, не имеющих древних письменных памятников. К сожалению, у нас нет исходного проязыкового состояния для западно-кавказских языков, как и восточно-кавказских. Западно-кавказские языки выделяются в лингвистике обилием согласных звуков (до восьмидесяти) и малым числом гласных.

Ученые давно обратили внимание, что аборигенные языки Кавказа значительно отличаются от известных им языков Европы и Азии. В результате, в конце девятнадцатого века, известный лингвист Н.Я. Марр выдвинул теорию о существовании особой третьей ветви в семье семито-хамитских языков, названным им «яфетическим».

Все языки Кавказа в структуре близки друг другу. В них большое число особых согласных. Среди них особенно выделяются абруптивы, которых нет в других языках. В лексике всех языков Кавказа некоторое число общих слов, что может быть результатом контакта языков, а не следами древнего родства.

Народы Кавказа тысячелетиями жили в тесном соседстве друг с другом. Они могли выработать общие черты, которые дают основание обозначать эти черты как «кавказский языковой союз». Теорию «яфетических» языков Н.Я. Марр развил до поистине гигантских размеров. В число «яфетических» языков им были включены: шумерский, этрусский, баскский, бурушаски и другие. В конце концов, яфетидами им были объявлены также палеоазиатские языки, и даже языки индейцев Америки.

В 1924г. Н.Я. Марр все языки Мира объявил яфетическими. И по мнению Марра, термин «яфетид» указывает не родство, а особую древнейшую стадию развития ее и эту стадию должен проходить любой язык Мира.

Так появилось ложное, на наш взгляд, мнение о языке, где перечеркивались все достижения сравнительного языкознания, а древние связи языков подменялись анализом по элементам. Во всех языках мира Н.Я. Марр вывел четыре элемента: сал, бер, йон и рош [2,154-156].

Это новое учение о языке было подвергнуто серьезной критике. Между прочим, и в Осетии очень много псевдоученых, которые придерживаются аналогичных взглядов. Эти ученые мало разбираются в лингвистике и этимологии слова.

В этимологическом плане три группы, так называемых, исконно-кавказских языков, могут быть неродственными. Родственность языков одной группы более или менее доказуема. Среди них палемичным могут оказаться нахско-дагестанская группа, родственность которых нуждается в дополнительных исследованиях.

Когда речь заходит о родстве языков, которые отделились один от другого восемь тысяч лет назад, критерии родства здесь неприменимы. Мы привыкли к анализу индоевропейских языков, распад которых произошел не так давно и мы можем легко выяснить этимологию лексемы. Тем более, у нас в наличии изобилие древних памятников на индоевропейских языках. Это хеттские

документы, санскрит, язык Авесты, древнегреческий язык, латынь и другие языки.

Индоевропейская мерка родства для кавказских языков малоподходящая.

Что касается осетинского языка, то здесь также нужен особый подход. Предки осетин – скифы, освоили равнинную часть Северного Кавказа очень давно. История не знает, кто населял равнинную часть Северного Кавказа до скифов. Скорее всего, этот регион также населяли такие же неизвестные нам ираноязычные племена. Какая-то часть иранских племен внедрилась в горный регион, где сейчас живут современные осетины (Северная и Южная Осетии). Мы до сих пор не можем выяснить какой этнос или этносы подверглись ассимиляции со стороны ираноязычных племен. Стоит вопрос, на каком языке разговаривали ассимилированные группы [8]? Существуют разные мнению по поводу этой проблемы. По мнению Н.Я. Марра, в формирование осетинского языка значительный вклад внесли аборигенные племена, и это влияние ученые обозначили как субстрат. Впоследствии этот тезис развил крупнейший иранист-осетиновед двадцатого века – В.И. Абаев. Однако, сравнительный анализ осетинского и других иранских языков, особенно мертвых, показывает что в осетинском языке мы не находим особого влияния этого субстрата на грамматику и лексику. Осетинская грамматика развивалась по своим законам без особого влияния соседних языков. На наш взгляд, наибольшее влияние на осетинскую грамматику оказывал грузинский язык, в частности на осетинскую фонетику. Грузинская фонетика во многом совпадает с фонетикой осетинского языка. Фонетика же остальных, соседних кавказских языков, значительно отличается от фонетики осетинского языка [9,95-122].

Что касается грамматики осетинского языка, на наш взгляд, она формировалась по внутренним законам самого осетинского языка, и носит иранский характер [10].

Последние десятилетия, в научный оборот были введены материалы мертвых языков, а также лингвистический материал по малочисленным иранским народам, которые являются носителями иранских языков и диалектов. Сравнительный анализ этого материала показывает, что многие грамматический особенности осетинского языка во многом идентичны с этими языкам [3; 9].

Ранее ученые предполагали, что эти особенности восходят к субстрату. К сожалению, мы ничего не знаем о языке кобанских племен, жившим на этой территории до осетин. До нас не дошло ни одного слова на языке «кобанцев». Сравнительный анализ осетинского языка с окружающими, так называемыми, кавказскими языками, показывает что грамматика осетинского языка не находит особой близости с грамматиками этих языков. Количество аборигенных кавказских языков доходит до сорока. К тому же, эти языки значительно отличаются друг от друга и у ученых в руках весьма солидный размах для сравнительного анализа. В результате, многие особенности осетинской грамматики могут совпасть с особенностями кавказских языков, хотя бы чисто типологически.

При наличии значительных структурных расхождений между кавказскими языками, в них выявляются некоторые параллелизмы. На данном этапе исследованности кавказских языков, утверждение об их генетическом единстве невозможно обосновать.

Кавказские языки, в плане этимологии, мало исследованы. Это касается даже грузинского языка, при наличии высококлассных лингвистов Грузии. На наш взгляд, отсутствие этимологического словаря грузинского языка связано с политизированным подходом руководителей этой республики к этой проблеме.

Кавказские языки обладают общими чертами в области формальной типологии. Эти языки характеризуются ограниченностью вокального инвентаря, и богатством консонантной системы. В словоизменении и словообразовании кавказских языков наличествует префиксальный строй, наряду с суффиксальным.

Агглютинативный тип словообразования преобладает над флективным. Ряд аналогий в этих языках обнаруживается также в порядке слов в предложении. Это – глагольное сказуемое тяготеет к концу предложения, определение стоит перед определяемым словом и т. д.

По мнению ряда ученых-лингвистов, картвельские языки, в формально-типологическом плане, ближе к абхазо-адыгским. Обнаруживаются некоторые лексические параллели этих языков. Однако, эти параллели могут быть аллогеническими (приобретенным).

Все кавказские языки обладают эргативным строем, хотя в нахско-дагестанских языках он не совсем последователен. В наиболее классическом виде эргативный строй наблюдается в картвельских языках, в частности в грузинском [4].

Очень слабо исследованы реальные взаимоотношения кавказских языков. Мнение о наличии так называемого кавказского языкового союза нуждается в научном подтверждении. Близость на уровне семейного родства во многом налицо. Например, родство абхазо-адыгских языков ощущается даже людьми, которые далеки от филологии. Родство картвельских языков более удаленное. Как мы до этого говорили, распад картвельских языков произошел более четырех тысяч лет назад. Тем не менее, родство легко обнаруживается. Близость картвельских

языков объясняется и тем, что основной картвельский язык – грузинский, получил литературную форму еще в пятом веке и он значительно повлиял на другие картвельские языки. Другие картвельские языки до сих пор являются бесписьменными и не имеют литературных вариантов. Гораздо сложнее обстоит дело в нахско-дагестанскими языками, которых насчитывается около тридцати. Нахско-дагестанские языки распадаются на пять или шесть подгрупп. Близость нахских языков – ингушского, чеченского и бацбийского ощущается даже не филологами.

Сложнее обстоит дело с дагестанскими языками. По мнению большинства ученых, они формировались на исторической дагестанской территории в результате многовекового развития и, якобы, происходят от одного проязыка, который существовал очень давно и потомки этого языка далеко отошли друг от друга.

Общность происхождения и родство дагестанских языков, проявляется на всех языковых уровнях – фонетики, морфологии, синтаксисе и словарном составе. Однако, они не в одинаковой степени близки друг другу. Тем не менее, мы можем обозначить на данной территории дагестанский языковой союз, куда входят и некавказские языки.

Что касается всего кавказского региона, то мы не прослеживаем наличия единого языкового союза, который бы охватывал хотя бы большую часть этого языкового региона.

Среди генетически родственных языков и диалектов, одни могут составить зону консервации, другие зону инноваций. К сожалению, мы не можем остановиться на каком-то языке и диалекте, который мог сохранить консервативную модель, так как у нас нет ориентира.

Другое дело, что у нас есть в наличии ориентир в виде древнего памятника. Например, дигорский диалект осетинского языка в фонетическом плане лучше сохраняет архаичные варианты древнеиранских языков. У нас в наличии авестийский язык, древнеперсидский язык, скифская ономастика, аланские слова и фразы, а также целый ряд мертвых иранских языков, которые считаются близко родственными. Близость этих языков констатировали и древние авторы. Таким путем, мы можем сделать вывод, что дигорский вариант осетинского языка более архаичен, по сравнению с иронским, так как сохранил древние варианты фонетики.

Что касается западно-кавказских и восточно-кавказских языков, у нас нет исходного промежуточного состояния и даже каких-либо свидетельств древних авторов, которые бы указывали близость этих языков к известным древней науке языкам (агванская эпиграфика не может оказать существенную помощь в этом деле).

Что касается осетинского языка, мы можем констатировать особую близость к грузинскому языку. В крайнем случае, фонетики обоих языков аналогичны. Однако, более близкие совпадения обоих языков нуждаются в дополнительных исследованиях.

Таким образом, по мнению некоторых ученых-лингвистов, на Кавказе существует кавказский языковой союз. Ученые различают на Кавказе аборигенные кавказские языки. Кроме того, там бытуют армянский, тюркские, иранские, греческий, славянские и др. Самих кавказских аборигенных языков около сорока. Эти языки делятся на две большие группы: картвельскую, абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую. Картвельская группа состоит из четырех языков: грузинский, мегрельский, чанский и сванский. Распад картвельского праязыка начался четыре тысячи лет тому назад и картвельские языки значительно отошли друг от друга. Нахско-дагестанская группа самая многочисленная по количеству языков. Факт генетической близости дагестанских языков бесспорен. Однако, многие дагестанские языки очень отошли друг от друга. Еще дальше отошли от них нахские языки. В абхазо-адыгскую группу входят адхазский, абазинский, адыгейский и убыхский. Близость этих языков легко ощущается даже не специалистами. Формирование других языков Кавказа (иранских, тюркских, армянского и других) в научном плане глубоко исследовано. Народы Кавказа тысячелетиями жили в тесном соседстве друг с другом. Симптоматично, что они могли выработать общие черты, но, на наш взгляд, эти черты не могут быть обозначены как «кавказский языковой союз». Среди языков Кавказа особенно выделяется осетинский язык, глоттогенез которого имеет много спорных моментов. Этот язык очень давно отделился от других иранских языков и автономно развивался вне существенного влияния других иранских языков. Он не мог не ощущать влияния соседних языков Кавказа. На наш взгляд, на осетинский более-менее повлиял грузинский, в основном на фонетику. Следует констатировать, что некоторая относительная близость между отдельными языками Кавказа восходит к этногенезу этих народов. Проблема кавказского субстрата в осетинском, по нашему мнению, нуждается в дальнейших глубоких исследованиях. Наличие общего лексического фонда языков Кавказа связано с культуронесущей ролью персидского, арабского и тюркского языков. Языковой союз, как правило, дополняется сходством в фольклоре, прикладном искусстве, одежде, типе построек и многим другим, которые при значительном сходстве все же носят и значительные локальные различия. В результате всех этих факторов можно сделать вывод о том, В общем, в Кавказском регионе языковой союз не сложился и родственность языков Кавказа, как правило, основана на их генезисе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981.
2. Кондрашов А.М. Земля людей – земля языков. М.: «Детская литература», 1974.
3. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М.: Наука, 1988.
4. Шанидзе А. Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1973.
5. Языки Дагестана. Махачкала-Москва, 2000
6. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа: с Древнейших времен до конца XIX века. Магас. «Сердало», 2002.
7. Кумахов М.А., Шагиров А.К. Абхао-адыгские языки в кн.: «Языки Азии и Африки», М.: 1979.
8. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
9. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград, 1949.
10. Миллер Вс.Ф. Язык осетин. Москва-Ленинград, 1962.

© Сатцаев Эльбрус Батрбекович (zarina_hanifa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Владикавказ

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.37

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКЕ

Файзуллина Найля Ивановна
доктор филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет
nelya7@mail.ru
Сюй Жун
Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
xurongsss8@gmail.com

Аннотация: Представленная работа посвящена анализу образного содержания одного из древнейших и вместе с тем сложных для изучения жанру – народной загадке. Анализу подвергается описательная часть денотата, в рамках которой возможен ввод второй номинации загаданного предмета или же его иносказательное представление. Иносказательность, как правило, реализуется посредством включения метафоры в контекст. Следует подчеркнуть, что в народной загадке функционирование метафоры существенным образом отличается от функционирования метафоры в художественном тексте. В статье рассматривается роль антропоморфной метафоры в тексте русской народной загадки. Авторами приводятся психологические основания того, что неживой предмет часто описывается как одушевленный под общим влиянием восприятия окружающего мира как одушевленного. При детальном рассмотрении описательной части загадки авторы приходят к выводу, что часто метафора, реализуемая посредством глагола трансформируется в средство указания на наличие предмета в каком-либо месте или активизации в строго установленное время. Кроме того, часто при помощи антропоморфной метафоры подчеркивается взаимодействие нескольких предметов, причем взаимодействие может быть как активным, то есть предполагающим действительное выполнение действий, или же номинальным, что предполагает лишь близкое нахождение двух загаданных предметов. Включение антропоморфной метафоры позволяет внести в описание отношения иерархии: это ярко иллюстрируют загадки и дыме и огне, где благодаря вторичной номинации денотатов достигается нарушение логики фиксации событий. В целом авторы подчеркивают, что антропоморфная метафора в рамках загадки развивает новый ракурс своей реализации, что целиком и полностью определяется задачами жанра.

Ключевые слова: фольклор, народна загадка, денотат, метафора, антропоморфизм.

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE RUSSIAN FOLK RIDDLE

N. Fayzullina
Xu Rong

Summary: The presented work is devoted to the analysis of the figurative content of one of the oldest and at the same time difficult to study genre – folk riddle. The descriptive part of the denotation is analyzed, within which it is possible to enter the second nomination of the hidden object or its allegorical representation. Allegory, as a rule, is realized by including a metaphor in the context. It should be emphasized that in a folk riddle, the functioning of a metaphor differs significantly from the functioning of a metaphor in a literary text. The article examines the role of anthropomorphic metaphor in the text of the Russian folk riddle. The authors provide psychological grounds for the fact that an inanimate object is often described as animate under the general influence of perception of the surrounding world as animate. Upon a detailed examination of the descriptive part of the riddle, the authors come to the conclusion that often a metaphor is realized by means of a verb and often is transformed into means of indicating the presence of an object in some place or activation at a strictly set time. In addition, often with the help of an anthropomorphic metaphor, the interaction of several objects is emphasized, and the interaction can be either active, that is, assuming the actual performance of actions, or nominal, which implies only the close finding of two hidden objects. The inclusion of an anthropomorphic metaphor makes it possible to introduce hierarchy relations into the description: this is vividly illustrated by the riddles of both smoke and fire, where, thanks to the secondary nomination of denotations, a violation of the logic of fixing events is achieved. In general, the authors emphasize that the anthropomorphic metaphor develops a new perspective of its realization within the framework of the riddle, which is entirely determined by the tasks of the genre.

Keywords: folklore, folk riddle, denotation, metaphor, anthropomorphism.

В последнее время довольно активно разрабатывается вопрос глубинного анализа фольклорных жанров. Под глубинным анализом в данном случае мы понимаем попытку вскрыть взаимосвязь между содержанием, структурой жанра и национально-специфичными особенностями, которые и повлияли на формирование жанра.

В данной связи актуальным видится анализ жанра народной загадки в зеркале логике «наивного» мышления человека, которое часто для описания какого-либо предмета обращалось к метафорическому иносказанию. Обращение к метафоре, на наш взгляд, является вполне обоснованным, поскольку «ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов… дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию, и прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе вхождения от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению» [7]. Представленные размышления В.Н. Телия довольно четко проводят параллель

между наблюдаемыми предметами окружающего мира и особенностями их восприятия, что, безусловно, связано с их образным мышлением древнего человека [2].

О метафоре как способе «нюансировке смысла» писала Н.Д. Арутюнова, выделяя в отдельную группы метафоры, которые призваны создать новый зрительный образ определенного предмета за счет обнаружения его новых, отличительных черт [1].

В.П. Москвин также подчеркивал связь наблюдаемых человеком предметов и создаваемых на основе наблюдения чувственных образов [4]. Мы полагаем, что наличие чувственного восприятия, или «эйдической памяти» (Л.С. Выготский [3]), сыграло немаловажную роль при создании описательной части загадки, поскольку часто в загадке чувствуется удивление, нелогичность наблюдаемого, что представлено в виде эффекта нелогичного следствия, а также является «способом зрительного сближения» [5]. Мы полагаем, что подобные размышления во многом коррелируют с мыслью А.А. Потебни о том, что для любого типа мышления характерно образное восприятие действительности и абстрактных понятий [6].

В русской народной загадке довольно часто встречается антропоморфная метафора, что обусловлено в первую очередь логику древнего человека, согласно которой все неживые предметы имели свою душу, а, следовательно, были одушевленными: «ключевые константы когнитивной теории метафоры «человек» и «окружающий мир» оформляются в виде устойчивой формулы Природа – это человек… Антропоморфная метафора характеризуется высокой степенью информативности, поскольку моделирует представления не только об объектах и явлениях природы, но и самом человеке» [2].

Рассмотрим загадку *Утром смеется, а вечером слезы текут.* (Свеча) [8], где денотат описывается как некий человек, который то смеется, то плачет. Представленная метафора довольно глубокая по своей структуре, поскольку улыбка и слезы – это результат определенных душевных переживаний человека. Однако в рамках загадки не ставится цель передать внутренний образ денотата, поскольку имеется задача описать неживой предмет иносказательно. В таком случае мы задаемся вопросом: что на неживом предмете может напоминать слезы и улыбку? Если мы представим горящую свечу, то поймем, что слезы – это образное описание капель тающего воска. Сложнее, на наш взгляд, обстоит дело с пониманием образа улыбки. По нашему разумению, улыбку напоминает свеча, горевшая некоторое время, а значит, изменившая очертания контура.

Действие *смеется* в рамках народной загадки может указывать на легкую физическую тряску самого денотата: *Дяденька смеется, на нем шубенка трясется (кисель)* [8]. В данном случае, как было отмечено выше, действие смеется не указывает на какие-либо душевные переживания или причину их появления, а всего лишь описывает физическое состояние денотата, а именно тряску. Более того, в данной загадке наблюдается «расчленение» денотата на составляющие части: согласно тексту описания, мы выделяем сам денотат (кисель), а также его верхнюю одежду (шубенку), что, возможно, обозначает пленку на остывшем киселе.

Нередко в загадках актуализируется метафора сна: *Днем спит, ночью глядит; Утром умирает, другой ее сменяет.* (Свеча) [8]. В данной загадке обращает на себя внимание цикл действий, где каждое из приведенных действий имеет иносказательный характер. Так, *спать* в рамках народной загадки понимается как присутствие предмета и одновременно его бездействие; тогда как *глядеть* уже понимается как выполнение определенного действия (в данном случае излучение света); смерть понимается как приход денотата в непригодность, невозможность его использовать (в данном случае мы понимаем, что свеча догорает).

Действие спать может не только обозначать бездействие, но и указывать на средство или место появления денотата: *В камне спал, по железу встал, по дереву пошел, как сокол полетел. (Огонь)* [8]. В анализируемой загадке довольно многогранно показано действие огня. В первую очередь описывается способ его добычи (посредством трения камня о камень или камня о железо); далее включается способность огня молниеносно поражать леса, что стимулируется обращением в типичному фольклорному сравнению *как сокол полетел*. Однако в данном контексте привычно сравнение с положительной коннотацией развивает резко отрицательную коннотацию, которую можно осознать лишь после определения денотата.

Присутствие денотата в определенном месте также реализуется через антропоморфную метафору, причем действие вновь понимается как пассивное: *Сидит на ложке , свесив ножки (лапша)* [8]. Из описания мы понимаем, что денотат находится в ложке и некоторая его часть описывается как ноги человека. Более того, само описание *свесив ножки* бессознательно возбуждает в нашем сознании ассоциации с поведением ребенка, который еще не способен контролировать свое поведение. Здесь можем провести аналогию с поведением денотата: обращение с лапшой, действительно, непредсказуемо, поскольку часто длина изделия часто превышает размеры самой ложки, что и не дает возможно контролировать денотат.

В загадке *В пяти колодчиках сидят пять молодчиков (пальцы в перчатках)* [8] мы вновь встречаем лексему сидеть, которая не указывает на какое-либо активное

действие денотата, поскольку основная информация заключается в количестве предметов и месте их нахождения. Количество загадываемых предметов и место их нахождения обнаруживаем и в загадке *Сто один брат, все в один ряд, вместе вкопаны стоят (изгородь)* [8];

Указание на местонахождения денотата также реализуется посредством антропоморфной метафоры: *Сальная Марфушка под лавкой валяется (блинный подмаз)* [8]. Глагол *валяется* обычно развивает отрицательную коннотацию, но в данном случае она отсутствует, поскольку описание не предполагает развитие оценочного компонента: важно указать лишь место нахождения предмета.

Иногда место нахождения денотата может не называться: *Сижу верхом, не ведаю на ком (шапка)* [8]. Мы полагаем, что подобное описание подчеркивает, что для отгадывания важен не объект действия, а именно образ выполнения действия – *верхом*.

В загадке при помощи антропоморфной метафоры могут вводиться и иные признаки денотата: *Сидит старуха на завалинке. Кто ни пройдет, всяк заплачет (луковица)* [8]; *Стоит поп низок, на нем сто ризок (качан капусты)* [8].

Для народной загадки характерно обращение и к активному действию денотата: *Весь свет обегал, у царя пообедал. Перец* [8]. В данном случае актуализируется экстралингвистическая информация о денотата: в течение длительного времени перец был дорогостоящим предметом, поскольку его перевозка из-за рубежа требовала немалых расходов. Следовательно, позволить себе данный продукт мог лишь обеспеченный человек.

Бег часто может описывать определенное системное движение в рамках определенного устройства: *Четыре сестры бегать шустры одна за другой не догонят ни одной (мотовило)* [8]; *Пять братьев по дороге бегут да сухи; пять братьев под одоньем стоят да мокры (пряжа)* [8]; *Животом трет, ногами прет, где зевнет, там ткнет (тканье)* [Садовников 1876, с.73]. Приведенные загадки иносказательно описывают работу ткацких устройств, которые перестали быть непременным атрибутом быта хозяйки в связи с механизацией описанных процессов. По этой причине создание зрительного образа описываемых предметов становится довольно затруднительным. Мы полагаем, что подобные загадки отличаются особой культурной ценностью, поскольку содержат в себе не только логику наивного восприятия окружающего мира, но закрепляют в себе определенный этап развития этноса. Более того, описываемые предметы ранее служили основой для многих пословиц и иных кратких изречений, которые также перешли пассивный запас именно ввиду утраты прозрачности мотивировки их образования: *Лучше скуповато, чем мотовато; Не виляй мотылем – стой вереей* [9].

Денотат может описываться через действие в течение длительного промежутка времени: *День-деньской скачет, пляшет и на покой идет со мной (зипун)* [8].

В ряде случае в загадке описывается действие некоторого коллектива: *Пятеро держат, да пятеро пихают, двое примечают, ладно ли пихают (нитку вдевают)* [8]; Идет судья в суд, его пятеро несут, туда мертво, а обратно бодро *(нитку вдевают)* [8].

В загадке актуализируются и отношения мужчины и женщины: *Филька повадился к девке (застежка)* [8]; *Толстая Фетинья, сухой Матвей, привалился к ней (печь и голбец)* [8]. В подобных описаниях привлекает внимание наличие двух субъектов действия, которые, согласно тексту загадки, находятся в определенном взаимодействии. Взаимодействие может указывать на активное действие или же на пассивное действие (привалился), которое в контексте загадки просто указывает на близкое расположение двух предметов.

Внешний вид денотата также может передаваться посредством антропоморфной метафоры: *Маленький, горбатенький, в загородке увяз (застежка)* [8];

Особого внимания заслуживают метафоры передвижения, реализованные посредством глаголов *идти*, *бежать*, так, в загадке *По дороге я шел, две дороги нашел, по обеим пошел (штаны)* [8] глагол *идти* вообще не реализует прямого значения.

Глагол прийти указывает на внезапное появление денотата: *Пришел вор во двор, хозяина в окно унес (Ветер и дым)* [8].

В загадке *Хожу на голове, хотя и в сапогах, хожу я босиком, хотя я в сапогах (гвоздь в сапоге)* [8] глагол *ходить* также не несет в себе ключевой смысловой нагрузки, поскольку переходит в значение вспомогательного глагола: основном логическое ударение падает на образ выполнения действия – *босиком, на голове, в сапогах*.

Смещение внимания на место расположения денотата обнаруживаем в загадках *Ходит Хам по лавке, в Хамовой рубашке. Отвори окошко — Хам — за окошко (Дым курной избы)* [8]; *Разошлись все мальчиков в пять чуланчиков (пальцы в перчатках)* [8].

Трансформация предмета часто реализуется при помощи метафоры пройти сквозь/ через землю: *Дрен Дренович, Иван Иванович сквозь землю прошел, на голове огонь пронес (маков цвет)* [8], что вновь указывает на широту охвата глубинных структур метафоры [10].

Описание денотата может осуществляться через обращение к жизненным циклам: *Отец не родился, а сын уж в лес ходит (Огонь и дым)* [8]. Здесь мы вновь обнаруживаем наличие двух денотатов, но между ними уже априорно выстраиваются отношения иерархии. Так, *отец* по логике вещей появляется на свет раньше сына и отличается лучшими физическими способностями. В загадке же мы видим обратную логику появления события: сначала активизируется сын (вторичное действие). Необходимо отметить, что нарушение логики становится возможным именно благодаря вводу вторичной номинации денотата посредством антропоморфной метафоры.

Таким образом, включение антропоморфной метафоры в состав русской народной загадки подчинено определенным задачам жанра. В первую очередь речь идет об описании неживого предмета как живого, что является отражением логики наивного мышления этноса на раннем его развитии. Во-вторых, часто включение метафоры призвано не указать на активное действие, а лишь подчеркнуть место нахождения денотата. В таком случае глаголы сидеть, ходить, валяться, спать утрачивают свое основное значение и переходят в разряд бытийных глаголов. В-третьих, при описании неживого предмета часто актуализируется представление о циклах жизни, а именно рождении и смерти, где смерть понимается как приход денотата в негодность, невозможность его использования. В-четвертых, глаголы *смеется*, *радуется*, *плачет* в рамках народной загадки не имеют цели описать внутреннее состояние денотата, причины его появления, а просто указывают на близость физических состояний указанных действий и поведения денотата или же всего лишь вычленяют отдельные физические явления денотата и проводят параллели с приводимыми состояниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры// Известия академии наук. Серия литературы и языка. 1978. – Т. 37. – №4. – С. 333-343.
2. Бурмакова Е.А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе// Язык и культура. – 2015. – № 3 (31). – С. 28-36.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл, 2005. - 1136 с.
4. Москвин В.П. Метафора: очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
5. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение// Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416-434.
6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высш.шк., 1990.– 344 с.
7. Телия В.Н. Метафора в языке и текста. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
8. Садовников Д.Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб.: Типография А.Лебедева, 1876. – 332 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. - М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. - 700 с.
10. Hester M.B. The meaning of Poetic Metaphor. – The Hague, 1967. – 229 p.

© Файзуллина Найля Ивановна (nelya7@mail.ru), Сюй Жун (xurongsss8@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.39

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ХРОНОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ: М.М. ГОЛУБКОВ «МИУССКАЯ ПЛОЩАДЬ», А.М. ТЕРЕХОВ «КАМЕННЫЙ МОСТ»

Хлебус Марина Александровна
канд. филол. наук, независимый исследователь (Москва), mhlebus@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются модели художественного воплощения категории времени в русской прозе начала XXI века на примере романов Михаила Голубкова «Миусская площадь» (2007) и Александра Терехова «Каменный мост» (2009), где российская история первой половины XX века выступает объектом исследования авторов с точки зрения ценности личного опыта, личного бытия. Проводится сопоставление концепций времени, предложенных авторами в своих произведениях. С опорой на положения представителей философии экзистенциализма анализируется проблематика романов. Рассматривается трехкомпонентная структура хронотопа как основа композиционной организации романов. Обосновывается, что время в анализируемых произведениях является одновременно и конструктивным принципом, и темой, и ядром философско-эстетической проблематики.

Ключевые слова: время, Голубков, Терехов, хронотоп, экзистенциализм.

EXISTENTIAL CHRONOSOPHY IN THE MODERN NOVEL: M. GOLUBKOV "MIUSSKAYA SQUARE", A. TEREKHOV "STONE BRIDGE"

M. Khlebus

Summary: The article analyses two texts of the Russian prose of the early 21st century: Mikhail Golubkov's novel «Miusskaya Square» (2007) and Alexander Terekhov's «Stone Bridge» (2009). It explores the category of time and the modes of its artistic embodiment using the example of the way Russian history of the first half of the 20th century becomes an object of writers' creative interest though the value of an individual experience and existence. The article offers a detailed comparison of the concepts of time proposed by the authors in their corresponding works. Various aspects of these novels are analysed through the prism of existentialist philosophy. The three-component structure of the chronotope is singled out as central to the compositional organization of the novels. It is substantiated that in the given works time performs several functions: that of a constructive principle, of a theme, and of the core of philosophical and aesthetic problems.

Keywords: time, Golubkov, Terekhov, chronotope, existentialism.

Романы М.М. Голубкова «Миусская площадь», А.М. Терехова «Каменный мост» были опубликованы с разницей всего в два года. Тексты представляют собой жанровые варианты исторического нарратива: «Каменный мост» – детектив о современном расследовании реального убийства почти шестидесятилетней давности; «Миусская площадь» – мистическая трилогия с элементами булгаковской дьяволиады. Объединяет столь разные произведения интерес авторов к проблеме времени.

Исследователи уже отмечали значимость концепции времени в романе «Миусская площадь». Так, Д.В. Кротова, анализируя модели интерпретации проблемы времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и М. Голубкова «Миусская площадь», указывает, что проблема времени в «Миусской площади» «выходит на первый план» [4]. Критики неоднозначно отнеслись к роману «Каменный мост» А. Терехова, однако известный отечественный литературовед и критик А. Немзер в обзоре финалистов «Большой книги» отметил роман как полотно, призванное «запечатлеть "дух времени"» [5].

Цель настоящей статьи – рассмотреть феномен времени в романах с разных позиций, но прежде всего в контексте онтологических принципов философии экзистенциализма.

Обращение современных писателей к исторической тематике, ставшее, по мнению Я.В. Солдаткиной, «общим трендом» [7] литературного процесса 2000–2010-х годов (А. Варламов «Мысленный волк» (2014), Л. Улицкая «Лестница Якова» (2015), Е. Водолазкин «Лавр» (2012), «Авиатор» (2016)), а также появление большого корпуса текстов, в которых авторы ставят и решают проблему времени (М. Шишкин «Венерин волос» (2005), «Письмовник» (2010), А. Слаповский «Победительница» (2009), А. Иличевский «Перс» (2010) и др.), определяет **актуальность** данной работы. **Новизна** материала обусловлена недостаточной изученностью рассматриваемых произведений, а также самой постановкой вопроса.

Полагаем, что категория времени играет магистральную роль в обоих романах и осмысливается авторами в следующих аспектах: 1) как тематика произведения; 2)

как сюжетообразующий элемент; 3) как ядро философско-эстетической проблематики.

В центре внимания писателей сложные моменты русской истории XX века, определенные точки бифуркации и, прежде всего, сталинская эпоха. Герой романа «Каменный мост» Александр Васильевич оказывается втянутым в расследование одного из преступлений прошлого. Это убийство дочери советского дипломата Нины Уманской и самоубийство ее одноклассника Володи Шахурина, сына наркома авиационной промышленности. Трагедия произошла летом 1943 года в Москве на Большом Каменном мосту. А в январе 1945 года таинственно погибли родители Нины. Ее отец – посол Константин Уманский вместе с женой совершали перелет из Мексики в Коста-Рику и их самолет потерпел крушение.

Романное время «Миусской площади» охватывает сорокалетие, определяющими в судьбах героев становятся 1933, 1937 и 1953 годы. Члены одной семьи: два брата Константин и Борис Грачевы и их сестра Тоня (каждому отведена отдельная часть) в силу служебных обстоятельств так или иначе причастны к печально известным историческим событиям эпохи. Наиболее показательно категория времени подвергается художественному осмыслению в первой и второй частях трилогии.

Таким образом объект исследования обоих авторов – русская история первой половины XX века. Терехов представляет этот период как эпоху «железных людей», вершивших судьбы народов, и готовых ради своих идеалов жертвовать жизнью не только своей, но и близких. Сталин в романе назван Императором или государем. В романе «Миусская площадь» власть предстает мистической силой онтологического порядка, вторгающейся в судьбы героев. По Голубкову, это тяжелая неповоротливая машина, привыкшая «лишь к безусловному подчинению» [2, с. 262]. В символике власти, партийных ритуалах, показательных карательных процессах героям видится проявление чего-то иррационально, необъяснимого.

Проблематика взаимоотношений личности и истории, человека и власти – главный предмет осмысления М. Голубкова и А. Терехова. Эти отношения прослеживаются с позиции личной вовлеченности героев в ход событий.

Так трилогия «Миусская площадь» начинается с размышлений героя – Константина Алексеевича Грачева, успешного чиновника, советского дипломата, занимающегося контрразведкой, – о смерти и о времени. Теперь, в 1973-м, уже старик, он обладает тайным знанием: «почти точной даты завершения своего земного пути» [2, с. 6]. Именно роковая осведомленность о приближающейся смерти побуждает Константина Алексеевича совершить путешествие как в пространстве (из Черёмушек на Новослободскую), так и во времени («из семьдесят третьего в середину тридцатых, точнее, в тридцать третий»). Цель путешествия – «разорвать толщу четырех десятилетий и приблизиться к моменту обретения того рокового знания, которое помогало раньше, но угнетало сейчас» [2, с. 7].

Блуждая по когда-то родным, а теперь до неузнаваемости изменившимся московским улицам, герой последовательно «воскрешает» события 1933 года. Мысли о приближающейся смерти подталкивают героя к вопросам о своем бытии, к необходимости ощутить уникальность собственной судьбы.

На первых страницах «Каменного моста» Терехов также знакомит читателя со своим героем – Александром Васильевичем (фамилии у него нет), но не дает точного определения его профессиональной деятельности. В начале романа он предстает коллекционером, фотолюбителем, который в конце девяностых зарабатывает на жизнь тем, что торгует игрушечными солдатиками на блошином рынке в Измайлово: «собираю оловянных советских (масштабы 1:35 и 1:48) и продаю – лоток “Солдаты СССР”» [9, с. 7]. Героя Терехова заняться делом Уманского, восстановить историческую правду просит еще один персонаж (барыга): «Дорогой мой, я хочу, чтобы вы туда *отправились*. Надо все поменять» [9, с. 16]. Глагол «отправились» автор выделяет курсивом, акцентируя внимание на том, что герой обладает такой возможностью. Для раскрытия образа героя особенно значимо коллекционирование солдатиков. Исследователь-филолог Н.М. Солнцева в книге «Репутация куклы» отводит этой игрушке отдельную главу и дает следующие определения: 1) «Солдатик – информатор времени, его берут в будущее»; 2) «Солдатики – знаки истории»; 3) «Солдатики – знаки бытия» [8, с. 137] Все три дефиниции коррелируют с идеей Терехова, эксплицируют смысл действий персонажа, его интерес к истории в целом.

Согласно взглядам немецкого экзистенциалиста К. Ясперса, именно история выступает как «онтологическое измерение человеческого бытия, раскрывающееся сквозь время, историчность» [3, с. 65].

По мере развития сюжета «Каменного моста» становится очевидным, что подлинная детективная фабула здесь отсутствует. Все дело в главном герое, который, ощутив кризис среднего возраста, вдруг осознает, что «Осталось так мало жизни. Все слиплось, вот в чем дело. <…> Утерян смысл детских игр, передвижений солдатиков в траве, утеряны новогодние радости, сладкие арбузы, наслаждение телом любимой, сладость звучания собственного имени, теплая тяжесть мокрой рубашки под летним ливнем – мир без интереса смотрит на меня» [9, с. 42]. Александр Васильевич внезапно уразумевает, что впереди безоговорочно и непременно его ждет смерть. Так, в фокусе автора оказываются не столь-

ко исторические, сколько личные, душевные переживания героя. «Книга, в общем, о смерти, запах которой так ощутим на руинах бывшей страны; о том, как вцепляется в человека биологический ужас после утраты всех целей и смыслов» – отметил в рецензии писатель и критик Д. Быков [1].

Герои Терехова и Голубкова находятся в пограничных ситуациях: в состоянии отчаяния, одиночества, тревоги, пребывают перед лицом смерти. Существование человека в таких категориях подробно описывали философы-экзистенциалисты (Н. Бердяев М. Хайдеггер, Л. Шестов, К. Ясперс). Так, по Ясперсу, с погружением в историю «осознается преходящий характер всего. Всему в мире отведено определенное время, и все обречено на гибель» [12, с. 73]. Однако только человек обладает знанием, что должен умереть. Оказываясь перед лицом этой пограничной ситуации, он «познает вечность во времени, историчность как явление бытия, уничтожение времени во времени» [12, с. 73]. Таким образом, осознание истории Александром Васильевичем становится тождественным осознанию вечности.

Категории существования человека в мире (экзистенциалы по Хайдеггеру) могут дифференцироваться на позитивные (любовь, вера, надежда) и отрицательные (страх, одиночество, смерть). Но экзистенция как бытийный базис личности с особой остротой ощущается человеком именно в пограничных ситуациях. Ясперс полагал, что наиболее показательный случай такой ситуации, открывающей конечность экзистенции – это смерть. Хайдеггер считал, что именно страх смерти «уединяет Dasein в его наиболее своем бытии-в-мире» [10, с. 187]. Так, для героев обоих произведений характерно экзистенциальное ощущение смерти, но относятся они к ней по-разному.

Герой Голубкова не боится смерти, он воспринимает ее как то, что ему предстоит, что определенным образом к нему взывает. Тревога, вызванная ожиданием, дает импульс воспоминаниям, делает Грачева зорче к жизни не только настоящей, но и прошлой.

Героя Терехова напротив одолевают страх и одиночество. Он погружается в кровавую эпоху в поисках ответов: что заставляло сотни тысяч людей сознательно «прыгать в могилы» [9, с. 56], как жить со знанием и ощущением смерти. Для Александра Васильевича дело Уманских становится личным делом. Он арендует офис, нанимает штат сотрудников и в течение семи лет расследует обстоятельства трагедии.

Говоря языком Хайдеггера, предстоящая смерть «размыкает» [10, с. 263] существование героев Терехова и Голубкова, дает импульс к путешествию во времени. По Хайдеггеру и Ясперсу, смысл бытия должен раскрываться в горизонте времени.

При этом авторы вводят собственные понятия времени. Так Голубков применяет в романе детерминант «свое время», «родное время» имманентное внутреннему миру героя с его богатством воспоминаний и переживаний: «Господи, что же это за пространство такое – время, по которому мы ползем всю жизнь, теряя самое дорогое? И ползем почему-то в одну сторону? Почему отступить-то нельзя, отползти в родное время, в свое» [2, с. 37].

В романе «Каменный мост» Терехов использует понятие «немОе время» [9, с. 499]. В ходе расследования Александр Васильевич постоянно сталкивается с ситуацией упущенных возможностей (свидетели либо уже умерли, либо впали в беспамятство, либо отказываются говорить). Но он продолжает скрупулезно собирать уже бесполезные улики утраченной или намеренно замалчиваемой действительности.

Размышляя о времени, известный культуролог М. Эпштейн выделяет несколько моделей вечности в ее соотношении ко времени. Возможность перемещаться по времени в любом направлении, его обратимость он определяет как «всевременность» [11, с. 91]

Подобную всевременность мы можем наблюдать в анализируемых романах. Авторами высказывается мысль, что время – это иллюзия и может утратить свое главное свойство – необратимость, оно воспринимается как пространство, по которому можно перемещаться в любых направлениях.

«Родное время» Константина Грачева сосредоточилось в четырехугольнике Миусской площади, в сквере, где сидели с братом на лавочке и делились самым сокровенным, где «дышалось легче» [2, с. 40]. Именно смерть позволяет герою освободиться из плена времени, перейти в свое пространство и свое «подлинное время» [2, с. 93]. У Терехова после начала расследования куда бы ни направлялся Александр Васильевич «ноги сами собой выносили к лестнице Большого Каменного моста» [9, с. 676].

Герои Терехова и Голубкова способны нарушать законы физического мира, экспериментировать с ходом времени. Например, поворачивать время вспять. Для героев Терехова и Голубкова время обратимо: «С прошлым можно сделать абсолютно все» [9, с. 17] – утверждает барыга, заказавший Александру Васильевичу расследование дела Уманских. Помимо привычных розыскных мероприятий: опрашивание оставшихся в живых свидетелей, поиск документов в архивах – Александр Васильевич прибегает к странному методу, позволяющему ему путешествовать в прошлое, то есть оказаться на месте преступления.

Во второй части трилогии «Миусская площадь» Бориса Грачева преследует американец Луис Хард, Люсик, оказавшийся в действительности Люцифером искусителем. Он и формулирует идеологему советской политической системы, основанной на постоянной «трансформации прошедшего» [2, с. 198], объясняя Борису, что время в Советском союзе течет вспять: «Ну сам посуди: сейчас вот арестовали Пятакова. Ты что, и впрямь думаешь, что он враг народа? Да не смеши меня! Такой же прожженный коммунист, как и вы все! Не хуже и не лучше. Никогда никаким вредительством он не занимался. Но сейчас нужно, чтобы в прошлом он был вредителем, создавал не то партии, не то блоки – и эти партии или блоки, которых не было, вдруг возникают – в прошлом! В прошлом! Понимаешь, Борис, прошлое изменяется!» [2, с. 198].

Еще один эксперимент с ходом времени, используемый в качестве приема в обоих романах – его остановка.

В «Миусской площади» мир замер, все застыли, конечно, по команде Люсика: «Ничего страшного ровным счетом не происходит, уверяю тебя! – объясняет Люсик Борису. – Просто мне очень понравилась твоя мысль, что мгновение может длиться больше века, вот я и решил, так сказать, чуть-чуть приостановить мгновение, чтобы нам с тобой побеседовать» [2, с. 224]. У Терехова Александр Васильевич фотографирует женщин. Фотография здесь выступает символической остановкой времени.

Подобную остановку времени, выпадение из времени М. Эпштейн связывает с другой моделью вечности – «вневременностью» [11, с. 91]: «Вечность утверждается как статика в противоположность динамике времени, по сути, как один из моментов времени, застывший навечно» [11, с. 91]. В этом контексте Эпштейн вспоминает о мечте Фауста Гёте: «Остановись, мгновение, ты прекрасно».

Наконец, авторы «отказывают» времени в существовании. В первой части «Миусской площади» один из персонажей (Вальтер фон Штайн) высказывает мысль о том, что время – это «возможно, самая большая иллюзия», «возможно, что времени-то и нет» [2, с. 34]. У Терехова тщательное расследование, произошедшего в 1943 году на Каменном мосту, бесконечный сбор документов, поиск свидетелей, воспроизведение событий в мельчайших подробностях, по минутам – все это дает главному герою иллюзию возможности реконструкции страшного сталинского прошлого и тем самым «реального» присутствия в нем.

Темпоральная структура обоих романов включает и совмещает две модели времени: линейную и циклическую, где последняя является организующей. Ее функция состоит в придании универсальности изображенным событиям, раскрывающим человеческую природу вообще. Романное время «Каменного моста» устроено так, что время расследуемого убийства выстроено с максимальной последовательностью и точностью, а вот время расследования нелинейно и без конца путается (годы подменяются месяцами и днями).

В трилогии «Миусская площадь» также представлены обе модели. Например, в первой части с хронологической точностью выстроены события жизни Константина Алексеевича в 1933 году (секретное задание, встреча с немцем Вальтером фон Штайном, поездка в Берлин, гадание цыганки в кафе в Бресте, миссия в Берлине, посещение представления В. Мессинга, предсказание В. Мессинга, гибель Вальтера, возвращение в Москву). Эти главы перемежаются с размышлениями уже престарелого Константина Алексеевича в 1973 году, в последний день его жизни (герой умирает в зале ожидания Белорусского вокзала). Тем самым возникает и реализуется идея хронотопа «сподручного», по М. Хайдеггеру, человеку, примиряющего его с мирозданием.

Следует отметить, что темп повествования в главах, рассказывающих о путешествии старика в 1973 году, значительно замедлен по сравнению с главами, относящимися к событиям 1933 года. Это обусловлено прежде всего восприятием зрелого персонажа: пространство, окружающий мир представлены созерцательно.

Для романа Терехова на всем протяжении повествования характерен динамичный ритм. В архивные материалы, протоколы допросов, справки, расшифровки интервью с очевидцами и свидетелями событий прошлого буквально вшиты комментарии Александра Васильевича, расследующего дело Уманских в начале 2000-х. А последние сто страниц и вовсе – рефлексия Александра Васильевича.

Можно заключить, что структура хронотопа романов Терехова и Голубкова включает три компонента: современность (события 1973 года у Голубкова и расследование дело Уманских в начале 2000-х у Терехова); историю (сталинская эпоха); вечность (поиск героями истины, гармонии, себя). Трехкомпонентная структура хронотопа становится и основой композиционной организации романов.

При всей схожести в осмыслении феномена времени у Терехова и Голубкова существует и принципиальное различие. Для героя «Каменного моста» время – это средство, метод, с помощью которого он ищет ответы на мучающие его вопросы. В «Миусской площади» для Константина Алексеевича время – есть сама цель. Он разрывает толщу десятилетий, чтобы «вернуться» в 1933 год, в свое «родное» время, где его любили, где он был нужен. Смерть становится таким «возвращением».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что романы

«Миусская площадь» и «Каменный мост» – две модели прошлого, осмысленного сквозь призму современности.

Вместе с тем М. Голубков и А. Терехов на конкретном историческом материале утверждают ценность личного бытия, личного времени, следуя философии экзистенциализма, предпринимают попытку в очередной раз актуализировать вопросы о смысле жизни, личной ответственности и об индивидуальной свободе. Содержание романов сфокусировано на экзистенциальном аспекте времени.

Хотя «Каменный мост» написан в жанре исторического детектива и более 800 страниц текста посвящены расследованию драматического происшествия случившегося на Каменном мосту летом 1943 года, его результатов читатель не узнает. Герои романа Терехова – это персонажи, потерявшие свое время, как сталинская элита, или не нашедшие его вовсе, как главный герой Александр Васильевич. Подтверждение тому – открытый финал у Терехова, то есть невозможность какой-либо внятной развязки. По мнению литературоведа и критика С.П. Оробия, обреченность расследования обусловлена не только самим его предметом или спецификой затрагиваемой эпохи, но прежде всего «страхом перед Хроносом» [6, с. 320]. Эта идея автора коррелирует с мыслью Хайдеггера, который в «Бытии и времени» (1927) связал страх с бесконечной открытостью бытия, вбирающего в себя пугающее богатство возможностей.

В «Миусской площади» герои находят свое время. Время можно предстать в виде карты, на которой «нанесены меты жизни целых государств и просто людей» [2, с. 81]. Время – это пространство, по которому можно перемещаться, как по дачному саду, можно ползти, наконец, вернуться в свое «родное» время.

При этом различии взаимоотношений героев со временем оба художественных текста объединяет сконцентрированность писателей на экзистенциальном феномене времени, на вневременном, вечном по Хайдеггеру и Ясперсу. История в романах проявляется через имманентное восприятия персонажей, помещенных авторами в ситуацию мортальности. Смысл бытия для героев Голубкова и Терехова раскрывается во временном континууме. По-разному осознавая конечность экзистенции, они нарушают физические законы мира, открывают для себя «всевременность», познают время в вечности. Завершая сопоставительный анализ произведений, необходимо отметить, что они сопряжены общностью аксиологии, мироощущения и миропонимания, обусловленных близостью экзистенциальной хронософии авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков Дмитрий. Книга номера. Что читать. 2009; № 3. [Электронный ресурс]. – https://chch-magazine.livejournal.com/6551.html
2. Голубков М.М. Миусская площадь. Трем поколениям москвичей посвящается…: роман-триптих. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 399 с.
3. Квятковский Д.О. Онтологические основы в философии экзистенциализма. Вестник Омского университета. 2016; № 1: 63-67.
4. Кротова Д.В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017; № 4: 96—105.
5. Немзер А. Большая книга вышла на финишную прямую. Время новостей. 2009; 30 ноября. [Электронный ресурс]. – http://www.vremya.ru/2009/90/10/229899.html
6. Оробий С.П. Матрица современности: генезис Русского романа 2000-х гг. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. – 360 с.
7. Солдаткина Я.В. Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000—2010-х гг. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017; Т. 22, № 1: 47—54.
8. Солнцева Н.М. Репутация куклы. Москва: Водолей, 2017. – 176 с.
9. Терехов А.М. Каменный мост. Москва: АСТ, 2013. – 830 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В. Бибихина. М: Ad marginem, 1997. – 447 с.
11. Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду. Москва: КоЛибри, Азбука-Атикус, 2022. – 720 с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Перевод с нем. Москва: Политиздат, 1991. – 527 с.

© Хлебус Марина Александровна (mhlebus@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.40

ГРАДУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ С ИМЕНАМИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ

GRADUAL VALUE IN RUSSIAN PAREMIA WITH NUMBERS

Zhao Nan

Summary: The article presents the results of the discussion of the lingocultural and connotative potential of Russian proverbs containing a numeral component in their composition. Taking into account the aspect of gradualness, which is reflected in Russian proverbs and sayings with a numeral component, the author gives a lingocultural commentary that allows us to understand the attitude of the speakers of Russian lingoculture to certain figures and numbers.

Keywords: Russian proverb, proverbs and sayings with a numeral component, linguistic and cultural analysis, connotative potential of a proverb, gradual meaning.

Чжао Нань
Кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков Цилиньского Педагогического университета
Nanzhao411@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты обсуждения лингокультурного и коннотативного потенциала русских паремий, содержащих в своём составе компонент-числительное. Принимая во внимание аспект градуальности, который находит отражение в русских пословицах и поговорках с компонентом-числительным, автор даёт лингокультурный комментарий, который позволяет понять отношение носителей русской лингокультуры к тем или иным цифрам и числам.

Ключевые слова: русские паремии, пословицы и поговорки с компонентом-числительным, лингокультурный анализ, коннотативный потенциал пословицы, градуальное значение.

Изучение паремиологического фонда языков находится в центре внимания современных исследователей, поскольку позволяет установить лакунарные области национальных картин мира. На сегодняшний день накоплен существенный опыт в изучении русского пармемиологического фонда. Лингвисты сосредотачивают внимание на анализе паремий, включающий такие компоненты, как наименования водоемов [1], номинации профессий [3], значительное число работ посещено изучению отражения моральных установок представителей того или иного лингокультурного сообщества [4; 5].

Однако, как показал обзор научной литературы, исследователи не уделяют внимания такой области как категория числа и ее отражение в языке. Числа являются своего рода культурой, отражающей особые обычаи и социальный менталитет страны и народа, и имеют богатое символическое значение [6]. В русском языке существует большое количество фразеологизмов и пословиц с числами. Будучи языковой универсалией, категория измерения, может многое сказать о национальных чертах той или иной культуры, а также содержать сведения об уникальном пути исторического развития этноса. В связи с этим представляется актуальным заострить внимание на выражении градуальности значения в русских паремиях с компонентом-числительным. **Цель** работы – установление культурно-маркированного значения в русских паремиях с компонентом-числительном в аспекте реализации его градуального значения. **Методы** работы: систематизация, обобщение, лингвокультурный анализ, описание, интерпретация, этимологический анализ. Материалом исследования послужили паремии русского языка с компонентом-числительным, отобранные из словарей (Васильева Б.Н. Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов. – М.: КДУ, 2019; Мокиенко В.М., Мелерович А.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: АСТ).

Определим границы значения градуальности в контексте данного исследования. В самом общем значении градуальность понимается как движение или изменение в небольших количествах, т.е. то, что происходит медленно в течение длительного периода времени.

Говоря о цифрах в составе русских паремий, отметим, что цифровой культурный феномен или семантическая коннотация чисел охватывают широкий спектр областей, содержат глубокие культурные коннотации, имеют большие национальные различия, продолжают развиваться, обогащаться и обновляться с течением времени, занимая очень важное место в межкультурном общении.

В реальной жизни, когда люди используют числа, они часто наделяют их многими неколичественными значениями, то есть многие числа намного превосходят свое количественное значение в вербальном общении. У разных народов и стран или регионов есть свои привычные числа или числа, называемые предпочтениями и антипатиями, которые подразумевают особые культурные обычаи нации и страны и отражают уникальный социальный и культурный менталитет.

В русских паремиях фиксируются различные числа. В рамках данной статьи мы разберем некоторые примеры.

Обещанного три года ждут.

Третий – лишний.

Согнуться в три погибели.

В русской лингвокультуре большое предпочтение отдается цифре 3 [6]. Если проследить причины, по которым русские предпочитают число 3, можно сделать вывод, что оно имеет тесную связь с христианской и греческой культурой. Большинство жителей России верят в Православную церковь, которая является одной из трех основных христианских конфессий. Древние греки предпочитали число 3 и числа, кратные 3, в то время как в христианской культуре число 3 и число 12 встречаются очень часто.

В некоторых этнических рассказах число 3 используется для того, чтобы выразить процесс от начала до конца, что отражает градуальность события:

Три дня и три ночи.

Данная поговорка выражает смысл деятельности процесса, который, как правило, имеет положительный исход, что свидетельствует о том, что в сознании носителей русской лингвокультуры число 3 имеет положительные конннтатции. Подтверждение этому можно найти в следующем примере:

Три сына, а сам в силе.

Градуальность прослеживается следующей поговорке:

Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени – три дня.

Несмотря на то, что в пословице с противопоставлением используется одно и то же число, в ней все же присутствует градуальность, которая выражается на лексическом уроне за счет оппозиции «год – день».

Рассмотрим следующий пример:

Семь раз отмерь, один отрежь.

7 – очень благоприятное число в сознании носителей русской лингвокультуры, означающее счастье, успех, богатство. Градуальность в данной паремии идет большего к меньшему. В русской культуре число 7 часто используется для обозначения большинства. Число 7 в древности считалось магическим, древние вавилоняне делили 28 дней января на семь отрезков, по 7 дней в каждом. Поэтому широкое употребление русскими числа 7 является общекультурным явлением и ассоциируется с правильностью, нормой.

Христиане верят, что небо разделено на 7 слоев, которые состоят из чистого серебра, чистого золота, жемчуга, платины, серебра, рубинов и недостижимого святого света. Это верование восходит к религиозному представлению о том, что Бог сотворил мир за 6 дней и на 7 день отдыхал. В виду этого, цифра 7 наделяется особым коннотативным и магическим значением.

В русском языке число 7 по произношению созвучно с лексемой «семья». Несмотря на то, что славянское слово «семья» этимологически восходит к древнему корню *tḱey- «селиться, устраиваться на ночлег», представители русской лингвокультуры любят также шутливую трактовку этого слова – Семь + Я, что подчёркивает значимость семьи, как опоры в русском обществе.

Сорок лет – бабий век.

На одной заплате сорок дырок.

В приведенных выше паремиях можно отметить как восходящую (от меньшего к большему – первая паремия), так и нисходящую (от меньшего к большему) градуальность, при этом число 40 имеет значение бесконечного множества по отношению к цифре 1, которая является символом незначительности.

Если 7 в русском национальном сознании имеет положительное коннотативное значение, то 13 – резко отрицательное. Людям нравится связывать числа с совпадениями, и со временем сформировался обычай числовых табу. Для россиян 13 является несчастливым числом, если 13 число выпадает на пятницу, оно считается крайне несчастливым, и его называют «черной пятницей». Также можно проследить негативное отношение к числу 13 и в других паремиях:

Тринадцатый за стол не садится.

Повадилась ворона – тринадцать раз прилетит.

Если говорить о других числах, которые имеют символьное значение, то можно отметить 40. Русский народ часто использует число 40, оно фигурирует в народных сказках и используется для обозначения абстрактного большинства (*Сидела сорок лет, высидела сорок реп, да и тех нет*).

Существует народная легенда о том, что 30 воинов сражались против 40 королей, 40 императоров и наследных принцев, и у каждого короля, императора и наследного принца было по 40 000 солдат. Фактически это означает, что каждому воину приходится иметь дело с бесчисленным количеством врагов. Это традиционная техника ретуши, в которой для выражения преувеличения используются цифры. Градуальность в данном аспекте используется для демонстрации бесчисленности.

Особую коннотацию приобретает число 40 и в русском религиозном дискурсе, оно напрямую связано с христианством. Например, в «Библии» упоминается, что потоп заливал 40 дней и ночей, 40 лет скитались израильтяне в дикой природе, а 40-дневный промежуток между воскресением Христа и вознесением составлял 40 дней. Говорят,

что Иисус медитировал в безбрачии 40 дней.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сознании носителей русской лингвокультуры разные цифры и числа получали свое уникальное осмысление и трактовались, как негативно, так и положительно. Градуальность значения, которая прослеживается в русских паремиях с компонентом-числительным служит тому, чтобы показать разные стороны одного и того же явления и дать ему оценку, а также тому, чтобы показать длительность процесса. Вербализуясь в составе пословиц и поговорок, цифры и числа являются носителями национальной культуры и в той или иной степени отражают особенности исторического развития народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева Е.Н. Семантическая структура и структурно-семантическая моделированность фразеологических единиц с компонентами-наименованиями воды и водоёмов в современном русском языке: дис. … к.ф.н. – Кострома, 2015. – 222 с.
2. Ван М., Ростова Е.Г. Число «один» в русской и китайской лингвокультурах // В мире русского языка и русской культуры. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. С. 37–38.
3. Галявиева Л.Ш. Фразеологические единицы с компонентом – наименованием лица по профессии в английском и русском языках: дис. … к.ф.н. – Казань, 2018. – 214 с.
4. Кириллова Н.Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 129–140.
5. Лиин Юань Русские пословицы о воспитанности/ невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): дис. …. к.ф.н. – СПб, 2016. – 241 с.
6. Чжан Ц., Чжан Х. Числительное в пословицах и поговорках в русском, английском и китайском языках. Новосибирск, 2021. 82 с.

© Чжао Нань (Nanzhao411@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт иностранных языков Цзилиньского Педагогического университета

DOI 10.37882/2223-2982.2022.12-3.41

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В НЕМЕЦКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ 30-40-Х ГОДОВ 20 ВЕКА

HISTORY AND MODERNITY IN THE GERMAN HISTORICAL NOVEL OF THE 1930S AND 1940S

L. Chistyakova

Summary: The appeal to the historical genre of German writers of the 30s and 40s was an undoubted reaction to the fascist dictatorship and the first understanding of the tragedy that befell Germany. The article shows various directions within the genre: from creating the image of a «positive» leader of the state and depicting the country's development prospects from humanistic positions to the satirical exposure of an outstanding historical figure and the idea of heroism.

Keywords: historical novel, historical personality, positive example, satirical exposure.

Чистякова Людмила Александровна
кандидат филологических наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
luchis@mail.ru

Аннотация: **Обращение к историческому жанру немецких писателей** 30-40-х годов было несомненной реакцией на фашистскую диктатуру и первым осмыслением трагедии, постигшей Германию. В статье показаны различные направления в рамках жанра: от создания образа «положительного» лидера государства и изображения перспективы развития страны с гуманистических позиций до сатирического разоблачения выдающейся исторической личности и идеи героизма.

Ключевые слова: исторический роман, историческая личность, положительный пример, сатирическое разоблачение.

В 30-40-е годы XX века исторический роман был наиболее актуальным, но и самым обсуждаемым жанром немецкий литературы. Он достигает высоты философского исследования мира: в нем рассматриваются фундаментальные вопросы мировой и национальной истории, судеб целой нации и отдельной личности, отношения к национальным движениям и революционным течениям. С одной стороны, популярность исторического жанра в Веймарской республике, позже среди авторов «внутренней эмиграции» и тех, кто покинул Германию после прихода Гитлера к власти и стал представителем так называемой «литературы изгнания», свидетельствует о том, что сохраняется устоявшаяся литературная традиция, не претерпевшая принципиальных изменений. С другой, обращение к истории ради самой истории, безотносительно к настоящему или возможному будущему, рассматривалось как бегство, отступление, капитуляция перед врагом. На съезде писателей «Защита культуры от войны и фашизма» в Париже в 1935 французский писатель Жан Ришар Блок высказывает следующую мысль: «Роль писателя-борца за свободу не в том, чтобы писать историю, а творить историю» [9, 533].

В период с 1935 по 1939 год появляется целый ряд серьезных теоретических трудов, посвященных историческому роману: Альфред Деблин «Исторический роман и мы» (1936), Леон Фейхтвангер «О смысле и бессмыслице исторического романа» (1935), Георг Лукач «Исторический роман» (1938), Генрих Манн «Формирование и учение» (1939), Людвиг Маркузе «Обвинение в побеге» (1936).

Марксистская литературная критика, главным образом, в лице венгерского литературоведа Георга Лукача подчеркивала, что борьбу с национал-социализмом надо вести и за прошлое, т.е. в области истории, потому что национал-социализм пытается завладеть и историей, рассматривая прогрессивные традиции прошлого как культурное разложение или, наоборот, усматривая в некоторых деятелях культуры своих провозвестников. От антифашистского исторического романа требовалось, вырвать прошлое из рук врага и обратить против него. По словам Лукача, значение антифашистского исторического романа заключается не столько в идеологической направленности, сколько в его реалистичности, в изображении представителей прогрессивных идей и народных предводителей в ярких и конкретных образах великих исторических личностей. Исторический роман выполняет свою миссию, создавая «гуманистический тип человека, социальная победа которого в то же время означает общественную и политическую победу над фашизмом». В эссе «Исторический роман» (1938). Лукач приходит к выводу: «Уход от современной проблематики может стать способом ее нового развития».

Генрих Манн описывает жизненный путь «положительного» правителя, короля Генриха IV (1553-1610), который положил конец религиозным войнам, объединил Францию и установил мир. В начале работы над романом интерес для автора представляет не столько фигура самого короля, сколько противостоящие ему силы: католическая Испания, Габсбурги, католицизм времен гражданской войны во Франции. Но с течением времени, на-

чиная с 1933 года, концепция произведения меняется: центральным становится образ «доброго короля», который сумел объединить в своем правлении дух и деяние (Geist und Tat) и явил пример воинствующего гуманизма.

Генрих Манн в значительной степени избегает прямой, исторически необоснованной проекции современных ему событий на давно минувшие факты, хотя действующая в романе террористическая организация Лига вполне могла быть изображена по образцу нацистских формирований, а в описании ее лидеров явно проступают черты гитлеровской верхушки. Однако Генрих Манн не стремился провести параллель с фашистской Германией и исторически проиллюстрировать настоящее. Он выходит за рамки метода простого создания аналогий и поверхностного обновления прошлого, нередко применяемого в историческом романе писателей, находившихся в изгнании.

Особенно ярко это проявляется в романе Лиона Фейхтвангера «Лже-Нерон» (1936), где современность представлена в историческом костюме Древнего Рима. Герой романа Теренций выдает себя за якобы еще живого императора. Самозванец создан по образцу Гитлера – он представлен как марионетка в руках могущественных вдохновителей, которые остаются на заднем плане. История является здесь не предметом повествования, а настоящей сатиры: Гитлер объявлен привлекательным выскочкой, и его притязания на господство ничтожны и нелепы. Фейхтвангер отмечал, что автор, отодвигает от себя современность и рассматривает на расстоянии, чтобы отчетливее ее увидеть. «Он берется за историю не ради самой истории: исторический костюм является для него средством стилизации, приемом, позволяющим наиболее просто усилить иллюзию реальности. Тем самым автор принуждает себя и читателя отодвинуться от предмета, не разглядывая в нем мелких деталей, но обозрить его целиком и увидеть современность в дальнейшей перспективе» [8, 636].

Напротив, Генрих Манн создает альтернативу настоящему, которая указывает путь в будущее. Поэтически воссозданный, исходящий не из свободной фантазии писателя, а исторически достоверный образ грядущей эпохи должен стать, по замыслу Генриха Манна, примером для нынешних политических действий.

«Мы всегда будем соотносить историческую фигуру с нашим веком, в противном случае она была бы в лучшем случае красивым портретом, способным увлечь нас, но при этом оставаться чужой. Нет, историческая фигура в наших руках, хотим мы того или нет, станет нашим реальным переживанием, она будет не только означать, но и быть тем, что эпоха порождает или, к сожалению, не порождает. С болью мы будем показывать этот образ тем, кто живет с нами: посмотрите на этот пример. И поскольку когда-то этот пример был подан, и историческая фигура жила и действовала, мы имеем право набраться смелости и сообщить об этом другим»[9,637].

В Генрихе IV автор демонстрирует историческую убедительность действий, руководимых идеями гуманности, индивидуальной свободы, сопереживания. В образе Генриха мы видим яркого и деятельного гуманиста, в период правления которого впервые в истории приобретает значение земное счастье простого человека, Генрих понимает, что реализация его гуманистических идей отвечает интересам народа, и в этом понимании заключается морально-интеллектуальная легитимность его королевской власти. Он готов помочь народу, и это помогает ему в борьбе за власть и в осуществлении своей политики. Таким образом он завоевывает доверие народа, который признает в короле защитника своих интересов. Проницательность и сила Генриха лежат в основе его связи с народом. Это, прежде всего, дает ему возможность осознать гуманность как глубочайшее стремление народа и обеспечивает прочность и длительность его власти. Однако путь к совершенству (Vollendung), по которому Генрих идет вместе со своим народом, никогда не бывает завершен, но всегда осуществляется заново в постоянной борьбе. Убийство Генриха – яркое тому свидетельство.

В финале романа автор отчетливо прорисовывает перспективу будущего, одновременно выражая к нему свое отношение: в заключительной речи «с высоты облака» Генрих обращается к потомкам и поручает им продолжить начатое им дело. Генрих Манн стремился не к достоверной реконструкции прошлого, а к тому, чтобы сделать историю доступной и полезной для настоящего. Он использовал легенду, связанную с личностью короля, особенно популярную в 18 веке во Франции: „le bon roi Henri“ как просветитель, борец за права человека, предтеча французской революции.

Роман о правлении в ранний абсолютистский период короля впитывает в себя прогрессивные взгляды эпохи гражданской эмансипации и обращается к современности.

Противоположную концепцию - сатирического разоблачения всемирно известной исторической личности использует в своем творчестве Бертольт Брехт. В то время, как Генрих Манн создает положительный пример исторического величия, сознательно включив в него легендарно-преображающие предания, Бертольд Брехт, напротив, стремится лишить историческую личность ее легендарных черт на примере Цезаря и в принципе разоблачить понятие героического как вымысел. Основной проблематикой произведения становится само историческое повествование: Брехт в корне сомневается в том, что история доступна для повествователя, его творческого воображения. Авторскому целостному

видению мира художественного произведения Брехт противопоставляет различные частичные перспективы и делает процесс приближения к исторической реальности, выходящей за рамки «легенды, которая все затуманила», центральной темой.

Молодой римский адвокат рассказывает от первого лица о своем намерении написать биографию великого политика «и недосягаемого образца для подражания» для всех диктаторов спустя двадцать лет после смерти Цезаря. Однако, запланированное не сбывается. Задуманная как героическая биография опровергается перед лицом разочаровывающей реальности, которая вырисовывается в свидетельских показаниях. Расследование приводит биографа к бывшему судебному приставу банкиру Цезаря Мумлию Спицеру, который передает ему дневники секретаря диктатора Рара. В отчетах и записях Рара Цезарь предстает как недобросовестный и коррумпированный карьерист, занимающийся политикой, чтобы отстаивать свои коммерческие частные интересы за спиной эксплуатируемых.

Перспектива свидетельских показаний, особенно взгляд «снизу», характерный для записей раба Рара, развенчивает историческое величие и приводит к сатирическому разоблачению великой личности, по сути тривиальной и мелочной. Это разоблачение носит обобщающий характер и нацелено в равной степени и на Гитлера, который окружает себя нимбом исторического величия. Более того, роман Брехта вызывает недоверие к любому гармоничному, скрывающему противоречия изображению исторической реальности, и представляет собой руководство по критическому осмыслению прошлой и настоящей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаменская Г.Н. Генрих Манн: критико-биографический очерк. М.: Знание, 1991. 284 с.
2. Зубарева К.А. Генрих Манн и прогрессивные традиции немецкой и мировой литературы. Омск, 2002. 279 с.
3. Лукач Г. Исторический роман [Электронный ресурс] //Литературный критик. Москва. 1937 URL: https://moreknig.org/gumanitarnye-nauki/filosofiya/114863-istoricheskiy-roman.html (дата обращения: 15.11.2022).
4. Манн Г. Собрание соч.: в 8 т. М.: Знание, 1957-1958.
5. Павлова Н.С. Типология немецкого романа. 190 -1945. М.: Наука, 1992. 291 с.
6. Серебров Н.Н. Генрих Манн: Очерк творческого пути. М.: Наука, 1984. 265 с.
7. Стеквашов Е. Генрих Манн. М.: Мысль, 2001. 154 с.
8. Фейхтвангер Л. Мощь и границы исторической художественной литературы // Фейхтвангер Л. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.: Худож. лит., 1991. Т.6Кн.1.767с.
9. Epochen der deutschen Literatur. Gesamtausgabe. ErnstKlett Schulbuchverlag GmbH, Stuttgart, 1989.787p.
10. Mann H. Ein Zeitalter wird besichtigt [Электронный ресурс]URL:https://www.projektgutenberg.org/mannh/zeitalt/zeitalt.html (дата обращения: 14.11.2022).

© Чистякова Людмила Александровна (luchis@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abaeva F. – Candidate of philological sciences, senior researche, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – Branch of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

Abdina R. – Cand. of Sciences (Philology), Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History

Abroskina N. – Senior lecturer, Bunin Yelets State University

Aidagulova A. – candidate of pedagogical sciences, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Antipov O. – Candidate of Biological Sciences, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Arkhipova S. – Ph.D., Associate Professor, M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Asanova Z. – PhD (Philology), Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol

Belenov N. – Candidate of pedagogical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education

Bobkova O. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Bogdanova N. – Candidate of Historical Science, Associate Professor, RUDN University (Moscow, Russia)

Borisova Ya. – Master's student, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (Saransk)

Britaeva A. – candidate of philological sciences, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz)

Chistyakova L. – Candidate of Sciences (Philology), Bunin Elets State University

Ekimov M. – Postgraduate student, Cherepovets State University (ChSU), Cherepovets, Russia

Our authors

Fayzullina N. – Doctor of Philology, Kazan (Volga Region) Federal University

Gamajunova A. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Grishina O. – Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk

Guan Junbo – Postgraduate student, St. Petersburg State University

Khairullin R. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Kazan State University of Architecture and Engineering

Khlebus M. – Cand. of Sciences (Philology), independent researcher (Moscow)

Klyushina A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education

Kobyakova N. – teacher of Russian language and literature School № 16 (Sarov city)

Lavrentieva M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University, Saransk

Lavristscheva E. – Ph.D. in Philology, Bunin Yelets State University

Lazutkina O. – Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev (Saransk)

Lelchitsky I. – Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Pedagogical Education and Social Technologies, Tver State University

Liu Aihua – graduate student, The Pushkin State Russian Language Institute

Liu Yichao – Graduate student, National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

Lvova A. – English teacher, school №2, Dobrinka village Lipetsk region

Ma Jingyang – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Mamiev M. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archeology RSO-Alania (Vladikavkaz)

Medvedeva E. – Tutor at Foreign Language Department National Research University Higher School of Economics

Morgunova O. – Candidate of Science (Philology), Ural state medical university (Yekaterinburg)

Pakus V. – Postgraduate student, Southern Federal University

Patov N. – Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Limited Liability Company "Publishing House "Vocational Education", Executive Director

Sadovnikova I. – Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yakutsk

Samsitova L. – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan

Samsonova E. – Candidate of Philology Sciences, Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (Yakutsk)

Sattsaev E. – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies named after V.I. Abayev, branch of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Scientific Center "Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Solntseva E. – Candidate of Philological Science, Associate Professor, RUDN University (Moscow, Russia)

Solovyov S. – The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Novosibirsk region, Novosibirsk

Sukhanova E. – Ph.D., Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Surkov A. – candidate of pedagogical sciences, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Tuguzbayeva O. – candidate of philological sciences, associate professor, Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla

Tumanina N. – additional education teacher, Kazan Suvorov Military School of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Vinogradova O. – PhD in Pedagogy "Linguastart" Center of Foreign Languages Study

Voloshinova A. – Senior Lecturer, Higher School of Media Communications and Public Relations of Peter the Great SPbPU

Voloshinova T. – Ph.D., Associate Professor, Higher School of Media Communications and Public Relations of Peter the Great SPbPU

Wang Ran – Phd student, Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow

Wang Xinyuan – Teacher, The Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University

Xu Rong – postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University

Zakirova E. – Doctor of Philology, Professor Moscow State Linguistic University

Zhao Nan – PhD in Philology, Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Jilin Normal University

Zolotkova E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University, Saransk\

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).